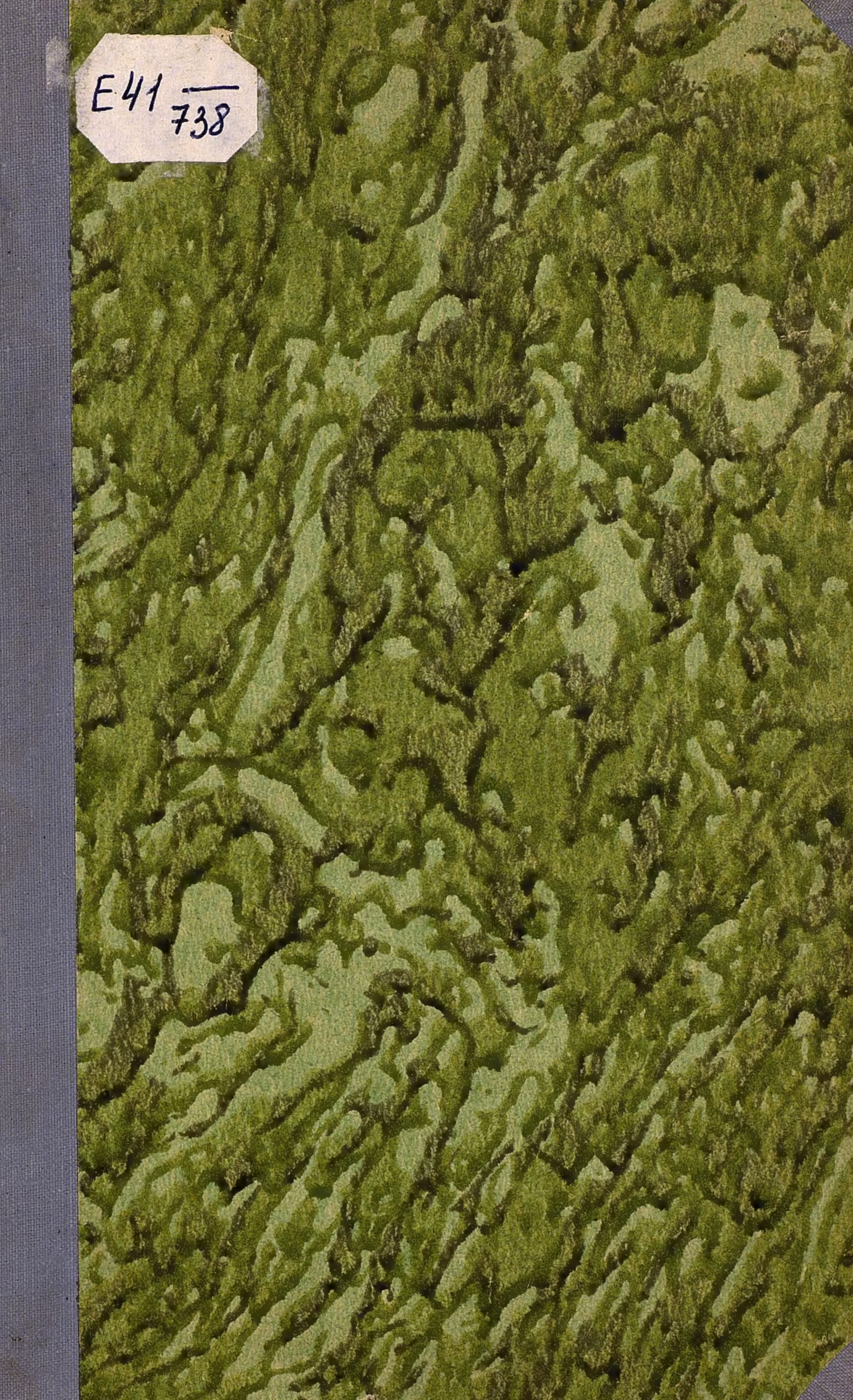

П. ГОРИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТОВ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

1905

ИЗДАНИЕ
КОММУН. У-ТА им. Я. СВЕРДЛОВА
МОСКВА 1925

И. Маркузь.

1969

П. ГОРИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТОВ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ в 1905 г.

Издание Коммунистического Ун-та
им. Я. М. СВЕРДЛОВА. МОСКВА—1925.

Отпечатано во II-й типографии 1-й Артшколы
г. Ленинград.
Гублит № 4.914. Тираж 10.000.—20 л.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящие «Очерки по истории Советов Р. Д. в 1905 г.» выросли из работы в семинарии т. М. Н. Покровского в Институте Красной Профессуры. Уже тогда знакомство с материалами обратило внимание автора на то, что роль Советов 1905 года не только в полной мере не выявлена в литературе, но кроме того значительно искажена историками-меньшевиками. Восстановить действительное положение Советов в революции, ознакомив читателя с новыми материалами о Советах, стало тем более необходимым, что в текущем году мы переживаем двадцатилетие первой революции, ценнейшим завоеванием которой явились Советы Р. Д.

Очерками по истории Советов Р. Д. автор думает до некоторой степени заполнить пробел в литературе. Еще в рукописи «Очерки по истории Советов» были внимательно просмотрены М. Н. Покровским, давшим ряд ценных указаний, за что приношу ему искреннюю благодарность.

Также приношу большую благодарность и тт. М. Н. Лядову и С. А. Пионтковскому, помогшим автору в его работе.

Москва. 8 апреля 1925 г.

П. Горин.

ВВЕДЕНИЕ.

К родословной Советов Рабочих Депутатов.

Вопрос о первом Совете Рабочих Депутатов, как широкой боевой организации, подготовлявшей вооруженное восстание, занимает в нашей исторической литературе спорное положение. Этот вопрос, кажущийся на первый взгляд простым и схоластичным, при более внимательном отношении приобретает характер, не лишенный методологического значения и принципиальности, так как отождествление Советов Рабочих Депутатов с существовавшими ранее рабочими организациями—стачечными комитетами, профессиональными союзами и т. п. принижает их роль в революции 1905 года.

Причиной такого смешения являлась отчасти недостаточность фактического материала. Что же касается некоторых авторов из буржуазно-меньшевиствующего лагеря, то они сознательно принижают роль Советов, оценивая их как органы самоуправления, тем самым они как бы желают «оправдаться» перед историей в своем взгляде на буржуазный характер нашей революции 1905 года. Опубликованный ряд новых документов, мемуаров и архивных материалов проливает иной свет на Советы, представляя возможность большей об'ективности в их оценке.

К числу спорных вопросов следует отнести также и взгляд т. Бабахана*), устанавливающий преемственность Ленинградского Совета Рабочих Депутатов даже... от гапоновских организаций. «Без сомнения—говорит Бабахан—что первыми предметными уроками в этом направлении нужно признать знаменитые зубатовские общества, созданные и т. п...

*) Н. Бабахан. Советы 1905 г. Изд. «Моск. Рабочий» 1923 г.

В Москве существовал «Совет депутатов типо-литографских рабочих». На Обуховском заводе еще в 1904 году существовал институт депутатов от рабочих».

Почему, именно, с зубатовских обществ пролетариат получает предметные уроки организаций, а не ранее — для нас совсем непонятно. Ведь если говорить о выборах рабочими депутатов для переговоров с хозяевами, то мы найдем таких депутатов и до создания зубатовских обществ. Бесспорно, что все предшествующее рабочее движение нащупывало организационные формы, в которые оно могло бы вылиться, и в этом смысле создание Советов Р. Д. конца 1905 г. явилось результатом всего предшествующего рабочего движения. Но тов. Бабахан, видимо, вопрос ставит не так. Он ищет преемственности не по существу, а по формальной терминологии слова «Совет», не входя при этом в сущность организаций, прикрывавшихся этим словом. Поступать так—значит поступать неосторожно.

Чем характерны ранее возникавшие массовые рабочие организации? В большинстве случаев они являлись посредниками в конфликтах рабочих с предпринимателями, занимались преимущественно борьбой за мелкие экономические улучшения. В лучшем случае эти организации были стачечными комитетами, умело руководившими экономическими стачками, были «организациями в пролетариате, их непосредственная цель—борьба за влияние на массы». Ленинградский же Совет Рабочих Депутатов—детище всероссийской политической забастовки в октябре—сразу сложился в организацию пролетариата, поставив своей целью — «борьбу за революционную власть». Никто, к счастью, кроме т. Бабахана, не выводит преемственность Совета из зубатовских организаций.

Более спорным и заслуживающим внимания является утверждение, что первым Советом Рабочих Депутатов был не Ленинградский, а Иваново-Вознесенский Совет Рабочих Депутатов, возникший в мае 1905 года. Поскольку к такой точке зрения склоняется ряд историков Советов 1905 года, на нем не мешает остановиться подробнее. Но прежде, чем вообще переходить к рассмотрению деятельности Иваново-Вознесенского Совета, необходимо условиться, чем вообще

характерны Советы Рабочих Депутатов в 1905 году, какова их революционная роль и заслуги, являлись ли они прообразом пролетарской диктатуры?

Уже в ноябре 1905 года, в статье «Социализм и анархизм», тов. Ленин, останавливаясь на факте отказа Исполнительного Комитета допустить в состав Совета анархистов, говорил: «Мы считаем решение Исполнительного Комитета в высшей степени правильным шагом, имеющим громадное принципиальное и практически-политическое значение. Конечно, если рассматривать Совет Рабочих Депутатов, как парламент рабочих или как орган самоуправления пролетариата, тогда отказ допустить анархистов был бы неправилен... Решение Исполнительного Комитета кажется нам вполне правильным и нисколько не противоречащим задачам этого учреждения, его характеру и составу. Совет Рабочих Депутатов — не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще, не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей». А затем, позднее, уже в 1906 году, в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии», полемизируя с Бланком, т. Ленин отмечал, что Советы «были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании... Это были несомненно зародыши нового народного или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа».

Был ли Иваново-Вознесенский Совет Рабочих Депутатов широкой боевой организацией, подготовлявшей вооруженное восстание и стремившейся стать органом власти? Деятельность Иваново-Вознесенского Совета будет понятной, если мы выясним причины и характер знаменитой стачки русских манчестерцев летом 1905 года—стачки, обратившей на себя взоры русской рабочей массы и заставившей содрогнуться буржуазию.

К 1905 году Иваново-Вознесенск был крупным пролетарским городом, насчитывающим более 60 тысяч рабочих. «Русский Манчестер» по своему характеру и укладу жизни отличался от других русских городов. Капитализм наложил на него свой суровый отпечаток. В центре Иваново-Вознесенска—богатейшие магазины, дворцы буржуазии, чистые

асфальтовые улицы для рысаков, банки и клубы буржуазии, разукрашенные художниками; на окраинах же—свой, чуждый центру, мир: море грязи, пропитанный гарью и ядовитыми испарениями воздух, искривленные домишки и мрачные казармы, похожие на тюрьмы, в каменных мешках которых томились тысячи рабочих. Жизнь рабочего дополнялась установленным неусыпным надзором хозяйских церберов. Рабочий день продолжался $11^1/_2$ часов, в ужасной атмосферс, в помещениях без вентиляции, при непрерывной грубой брани...

Уже 1-го мая Иваново-Вознесенские рабочие провели свой праздник труда, на котором много говорилось об ухудшении экономического положения текстильщиков: на фабриках прибегали к сокращениям, процветали сверхурочные, рост безработицы усиливался, и штрафы стали излюбленной мерой фабрикантов. Заработная плата снизилась до 7 руб. 50 к. в месяц, так что рабочие даже по праздникам не могли «полакомиться» мясом.

Естественный выход из тяжелого положения Иваново-Вознесенцы находили в подготовке общей стачки. Апрель и май проходят в большой подготовительной работе по рассмотрению выставляемых требований, выработке плана проведения стачки. Насколько серьезно готовились к ней, видно из того, что перепуганные фабриканты, желая предотвратить события, понизили с пасхи рабочий день с $11^1/_2$ до 11 часов. Но уменьшение рабочего времени на полчаса, вопреки ожиданиям фабрикантов, не оказало своего магического действия: стачка не была предотвращена. Для окончательной выработки плана забастовки, тактики и выставляемых требований была созвана, при чрезвычайно конспиративных условиях, конференция из представителей фабрик и заводов. Конференция утвердила подготовительные работы, и, при непосредственном участии Северного Комитета Р.С.Д.Р.П., требования были отпечатаны и распространены в большом количестве экземпляров. Из собравшейся же конференции впоследствии и создался Совет, взявший на себя активное руководство стачкой.

12-го мая дружная стачка Иваново-Вознесенцев началась. *)

---

*) Подробное изложение развития стачки и ее характера см. работу В. С. Смирнова «Стачечное движение в Иванове-Вознесенске в 1905 году». Изд. «Основа» 1924 г. В работе приведен целый ряд очень ценных архивных данных.

Что же об'единяло забастовавших в этой забастовке, и какие задачи они возлагали на Совет?

Об этом ярко говорят 26 требований к фабрикантам, выставленные рабочими. Поскольку они чрезвычайно характерны для движения, приведем их полностью.

«Требования Иваново-Вознесенских рабочих: 8-ми часовой рабочий день, уничтожение ночных работ, кроме тех случаев, когда это вызывается техническими условиями, отмена сверхурочных работ, если это не вызывается техническими условиями.

Перед каждым праздником кончать работу сменным не позже 6-ти часов вечера, денным не позже 2 час. дня. В общей сложности работа перед праздниками не должна превышать 6 часов в день.

Уничтожение двух сроков найма. Введение постоянных, на целый год, расценок. Минимум заработной платы для обоих полов 20 р. в месяц. Выдача заработной платы производится сполна по день выдачи и во время работы. Полная плата во время болезни. Отпускать рожениц за две недели до родов и на 4 недели после родов, с сохранением за ними полной заработной платы. Устроить ясли при фабриках для грудных детей и отпускать матерей через каждые три часа на полчаса для кормления детей. Уничтожение штрафов за прогул. Точное обозначение работы, на которую нанимается рабочий, чтобы не посылать рабочих на произвольные работы.

Постоянная выборная комиссия от рабочих и администрации в равном числе для установления правил внутреннего распорядка и разрешения всех недоразумений между рабочими и администрацией. Безусловно вежливое обращение членов администрации с рабочими. Уничтожение обысков, унижающих достоинство рабочих. Право сидеть ткачам и другим рабочим во время работы. Право читать в свободное время газеты. Выдача лучшего материала для обработки и улучшение ремонта ткацких станков. Улучшение гигиенических условий: вентиляция, нормальная температура, отведение отдельных мест для приема пищи. Увеличение расстояния между ткацкими станками, улучшение медицинской помощи, более внимательное обращение врачей к рабочим, пен-

сия потерявшим трудоспособность, вследствие болезни или старости, в размере не менее $^2/_3$ заработка. Уничтожение фабричной полиции и тюрем при фабриках (кутузок). Начальство и войска не должны вмешиваться во время забастовки в дела рабочих, иначе за последствия не ручаемся. Право свободно собираться и обсуждать свои нужды и чтобы можно было свободно писать о нуждах рабочих в газетах, т. е. свобода слова и собраний. Никто из забастовщиков не должен быть уволен с фабрики, полная заработная плата за время забастовки. Свобода союзов и стачек. Устройство Народного Дома. Введение всеобщего, обязательного бесплатного образования для мальчиков и девочек»*).

Эти требования имеют огромное значение для понимания характера Иваново-Вознесенской стачки, так как они бесспорно явились плодом почти полуторамесячной коллективной работы рабочих и были санкционированы общим собранием на Талке. Прежде всего бросается в глаза их исключительно экономический характер, кроме двух осторожных требований свободы слова и стачек. Интересно, что на конференции фабричных уполномоченных единогласно принятый пункт о «немедленном созыве Учредительного Собрания на основе всеобщего прямого, тайного и равного для всех граждан и гражданок избирательного права» в первоначально опубликованные требования не вошел.

Для проведения указанных требований на общем собрании 15-го мая и было решено избрать Совет Рабочих Депутатов. Тут же рабочие, разбившись по фабрикам, произвели выборы в Совет. Всего было избрано 110 депутатов.

На этом же собрании были формулированы права и обязанности Совета в следующем смысле: 1) избранному Совету Рабочих Депутатов руководить стачкой; 2) никаких сепаратных действий и переговоров не допускать; 3) всем стачечникам вести себя скромно и организованно; 4) к работе приступать только по решению Совета.

Выставленные требования и наказ, данный Совету общим собранием, указывают, что возникшая 15 мая обще-

*) Эти требования в огромном количестве были отпечатаны в типографии Северного Комитета Р. С. Д. Р. П. Цитирую по книге Смирнова «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г.».

рабочая организация по существу представляла собой стачечный комитет. Правда, среди ранее возникавших стачечных комитетов, Ивановский необходимо отнести к числу самых крупных и мощных, умело подчинивших своему руководству движение. Только деятельностью Совета Рабочих Депутатов об'ясняется образцовое и выдержанное проведение стачки в первые недели. Благодаря Совету стачка первое время не только проходила без всяких недоразумений, но малейшая неприятность заранее предупреждалась.

Однако, удачное руководство экономической стачкой еще не дает возможности отождествлять Иваново-Вознесенский Совет с Советами Рабочих Депутатов конца 1905 года, вставших непосредственно перед фактом необходимости захвата власти. Отсутствие этой задачи — захвата власти — и об'ясняет ряд поступков Совета, могущих быть понятными при рассмотрении Иваново-Вознесенского Совета, лишь как стачечного комитета.

Для превращения Иваново-Вознесенского Совета в подлинный Совет Рабочих Депутатов, как организацию борьбы за власть, не было тех революционных настроений, которые были характерны к концу 1905 года.

Насколько рабочие в массе были далеки от практической подготовки вооруженного восстания и захвата власти, видно хотя бы из следующих слов очевидца: «В речах ораторов в первое время стачки не было не только решительных и смелых призывов к вооруженной борьбе, но вообще наблюдалась тенденция подходить к острым вопросам революции очень осторожно. Это вызывалось тем соображением, что настроение большей части бастующих, наиболее отсталых элементов, было отрицательное ко всем этим вопросам. Это было видно из того, что при попытках товарищей затронуть эти вопросы создавалось шумное настроение большинства участников собрания; отовсюду слышались крики: Довольно. Не надо об этом. Мы хотим мирной борьбы, а не революции. У нас забастовка экономическая».

Как видим, январское настроение Ленинградских рабочих находило позднее свой отклик в Иваново-Вознесенске.

Только благодаря такому настроению и понятна деятельность Иваново-Вознесенского Совета, хотя и имевшего в своем

составе наиболее передовых и сознательных рабочих. Этим об'ясняется также, почему на собраниях на Талке преимущественно говорили об экономической нужде рабочих, о тяжелой эксплоатации, почему Совет главную свою деятельность проводил в переговорах с фабрикантами. Местной социал-демократической организации, настроенной большевистски, приходилось проделать большую работу по раз'яснению широким массам неразрывной связи между экономической и политической борьбой. Подтверждение верности большевистских речей рабочие находили в поступках правительственных властей, доказывавших рабочей массе тесную связь русской буржуазии с царизмом. События 3 июня в Иваново-Вознесенске, когда казаки жестоко расправились с мирно бастовавшими рабочими, явились наиболее яркой иллюстрацией.

Провокация властей 3 июня, хотя сразу и вывела значительную часть рабочих из мирного настроения, однако, была недостаточна, чтобы вызвать организованное выступление против царской администрации. Дело обстояло иначе: толпа, бросившаяся в город, в озлоблении уничтожала и ломала все попадавшееся по пути. Совет не мог справиться с разбушевавшимся морем гнева рабочей массы. При повторившемся же разгроме продовольственных магазинов, 24 июня он вынужден был сложить с себя полномочия.

С этой целью Совет собрал многотысячное собрание, где, после доклада о неудаче и о невозможности дальнейших переговоров с фабрикантами, заявил о своем отказе дальнейшего руководства забастовкой.

Такова в общем деятельность Иваново-Вознесенского Совета и задачи, поставленные перед ним знаменитой стачкой Иваново-Вознесенских текстилей.

Таким образом, если Иваново-Вознесенский Совет и считают первым Советом, то исключительно по формальной терминологии, но не по его деятельности в смысле предрешения основных х а р а к т е р н ы х черт деятельности Советов в 1905 г.

В этом смысле отождествление Ленинградского, Московского и провинциальных Советов с Иваново-Вознесенским является неверным так же, как неверно отождествление стачечных комитетов с Советами. Отсюда, конечно, не сле-

дует бросать упрек Иваново-Вознесенскому Совету, не поставившему перед собой задачи вооруженного восстания. Этого при всем своем желании Иваново-Вознесенский Совет провести не мог в силу ряда об'ективных причин: настроения Иваново-Вознесенских рабочих, характера забастовки, общего состояния рабочего движения в России и т. п. Лозунг вооруженного восстания, как актуальная задача дня, массой воспринимается значительно позднее, после ликвидации стачки, под непосредственными уроками летних событий и общего всероссийского революционного под'ема. В этом отношении Иваново-Вознесенская стачка не прошла бесследно не только для Иваново-Вознесенских рабочих, но имела и всероссийское значение, наглядно доказывая пролетариату невозможность экономических улучшений без политической борьбы, явившись как бы мостом между событиями 9 января и всероссийской октябрьской забастовкой, носившей ярко выраженный политический характер. Об'ективно же на общем фоне революционной борьбы Иваново-Вознесенская стачка, конечно, имела и политическое значение.

Если Иваново-Вознесенские события лета 1905 года и не создали первого Совета Рабочих Депутатов в России, как органа пролетариата, поставившего перед собой задачу вооруженной борьбы с царизмом и организации пролетарской власти, то, тем не менее, урок Иваново-Вознесенцев в жизни русского рабочего движения имел колоссальное значение, значительно сократив некоторые ошибки.

Первое, что пришлось учесть русскому пролетариату— это понимание огромной роли и значения массовой пролетарской организации в движении.

Пролетариат только тогда силен, когда движение носит организованный характер, имея свои массовые организации. В свое время царское правительство понимало угрозу со стороны таких организаций пролетариата и беспощадно с ними расправлялось. В Иваново-Вознесенске оно также принимало все меры к разрушению Совета.

Второй важный урок заключался в том, что массовые пролетарские организации должны находиться в непосредственной идейной и организационной связи с авангардом пролетариата, с его партией. Вне руководства партии массовые орга-

низации обрекаются на ряд колебаний, которые неизбежно приводят к разложению движения. В этом отношении связь Иваново-Вознесенского Совета с местной соц.-демократической организацией (организации были большевистские) давала нагляднейший урок.

Таким образом, мы видим, что Иваново-Вознесенский Совет, не будучи первым, в смысле выявления основных черт деятельности Советов конца 1905 г., в то же время сыграл громадную роль в рабочем движении. Нам могут, однако, возразить, что если рассматривать Иваново-Вознесенский Совет, как орган подготовки вооруженного восстания, то, конечно, Иваново-Вознесенский Совет первым в России считать нельзя. При этом зададут вопрос, были ли Советы Рабочих Депутатов в 1905 г. органами борьбы за вооруженное восстание и захват власти? Найдем ли мы в Советах 1905 г. моменты зарождающейся революционной власти? Не являлись ли Советы скорее органами пролетарского самоуправления и т. д.?

Такую оценку Советов, как органов самоуправления, мы действительно и находим у Вл. Войтинского в его книге «Годы побед и поражений», у Кольцова и у других авторов.

Ряд новых архивных материалов, появившихся из тайников охранных отделений, жандармского управления и департамента полиции, открывают и дополняют многое, до сих пор неизвестное. Эти новые данные бесспорно заставят меньшевиствующих историков Советов 1905 года осторожнее оперировать со своей оценкой Советов.

Выяснить—на основании имеющегося нового материала—роль, характер и значение Советов Рабочих Депутатов—такова задача предлагаемых очерков.

ГЛАВА I.

Октябрьская забастовка и возникновение Ленинградского Совета Рабочих Депутатов.

Стихийность в общественных движениях. Октябрьскую забастовку нередко считают стихийной, но это не вполне верно. За термином «стихийность» подчас скромно скрывается слабость общественных наук в предвидении дат крупных общественных явлений. Обладай общественные науки законами вроде естественных, когда по ряду данных можно делать безошибочный вывод, термин «стихийность» бесспорно имел бы меньше сторонников. Говорить о стихийности всеобщей октябрьской забастовки можно либо в смысле непредвидения дня ее начала, либо в смысле отсутствия единой организации, назначившей день забастовки. Но октябрьская забастовка никоим образом не явилась стихийной в смысле чего-то случайного и неожиданного в революционном движении пролетарских масс. Революционное развитие имеет свои законы и свою логику. В этом смысле октябрьская забастовка явилась результатом колоссальной работы, проделанной пролетариатом в течение весны и лета 1905 года. Она была неизбежна, как неизбежно появление зари после темной ночи.

Подготовка Октябрьской забастовки. Не только в крупных центрах—Петербурге (Ленинграде) *) и Москве социал-демократия широко развернула в этот период свою деятельность. Оживление охватило и провинциальные промышленные центры, приняв широкие размеры и оставив позади период подпольной круж-

---

*) Петербург—ныне Ленинград. В дальнейшем мы будем употреблять современное название столицы, оставляя старое название только в официальных документах.

ковщины с ее конспирацией. Достаточно просмотреть многочисленные воспоминания о лете 1905 года, чтобы понять, насколько выросло тогда рабочее движение. «За два месяца (середина мая и июнь)—говорит тов. Лебедев в воспоминаниях о работе в Нижнем—почти не было дня, чтобы на обычном месте за больницей (в Сормове) не собиралась толпа... Рабочие называли митинги своим «народным университетом».

Жандармский ротмистр из Херсонской губернии доносит, что «воззвания издания типографии Елизаветградского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии разбрасываются почти ежедневно» и т. д. и т. д.

Социал-демократическая деятельность в 1905 году повсюду оживляется: удается устраивать массовки, выпускать колоссальное количество прокламаций, расширять и укреплять соц.-дем. организации. В соц.-дем. газете «Пролетарий» появляются многочисленные письма, жалующиеся на отсутствие на местах опытных и подготовленных агитаторов, пропагандистов и организаторов.

Это оживление социал-демократической деятельности становится понятным, если учесть рост стачечного движения, характеризовавший общий политический рост рабочих масс.

По вычислениям официальной статистики, в ведении которой были фабрики и заводы, подчиненные фабричной инспекции, в 1905 году насчитывалось 13.000 стачек с 2.709.695 участниками, т. е. в среднем бастовало 93% общего числа предприятий с 163% общего числа рабочих.

За 1905 год стачки далеко обогнали прошлые года, на которые в среднем падало менее 1% бастующих фабрик с 2,7% бастующих рабочих. Стачечное движение в 1905 году было настолько сильно, что, по словам составителя статистики, под‘ем стачечной волны в 1905 году являлся беспримерным в мировой истории стачек. За последнее десятилетие Россия—по указаниям офиц. статистики—«по силе стачечного движения превзошла в пять раз Америку и Германию, в десять раз Францию, а абсолютный под‘ем стачечного возбуждения превзошел более, чем общую сумму числа рабочих, бастовавших, например, в семи государствах мира с наиболее развитой промышленностью».

Если уже в мае 1905 года «Пролетарий» оценивал положение, как состояние кипения, и указывал, что «близкое будущее чревато бурями», то июль ставит в порядок дня вопрос об организации всеобщей забастовки. 15-го июня Центральный Комитет Союза Железнодорожных Служащих извещал и распространял воззвания, что «Союз признает, что пора от просьб перейти к действиям, так как добровольно начальство не сделает для служащих ничего хорошего. Верное и единственное средство добиться исполнения всех требований служащих и рабочих—всеобщая железнодорожная стачка. В настоящее время Союзом получены сведения, что на некоторых дорогах терпение служащих истощилось, и изо дня на день готова начаться забастовка» *).

7-го июля Ленинградское Телеграфное Агентство помещает небольшую, но выразительную заметку, что «циркулируют правдоподобные слухи, что на днях ожидается общая забастовка всех железнодорожных служащих и рабочих».

Выдержка из воззвания Центрального Комитета Союза Жел.-дор. служащих и телеграмма Агентства интересны в том отношении, что еще летом лозунг всеобщей забастовки проникает в рабочие массы. Но воспринятый массой этот лозунг оказался практически проведенным только к осени. Этому способствовал ряд об'ективных причин, революционизировавших не только рабочие массы, но и другие слои общества. Тупоголовая и направленная в интересах бюрократии политика царизма сеяла недовольство также и в рядах либеральной буржуазии и ее интеллигенции. Это отражение роста недовольства находило свой отклик в движении студенчества, вылившемся вначале в борьбу за автономию высшей школы. По существу дело было, конечно, гораздо серьезнее.

Не вдаваясь, однако, в анализ настроений буржуазной интеллигенции и ее борьбы за автономию высшей школы, нам, тем не менее, не безынтересно посмотреть, какое влияние имела автономия университетов на движение пролетариата в его подготовке всеобщей октябрьской забастовки.

Само правительство очень скоро увидело, что, даровав даже «куцую автономию», оно бьет мимо цели. Уже в начале

---

*) Д-т полиции, 4 делопр., дело 999, ч. 6, Всер. Союз Жел.-дор.

октября во всеподданнейшем докладе Николаю Трепов пишет, что «несмотря на дарованные высочайшим указом университетам милости, немедленно же по открытии учебных заведений, в большинстве случаев, в них начались беспорядки; на сходках открыто поются революционные песни, раздаются возмутительные возгласы, свободно продаются нелегальные издания, разбрасываются прокламации. Бывшие ранее более или менее исключительным явлением, сходки теперь стали совершенно обычным для учебного заведения явлением—центром жизни учебного заведения—и отодвинули на второй план учебные занятия... По идее университетской автономии главная руководящая роль в умиротворении студентов принадлежит профессорскому персоналу, в действительности же влияние это проявляется слишком слабо: те профессора, которые могли бы указать студентам, что спокойное занятие наукой есть прямой долг и святая обязанность, «освободительная же борьба» ныне более, чем когда либо преступна—подвергаются бойкоту и даже оскорблениям со стороны в конец разнузданных студентов. Предпринятое университетским начальством в городах Москве и Казани временное закрытие университетов также мало принесло пользы, так как с прекращением учебных занятий сходки и народные сборища в стенах университета происходят попрежнему. Недалеким уже, повидимому, представляется тот момент, когда, под давлением революционеров, хозяйничающих в учебных заведениях, беспорядки из стен Университета перейдут на улицы» *).

«Улица», как видно из доклада Трепова, была несравненно опаснее для царизма, чем банкеты либеральствующих земцев или волнения среди студентов. Признание самодержавием активного выступления пролетариата, его роли в революции и боязнь перед ним чрезвычайно любопытны. Правительство не ошиблось в своих опасениях перед движением пролетариата. Вскоре в этом ему пришлось наглядно убедиться.

Сентябрьская забастовка в Москве. Уже сентябрьская забастовка печатников в Москве, начавшаяся 19-го сентября прекращением работ в типографии Сытина и захватом типографий Левен-

*) Всеподданнейшие записки Николаю II, Д-т. Полиции, 4 отд., д. 2540.

сона, Яковлева и других, была внушительной прелюдией к всеобщей октябрьской забастовке, предрешив основные характерные моменты октября. Забастовочное настроение в этот период настолько проникло в сознание масс, что к 24-му сентября к забастовке из-за солидарности примкнуло до 50 типографий. Сентябрьская стачка в Москве выносит движение на улицу; собрания печатников превращаются в бурные политические митинги, разливаясь широкой лавой по разным местам Москвы; происходят уличные столкновения казаков с рабочими. В противовес прежним стачкам движение принимает организованный характер, вынудив градоначальника разрешить собрание. Также остро выявляется потребность в единой массовой организации, в результате чего и возник Московский «Совет Типолитографских Рабочих» с Исполнительной Комиссией.

Сентябрьская забастовка явилась толчком к общей забастовке, но вылиться во всеобщую забастовку не смогла: железные дороги—нервы, соединяющие пролетариат промышленных центров России, не прекращали своей деятельности. Правда, в связи с сентябрьской стачкой, начинается движение среди железнодорожников в мастерских Московско-Курской и Московско-Казанской ж. д. Но попытки железнодорожной забастовки пресекаются железнодорожным Союзом, который не был уверен, что забастовка сможет вылиться во всеобщую, подготовляя ее к моменту созыва Государственной Думы. Частично сентябрьская стачка находила отклик и в других местах. 2-го октября об'явили трехдневную забастовку солидарности Ленинградские печатники, заволновались и рабочие других предприятий, живо обсуждая вопрос о превращении сентябрьской стачки в Москве во всеобщую. Однако, под влиянием социал-демократии, считавшей, что еще не наступил момент, принимались резолюции о временном воздержании: «Признавая огромное значение политической забастовки—говорит резолюция, принятая на многих рабочих собраниях,—как выражение массовой солидарности пролетариата, мы в то же время предлагаем товарищам воздержаться в настоящий момент от уличных выступлений» *).

*) «Речь», № 239.

Не встречая всеобщей поддержки, Московская стачка в начале октября явно идет на убыль. 3-го октября телеграммы сообщают, что в Москве забастовки уменьшаются; 4 и 5 октября — что работы возобновляются во многих типографиях и выходят газеты; к 6-му октября стачку можно было считать законченной. 7-го октября «Новое Время» радует своих читателей, что «в виду наступившего среди городских рабочих успокоения войсковая охрана, окружавшая городские водопроводы, сооружения и водопроводные станции, снята». Биржа вздыхает свободнее. Казалось, наступает затишье в движении, и «Новое Время», распинаясь о вреде забастовок, предлагает поучиться русским рабочим у Запада. Мнение о наступившем затишьи разделялось многими и в лагере социал-демократов. Только из-далека, из за-границы, т. Ленин, чуждый всяких мимолетных настроений, писал, что: «весь ход русской революции за последние месяцы свидетельствует о том, что достигнутая теперь ступень не является и не может быть высшей ступенью. Движение поднимется еще выше... Как бы ни кончилась вспышка восстания в Москве, революционное движение во всяком случае воспрянет теперь еще более окрепшим, охватит более широкую область, запасется новыми силами» *).

Начало октябрьской забастовки.

Но не успели еще в России прочесть эти пророческие слова, как оказалось, что наступившее затишье предшествовало сильной революционной грозе. 7-го октября утренние телеграммы успокаивали, 8-го им пришлось быть на чеку и сообщать, что «сегодня возобновилось движение среди железнодорожных служащих и в самой резкой форме выразилось на Московско-Казанской железной дороге. Всего забастовало 3.000 человек, и в Управление вызван усиленный наряд полиции». На первый взгляд это могло казаться обыкновенной репортерской заметкой, но ближайшие же события показали, что ей суждено занять более видное место в истории революции 1905 г.

Железнодорожный с'езд и его роль в забастовке.

Выступление железнодорожников было организующей силой, определившей и наметившей развитие октябрьской забастовки. Недаром правительство, пугаясь политических требований, становившихся к концу

*) «Пролетарий», № 21.

лета господствующими в движении железнодорожников, решило отвлечь внимание от «политики». Пытаясь создать громоотвод от нараставшей опасности, оно разрешило созыв делегатского с‘езда по пересмотру пенсионных касс. Чтобы с‘езд не причинил какой либо «неприятности», половину состава с‘езда правительство назначило само, послав своих чиновников, а другую половину предоставило выбирать железнодорожникам.

Правительство, по свойственной ему привычке, опоздало и на этот раз. Делегатский с‘езд железнодорожников открылся 20-го сентября. Первоначально на с‘езде задавала тон чиновническая часть, подавляя революционную часть, избранную железнодорожными массами. О «политике» не говорили, и работа протекала исключительно в переговорах об улучшении материального положения. Правительство, казалось, начинало верить в удачный исход своей затеи. Но иначе смотрели на это бессмысленное топтание железнодорожные массы. Избранные делегаты с‘езда заваливаются телеграммами от товарищей с мест, требующими большей решительности в достижении требований. С‘езд постепенно, под давлением масс, эволюционирует влево. Вскоре, к ужасу правительства, с‘езд от скромных вопросов пересмотра пенсионных касс переходит далеко за рамки, намеченные правительством; 9-го октября с‘езд провозглашает, что: «указать на выдвинутые жизнью требования и в то же время закрыть глаза на необходимость гарантий, обеспечивающих проведение и упрочение этих требований в жизнь—такое отношение к делу равносильно отказу от выполнения задачи, возложенной на нас товарищами. Гарантию дает закон—этот закон должен быть волею народа... Это невозможно при том самодержавном строе, который совершенно игнорирует интересы широких трудящихся масс, который представляет собою самодовлеющую бюрократию» *). Поэтому с‘езд потребовал отмены усиленной охраны и военного положения, отмены смертной казни, введения амнистии, свободы слова, печати, открытия типографий, неприкосновенности личности и жилищ, свободы передвижения, свободы стачек, союзов, собраний, манифеста-

*) Бюллетень Первого Всероссийского Делегатского С‘езда ж. д.

ций, неприкосновенности забастовщиков, приема уволенных, права на самоопределение наций, созыва учредительного собрания на основе прямого, всеобщего, равного и тайного голосования.

Что же придало такую смелость и решительность с'езду? Быстрая эволюция с'езда влево понятна, если учесть напор на него со стороны железнодорожных масс. Как известно, ни железнодорожный союз, ни с'езд—стачки не об'являли, а, наоборот, сдерживали ее. Левая часть с'езда, правда, сомневалась в возможности соглашения с царизмом. Но о бесплодности соглашений с царизмом железнодорожная масса понимала не менее с'езда. При напряженном настроении железнодорожников, готовых к всеобщей стачке, оказалось, что достаточно было одного слуха об аресте с'езда, чтобы воспламенить долго накоплявшийся горючий материал общего неудовольствия.

Делегаты поспешили опровергнуть слух об аресте с'езда и высказались против забастовки. Тогда решение вопроса перешло к самим массам. События настолько быстро развивались, что уже через два дня с'езду ничего другого не оставалось, как декларировать 9-го октября свою революционную позицию и подчиниться коллективной воле массы, чтобы не быть выброшенным за борт революции.

Если можно в данном случае говорить о стихийности движения, то только в том смысле, что вполне революционно настроенные массы не имели умело руководящих органов, которые во время использовали бы это настроение. Существовавшие организации недостаточно верили в силу рабочего класса. Неуверен был в железнодорожниках и делегатский с'езд накануне октября.

На что были способны массы, октябрь показал. Уже 8-го октября ряд железных дорог присоединяется к забастовавшей Московско-Казанской железной дороге, и движение прекращается на Московско-Архангельской, Московско-Курской, Московско-Нижегородской, Рязанско-Уральской; 9-го октября к забастовке примыкают Павелецкая ветвь и Московско-Киево-Воронежская. Вслед за московским узлом забастовка по стальным рельсам бежит по всем концам России, и к 14-му октября забастовочное движение охватывает почти все железные дороги, перечень которых может занять ряд страниц.

В силу огромного значения железных дорог в экономической жизни страны, выступление железнодорожников, при наличии революционного настроения всего рабочего класса в целом, заранее предрешало всеобщий характер забастовки.

Настроение рабочих масс накануне октябрьской забастовки.

Что мысль о всеобщей забастовке не была достоянием только железнодорожников, но и широких рабочих масс, сентябрьская стачка доказывала лучше всего. Замиравшее было в рабочих массах настроение, в связи с ее неудачей, поднялось теперь на новую ступень, вызвав новый под'ем. Насколько рабочие готовы были к общей забастовке, видно из воспоминаний Васильева. «В первых числах октября — говорит тов. Васильев — я отправился, как агитатор, на завод Листа. Рабочие согласились не только немедленно забастовать, но и предложили свои услуги по остановке работ на других заводах и фабриках. С довольно большой группой рабочих я двинулся на завод «Доброва и Набгольц». Нам удалось остановить завод в течение четверти часа. Старики-рабочие заупрямились было, но молодежь бурно потребовала прекращения работ, не останавливаясь даже перед некоторым насилием. Затем кто-то предложил отправиться на фабрику Цинделя. Двинулась уже достаточно значительная толпа. По дороге остановили еще несколько заводов и фабрик. Прежде флегматичных, запуганных, тяжелых на под'ем рабочих нельзя было узнать. Забастовочная горячка всецело захватила их, и они по первому нашему призыву бросали работы... так началась октябрьская забастовка» *).

А вот картинка настроения ленинградцев:

«Бросай работу! Забастовка!

И рабочие, будто ожидавшие этого призыва, поспешно складывали инструменты, выходили во двор. Кто-нибудь поднимался на крыльцо конторы, на штабель дров, на бочку или просто на уличную тумбу, но агитировать не приходилось. Речи были короткие, редко длиннее минуты:

— Товарищи! Вся Россия бастует... Неужто нам отставать от других. И толпа выливалась из заводских ворот на улицу и катилась дальше к соседним заводам.

*) „Пролет. Revол.“ № 5, Васильев — „Воспоминания“.

Полиции нигде не было видно. Заводская администрация не пыталась противиться движению. Инженеры и мастера лишь просили рабочих прибрать поаккуратнее инструменты, да позаботиться о паровых котлах. Но рабочие и сами обнаруживали большую заботливость о заводском имуществе»... *)

Провинциальные промышленные центры не отставали от столиц.

10-го октября замирает жизнь на фабриках и заводах Москвы, Харькова, Ревеля; 11-го в Смоленске, Минске, Лодзи, Екатеринославе; 12—13 в Полтаве, Курске, Белгороде, Самаре, Саратове. Через несколько дней трудно указать город, которого бы не коснулась всеобщая забастовка.

Телеграммы местных жандармских ротмистров, посылаемые в департамент полиции, короткие по тексту, но внушительные по содержанию, ярко рисуют картину октября. Таких телеграмм тысячи, но по смыслу все они однородны и отличаются друг от друга степенью панического настроения их составителей. 13 октября, например, ротмистр Одесского жандармского управления доносил:—«многотысячные толпы ежедневно собираются на митинги в Университет, а также педагогические курсы, где произносятся революционные речи о бойкоте Думы, свержении существующего строя, устройстве демократической республики, там же производится сбор денег на вооружение».

Возникновение идеи организации Советов.

Дружность Октябрьской забастовки и участие в ней рабочих различных производств, об'единенных общими политическими требованиями, уже в начале забастовки поднимали вопрос о создании единой массовой пролетарской организации. Опыт стачечного движения прошлых лет давал наглядные уроки о необходимости пролетариату выступать организованно. Социал-демократия неустанно повторяла и раз'ясняла значение организованного движения.

«Организация дает рабочему то, что давало оружие феодалу, деньги—буржуа: стойкость, гордость, чувство собственного достоинства» — говорит Роланд Гольст. Стачки доказывали пролетариату, что вне организации он беспо-

*) «Вл. Войтинский. Годы побед и поражений», стр. 136. Изд. в Берлине, 1923 г.

мощен, находится во власти изменчивых порывов и настроений, способен сегодня с геройской дерзостью бросаться на бесконечно сильного врага, а завтра отступать перед совершенно мнимою опасностью. Организованный же пролетариат учится владеть собою, подгонять свои мелкие случайные интересы к интересам целого, привыкает к дисциплине, без которой немыслимо движение. Потребность в создании массовой пролетарской организации, всплывшая с самого начала октябрьской забастовки, выявлялась и потому, что социал-демократические органазации, об'единявшие в своих рядах авангард рабочего класса, будучи идейным руководителем движения, не могли заменить их. Так как социал-демократия в свои ряды включала авангард класса, то, естественно, требовалась единая организация рабочего класса, связывавшая организационно авангард со всем рабочим классом.

Как уже указывалось, сентябрьская стачка в Москве выделила «Совет депутатов типо-литографских рабочих», работавший в тесном контакте и под прямым руководством социал-демократии. Царизм немедленно учел опасность этой новой организации. Назначенное на 26-е сентября собрание печатников было запрещено. Правительственные запрещения, конечно, не были в силах остановить движение. Наоборот, по мере присоединения к забастовавшим печатникам рабочих других производств, возникает мысль о создании общего Совета Рабочих Депутатов.

С замиранием сентябрьской стачки мысль о создании единого Совета Рабочих Депутатов повисает в воздухе, но с развитием октябрьской забастовки всплывает вновь. Мысль не случайная. Классовый инстинкт подсказывал ее рабочим массам не только в центрах, но и в провинциальных промышленных пунктах. С развитием октябрьской забастовки повсеместно рождаются руководящие организации—в форме Исполнительных Комиссий, Стачечных Комитетов, Федеративных Советов, Советов Рабочих Депутатов и т. д. Если впоследствии рожденные октябрьской забастовкой организации и превращаются в Советы Рабочих Депутатов—боевые организации, об'единяющие пролетариат и подготовляющие вооруженное восстание, то это в значительной мере об'ясняется наличием и влиянием большевиков. Там, где господствовало влияние меньшевиков

или либеральствующей буржуазной интеллигенции, там роль возникающих организаций сводилась либо к стачечным комитетам, либо к «органам революционного самоуправления», которым уделялось довольно скромное место. Но наиболее типичной формой пролетарского движения, послужившей примером для других городов, являлся Ленинградский Совет Рабочих Депутатов.

Для этого было наличие ряда условий, поставивших Ленинградский Совет Рабочих Депутатов в центр внимания всех революционных сил. Таким центром не могли стать провинциальные города, например Киев, где 12-го октября возникла Исполнительная Комиссия, избранная для руководства политической забастовкой и впоследствии превратившаяся в Совет Рабочих Депутатов. Центром движения не могли стать подобные организации и в других местах. Правда, Ленинград не имел такого значения в русской революции, как, например, Париж в Великой французской революции, «где обще-экономическая примитивность Франции и первобытность ее средств сообщения с одной стороны, административная централизация—с другой, позволяли в сущности локализировать революцию в своих стенах». Революция 1905 года происходила в совершенно иных условиях. При современном капиталистическом строе, с его техникой, быстротой сообщений телефонной и телеграфной связи, без поддержки всего русского пролетариата, обрекалось бы на неудачу даже успешное выступление в Ленинграде или Москве.

Но, тем не менее, ошибочно было бы сводить роль Ленинграда или Москвы к положению провинциального города. За Ленинградом и Москвой следует признать первенствующее значение в направлении революции, своевременном бросании революционных лозунгов, организации революции и, наконец, создании Первого Совета Рабочих Депутатов, имеющего международное значение в рабочем движении.

Одной из таких причин, выдвинувших Ленинград на первое место нараставшего движения, следует считать помимо его большого значения, как пролетарского центра, еще и дружность октябрьской забастовки.

Если к 10 октября находились голоса против забастовки, то 11-го их уже не было слышно. Начавшись на крупных

фабриках и заводах, забастовочное движение 12-го захватывает по Шлиссельбургскому тракту Александровский паровозостроительный завод, Невский, фабрики Паля, Максвеля, Аристова, Наумана, перебрасываясь и на правую сторону Невы, на фабрики Торнтона и Варгунина. Желая раз'единить рабочих, находящихся по разным сторонам Невы, администрация прерывает пароходное сообщение. Но Торнтоновские и Варгунинские рабочие узнали о начале забастовки по сигнализации.

В этот же день (12-го) на многочисленном митинге в Технологическом Институте дружно принимается резолюция—о присоединении петербургского пролетариата к всеобщей забастовке. 13 октября бастуют фабрики и заводы: Балтийский и Металлический, Обуховский, Франко-Русский, Порт, Путиловский, Новое Адмиралтейство, заводы Речкина, Глебова, Пинтша, Озолинга, конно-железные дороги, электрические станции. Начатая рабочими стачка перебрасывается и захватывает служащих губернской Земской Управы, округи путей сообщения, Управления железных дорог, служащих банков, контор, окружного суда, и прекращаются занятия во многих средних школах.

Вечером Ленинград погружается во тьму, на улицах двигаются рабочие толпы, живо обсуждая события последних дней.

Быстрое развитие забастовки ставит перед рабочей массой ряд организационных вопросов с первых же дней. Потребность в общей информации о ходе забастовки, необходимость общей рабочей организации—все эти вопросы глубоко проникают в сознание забастовавшей массы. Известен случай, что на Обуховском заводе, например, рабочие избрали специальных старост в общий забастовочный комитет, не зная даже, существует ли такая организация, но классовым чутьем поняв необходимость ее существования. Мы не знаем, выбирались ли рабочими подобные уполномоченные на других предприятиях, так как выбранные обуховцы, в поисках общего рабочего комитета, случайно наткнулись на первое заседание уже образовавшегося Совета. Этот любопытный факт отлично характеризует, как ощущалась необходимость общей организации буквально всей рабочей массой.

Роль меньшевиков в создании Совета.

Когда говорят о возникновении Ленинградского Совета Рабочих Депутатов, то обыкновенно идею организации Совета приписывают Петербургской группе Р. С. Д. Р. П., меньшевистской организации. Присвоение меньшевиками первенства в организации Совета вскоре стало, с легкой руки Мартова, общераспространенным мнением. Тем не менее, это мнение требует существенных поправок. Обыкновенно ссылаются на заседание Группы, происходившее 10 октября, на котором, якобы, был брошен лозунг «Рабочего Комитета». При этом опускается, однако, существенный момент—характер этого заседания и оценка той роли, которая предназначалась создаваемому комитету.

На собрании, говорилось, что среди рабочих чувствуется острая потребность в создании единой организации, руководящей забастовкой, а потому группе нужно принять участие в кампании по ее созданию.

Одна часть выступавших указывала, что это будет стачечный комитет, выражая сомнение, что не лучше ли, вместо создания такого комитета, приступить к общенародным выборам «органа революционного самоуправления». Другая часть возражала, считая, что «Рабочий Комитет» все-таки необходимо создать, и что он не помешает «органу революционного самоуправления», явившись его составной частью. Доводом в пользу «Рабочего Комитета» явилось, наконец, замечание, что он может стать тем «рабочим агитационным комитетом», который послужит основой создания широкой рабочей партии. А в результате всех прений на этом заседании даже и не было вынесено определенной резолюции о характере «Рабочего Комитета».

Как видим, присвоение меньшевиками идеи создания Советов далеко не отвечает действительному положению вещей. То, что общий «Рабочий Комитет» должен был неизбежно возникнуть, было ясно любому мыслящему пролетарию. В этом отношении не нужно было обладать большой проницательностью, что мы и видели на примере с выбором депутатов на Обуховском заводе. Важно также отметить, как меньшевики оценивали этот «Рабочий Комитет». На «знаменитом» собрании 10 октября ленинградские меньшевики не

смогли понять, чем явится создаваемый Комитет. Этому мешала их меньшевистская сущность, не позволявшая им оценивать роль пролетариата в русской революции. Естественно, поэтому, что они отводили первое место мысли об общенародных выборах в «орган революционного самоуправления», отдавая ему предпочтение перед классовой пролетарской организацией.

Эта недооценка создаваемого «Рабочего Комитета», желание меньшевиков придать ему второстепенную роль в развитии революции, подчинить интересам буржуазного либерализма или, в лучшем случае, превратить в широкую партийную организацию, т.-е. ликвидировать партию, и заставила большевиков критически отнестись к меньшевистским попыткам. Опасность принижения роли пролетарской организации, кроме того, предупреждалась самим рабочим классом.

Первое заседание Совета.

Вечером 13 октября состоялось первое организационное собрание Совета, на котором присутствовало до 40 представителей от фабрик и заводов. Те вопросы, которые раньше ставились на митингах в Технологическом институте—о событиях последних дней, о распространении забастовки на фабриках и заводах, о значении политической забастовки, о поведении рабочих в забастовке—все эти вопросы, имевшие ранее агитационный характер, теперь были поставлены, как практические вопросы дня, в которых мнение собравшихся депутатов должно было иметь руководящее значение.

Вот как описывает депутат завода «Нобель» первое заседание Совета на своем жандармском допросе. «Стоявшие у дверей аудитории два студента, из коих один технолог, спросили нас, депутаты-ли мы и от какого завода. После данного нами ответа они пропустили нас в аудиторию. Собрание открыл тот человек, фотографическая карточка которого мне пред'явлена (Саул Зборовский). Мы, депутаты, заняли места по партам, а он — профессорскую кафедру и оттуда произнес речь о необходимости избрания председателя собрания. Некоторые назвали фамилию Никитина (Зборовский). Он заговорил о необходимости всероссийской продолжительной забастовки, руководить которой должны депутаты от рабочих. Цель забастовки, по об'яснению оратора, — добиться

созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Затем стал расспрашивать депутатов тех заводов и фабрик, которые бастовали, о положении забастовки. Некоторые депутаты заявили, что у них забастовка назначена лишь на несколько дней, для поддержания железнодорожников. К их заявлению Зборовский отнесся с неудовольствием, сказал, что никаких сроков забастовка иметь не может, так как она должна результатироваться теми или другими уступками в пользу бастующих, и что на обязанности депутатов лежит руководство забастовкой, при чем они не должны допускать прекращения таковой раньше, чем следует. После Никитина на собрании выступал целый ряд ораторов, исключительно мужчин, хотя на собрании присутствовали и женщины. Антон говорил на тему о необходимости учреждения милиции» *).

Как видим, октябрьская забастовка, родившая первый Совет Рабочих Депутатов, первоначально направляла внимание Совета по пути дальнейшего сплочения рядов забастовавшего пролетариата. Но принятое 13 октября воззвание Совета, представляющее не малый интерес в оценке забастовки и Совета, будучи первым документом первого Совета Рабочих Депутатов, уже существенно отличало его от стачечного комитета.

«Всероссийская забастовка началась» — говорит воззвание. «Рабочий класс, крепко скрепивший требования Учредительного Собрания и всеобщего голосования и не получивший никаких прав, прибег к последнему могучему средству всемирного рабочего движения — к всеобщей стачке. И перед сознательною силою пролетарской солидарности дрогнула слепая сила самодержавия. Председатель комитета министров, гр. Витте, открыто признал перед железнодорожными депутатами, что правительство может пасть.

Товарищи, мы, депутаты разных петербургских фабрик и заводов, обсудив положение, призываем всех рабочих поддержать великое дело борьбы за свободу и счастие народа и присоединиться к всероссийской забастовке. Еще одно усилие—и с народа спадут цепи векового рабства. Но для этого

---

*) Д-т Полиции, 7 делопр., д. № 6409 п. 2, из допроса Вернстрема.

усилия рабочий класс должен крепко сплотить свои ряды, должен выступать, как единая организованная сила, нельзя допустить, чтобы забастовка то вспыхивала, то потухала по отдельным фабрикам и заводам. Потому мы постановили об'единить руководство движением в руках общего рабочего комитета. Мы предлагаем каждому заводу, каждой фабрике и профессии выбрать депутатов по одному на каждые пятьсот человек. Собрание депутатов фабрики или завода составит общий рабочий комитет Петербурга. Этот комитет, об'единив наше движение, придаст ему организованность, единство, силу. Он явится представителем нужд петербургских рабочих перед остальным обществом. Он определит, что нам делать во время забастовки, и укажет, когда прекратить ее. Организуйтесь, товарищи. Спешите выбрать депутатов. В ближайшие дни в России совершатся решительные события. Они определят на долгие годы судьбу рабочего класса, мы должны встретить эти события в полной готовности, в полном сознании, об'единенные нашим общим Рабочим Комитетом, под славным знаменем пролетариата всех стран и рабочих всех народов» *).

В своем первом воззвании Совет, в виду сравнительной малочисленности депутатов, не взялся еще решать вопросы борьбы, отложив решение этих вопросов до ближайшего, более полного и представительного заседания Совета. Но характерно, что на первом же заседании внеочередное сообщение о баррикадах в Харькове было встречено с громадным энтузиазмом, не поддающимся описанию. Собрание после этого сообщения долго не могло приступить к прерванному вопросу — каждый из депутатов понимал, что всеобщая забастовка—только пролог к всероссийским баррикадам.

Решение Совета о забастовке и выборах в Совет немедленно было об'явлено по всем залам и аудиториям Технологического Института, где происходили настолько многолюдные митинги, что все места и уголки зал были буквально переполнены публикой. Извещение о создании Совета повсюду было встречено с восторгом. Оно быстро разнеслось по Ленинграду.

*) «Известия Сов. Р. Д.» гор. СПБ., № 1.

Почему даже первоначальная деятельность Совета не может отождествляться со Стачечным Комитетом.

Бесспорно, что первоначальная деятельность Совета преимущественно направлялась к руководству и ведению забастовки. Но достаточно посмотреть те многочисленные резолюции и наказы, которые давались рабочей массой своим делегатам, чтобы убедиться, что Совет далеко перерос рамки Стачечных Комитетов. Создавшееся соотношение классовых сил не могло его удержать на такой примитивной форме рабочего движения. «Мы—заявляют рабочие электрических станций и водопроводов—на собрании 13 октября постановили примкнуть ко всеобщей забастовке для борьбы за полную свободу, за учредительное собрание на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, за демократическую республику. Мы начинаем свою забастовку и будем дружно вести ее, пока не доб'емся всех наших требований. Мы вместе со всей социал-демократией будем бороться за свои требования до конца и заявляем перед всем рабочим классом о своей готовности, с оружием в руках, бороться за полное народное освобождение» *). Еще более решительно высказываются печатники, заявившие 14 октября, что «1) рабочий класс накануне решительного момента, когда ему придется открыто выступить против царских холопов—он накануне того момента, когда ему для этого необходимо мобилизовать все свои силы, 2) что всеобщая политическая забастовка, об'явленная Р. С. Д. Р. П., является первой ступенью, с которой рабочий класс пойдет дальше по пути решительной борьбы с царским самодержавием.

Признавая недостаточность одной пассивной борьбы, т.-е. одного прекращения работ, собрание постановило: обратить армию забастовавшего рабочего класса в армию революционную, т.-е. немедленно организовать боевые дружины. Пусть эти боевые дружины позаботятся о вооружении остальных рабочих масс, хотя бы путем разгрома оружейных магазинов и отобрания его у полиции и войска, где это возможно». **)

Правда, не нужно забывать, что печатники в 1905 году были наиболее революционной и сознательной частью пролетариата. Мы не будем приводить резолюций рабочих других

*) «Известия С. Р. Д. гор. СПБ», № 2.
**) «Известия С. Р. Д. гор. СПБ», № 1.

отраслей производств—все они отличаются ярко выявленным политическим характером. Как известно, только благодаря общим политическим требованиям октябрьской забастовки и возможно было выступление пролетариата, как класса, сплотившего вокруг себя другие пролетаризирующиеся слои. В этом отношении интересна резолюция приказчиков, принятая на общем собрании 14 октября. Заявляя о своем присоединении к забастовке и выставив ряд экономических требований, собрание указывает, что достигнуть их можно путем:

«2) Немедленной отмены положений: военного, об усиленной охране и всех прочих ограничительных законов и административных распоряжений.

3) Немедленного об'явления свободы слова, совести, печати, стачек, союзов и собраний.

4) Неприкосновенности личности и жилища.

5) Немедленного освобождения и возвращения прав всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения.

6) Передачи полиции в руки органов самоуправления, уничтожения жандармской полиции и создания народной милиции.

7) Немедленной отмены смертной казни.

8) Признания политической равноправности всех национальностей.

9) Немедленного созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, религии и национальности, для установления самодержавия народа, т. е. демократической республики.

Принимая во внимание:

1) Что все эти требования выставлены в программе Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

2) Что интересы приказчиков, как эксплоатируемой капиталом части всероссийского пролетариата, неразрывно связаны с интересами фабрично-заводского и сельского пролетариата.

3) Что только в тесном единении и в совместной с ними борьбе приказчики добьются освобождения от цепей самодержавия и капитала.

4) Что всех этих требований может добиться лишь сам народ путем вооруженного восстания.

5) Что Российская Социал - Демократическая Партия является самым решительным и последовательным борцом за осуществление демократической республики и за интересы всего борющегося пролетариата.

Мы, приказчики, примыкаем к Российской Социал-Демократической Рабочей партии и присоединяясь ко всеобщей забастовке, заявляем, что будем бороться за эти требования с оружием в руках для установления временного революционного правительства, которое должно учредить самодержавие народа, т. е. демократическую республику» *).

Отношение к октябрьской забастовке интеллигенции и буржуазии.

Начатая пролетариатом октябрьская забастовка поддерживается также и либеральной интеллигенцией, и 13 октября к забастовке присоединяется Центральное Бюро Союза Союзов. Не менее любопытно и постановление учредительного с'езда, конституционно-демократического с'езда, заседавшего в Москве и заявившего 14 Октября, что «требования забастовщиков, как они формулированы ими самими, сводятся, главным образом, к немедленному введению основных свобод, свободному избранию народных представителей в Учредительное Собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и общей политической амнистии. Не может быть ни малейшего сомнения, что все эти цели — общие у них с требованиями конституционно-демократической партии. В виду такого согласия в целях учредительный с'езд конституционно-демократической партии считает долгом заявить свою полную солидарность с забастовочным движением».

Кадеты полагали, что по опыту западной Европы, где пролетариат совершал революции, а буржуазия пожинала ее плоды, они пойдут по тому же пути, воспользовавшись плодами пролетарской борьбы. Правда, в сердца многих кадетов, идеологов русской прогрессивной буржуазии, октябрьская забастовка вселяла тревогу. Это тревожное настроение не могло не вылиться в другом месте той же резолюции с'езда, оговаривающей что: «конституционно-демократическая партия предоста-

*) «Известия С. Р. Д.», № 3.

вляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее средствах и в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение» (т.-е. вооруженное восстание. П. Г.). В этом замечании целиком выявилась «революционная» сущность русской буржуазии. Кадеты не прочь были поддержать забастовку, пока она носит мирный характер. Но на всякий случай, если пролетариат, вопреки ожиданиям кадетов, пойдет на решительный штурм позиций царизма и поведет решительную борьбу за ликвидацию самодержавия, кадеты оговаривают себе право «предупредить возможное столкновение». Правда, на учредительном с'езде об этом говорилось мягко, понималось с полуслов и оставлялось на положении запасного выхода «в случае пожара».

В то время, как либеральная буржуазия топталась на месте, желая казаться революционной, другая часть буржуазии уже в первые дни поднимала тревогу. «Что может иметь еще более последствий (чем общая забастовка. П. Г.) — скорбит «Новое Время»—когда прекращается возможность передвижения воинских частей, так как в случае возникновения беспорядков—а по нынешнему времени это вовсе не редкость,— целые местности могут быть поставлены в отчаянное положение, ибо даже бежать нельзя из охваченных беспорядками областей, а войска, как известно, далеко не везде имеются» *).

А через три дня тревога еще более усиливалась. 14-го октября «Новое Время» писало: «Вот она—началась революция, т. е. началась она давно, а теперь разгорелась и дошла до той ступени, которая чувствительна каждому жителю в его ежедневном обиходе. Что сулит нам грядущий день? Неизвестно, может быть — будет так скверно, что теперешнее время покажется нам золотым, может быть—буря уляжется, ее дурь и злоба сменятся мертвой зыбью... С той минуты, когда движение перешло в руки черни, ему нельзя сочувствовать... Мы дожили до последнего решительного часа: если общество чувствует в себе силу, смелость и право потребовать этот правительственный меч и властно приказать стихиям улечься и молчать, то пусть оно это делает, а если оно так же слабо, так же расшатано, так же безвольно и беспринципно,

*) «Новое Время», № 10634 от 11 октября.

как и все остальное у нас в России, то тогда будут литься потоки крови, и в крушении бессмысленных пожаров погибнет и умственное и духовное наследие предков» *). «В столь тревожные дни, как ныне, — говорит автор другой статьи — естественно возникает мысль о крутой репрессии, как единственном средстве восстановить порядок и нормальное течение жизни... Пусть найдется несколько энергичных, талантливых проводников военной диктатуры, и пламя, вырывающееся то здесь, то там наружу, может еще раз обратно быть вогнано внутрь» **).

Как видим, прав оказался даже тупоголовый Плеве, заявлявший в 1903 году на заседании Государственного Совета, что «русская буржуазия представляет класс, ближайшим образом заинтересованный в охранении общественного (т. е. царского. П. Г.) порядка». Оценка его в 1903 г. по существу оказалась верной и для 1905 года. Русская буржуазия не могла быть застрельщиком и руководителем революционного движения. Ее левое крыло, вначале считавшее себя революционным, к концу 1905 года перед общей опасностью пролетарского движения, об'единилось с правой, консервативной частью, чтобы, пожав друг другу руки, приветствовать полицейского и казацкую нагайку, как единственных верных защитников своих интересов. Как происходил процесс реакционизирования прогрессивной части буржуазии, нам еще придется касаться неоднократно.

Слабость русской буржуазии без сомнения не могла не наложить отпечатка и на русскую буржуазную интеллигенцию. Русский интеллигент не был похож на революционера времен французской революции. Подлинно революционная часть интеллигенции, понимая, что единственной угрожающей силой самодержавию является только пролетариат, примыкала к социал-демократии. Значительная же часть интеллигенции, разбуженная событиями 1905 года, хотя и пыталась играть политическую роль в революции, но, в силу социальной беспочвенности, принуждена была плыть по течению, оказываясь нередко в положении между молотом и

*) «Новое Время» № 10637 от 14 октября, из ст. «Последний час», А. Столыпина.

**) «Новое Время» № 10637 от 14 октября, из ст. Кучинского.

наковальней. Союз Союзов, об'единявший интеллигентские союзы, в процессе революции, вскрыл свою беспомощность, и, конечно, не он мог стать во главе революции. Вот как, например, описывает Сверчков свое посещение заседания петербургского отделения Союза Союзов, для оповещения о создании Совета Рабочих Депутатов.

«По ошибке я попал в другую комнату, где заседало не центральное бюро, а петербургское отделение Союза Союзов под председательством моего дяди, В. Я. Богучарского. Обсуждался вопрос о том, могут или не могут бастовать журналисты. Вопрос трактовался с разных сторон. Одни стояли за забастовку, другие ссылались на интересы революции, требовали не примыкать к стачке, указывая на то, что газеты должны выходить, дабы все население было осведомлено о совершающихся в России событиях.

В самый разгар горячих прений я попросил слова к порядку и сказал, что обсуждать вопрос нечего, так как рабочие печатного дела уже забастовали, и какое бы решение не было принято здесь, газеты все равно не выйдут. Наступило тягостное молчание. Собравшиеся в заседании Союза Союзов люди явно почувствовали, что вопросы революции решаются не ими, а рабочими, и что пролетариат диктует и им свою волю.

Я воспользовался молчанием и сообщил о возникновении «Рабочего Совета», об'единившего уже около 100.000 рабочих, и огласил требования, которые решено на следующий день пред'явить Городской Думе. Требования—а внимание всех сконцентрировалось на пятом из них — о вооружении пролетариата—произвели ошеломляющее впечатление. Наше выступление сочли безумием... На заседании центрального бюро Союза Союзов повторилась та же картина ужаса при прочтении мною пятого пункта требования Совета к Городской Думе. Задавали вопросы: нельзя ли его исключить или хотя бы изменить» *).

Пролетариат в октябре, как гегемон революции.

Сложившееся соотношение общественных сил выдвигало пролетариат, как непосредственного революционного руководителя и вождя октябрьской забастовки. Характер и смысл октябрьской забастовки, заранее

*) Д. Сверчков — «На заре революции», стр. 103—104.

предрешал задачи Совета Рабочих Депутатов. Хотя руководство забастовкой, ее организация, максимальное сплочение сил пролетариата и было одной из главных задач Совета в его первые дни существования,—но он не мог ограничиваться только такими рамками. Приходилось решать другие вопросы.

Мы уже указывали, что с первого же дня возникновения Совета, его имя становится популярным среди Ленинградского пролетариата, и трудно найти пример в истории, чтобы буквально в течение нескольких дней возникшая организация становилась настолько популярной и авторитетной в массах. Только революция может выдвигать со сказочной быстротой свои организации и только в революции их сила.

Уже во второй день своего существования, на втором заседании Совета, 14-го октября, присутствовали делегаты от 40 крупных предприятий, 2 фабрик и трех профессиональных союзов. Второе заседание Совета было посвящено преимущественно двум основным вопросам: о расширении забастовки — привлечении небастующих и посылке делегации в Городскую Думу. Входившего на заседание Совета поражала деловитость, с которой разрешались вопросы. Революция требовала быстрого, ясного ответа, и выступавшие высказывали кратко, сжато, чрезвычайно выразительно и ясно свои мысли. Наиболее резкому обсуждению и критике подвергался вопрос, стоящий в порядке дня, о посылке делегации в Думу.

«Хождение в Думу» и его уроки. Мысль о хождении в Думу была подана меньшевиками, являясь логическим продолжением общей тактики меньшевизма в отношении к буржуазии. Первоначально они желали противопоставить Городской Думе, избранной незначительным слоем населения, Совет Рабочих Депутатов, как новый «орган революционного самоуправления». Сам факт хождения, по их мнению, мог сыграть большое агитационное значение в смысле сравнения этих двух организаций перед лицом широких масс. Тем не менее, вопрос о посылке депутации в Думу вызвал очень оживленные прения. Делегаты с фабрик указывали, что надеяться на успех совершенно не приходится, что бюрократический состав Думы отвергнет все требования Совета. Своим клас-

совым чутьем они понимали, что разговаривать с одним из опорных пунктов царизма не придется. Меньшевики же, наоборот, защищали предложение о хождении в Думу, указывая, что революция не может не толкать влево гласных Думы, что ряд Городских Дум Москвы, Тифлиса и Нижнего-Новгорода прислушиваются к событиям. Но видя, что их предложение находит возражение в среде депутатов, они тогда главное внимание сконцентрировали на защите положения, что хождение в Думу будет иметь агитационное значение, и обращение Совета к Думе заставит общество присмотреться к Совету. Наконец, после жарких обсуждений думского вопроса, решено было приступить к выработке требований.

Вот что говорилось в выработанном Советом обращении: «Рабочий Совет всех фабрик и заводов С.-Петербурга, об'явивших всеобщую забастовку, солидарно со всем пролетариатом России, против невыносимого гнета и произвола, обращается к представителям городского самоуправления Петербурга с требованием проявить свое отношение к существующему политическому строю и к освободительной борьбе пролетариата всей России против этого строя в той или иной практической форме.

Мы предполагаем, что, несмотря на односторонность состава городского самоуправления, откуда, благодаря уродливой системе выборов, устранена вся многотысячная городская беднота, Дума, повинуясь даже простому политическому расчету, обязана оказать всевозможную поддержку всеобщей стачке.

Мы требуем:

1) Немедленно принять меры для регулирования продовольствия многотысячной рабочей массы.

2) Отвести помещение для собраний.

3) Прекратить всякое довольствие, отвод помещений, ассигновок на полицию, жандармерию и т. д.

4) Указать, куда израсходованы 15.000 рублей, поступившие в Думу для рабочих Нарвского Района».

15-го октября требования были дополнены следующими двумя пунктами под непосредственным давлением большевиков:

«5) Выдать из имеющихся в распоряжении Думы народных средств деньги, необходимые для вооружения борющегося за народную свободу петербургского пролетариата и студентов, перешедших на сторону пролетариата.

Руководство этой частью народной революционной армии должно находиться в руках самого пролетариата.

Суммы должны быть переданы общему Рабочему Совету.

6) Рабочий Совет, находя, что закрытие водопровода может вредно отразиться на здоровьи населения, требует от Городской Думы немедленного принятия мер к удалению войска из здания городского водопровода и предоставления его в распоряжение рабочих. В противном случае Совет предупреждает о возможности закрытия водопровода» *).

На том же заседании 14 октября решено было эти требования передать Думе через особую депутацию, избранную в числе 14 человек, в состав которой вошел официальный представитель социл-демократической партии. В 10 часов вечера депутация отправилась в Думу и приехала к моменту закрытия заседания. Швейцар первоначально даже не хотел пускать наверх такую «серую публику», а выходившие гласные заявляли, что заседание окончено. Однако, благодаря настойчивости делегации, они не решались ее задержать и сами молча поплелись в полуосвещенный думский зал. Появление депутации в зале, освещенной свечами, в виду забастовки электрической станции, перепугало не одного гласного, и отовсюду слышались вопросы: «Что за депутация? Откуда? Зачем они пришли в Думу? Не нападение ли это на Думу?»—недоумевали другие. Послышалось даже предложение позвать полицию «на всякий случай», но—оно не встретило сочувствия.

Депутация потребовала вызвать председателя Думы Красовского. В ожидании его прихода, гласные интересовались узнать, по какому поводу и какие требования хочет пред‘явить депутация, что такое Совет Рабочих Депутатов и т. д.

Явившемуся председателю Думы депутаты предложили созвать экстренное заседание для заслушания требований

*) Известия С. Р. Д., № 2.

ленинградских рабочих. Красовский от созыва экстренного заседания отказался, мотивируя тем, что заседание закрыто и требований гласным передать не может. Когда делегаты указывали, что обращаются не к нему, а к Думе, то гласные, выступившие в защиту своего председателя, стали доказывать, что по закону частные лица не могут выступать со своими предложениями на заседаниях Думы. Пусть делегаты—говорили они—подадут свое заявление в Городскую Управу, и тогда его рассмотрят на заседании Думы. Такое отношение Думы к депутатам было прервано одним выступившим рабочим: «Да какой там закон, когда в стране революция»—заявил он. При слове «революция» лица гласных вытянулись, выразив испуг. И когда один из делегатов вместо слов «уродливая система выборов» оговорился «уродливая дума», то гласные настолько обиделись, что не хотели дальше слушать. Часть гласных, однако, стояла за прием депутатов, и после долгих переговоров Красовский, наконец, согласился созвать на 16 октября частное совещание, на котором Дума выслушает требования. Так кончилось первое хождение ленинградских рабочих к «своей Думе». Депутация, вернувшись в Совет, доложила о своем посещении Думы. Хотя в успех никто и не верил, но формализм гласных возмущал всех. Со смехом выслушивали сообщение, как испугались гласные забастовавших рабочих, явившихся не с просьбой, а с требованием. Той же делегации было поручено явиться на назначенное заседание Думы.

Заседание Думы 16 октября поистине представляет немалый интерес. Цинизм Думы дошел до того, что она не постеснялась даже позвать полицию «на всякий случай», и помещение Думы скорее напоминало в этот день штаб войск, чем мирное заседание «отцов города». Под‘езды Думы охранялись усиленным нарядом городовых. На лестницах, по ходатайству исполняющего обязанности городского головы, Резцова, шпалерами выстроилась рота пехоты. Полицейские, вместе с думскими служителями, устанавливали личность гласных и тогда пропускали их наверх сквозь темные ряды городовых и пехотинцев. Посторонних никого не впускали и не выпускали. Когда, к трем часам, собралось человек десять депутатов Совета, они решили вызвать пристава. Оказалось,

что он был очень озабочен, что депутаты так долго не являются (трое депутатов явились раньше). Прибывших депутатов пропустили через шеренгу городовых в переднюю. Они чувствовали себя скорее арестованными, а полицейский офицер, находившийся в наряде, советовал не заявлять, что они депутаты Совета, «тогда, быть может, вас и не арестуют»—заявил он. В ожидании открытия совещания, депутатов часа два продержали в передней. Больше всего волновался полицеймейстер по поводу отсутствия последнего депутата. Но с его приходом он успокоился. Вместе с депутатами Совета была задержана студенческая делегация, выбранная на студенческом собрании 15 октября, для поддержки требований Совета. Несравненно мягче отнеслись к представителям Союза Союзов и депутации профессоров Технологического Института, которым предоставили свободу. Томительные часы ожидания депутации сменились, наконец, приглашением Красовского, предупредившего, «чтобы вы соблюдали уважение к законам и существующим властям. В противном случае вы будете удалены» Гласные с удивлением смотрели на появление в думском зале делегации, представлявшей кого-то чужого, страшного и известного гласным Думы лишь по больничному и паспортному сбору. «Была довольно любопытная картина,—вспоминает Радин,—в этой торжественной обстановке, среди этих буржуев в сюртуках, аристократов и чиновников в орденах, вдруг появилось 14 лиц «прямо с улицы», одетых как попало, с ужасными манерами... Многие из нас были совершенно охрипшие от речей на митингах, и «нравственные» отцы верно с ужасом думали о том, что мы потеряли голос от пьянства. Вдобавок все мы были в пальто, в галошах» *).

Первое слово дали депутации. С появлением Хрусталева на думской эстраде раздались голоса гласных: «Как фамилия? Пусть назовет свою фамилию»?

Столь предупредительный прием, оказанный Думой, заставил депутацию выступить с протестом. Хрусталев заявил: «Мою фамилию знают те тысячи рабочих, которые послали меня сюда. Я, как председатель С. Р. Д., заявляю, что

*) Радин—Первый Совет Рабочих Депутатов, стр. 39—40.

депутация избрана Советом, и в ее среде нет самозванцев. Представители Союза Союзов могут подтвердить это. Они явились сюда, чтобы поддержать требования выборных представителей петербургского пролетариата» (в среде гласных раздаются голоса: «не надо фамилию»).

«Но прежде, чем излагать наши требования, мы должны убедиться, что Дума протестует против устроенной нам полицейской западни. Председатель Думы сказал нам два дня тому назад, чтобы сегодня мы явились в Думу за ответом— будет допущена делегация или нет. Мы пришли сюда, а вызванные по требованию городской управы войска и полиция арестовали нас. Мы не боимся арестов. Но достоинство городского самоуправления требует принятия мер к нашему освобождению. Пусть даже Дума окажется бессильной, полиция нас не освободит, но Дума обязана сказать полицейским властям, что она протестует против нашего ареста. Не прежде, чем состоится такое постановление Думы, мы приступим к изложению наших требований» *).

Уступая настойчивым требованиям части гласных, Дума выносит постановление, что «в случае ареста рабочих депутатов командировать к градоначальнику председателя Думы, г. Красовского, и городского голову, г. Резцова, с заявлением, что гласные будут считать арест депутатов оскорблением Думы».

Несмотря на вынужденное постановление Думы, было ясно, что ожидать со стороны Думы удовлетворения требований Совета бесполезно, и потому выступивший из депутации Радин произнес блестящую речь, бичевавшую трусость буржуазии и носившую по существу программно-политический характер. «Мы пришли к вам, чтобы узнать, с кем вы, с народом против абсолютизма и азиатщины или с абсолютизмом против народа, против свободы... Мы хорошо знаем, что вы, по своему социальному положению, никогда бороться за наши лозунги не будете. Не для этого пришли мы. Переворот, совершающийся в России, есть переворот буржуазный, он в интересах и буржуазии. В ваших собственных интересах, чтобы он скорее совершился и закончился. И если вы хотите быть сколько

*) Ст. Хрусталева в сб. «История Совета Р. Д. в СПБ.», стр. 70.

нибудь дальнозоркими, если вы действительно понимаете выгоды вашего класса, то должны всеми силами помочь народу в скорейшей победе над абсолютизмом. Нам не нужно от вас ни резолюции сочувствия, ни платонической поддержки наших требований. Мы требуем, чтобы вы свое содействие оказали рядом практических действий... Совет Р. Д. требует, чтобы городское имущество было предоставлено всем жителям города для их надобностей... Для надобностей этой борьбы нам нужны места для наших собраний,—откройте ваши здания. Нам нужны средства для продолжения стачки—ассигнуйте городские средства на это, а не на поддержку полиции и жандармов. Нам нужно оружие для завоевания и отстаивания свободы — отпустите средства для организации пролетарской милиции» *). Затем Радин огласил требования Совета. Как речь Радина, так и зачитывание требований, были выслушаны молча. Может быть, у некоторых гласных и появились желания быть ближе к революции, но они постарались отогнать от себя столь неприятные мысли. Большинство же было настроено отрицательно к депутации Совета и чувствовало, что приходится выполнять неприятную обязанность—выслушивать требования, а не просьбу. Настроение Думы лучше всего сказалось, когда, после второго выступления Хрусталева, конкретизировавшего требования, и двух адвокатов из Союза Союзов, Красовский попросил делегатов оставить зал и заявил, что требования «будут рассмотрены, только не в таком большом числе», и результаты можно будет узнать в Городской Управе. Эти слова, как нельзя больше, отразили настроение гласных.

Уход депутатов из Думы оказался не лишенным новых мытарств. Перед депутатами предстала опасность из Думы перекочевать в тюрьму, поэтому депутация вызвала председателя Красовского. Полицеймейстер, повидимому, имея инструкцию градоначальника, недвусмысленно хитрил, что в Думе он никого не арестует, а что случится на улице—то за это он не может ручаться. Эта наглость возмутила даже часть гласных—они заволновались и убедили Красовского и Резцова отправиться к градоначальнику. В ожидании ответа градоначальника гласные, желая сгладить неприятное впечатление, оставшееся от дум-

*) Радин—«Первый Совет Раб. Деп.», стр. 41–42.

ского заседания, сбившись по группам, силились доказать свое сочувствие рабочим, они готовы, мол, все сделать, они «давно бы сделали самые радикальные постановления, да градоначальник не позволяет, и, вообще, администрация сильно стесняет городское самоуправление».

От градоначальника был получен ответ о снятии военного наряда. Полиция ушла, а депутаты, под почетным конвоем гласных, вышли, наконец, из Думы, окончив попытку единения народа с «отцами».

Хождение в Думу было одним из эпизодов первоначальной деятельности Ленинградского Совета, вытекавшим из попытки меньшевиков превратить Совет в «орган революционного самоуправления». Революция решала судьбы Совета по другому, поставив перед ним более крупные задачи, чем любезные речи с «отцами города». Любопытно, что за ответом в Думу депутаты уже не ходили. Только косвенным путем Совет узнал, что на закрытом заседании Дума отклонила все требования, а в вопросе вооружения вынесла даже особое постановление о доверии полиции и войскам. Большего от Думы ждать не приходилось. Классовое чутье депутатов Совета, возражавших против хождения в Думу, их не обманывало. Впоследствии, во время судебного процесса, Хрусталев-Носарь, желая оправдать посещение Думы, указывал, что: «Своим выступлением мы фиксировали общественное внимание на Совете. Своим обращением к Думе мы доводили до сведения самых широких слоев населения, что новая организованная сила рабочих берет на себя охрану всего населения, что Совет, как орган этой силы, преследует защиту интересов всего населения» *). Внимание к Совету со стороны широких масс фиксировалось, однако, не хождением в Думу, а развитием революции.

Совет в руководстве Октябрьской забастовкой.

На третьем заседании Совета, 15-го октября, состоявшемся в физической аудитории, присутствовало уже 226 депутатов от 96 предприятий и 5 профсоюзов. Несмотря на загромождение повестки дня многими вопросами и коллективное обсуждение их депутатами Совета, собрание деловым образом решало все

*) Процесс Пет. С. Р. Д., стр. 87.

вопросы, выявляя настроение ленинградских масс. Главное внимание уделялось развитию забастовки, отношению забастовавших рабочих к незабастовавшим и стачечному фонду. Но, кроме этих вопросов Совет вырабатывает «обращение общего Рабочего Совета к народу» и разрешает ряд других вопросов, имеющих общеполитический характер.

К 15-му октября к забастовке не примкнули еще табачные и конфектные фабрики, пивоваренные и стеклянные заводы и ряд более мелких фабрик по обработке волокнистых веществ.

Совет в своем заседании ставит задачей, чтобы забастовка действительно стала всеобщей и с этой целью вырабатывает ряд практических мер и применяет их в зависимости от условий. Первоначально предлагается на митингах призывать небастующих к присоединению к забастовке посылкой депутатов Совета и путем воззваний. В случае же противодействия со стороны хозяев, предлагается требовать от них, под угрозой разгрома, немедленного закрытия предприятия и, наконец, снимать небастующих. В обращениях Совета к небастующим указывалось, что «пролетариат всей России сейчас живет одной думой, охвачен одним чувством. Он об'явил решительную ожесточенную войну всем своим врагам. Как один человек, он, бросив станки, машины, паровозы, заявил всему миру: до сих пор мы жили рабами, теперь хотим быть свободными, хотим из забитого, под'яремного русского обывателя стать вольным гражданином народной, а не царской России... Неужели вы, товарищи, окажетесь изменниками рабочего дела? Неужели вы, в этот решительный момент, когда пролетариат России стал на ноги, не пойдете с ним плечо к плечу, против наших общих врагов? Петербургский Совет Рабочих убежден, что этого вы не сделаете»... *).

И, действительно, 16-го октября забастовали текстильные фабрики и другие небастующие предприятия. Заставлять силой примкнуть к забастовке не приходилось и не безызвестен, например, такой случай по докладу депутата в заседании Совета:

«Шел я мимо фабрики Пеклие. Вижу—работает. Позвонил. Доложите—депутат от Рабочего Совета.

*) «Известия С. Р. Д. гор. СПБ», № 2.

— Что вам нужно, спросил управляющий?

— От имени Совета требую немедленного закрытия вашей фабрики.

— Хорошо, в 3 часа прекратим работы».

В худшем же случае достатсчно было появления небольшой толпы забастовщиков, чтобы работа прекращалась.

Совет не хотел ограничиваться забастовкой только фабричных предприятий, и на заседании 15-го октября ставит вопрос, что забастовка должна стать всеобщей, и постановляет: что «закрытию подлежат все магазины и лавки: торговые заведения, торгующие с‘естными припасами, открываются от 8 до 11 часов утра, а в праздничные дни от 1 до 3 час. дня».

Если решающей силой в закрытии предприятий являлись рабочие, то приказчики в закрытии магазинов не могли иметь такого значения, в виду своей малочисленности и слабой организации. Правда, более сознательный слой приказчиков в первые дни примыкает к забастовке. Но широкому об‘единению приказчиков мешали чисто об‘ективные условия, так как разобщенность и распыленность ставили их в другое положение, чем индустриальных рабочих. Кампания по закрытию магазинов, начатая еще 13 октября и проводившаяся по требованию публики и организованных приказчиков, 14 октября, в связи с постановлением Трепова о высылке в 24 часа хозяев, закрывших магазины, начинала несколько ослабевать.

Тогда Совет Рабочих Депутатов приходит на помощь и решает, что в закрытии лавок должны принять участие рабочие. С этой целью Совет предлагает рабочим и приказчикам собраться 16 октября в 10 часов на курсах Лесгафта и оттуда направиться по городу и закрывать торгующие магазины. Сбор не удался, так как с утра все высшие учебные заведения оказались оцепленными усиленными нарядами войск. Ряд неотложных задач, ставших перед Советом, в связи с начавшимся активным выступлением реакции и развитием забастовки,— выборы депутатов в Совет, организация районных советов, штабов и т. д. — не дали Совету возможности сконцентрировать его внимание на активной кампании по прекращению торговли. Поэтому, Совету пришлось ограничиться воззванием «ко всем хозяевам торговых и промышленных заведений. Вся Россия

бастует. Забастовали адвокаты, врачи, чиновники, банковые служащие, семинаристы, гимназисты. Вся Россия бастует. Она бастует против самодержавия, против бюрократии, против рабства, в котором так долго царь и шайка придворных держали русский народ. Теперь настает час расплаты. Народ освобождается от векового ига. Хозяева! И на вас самодержавный строй не раз накладывал свою тяжелую лапу. Вас грабила полиция, разорял несправедливый суд, обдирали высшие чиновники. Хозяева! Если вы хотите лучшей жизни, если вы хотите перестать быть рабами и сделаться людьми и гражданами, вы должны присоединиться к всеобщей всероссийской забастовке. Лучше немного потерпеть, чем терпеть всю жизнь гнет и унижение. Поддерживайте-же борцов за свободу и счастье всего народа, присоединяйтесь к ним, закрывайте фабрики, заводы, магазины и все торговые и промышленные заведения.

Если вы не согласитесь на это, вы пойдете против всего народа — и тогда вас не защитит никакая полиция, никакие войска. Самодержавие, которое не спасло себя, не спасет и вас от народной мести. Забастовка должна быть всеобщей во что бы то ни стало, поэтому общий Рабочий Совет постановил потребовать от вас немедленного закрытия всех торгово-промышленных заведений. Если вы не исполните этого требования, ваши магазины будут разбиты, ваши машины уничтожены.

Закрывайте же фабрики, заводы, магазины. Закрывайте немедленно, закрывайте, пока не поздно, пока вы не сделались жертвами народного гнева» *).

Практического значения воззвание не имело и не могло иметь уже по одному тому, что оно было напечатано в органе Совета «Известия Совета Рабочих Депутатов», газете, не пользовавшейся популярностью в торгово-промышленных кругах. Отдельными листками воззвание не распространялось. Оно, поэтому, скорее интересно, как литературный памятник, вскрывающий отчасти характер развивавшейся революции. Кроме того, с развитием революции, размножение в массовом количестве воззваний потеряло смысл. События развертывались не по дням, а по часам. Революционное настроение крепло,

*) «Известия С. Р. Д. СПБ.», № 2.

и 16 октября забастовка в Ленинграде приобрела всеобщий характер. Торговля не прекратилась только в центре, на окраинах же, в рабочих кварталах, все лавки были закрыты.

С развитием забастовки популярность Совета быстро росла не только в широких массах. К Совету примыкают и его воле подчиняются Союз Союзов, многочисленные интеллигентские стачечные комитеты: адвокатов, судебных чиновников, инженеров и т. д. Совет, об'единяя революционные силы, становится во главе их.

Старый Ленинград, отражавший процесс развития русского капитализма, — где, с одной стороны, против Зимнего раскинулась биржа, соединенная с ним «дворцовым мостом», а рядом расположилась Петропавловская крепость с замурованными политическими узниками, и где, с другой стороны, всех их вместе туго обтянуло тесное кольцо крупных фабрик и заводов,—вскрыл многолетний болезненный нарост, поставив в октябре 1905 г. во главе всех событий новую могучую фигуру — пролетариат.

ГЛАВА II.

Советы Рабочих Депутатов и Социал-Демократия.

Если в конце 90-х годов положение, высказанное Плехановым, что «революционное движение у нас восторжествует, как рабочее движение, или совсем не восторжествует», было встречено с недоумением, вызывая нередко скептические насмешки, расцениваясь, как агитационная фраза, лишенная практического содержания, то через десять - пятнадцать лет—срок очень небольшой в истории—этот скептицизм терял под собою почву. Кризис самодержавия, подготовленный предшествующей экономической и политической деятельностью самого же царизма, был настолько очевидным к 1905 году, что «революция», бережно хранимая под многолетним спудом деспотизма, вновь прорывается на свет. Неизбежность революции в России понималась и за границей, проявляющей все более и более внимательное отношение к России, посвящая нередко блестящие работы вроде Георга Бернгардта «Бедная богатая Россия», и исследующей финансовое положение страны. За границей было чем интересоваться. Долги России, выражавшиеся к 1-му января 1904 г. в «скромной сумме» 6,63 миллиарда рублей и поднявшиеся через год к 7,07 миллиардов, невольно тянули к столь «благодатной стране», дающей высокие проценты. Но эти же высокие проценты не менее интересовали тех, кому непосредственно приходилось платить по царским счетам. Недовольство настолько быстро росло, что, несмотря на предпринимаемые самодержавием всевозможные меры противодействия революции, неумолимый закон истории оказывался выше сил царизма, и революция 1905 года становилась подлинной действительностью.

Оценка революции большевика и меньшевика.

Вместе с пониманием неизбежности революции вставал и основной вопрос ее — кто станет во главе революционного движения. Если десять-пятнадцать лет шел спор о возможности развития капитализма в России и появлении пролетариата, то к 1905 г. эти «больные» вопросы историей были окончательно разрешены, и спор шел в другом направлении: — сумеет ли пролетариат быть стержнем революции и какой характер будет носить революция? «Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции»—писал Ленин в брошюре «Две тактики». Но он не останавливается на простом употреблении избитого слова, а, наоборот, главное внимание уделяет раз'яснению термина «буржуазная революция», анализируя, какое значение революция будет иметь для пролетариата, и какую роль он в ней должен сыграть. Может ли предстоящая революция ограничиться только завоеваниями свобод для буржуазии, уничтожив самодержавие, остатки крепостничества, полицейщину и ограничиться созданием более благоприятных предпосылок для развития капитализма? В этом смысле Ленин выступает самым решительным врагом меньшевизма, оценивающего исход русской революции, как завершение буржуазных правопорядков.

...«Мы не остановимся на полпути»,—писал он неоднократно, потому что—«в современной России не две борющихся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна общенародная борьба (за свободу буржуазного общества) за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая—классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» *).

Эти два процесса в русской революции неизбежно требовали от пролетариата самого активного участия в ней. Участие пролетариата даже в первом, буржуазном этапе революции, сравнительно с его положением при самодержавно-деспотических порядках, являлось выгодным. Если и раздавались го-

*) «Пролетарий» № 29.

лоса о невыгодности участия пролетариата в завоеваниях буржуазных политических свобод, то они преимущественно шли либо из народнических кругов, доказывающих противоречия рабочих интересов, либо из анархических слоев, отрицавших всяческое участие пролетариата в буржуазной политике, буржуазной революции, буржуазном парламентаризме. Вполне понятно, что агитация о выгодности для пролетариата его пассивности в революции кроме вреда ничего не сулила рабочим массам. Наоборот, чем решительнее и полнее была бы победа буржуазной революции, тем обеспеченнее было бы поле борьбы за социализм. «Рабочему классу выгоднее — писал Ленин — чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрый, наименее болезненной по отношению пролетариата операции, путь прямого удаления гниющих частей» *).

Об'ективно, революционный путь пролетариата был еще более необходим, если проследить «революционную» роль русской буржуазии. Было бы большой ошибкой думать и расценивать русскую буржуазию, как могущественную силу в борьбе с царизмом. Характерным для нее в целом является неспособность к решительной борьбе, об'ясняемая боязнью потерять собственность, страхом перед слишком революционным выступлением рабочих масс, опасением возможности полного разрыва бюрократией и чиновничеством, с которыми она была тесно связана. Эти об'стоятельства наложили на русскую буржуазию в борьбе «за свободу» отпечаток робости, непоследовательности, половинчатости. Правда, либеральная буржуазия обращалась «к народу» за его поддержкой, но обращение это не носило характера верного союзника и боево о товарища, готового до конца постоять за интересы революции, а шла она к народу «как торгаш, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой». Русская революция в достаточной мере

*) Ленин.—«Две тактики».

вскрыла двоедушие русской буржуазии, то просящей у царизма от «имени народа» монархической конституции, то отрекаясь от народа, от революции.

Из непоследовательного и трусливого поведения русской буржуазии и вытекала перед пролетариатом необходимость самостоятельного и смелого осуществления задач революции, необходимость быть авангардом в борьбе за интересы всех революционных классов, толкать буржуазию на революционный путь, как писал Ленин, не безучастного отношения к революции—«не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца». Об'ективно складывавшиеся условия при пассивности пролетариата делали бы революцию невозможной. Только выступление рабочего класса могло положить конец торгу буржуазии с самодержавием, геройским усилием поднять массы, привлечь к участию в революции крестьянство и «вооруженной рукой взять свободу для всего народа, раздавив без пощады врагов свободы и отбросив в сторону корыстных и шатких буржуазных звонарей свободы».

Завершением восстания явится временное революционное правительство, которое «должно осуществить программу-минимум пролетарской демократии, как единственно способную обеспечить интересы восставшего против самодержавия народа». Но восстание отнюдь не ставит своей задачей установления буржуазно-демократических свобод, созыва учредительного собрания, наоборот—«победа восстания не будет еще победой народа, если она не поведет к революционному перевороту, к полному свержению самодержавия, к отстранению непоследовательной и своекорыстной буржуазии, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» *).

В противовес большевикам, упорно доказывающим необходимость и неизбежность восстания и невозможность ограничения революции рамками буржуазно-демократических завоеваний, меньшевики иначе расценивали русскую революцию. Их постановления Женевской конференции базировались на недоверии к мощи пролетариата и отрицании социалистических

*) Ленин—«Пролетарий», № 10 от 20 Июня 1905 г.

моментов в революции. Употребляемый термин «буржуазная революция» понимался ими не как преходящий этап революции, а как ее завершение. В ноябре месяце, в момент ожесточенной классовой борьбы, когда даже в широких слоях пролетариата осознавался захват власти, как первый этап к изменению производственных отношений, меньшевики упорно твердили, что «если пролетариат сознает себя, как класс, активно выступит, как таковой, выступит организованный, с определенными целями и планомерной тактикой, то всероссийская революция даст максимум возможных в буржуазном обществе преобразований» *). Правда, буржуазная сущность меньшевизма и его скептицизм к роли пролетариата в революции 1905 года скрывался за революционной фразеологией, сводившейся к тому, что достижение максимума буржуазных свобод сократит путь к другой социальной революции, откладываемой ими на неопределенный срок, в возможность которой они сами мало верили.

Буржуазная же сущность их, если и не была вскрыта в революции 1905 года, то исключительно потому, что пролетариату не пришлось непосредственно столкнуться на баррикадах с русской буржуазией. Понадобилась революция 1917 г., когда меньшевизм выявил свое доподлинное буржуазное лицо, открыто, с оружием в руках, защищая буржуазно-капиталистические порядки. Правда, и в 1905 году были моменты, когда меньшевизм опасался возможности захвата власти пролетариатом. В своей переписке, в конце октября, Мартов писал Аксельроду «Влияние (соц.-дем.-большевиков. П. Г.) так велико, колоссально велико, что «захват власти» при бурном обороте дальнейших событий начинает иногда казаться почти неизбежным; это не значит, что такой захват представляет нечто заманчивое; я то боюсь, что это будет поворотным пунктом революции и не хуже, чем была якобинская диктатура» **).

Слова Мартова, лидера меньшевизма, искренне написанные в письме к другу, но скрываемые от пролетарских масс, вряд ли нуждаются в комментариях.

Несколько якобы особую позицию в оценке революции 1905 г. занимает т. Троцкий ***). Ближайшее же рассмотрение

---

*) «Московская Газета», № 3 от 12 Ноября.

**) «Письма Аксельрода и Мартова», том I, изд. Берлин.

***) Л. Троцкий «1905». Госиздат, 2 изд.

положения о «буржуазном характере и пролетарском методе» в понимании т. Троцкого вскрывает подновленный меньшевизм. Менее всего можно предположить, что за этой «левой» фразой у т. Троцкого скрывается понимание диктатуры пролетариата, устанавливающей социалистические правопорядки, так как он неоднократно оговаривает, что «правительство, опирающееся непосредственно на пролетариат и через него на революционное крестьянство, еще не означает социалистической диктатуры» (стр. 252), что «вопрос никогда не шел для нас о том, можно ли Россию «перевести прямо в социализм. Такая постановка вопроса требует совершенно особого устройства головы» (стр. 272) и т. д.

Задача революции, в оценке т. Троцкого, несравненно ограниченнее, и социалистическую окраску она сумеет приобресть при условии мировой революции, при условии соединения победившего пролетариата России с силами социалистического пролетариата Западной Европы. «Только на этом пути его временное революционное господство станет прологом социалистической диктатуры». Вне поддержки мировой революции русской революции удержаться на социалистических подступах не удастся, и революционные победы и руководство неизбежно перейдут к капиталистическим элементам. «Перед революционной властью—пишет т. Троцкий—будут стоять об'ективные социалистические задачи, но разрешение их на известном этапе столкнется с хозяйственной отсталостью страны. В рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет» (стр. 286).

Глубокий пессимизм в оценке союзников пролетариата внутри страны следует рассматривать, как отражение меньшевистских настроений, базирующихся на недостаточной зрелости рабочего класса, еще не осознавшего себя, как класс, призванный к руководству общественной жизнью, и не порвавшего с цеховыми настроениями. Если меньшевизм в чистом виде из такой недооценки сил пролетариата и отрицания возможности сотрудничества пролетариата и крестьянства бесцеремонно признавал гегемонию буржуазии, то подновленный меньшевизм, в формулировке Троцкого, по существу повторял то же самое, скромно укрываясь в защите своих позиций, под сенью необходимости одновременной мировой революции и той же недооценки союзников пролетариата внутри страны.

Истории, однако, угодно было доказать, что хотя одновременного взрыва мировой социалистической революции не произошло, тем не менее в отдельных государствах, экономически влиятельных в мировом хозяйстве, захват власти пролетариатом и завоевание социалистических подступов вполне возможны. Даже под напором мировой капиталистической контрреволюции, пролетариат укрепляет свои позиции и неуклонно идет по пути социалистических побед. Правда, путь этот более извилист, чтобы уложиться в абстрактную схему развития и завершения мировой революции, формулированный в так называемой теории «перманентной революции», но чем более он извилист, тем более пролетариат, проходя его, доказывает свою зрелость, как класса, исторически подготовленного смести капиталистический гнойник. Победа пролетариата в этом случае возможна только при условии расширения политического горизонта за рамки цеха или фабрики, осознания себя, как класса, призванного к руководству общественной жизни, поставив вопрос о гегемонии пролетариата практически, т. е. установлению сотрудничества с возможными союзниками не только вне, но и внутри страны. В этом смысле позиция и оценка революции у т. Ленина, отметившего характер и развитие революции 1905 года, верно отражали и учитывали позицию передового пролетариата. Но розовато-меньшевистские очки скрыли от т. Троцкого гениальный смысл Ленинской оценки и прогноза русской революции. Вместо восприятия ее, как путеводной звезды, т. Троцкий продолжал старую песнь, что «вся беда в том, что большевики классовую борьбу пролетариата доводят только до момента побед революции; после этого она временно растворяется в «демократическом» сотрудничестве (стр. 285) или что «став у власти, социал-демократия окажется перед глубочайшим противоречием, которого нельзя устранить наивной вывеской «только демократической диктатуры» (стр. 286).

Эти в основном две оценки революции,—меньшевиков и большевиков,—бегло изложенные, тем не менее имеют огромное значение в понимании отношения и оценки со стороны социал-демократии Советов. Октябрьская забастовка хотя и завершилась всеобщим взрывом негодования, тем не менее не обманывала большевиков, и уже в первом номере первой легальной большевистской газеты «Новой Жизни» писалось, что «демокра

тические требования хотя и об'единили различные классы общества, но степень полноты и решительности, с какой они выставлены отдельными классами, различны. Совместная борьба пролетариата с буржуазными классами за освобождение может быть только временной. В ходе этой борьбы наступит момент, когда буржуазия предаст рабочий класс» *). Пролетариату приходилось быть на чеку, от него требовалось большей сплоченности и организованности, так как вместе с октябрьской забастовкой претензии либеральной буржуазии на руководство революцией под непосредственным влиянием мощи пролетариата охлаждаются. Не в лучшем положении оказывается буржуазная интеллигенция, группировавшаяся вокруг Союза Союзов. Союз Союзов и организованная им буржуазная интеллигенция, как известно, несмотря на долгие и страстные дебаты в пользу всеобщей забастовки, примкнули к ней после рабочих, под впечатлением уже совершившегося факта.

Появление Советов и борьба за них.

Как мы видели, появление пролетариата на широкой политической арене, в результате октябрьской забастовки, как гегемона революции, естественно остро поставило перед ним вопросы организации класса и органов, руководящих революцией. Хотя социал-демократия пользовалась огромным идейным влиянием на массы, но организационно партия не могла охватить всего рабочего класса, революция же ставила вопрос об организационном сплочении всего пролетариата. Эту задачу не могли выполнить и профсоюзы, чрезвычайно слабые и не могущие выступить, как руководящие органы революции. Даже наличие сильных и организованных профсоюзов не исключило бы необходимости создания общеклассовой организации, чем и явился Совет. Профсоюзы не могли заменить Совета, но при своей большой организованности и крепости бесспорно служили к усилению могущества Советов. Совет поэтому и явился ответом революционного пролетариата на создавшееся классовое соотношение сил. Менее всего появление Совета может быть рассматриваемо, как какое-то меньшевистское изобретение, рекомендуемое меньшевиками чуть ли не с весны 1905 года. Как известно, меньшевистские претензии на авторство создания Совста не лишены

*) «Новая Жизнь», № 1, из передовой

суб'ективности, и если меньшевики причастны к организации Совета, то только в том смысле, что, не поняв огромной революционной роли Советов, они пытались мощную революционную организацию принизить и отодвинуть на второй план подчинив ее интересам либеральной буржуазии.

Но принципы организационного обхвата широких пролетарских масс избавляли его от услуг меньшевиков, сделав его авторитетной организацией в рядах рабочего класса. Норма представительства—1 депутат на 500 избирателей, положенная впоследствии в основу Советской Конституции в 1917 году, давала ему возможность быть действительным выразителем настроений масс, оберегая от отклонения в сторону, чуждую классовой пролетарской линии. Право отвода депутата из Совета в любое время и замены его новым заставляли депутатов чутко прислушиваться к настроению пославших его товарищей. Если еще принять во внимание, что Совет в своих рядах об'единял все крупные предприятия Ленинграда и депутаты, выполняя свои депутатские обязанности, не покидали работ на своих предприятиях—то с полным правом Совет можно рассматривать, как орган, отражающий настроения пролетариата.

Вскоре после своего возникновения Совет стал пользоваться огромным авторитетом в рабочих массах. Отсутствие бюрократизма — несвойственного пролетариату — делало его родным для рабочего класса, и неудивительно поэтому, как восторженно впоследствии, во время судебного процесса Совета, отзывались о нем рабочие депутаты и свидетели. В своем допросе, например, Ольшанский, делегат вагонных мастерских Николаевской ж. д., сознательно подчеркивает простоту и деловитость заседаний: «На собраниях председатель с секретарем обыкновенно сидели за столом, стоявшим по средине зала, остальная публика сидела и стояла вокруг этого стола без различия Совета от Исполнительного Комитета; так, например, я не принадлежал к последнему и сидел однажды за столом председателя» *). Насколько авторитетен был Совет в глазах широких рабочих масс, красноречивее всего говорит факт прекращения работ по решению Совета в октябрьской и ноябрьской

*) Д-т Полиции. Дело № 6409, т. 2.

забастовке. Сила его заключалась в отражении настроений масс и умелом организационном об'единении. Тысячи фактов, в роде заявлений рабочих порта на требование полиции роспуска собрания, что «у нас есть свое правительство, пошлем в Совет, что скажет Совет, то и сделаем»—наглядно иллюстрируют его авторитетность. Но Совет не только отражал настроение пролетариата, не только не плелся в хвосте событий, к чему подчас тащили его меньшевики, но, отражая настроение пролетариата, пытался руководить им. Естественно поэтому, что эта мощная организация, об'единившая разрозненные ряды пролетариата, всколыхнула партийные круги и заставила выявить их свое отношение к ней. Вопрос о взаимоотношениях Совета и партии еще острее всплыл с окончанием октябрьско забастовки. До сих пор широко распространено мнение, распущенное меньшевиками, что большевики враждебно относились к Совету, не поняли его задач в революции и т. д. Но эта меньшевистская легенда теряет всякую почву при первом же более внимательном отношении к вопросу.

Опасаться большевикам с первых же дней существования Совета, как мы увидим, было из-за чего. Первым камнем преткновения между большевиками и меньшевиками явилась меньшевистская попытка навязывания Совету задач «органа революционного самоуправления». Об «органах революционного самоуправления» меньшевики упорно твердили в течение всего лета 1905 года и пытались этот ярлычек привесить Совету. По существу «революционное самоуправление» у меньшевиков, рекомендуемое, как революционная форма борьбы пролетариата с царизмом, являлось ничем иным, как капитуляцией перед неизбежностью вооруженного восстания. Это был своеобразный компромисс перед пролетарским характером русской революции.

Еще летом Ленин неоднократно разоблачал меньшевиков в буржуазности лозунга «революционного самоуправления», указывал, что «современная русская действительность наглядно показывает недостаточность лозунга «революцонного самоуправления» и необходимость прямого и точного лозунга восстания» *). В качестве наглядного примера утопичности мень-

*) «Пролетарий», № 15, от 23 августа.

шевистского лозунга он приводил решения Смоленской думы от 2 августа, признавшей беззаконным расквартирование казачьих частей, отказавшей в выдаче им денег, решившей создать собственную милицию.—Ленин задает вопрос «можно ли считать действительно народное самоуправление города Смоленска обеспеченным, пока революционная армия не одержала решительной победы над царской армией».

Меньшевики, однако, проходили мимо таких фактов, продолжая развивать свою теорию, ссылаясь преимущественно на пример Гурии в Закавказье, где власти бойкотируются населением и население управляется собственными выборными властями. «Организация такого повсюду публично функционирующего самоуправления—писали они—есть та форма, в которой должна произойти ликвидация самодержавия, не желающего добровольно открыть конституционной эры. Само собой разумеется, что самая возможность такой организации создается растущей дезорганизацией правительственного аппарата и ростом действенной силы». Цитируя этот меньшевистский рецепт революции, Ленин вскрывает буржуазный характер его, расценивая, «как идеальную цель монархической (освобожденской) буржуазии, как идеальную цель ликвидации русской пролетарско - крестьянской революции либеральными помещиками. Освобожденская, т. е. монархическая буржуазия, как мы уже сотни раз указывали, хочет именно такой «ликвидации», когда бы переход власти совершился без народного восстания» *).

Большевизм выступал самым решительным врагом меньшевистской теории Советов, как органов «революционного самоуправления» по существу буржуазной теории, облеченной революционной фразой. Большевики также отводили определенное место «революционному самоуправлению», но не как прологу революции, а как ее эпилогу, так как только в результате победоносного восстания могла явиться организация революционного самоуправления, а не наоборот. В противовес меньшевикам, проповедывавшим создание органов революционного самоуправления, как постепенную мирную ликвидацию самодержавия, большевики, наоборот, обращали внимание на

*) «Пролетарий», № 15, от 23 августа.

отдельные восстания, вспыхивавшие летом 1905 г., как на предвестники общего вооруженного восстания, считая, что вне успешного вооруженного восстания не может быть победы революции.

Первый удар меньшевистской теории «революционного самоуправления» был нанесен всеобщей октябрьской забастовкой. Манифест 17-го октября и широкая волна погромов, пронесшаяся по всей России, наглядно доказали массам неизбежность восстания. Если октябрьская забастовка и не вылилась в вооруженное восстание, то этот вопрос не был снят с порядка дня революции, а, наоборот, приобрел еще более актуальный и первоочередной характер. Это наглядно доказывается постепенным усилием влияния большевиков в Совете.

В первый день создания Совета под влиянием меньшевистской рекламы Совета, как «органа революционного самоуправления», большевики, как известно, осторожно отнеслись к новой «меньшевистской каверзе». Но уже на второй же день, видя, что Совет неизбежно пойдет по пути превращения в общеклассовую организацию пролетариата, большевики принимают активное участие в его создании. 14—15 октября большевистская организация делегирует своих представителей в Совет, а агитаторы призывают рабочих посылать своих выборных в этот орган.

Правда, наличие в Совете значительного числа беспартийных рабочих и появление в руководящей части меньшевиков и беспринципного Хрусталева естественно заставили большевиков вести борьбу за выпрямление пролетарской линии и принятие мер против возможного влияния либеральной буржуазии. Предстояла тяжелая борьба с меньшевиками. Тяжесть борьбы усугублялась еще тем, что первоначальный численный состав большевиков в Совете представлял меньшинство, и большевики являлись в положении крайне левой оппозиции. Кроме того меньшевиками «органы революционного самоуправления» понимались не в классовом смысле слова, как создание чисто пролетарской организации, но они не прочь были ввести в Совет и представителей других оппозиционных слоев. Как известно, с первых же дней в Совет была допущена делегация социалистов-революционеров, и их представитель входил в Исполнительный Комитет.

Благодаря этим условиям, деятельность большевиков в Совете приходится рассматривать, как борьбу за создание пролетарской боевой организации, как стремление превратить Совет в орган подготовки народного восстания, а не в организацию, плетущуюся в хвосте либеральной буржуазии. В этом смысле деятельность большевиков в Совете может быть разбита на два периода: первый этап—борьба за чисто классовую пролетарскую организацию и второй этап—борьба с руководящей головкой Совета за оформление пролетарской, т. е. большевистской, идеологии. Борьба руководящей меньшевистской части Совета с большевиками иногда действительно сильно обострялась, но если не доходила до открытого ухода из Совета и бойкота его, то исключительно потому, что значительная беспартийная рабочая часть Совета, благодаря своему классовому чутью, была вместе с большевиками.

В этом отношении любопытна борьба в Федеративном Совете вокруг предложения Совету об'единения его под знаменем социал-демократии. В то время, как большевики настаивали на необходимости выявления политической физиономии Совета, меньшевики выказывали неудовольствие по этому поводу, и даже, впоследствии, раздавались голоса, что если такой вопрос и поднимется в Совете, то «следует его замять». Игнорирование принципа партийного руководства Совета, как отражение буржуазной сущности меньшевизма, носит далеко не случайный характер. Не говоря уже о меньшевиках, систематически игнорировавших роль партии в руководстве революционной борьбой, это настроение разделялось и т. Троцким и открыто излагалось на страницах редактируемой им газеты «Начало». Даже впоследствии, подводя итоги революции 1905 года, т. Троцкий, рисуя «решающую обстановку революции»: всеобщую политическую забастовку, симпатии революции со стороны армии, пароксизмы биржи, и умалчивая о неизбежности восстания, отмечал, что «для победы революции воля партии, даже «руководящей», является лишь одной из многих и притом далеко не крупной силой» (стр. 236), зато преувеличивалась оль политически-бесформенных организаций.

Однако, ряд первоначальных шагов Совета, проводимых исключительно под меньшевистским давлением: хождение в

Ленинградскую Думу и затем попытка устроить траурную демонстрацию, отмененную по просьбам либеральной буржуазии, неизбежно поднимали вопрос об оформлении политической физиономии Совета. Под давлением большевиков по решению Федеративного Совета, вызывавшему неудовольствие у многих меньшевиков, уже 19 октября, при обсуждении вопроса об окончании забастовки, представитель Федеративного Совета вынужден был выступить в защиту необходимости согласования действий Совета с решениями об'единенного социал-демократического Совета, огласив в заключение следующую резолюцию: «Всеобщая политическая стачка заставила царское правительство пойти на уступки. Революционный пролетариат должен превратить новые лицемерные уступки царского правительства в действительные завоевания, дабы, опираясь на них, добиться Демократической Республики, как средства борьбы за социализм.

Принимая во внимание, что в этих целях необходима дальнейшая работа боевого об'единения рабочих масс под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, Федеративный комитет предлагает рабочим Петербурга прекратить всеобщую стачку не сегодня, дабы показать свое полное недоверие к новой конституции, а 21-го Октября с 12 час. дня, дружно и единодушно, как она началась, и готовить боевые кадры, в целях еще более внушительной и величественной атаки на шатающуюся монархию, которая окончательно может быть сметена лишь победоносным народным восстанием» *).

Собрание единогласно присоединилось к резолюции. Но большевики понимали, что формальное присоединение к резолюции не может служить достаточной гарантией против всевозможных уклонов и ошибок Совета и поэтому они считали необходимым заняться подготовкой к предложению Совету руководства со стороны социал-демократии и добиться принятия социал-демократической программы. Требование это вынуждалось наличием в Совете с.-р. и беспринципностью меньшевиков, принижающих характер Совета. В таком духе была принята резолюция Федеративного Совета, встретившая решительный отказ меньшевиков, упрекавших Федеративный Совет в его

*) «Известия С. Р. Д.», № 3.

пристрастии к большевикам. Решительный отказ меньшевиков от подчинения резолюции Федеративного Совета одно время грозил вылиться в тяжкий кризис Совета, когда большевики, порицая беспринципность и непоследовательность меньшевиков, предполагали провести кампанию бойкота Совета. Кризис стал бы неизбежен, если бы Совет не являлся массовой пролетарской организацией, а представлял меньшевистскую организацию, но именно его положение, как массового пролетарского органа, не довело до разрыва с Советом, вылившись в конфликт с руководящей меньшевистской группой Совета, но не с рабочим составом его. Вслед за выступлением «на двух-трех заводах большинство в нашей организации (большевиков, П. Г.)— пишет Войтинский—склонилось к тому, чтобы действовать постепенно: сперва добиться от Совета принципиального решения, что он подчиняется Р. С. Д. Р. П., а затем уже поставить вопрос о том, какой именно партийный орган должен давать Совету директивы. Таким образом, первый удар предполагалось направить против не социал-демократических элементов, т. е. против эсеров, а заключительный маневр должен был «вышибить» из Совета меньшевиков» *).

Проведение плана, намеченного в октябре, заняло и ноябрь, проходивший в упорной борьбе с меньшевистским хвостизмом. Для уяснения большевистского отношения к Советам любопытно привести резолюцию Семянниковского Подрайонного Комитета, принятую 30 октября. Сущность резолюции сводилась к тому, что, в случае желания Совета об'явить себя политическим руководителем, он прежде всего должен выявить свою политическую физиономию, определенно указать цели и задачи, которые он ставит, и средства, какими он намерен добиваться своих целей; пока же Совет не принял социал-демократической программы, необходима мобилизация социал-демократических сил в Совете. В качестве практической меры к этому рекомендовалось: перед каждым общегородским собранием Совета Рабочих Депутатов созывать собрание делегатов—социал-демократов, на котором предварительно обсуждать все те вопросы, которые Исполнительный Комитет намерен внести на рассмотрение общего собрания Совета.

---

*) Войтинский—«Годы побед и поражений», стр. 193, изд. Берлин.

По существу в этих основных положениях и формулировались меры предосторожности от уклонения Совета в сторону либеральной буржуазии. Предложение о предварительных собраниях социал-демократов есть попытка создания социал-демократической фракции. Гораздо яснее эта мысль была сформулирована на конференции Ремесленного Районного Комитета 4 ноября. «Члены партии—говорит эта резолюция—должны в Совете Рабочих Депутатов образовать социал-демократическую фракцию, которая выступала бы всегда, как единое целое». В качестве меры предохранения Совета от уклонов от социал-демократической линии рекомендовалось, чтобы члены Р. С. Д. Р. П. немедленно же вышли из Совета Рабочих Депутатов, в случае принятия им какой либо не социал-демократической программы. Аналогичные резолюции были вынесены и в других районных комитетах. Все они лучше всего доказывают, как внимательно относилась большевистская организация к Совету, как дорожила она пролетарской чистотой его. Только, благодаря таким предохранительным мерам, сокращались ошибки Совета и выковывалась боевая пролетарская организация, чуждая буржуазных и мелко-буржуазных веяний.

Устранив возможность растворения Совета в либерально-буржуазной и мелко-буржуазной стихии, большевикам не приходилось ограничиваться первыми победами. Вся история Ленинградского Совета, как уже указывалось, была борьбой большевиков с меньшевиками за создание революционной боевой пролетарской организации. Борьба на втором этапе была гораздо упорнее, чем борьба с беспартийными революционными интеллигентами или социалистами-революционерами. Роль последних в Совете проявлялась слабо. По своему ничтожному меньшинству эта группка мало влияла на определение тактики Совета.

Борьба затруднялась потому, что в 1905 году меньшевизм скрывал свою буржуазную сущность за революционной фразеологией. Правда, руководителями большевистской организации буржуазная сущность меньшевизма была вскрыта задолго до революции. Еще в июне Ленин писал, что «тактические лозунги, данные от имени (Женевской. П. Г.) конференции совпадают с лозунгами конституционно-демократической партии, т. е. партии монархической буржуазии, при чем вы (меньшевики. П. Г.) не заметили, не сознали этого совпа-

дения, оказавшись, таким образом, фактически в хвосте освобожденцев». Благодаря своей буржуазной сущности, меньшевики и не могли провести разницы между республиканско-революционной и монархически-либеральной буржуазной демократией и ограничивались общими рассуждениями о буржуазном характере русской революции.

В широких же массах общность социал-демократических программ и революционная фразеология—создавали иллюзию пролетарского характера меньшевизма. Однако, несмотря на революционный под'ем и требования ряда местных организаций о слиянии меньшевиков и большевиков, органическое слияние было чрезвычайно трудным. Расхождения в оценке революции, значения партии в классовой борьбе, в вопросах взаимоотношений партий и классов, значении широких беспринципных демократических организаций—все эти вопросы, переваренные большевиками, находили иную оценку у меньшевиков.

Иначе рассматривался меньшевиками также вопрос о взаимоотношении Совета и партии, отражая их недооценку пролетарского характера революции. В ноябре меньшевики попытались проделать новую операцию над Советом. Совет предлагается ими рассматривать, как зародыш массовой пролетарской партии, которая окончательно сформируется в результате Всероссийского Рабочего С'езда. По существу создание «широкой рабочей партии» грозило обезглавить пролетариат, ослабив его организованный авангард.

«Одновременное сосуществование двух самостоятельных пролетарских организаций — писало меньшевиствующее «Начало» — одной социал-демократической партийной и другой официальной беспартийной, хотя и действующей фактически в духе нашей партии,—явление ненормальное, которое раньше или позже должно исчезнуть» *).

Разрешение этой «ненормальности», по мнению «Начала», возможно в двоякой форме: либо «решение весьма простое, весьма легкое, но решение мнимое» потребовать от Совета определения своей политической физиономии. Этот путь «Началу» не нравится, ему рисуются перспективы «раскола», другими словами, откола буржуазно-настроенной части Совета. Поэтому

*) „Начало“ № 2, статья «Совет Рабочих Депутатов и наша партия». Газета редактировалась тов. Троцким.

«Начало» предлагает второй путь. «Мы должны—пишет оно—направить все свои усилия на преобразование нашей подпольной партийной организации в широкую организацию открытой рабочей партии, достаточно широкую, чтобы она могла вместить в себе или сделать излишней организации вроде Совета Рабочих Депутатов... Не втиснуть Совет на прокрустово ложе нашей подпольной партии, а, напротив, расширить рамки партии».

Мартов в частной переписке дополняет, как это сделать: «скажу лишь—пишет он в письме к Аксельроду—что вместе с толстяком (Парвус. П. Г.), я надеюсь, проведем в жизнь идею вашего рабочего с‘езда. Пишу вашего, ибо толстяк и многие рабочие в Совете склонны, ради общерабочего с‘езда, игнорировать задачу параллельной организации социал-демократической» *).

Хвостизм меньшевизма в этих словах вскрывается достаточно наглядно. И, конечно, большевики не могли равнодушно относиться к опасным «экспериментам» меньшевиков. Мысли о широкой рабочей партии, бродившие у меньшевиков во время октябрьской забастовки, с окончанием ее и ростом популярности Совета, грозили теперь превратиться в реальную попытку осуществления этой затеи.

Большевики придавали огромное значение Совету. Они неоднократно указывали на необходимость тесной связи Совета и партии, учитывая при этом также влияние Совета на организационные вопросы внутри партии. Но в то же время они четко ставили вопрос, что Советы партию ни в коем случае заменить не могут. Наиболее характерно в этом смысле замечание Радина, писавшего, что выяснение этого вопроса особенно необходимо, «потому что в широких слоях пролетариата (значительно под влиянием меньшевиков. П. Г.) часто Совет смешивают с партией... но значит ли это, что Совет, как организация, ставящая себе политические задачи, может заменить партию»?

Не отрицая об‘ективной необходимости появления и существования Совета, автор, тем не менее, приходит к категорическому выводу, что Совет партию заменить ни в коем

*) «Письма Аксельрода и Мартова», изд. Берлин.

случае не может. «Мы, конечно, убеждены, что пролетариат, в своей массе, стихийно социал-демократичен, но это вовсе не значит, что мы, хоть на минуту, самообольщены возможностью завтра же всему пролетариату стать сознательными социал-демократами... Если Совет Депутатов, по своей конструкции, политическим руководителем не является, то заменить партию он ни в коем случае не может. Он может только руководить определенными выступлениями пролетариата, стать во главе активных определенных массовых действий. Ставить конкретные задачи, могущие об'единить весь пролетариат—он может; руководить же классовой политикой — не его задача. Это, однако, не исключает необходимости знать пролетариату, под каким знаменем идет его выборное учреждение, лозунги и директивы какой партии он в своих определенных практических действиях проводит в жизнь. В политической борьбе «играть в темную не в интересах пролетариата» *).

Правда, в среде других большевиков вопрос о Совете находил и иную оценку. Например, П. Н. Гвоздев в своей статье высказывал мысль, что необходимо Совет превратить в партийный технический аппарат для проведения политического руководства социал-демократии; Н. Менделеев же предлагал реорганизовать Совет в профессиональную организацию и т. д. Такие крайние точки зрения являлись, однако, лишь отголоском боязни заражения рабочих масс оппортунизмом. В целом же, основная линия большевиков была изложена в статье Радина, которому и было поручено проведение ее в жизнь.

Окончательная же оценка Совета у большевиков была дана с приездом в Россию, в средине ноября, т. Ленина. Активно в Совете т. Ленин не выступал, так как приехал в Россию нелегально, через Финляндию, и вынужден был все время находиться на нелегальном положении. При своем посещении заседаний Совета он зорко и внимательно прислушивался к каждому слову выступавших депутатов и, по словам Б. И. Горева, впечатление, произведенное Советом на Ленина, было потрясающее. «Он тогда—вспоминает Горев—сказал, что Совет и есть зародыш той диктатуры пролетариата и крестьянства, кото-

*) «Новая Жизнь», № 5.

рую он пропагандировал с весны 1905 года. «Пусть сюда примкнут еще депутаты от крестьян — говорил он — и будет Совет Рабочих Депутатов, орган диктатуры пролетариата и крестьянства» *).

В ряде статей, помещенных в «Новой Жизни», Ленин развивал свои положения о Совете Рабочих Депутатов, как боевой организации пролетариата, как прообразе диктатуры пролетариата, как зародыше новой революционной власти. Наличие значительного числа беспартийных депутатов, особенно беспокоившее большевиков в октябре, обратило и его внимание. Но он прекрасно понимал настроение этих «беспартийных». «Эти последние (т. е. беспартийные рабочие. П. Г.) являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением» **).

Именно наличие в Совете беспартийных рабочих депутатов, отражавших подлинные пролетарские интересы и ставших впоследствии, в своем большинстве, активными членами большевистской организации, в то же время, как руководители ряда Советов—меньшевики скатились в лагерь контр-революции, и дало возможность Совету пойти по пути непосредственной борьбы пролетариата за свержение самодержавия.

Своим классовым чутьем беспартийные рабочие депутаты угадывали необходимость направления деятельности Совета по пути подготовки вооруженного восстания, признавая авторитет партии. Если выступление в декабре и окончилось неудачей, то, как мы увидим ниже, причины его помимо неблагоприятно сложившихся для пролетариата соотношений классовых сил как внутри России, так и в международном масштабе, кроются еще и в меньшевистском саботаже вооруженного восстания. Все же, несмотря на неудачи декабрьского выступления, позиция пролетариата в 1905 году дала ему возможность избежать ряда ошибок в революции 1917 года.

Вопрос о взаимоотношении Совета и партии наиболее остро и болезненно решался в Ленинграде. В ряде же других городов он не имел такого значения. Там воспринима-

---

*) Б. И. Горев.—«Из партийного прошлого», стр. 77.
**) «Новая Жизнь», № 21.

лись Ленинградские уроки и достижения, а кроме того в провинции Советы возникли значительно позднее и наступление реакции на Советы ставило перед ними задачи отчетливее. Уже в Московском Совете Исполнительный Комитет настолько тесно сплетается с руководящими социал-демократическими организациями, что широкие рабочие массы в декабрьском выступлении помимо идейного руководства социал-демократией, оказываются под непосредственным направлением и руководством партии. Опыт Москвы еще нагляднее выявил необходимость связи партии и Совета —авангарда с классом. Связь эта была особенно необходима в интересах пролетарской борьбы, потому что мысль рабочего класса, попадая в «советскую лабораторию, отшлифовывалась, оформлялась и в законченном виде возвращалась в рабочие кварталы». Это «оформление и отшлифовывание» политической рабочей мысли в советской лаборатории было возможно, благодаря исключительному вниманию, уделяемому большевиками Совету, зорко оберегавшими его от покушений буржуазии. Совет не являлся в буквальном смысле слова «стихийной организацией», наоборот, он был продуктом долгой социал-демократической работы среди пролетариата, раз'яснявшей необходимость организации рабочих масс. Октябрьская же забастовка дала только конкретное содержание общеклассовой пролетарской организации.

Руководство Совета со стороны социал-демократии, как в первые дни его появления, так и на протяжении всей его деятельности, делало его мощной и авторитетной организацией, как в глазах своего класса, так и среди врагов. Чем теснее смыкалась партия со своим классом, представленным в Совете Рабочих Депутатов, тем могущественнее он был для врагов революции, тем прочнее были завоевания революции. Эти основные положения, ясные в настоящее время любому политически-развитому рабочему, в вихре революции 1905 года постепенно нащупывались, выковывались, осознавались, подготовляя победу пролетариата.

ГЛАВА III.

Ленинградский Совет в первые „дни свобод“.

Предположение Трепова, высказанное во всеподданнейших записках Николаю в начале октября, что движение выйдет на улицу, к средине октября оправдалось более, чем на 100%.

Правительство и Совет накануне издания манифеста 17 октября.

С первых же дней железнодорожной забастовки правительство приступает к мобилизации сил и осуществлению в стране фактической военной охраны. Ряд телеграмм, посылаемых из центра местным губернаторам и начальникам губернских жандармских управлений, говорит о попытках пресечь движение в его начале. Применяются излюбленные царизмом меры: аресты, разгоны и т. д. Но быстрое развитие движения парализует попытки самодержавия. И уже 12 октября, в ответ на телеграмму Московского градоначальника Медема, просившего разрешения применить к железнодорожному движению «положение об охране поездов чрезвычайной важности», Треповым пишется резолюция: «отклонить, ибо для сего нет войск». Там же, где возможно было применение решительных мер по истреблению революционеров, правительство, конечно, от этого не отказывалось, а, наоборот, давало директивы действовать самым решительным образом. Однако, чувствуя свое бессилие подавить движение во всероссийском масштабе, оно главное внимание уделяет столице, куда с первых же дней забастовки концентрирует военные силы. В Ленинград прибывают 21 пехотная дивизия, 96-й пехотный Омский полк и ряд других военных частей. Город разбивается на 4 военных района, и правительство лихорадочно гото-

вится к подавлению движения. 13 октября Трепов назначается начальником войск гарнизона и ознаменовывает свое назначение немедленным изданием приказа: «холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Казалось, правительство в своей столице идет на решительный штурм революции. Но вышло наоборот.

Знаменитый приказ «патронов не жалеть» своей цели не достиг и имел скорее агитационное значение в пользу революции. 14-го вечером, в ответ на правительственную наглость, высшие учебные заведения переполняются народом. Но правительство не сдает своих позиций, и 16 октября высшие учебные заведения оцепляются войсками, становясь недоступными для собраний. Тогда митинговая полоса выливается на улицу и не прекращается, несмотря на раз'езды по городу усиленных нарядов конных патрулей. 16 октября царизм с трепетом наблюдал жуткую для него картину: — забастовавшая рабочая масса заполняет собой улицы центра, представляя клокочущее море негодования, готовое поглотить в любой момент самодержавие.

В этот день заседание Совета Р. Д. созвать не удалось, так как все помещения были заняты войсками. Оно было подыскано только утром 17-го октября. Заседание открылось в Вольно-Экономическом обществе. Присутствовало не более ста человек. Несмотря на сравнительную малочисленность заседания, благодаря трудности оповещения депутатов, Совету все же, в виду создавшегося военного положения, пришлось немедленно приступить к организации своего штаба—Исполнительного Комитета. Развивавшиеся с лихорадочной быстротой события требовали со стороны Совета Р. Д. руководства, немедленных, точных и ясных ответов. Обсуждение и решение всех вопросов только на пленумах Совета могло пагубно отразиться на революции. Поэтому, необходимость организации Исполнительного Комитета сознавалась всеми, не встречая никаких возражений. В избранный временный Исполнительный Комитет вошло по два депутата от каждого из 7 городских районов, по два депутата от Союзов: печатников, конторщиков, фармацевтов и приказчиков и 9 представителей от социалистических организаций: 6 от социал-демократов (по 3 от большевиков и меньшевиков) и 3 представителя от социалистов-революцио-

неров. Всего в Исполнительный Комитет вошло 31 человек.

Узнав о заседании Совета, полиция не замедлила его разогнать; но Совет в этот же день вторично собирается на Рождественских курсах. Главным вопросом на втором заседании является обсуждение характера забастовки и ее дальнейшего руководства. Заседание 17-го октября происходило в момент высшего напряжения забастовки: бастовал буквально весь Ленинград. К бастующим рабочим присоединились служащие государственных сберегательных касс, всех государственных учреждений, даже балетная труппа Мариинского театра и некоторые слои полиции.

К 17-му октября выяснилось, что забастовка охватила не менее дружно и другие места России. Забастовочный шквал повсеместно сопровождается демонстрациями, митингами и подчас вооруженными столкновениями с войсками. Во многих городах, преимущественно на Юге, после казацких попыток разгона и расстрела демонстраций, строятся баррикады. Массы вооружаются, разграбляя для этой цели оружейные магазины, обезоруживая городовых, изготовляя на заводах холодное оружие. В Харькове, например, к этому времени было воздвигнуто до десяти баррикад. Город был об'явлен на осадном положении; диктатором был назначен генерал-лейтенант Мау. В противовес конной полиции и казакам, рабочие создали милицию, вызывавшую общее сочувствие среди горожан. По своим прирожденным свойствам либеральная буржуазия приняла участие в «предотвращении» кровавых событий. Ее посредничество было принято «доблестным» генералом, несмотря на предписания центра раздавить мятеж всеми мерами и во что бы то ни стало. Но опасность и серьезность положения заставили генерала быть уступчивее. Баррикады были и в Екатеринославе, Одессе и других городах.

Учитывая, что забастовка действительно приняла всероссийский характер, Ленинградский Совет Р. Д. на своем заседании 17-го октября постановляет: «принимая во внимание, во-первых, что настоящая забастовка имеет не местный, а всероссийский характер, во-вторых, что борьба пролетариата всей России с самодержавием в настоящий момент обострилась до того, что настоящая всеобщая забастовка может нанести реши-

тельный удар падающему самодержавию, и, в-третьих, что во многих городах волна пролетарского движения растет, а прекращение забастовки в Петербурге, в виду важности последнего, может затормозить рост всероссийского движения, Петербургский Рабочий Совет постановляет продолжать забастовку. Петербургский Рабочий Совет считает крайне важным для успешности настоящего движения его организованность и с этой целью предлагает всем рабочим ставить прекращение забастовки в зависимость от решений Совета» *).

На том же заседании указывалось, что необходимо принять некоторые меры по смягчению ухудшающегося материального положения бастующих рабочих. Поэтому, Совет постановил рекомендовать рабочим временно, до начала работ, не платить за квартиры и взятые в долг товары. Домовладельцам и магазиновладельцам рекомендовалось во время забастовки не пред‘являть исков за неплатеж.

Для большей связи с массой и организованности движения, депутатам был дан наказ—собраться по районам, создать районные штабы и следить за течением забастовки. Районным штабам поручалось произвести подсчет бастующих фабрик и рабочих, проведение и организацию заводских митингов.

Всеобщая забастовка, наряду с организационными вопросами, ставила также и вопросы информации. Рабочая масса сознавала необходимость осведомления о решениях своих руководителей. С развитием забастовки вопрос этот усугубился из-за попыток правительства всевозможными мерами провоцировать забастовавших. Пользуясь тем, что всеобщая забастовка отрезала Ленинград от остальной России, и газеты с 16 по 21 Октября совершенно не выходили, кроме «Правительственного Вестника» и «Ведомостей СПБ Градоначальника», которые набирались штабными солдатами под защитой войск и полиции, — черносотенцы распускают всевозможные слухи. Еще 15-го октября Совет Рабочих Депутатов поручает Исполнительному Комитету отпечатать «Известия Совета Р. Д.» в возможно большем количестве, не останавливаясь для этого перед решительными мерами. Обращение Исполнительного Комитета

*) «Известия С. Р. Д. г. СПБ», № 2.

к союзу рабочих печатного дела находит горячий отклик. Желающих принять участие в печатании «Известий» оказалось настолько много, что даже не все могли быть использованы.

17-го октября легально вышел первый номер «Известий Совета Рабочих Депутатов», доказывая, что революция еще шире пустила свои щупальцы, терроризуя самодержавие.

К 17-му октября правительство было парализовано. Старые методы арестов, расстрелов оказались непригодными—ведь не могло же самодержавие арестовать или истребить всю Россию. Корчась, как раненый зверь, оно пытается искать новых методов защиты. На смену Трепову, олицетворению грубой, солдатской физической силы, всплывает Витте, появление которого, как мы увидим, по существу, не вносило перемен в задачи царизма—вопрос стоял только о форме борьбы с революцией. С этой же целью правительство решается итти на последнюю ставку—дать революции вексель, выкуп которого оно будет производить в зависимости от сил революции. Насколько правительство было растеряно в октябре, увидев перед собой не призрак, а подлинную революцию, видно из воспоминаний самого Витте: «Когда мы шли в октябрьские дни на пароходе в Петергоф (в течение всего этого времени железная дорога бастовала) на заседание, с нами также ехал обер-гофмаршал, генерал-ад'ютант граф Бенкендорф. Он, между прочим, передавал сопровождающему меня Вуичу (директору департамента полиции. П. Г.) свои соболезнования, что в данном случае жаль, что у Их Величеств пять детей, так как, если на-днях придется покинуть Петергоф на корабле, чтобы искать пристанища за-границей, то дети будут служить большим препятствием»... *).

Только страхом и паникой можно об'яснить скоропалительность издания манифеста. Призрак западно-европейских революций с гильотинами для царей, держал в страхе бюрократию, возглавляемую царизмом. Быстрое развитие событий, когда каждый час приносил новые вести и все более и более безотрадного характера, торопило правительство, не знавшее, какой способ лучше применить для их подавления.

---

*) Витте. Воспоминания, том II, стр. 31. Изд. Берлин.

«Как потом оказалось—вспоминает Витте—Его Величество почти одновременно вел два заседания или совещания—одно при моем участии, а другое при участии Горемыкина.

Такой способ ведения дела меня весьма расстроил. Я увидел, что Его Величество, даже теперь, не оставил свои византийские манеры, что он не способен вести дело на чистоту, а все стремится ходить окольными путями, и так как он не обладает талантами ни Меттерниха, ни Талейрана, то этими обходными путями он всегда доходит до одной цели—лужи, в лучшем случаев, помоев, а в среднем случае—до лужи крови или окрашенной кровью». Дальше Витте описывает, как он просил Фредерикса (министра двора. П. Г.) передать Николаю, что, в случае изменения проекта манифеста, он не вступит в министерство. Будучи вызван на следующий день в Петергоф к Николаю, он предварительно зашел к Фредериксу и так передает свой разговор с ним: «Ну, что, барон, передали все государю, как я Вас об этом просил?

— Передал, ответил барон.

— Ну, и слава богу, меня оставят в покое?

— Нисколько. Манифест будет подписан в редакции, Вами представленной, и Ваш доклад будет утвержден.

— Как это случилось?

— Вот как: утром я подробно передал государю наш ночной разговор; государь ничего не ответил, вероятно, ожидая приезда великого князя Николая Николаевича. Как только я вернулся к себе, приезжает вел. князь. Я ему рассказываю все происшедшее и говорю ему:—следует установить диктатуру и ты (барон Фредерикс был с вел. князем на «ты») должен взять на себя диктаторство. Тогда вел. князь вынимает из кармана револьвер и говорит:—ты видишь этот револьвер, вот я сейчас пойду к государю и буду умолять его подписать манифест и программу Витте; или он подпишет, или я у него же пущу себе пулю в лоб из этого револьвера, и с этими словами он от меня быстро ушел. Через некоторое время вел. князь вернулся и передал мне повеление переписать в окончательном виде манифест и доклад, и затем, когда Вы приедете, привезти эти документы государю для подписи» *.

*) Витте. Воспоминания, том II, стр. 35. Берлин.

На следующий день Фредерикс передал Витте, что Николай Николаевич доказывал Николаю кровавому о «невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре».

Манифест 17 октября, его значение, и отношение к нему Совета.

Полный иезуитства и лживости манифест, указывавший, что «благо российского государя неразрывно связано с благом народным, и печаль народная—его печаль» *) и т. д., — 17-го октября был подписан. Известие о его подписании быстро разлилось по Ленинграду.

Если бы даже «манифест» и был рассчитан на политически-наивных младенцев, то и они через несколько часов должны были-бы убедиться в его лживости и лицемерии. Как рассказывает Введенский (Сверчков), «кто-то, охваченный радостью, подошел к уныло стоящему городовому и, показав ему манифест, стал восторженно толковать ему о победе народа над угнетателями, о свободе, о новой полной и кипучей жизни, открывающейся перед Россией. Городовой, безучастно выслушав его речи, равнодушно прочитал манифест и сказал: «да, но здесь нет подписи Трепова».

Конечно, манифест, при наличии закоренелых бюрократов и палачей Трепова, Дубасова, Дурново, Римана и им подобных, был не более не менее как простой бумажкой, и вскоре в этом должна была убедиться вся обывательская масса. Утром 18-го октября корнет Фролов рубил собравшуюся толпу у Технологического института, доказывая наличие в России «свободы собраний»; в полдень полковник Мин расстреливал собравшихся на Гороховой; вечером казаки давали залпы по рабочим Путиловского завода, а полковник Риман, осадив Технологический институт, обстреливал его, выбивая студенческую дружину.

Однако, манифест встречает живой отклик среди реакционных слоев. Мы не знаем, насколько искренне обнимались и целовались гласные Ленинградской Думы, поздравляя друг друга с получением манифеста, но принятая всеподданнейшая телеграмма чрезвычайно типична. «С.-Петербургская городская дума с восторгом приветствует возвещенную народу желанную свободу, твердо веря в светлое и великое будущее нашей до-

*) Из манифеста 17-го октября.

рогой родины. Ура царю свободного народа!» *) Телеграмма, не находящая противоречий между свободой и самодержавием, удивительно ярко выявляет физиономию думских гласных! Но, что можно было ожидать от этих заскорузлых бюрократов, кровно связанных с царизмом!

Манифест, тем не менее, дал почву для широкой демагогии. Лишенный реального содержания и гарантий проведения его в жизнь, манифест, естественно, нуждался в подпорках, чтобы удерживать наивную веру в него среди некоторых кругов. «Новое Время», точно чуждое всего происходящего в Ленинграде и в провинции, упорно твердит, что «судьба России совершилась. Отныне она—страна конституционной свободы. Что еще вчера было мечтой, то сегодня стало действительностью... Этот великий день нашей политической истории мы не знаем более достойного способа почтить, как непреклонной решимостью всех и каждого, в ком бьется сердце гражданина родной земли, соединиться снова в одну дружную семью, соединить все усилия воли, чтобы восстановить потрясенный мир страны.... Манифест не дает оснований ни опасениям, ни сомнениям» **). Мы не знаем, как искренне писались эти слова самим автором. Скорее появление манифеста вселяло почитателям «Нового Времени» тревогу и опасения за судьбы «исконных начал». Как известно, ноябрьский земский с'езд 1905 года представлял картину распада, и на этом с'езде задавало тон уже не левое крыло земских деятелей, а центр.

Невозможность совместного сожительства самодержавия и свобод была ясна для любого консервативного буржуа и дворянина. Вполне понятно, поэтому, с каким чувством горечи Дурново приходилось отвечать на телеграфный запрос Вятского губернатора Левченко, получившего, повидимому, манифест без шифрованных дополнений и инструкций, и спрашивавшего «как понимать манифест 17-го октября, т. е. могут ли собрания устраиваться и без моего разрешения» ***). Дурново, пожимая плечами, пишет резолюцию, отвечая на запрос этого чудака, что «собрания могут собираться только с ведома губернатора». Другие губернаторы, как мы увидим, оказались тол-

*) «Новое время» № 10638 от 22-го октября.
**) «Новое время» № 10638 от 22-го октября.
***) Из телеграммы Вятского губернатора от 18-го октября.

ковее, поняв путем шифрованных телеграмм и инстинктивно, что «манифест 17-го октября» только дополнение к манифесту 14-го октября—«патронов не жалеть». Они быстро приступили к мобилизации реакционных сил, организуя погромы, увеличивая отпуск кредитов на немедленное пополнение штатов пешей полиции, организацию конных частей, усиление охранных отделений и т. д.

А впоследствии, когда реакция окрепла, то в декабре месяце открыто на страницах «Нового Времени» Меньшиков, не стесняясь, говорил, что слово «конституция—это не имя, это чуждая народу кличка», что манифест, мол, составлен с «крайней небрежностью и не имеет и тени той художественности и величавой красоты, которыми, например, отличались грамоты Московской эпохи», что «мы получили канцелярско-бесстильный, полный недоговоренности и обмолвок, документ».

Но в момент под'ема революции, в момент самого издания манифеста, приходилось, конечно, об этом молчать. В лучшем случае юристы из «Права» и «Полярной Звезды» выискивали в манифесте юридические хитросплетения и писали, что манифест имеет такое же значение, как титул «наследник престола норвежского», или толковали, что слово «самодержавный» означает независимость от иностранных держав.

Иначе отнесся к манифесту пролетариат.

«Помню — вспоминает Войтинский — первое впечатление: обман, ловушка!». Такое же впечатление было в этот день, при ознакомлении с манифестом, у всех, кто стоял близко к забастовке. Все мы с полной отчетливостью ощущали, что, если мы хоть на миг удовлетворимся манифестом, это поведет к разгрому движения, «к черносотенной реакции».

В третьем номере «Известий Совета», преимущественно посвященном манифесту 17-го октября, помещается блестящая передовая статья:

«Еще никогда российский пролетариат не проявлял такой могучей силы и сплоченности, как в нынешней революционной стачке. Еще никогда царское правительство так открыто не сознавалось в своей слабости, как 17-го октября. Рабочий класс идет вперед уверенно, мужественно. Царское правительство, злобное и трусливое, льстивое и кровожадное, отступает шаг за шагом под напором рабочей «смуты».

Манифестом 17-го октября правительственная шайка открыто признала перед всем миром, что русская революция загнала ее в тупой переулок.

Г. Витте, который заслужил недавно графский титул, подписавшись под военным позорищем русского самодержавия, теперь призван спасать Россию. Сперва народ должен был успокоиться под влиянием Булыгинской думы. А когда этого оказалось недостаточно, понадобилась конституция г. Витте.

И вот конституция дана.

Дана свобода собраний, но собрания оцепляют войсками.

Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной.

Дана свобода науки, но университеты заняты войсками.

Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными.

Дан Витте, но оставлен Трепов.

Дана конституция, но оставлено самодержавие.

Все дано и не дано ничего. Жалкие лживые обещания даны с наглым расчетом обмануть народ.

Но неужели же граф Витте, эта хитрая травленная лиса, надеется, в самом деле, кого нибудь обмануть? Неужели граф Витте думает, что великий забастовщик—русский пролетариат—может поверить царскому манифесту?...

Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право,—этот лозунг попрежнему остается на знамени революционной стачки, т. е. той самой «смуты»... с которой намерен бороться г. Витте» *).

Издание манифеста, тем не менее, всколыхнуло массы, и 18-го октября улицы Ленинграда были запружены толпами рабочих, пришедших с окраин послушать дальнейшие директивы и указания своих руководителей. К 18-му октября на Рождественских курсах собирается Совет Рабочих Депутатов. Заседание было особенно многолюдным и происходило в присутствии 248 депутатов от 111 фабрик и заводов и 5 профессиональных Союзов.

Был заслушан отчет о приеме городской думой депутации Совета, но резолюция принята не была. Главное внимание концентрировалось вокруг событий последних дней

*) Известия Совета Рабочих Депутатов № 3.

и в вопросе об участии Совета в демонстрации за немедленное об'явление амнистии. Забастовке нужно было дать новые лозунги, надо было вырешить план ее дальнейшего проведения. Поэтому, Совет Рабочих Депутатов на закрытом собрании принял следующую резолюцию:

«Стиснутое железными тисками всеобщей политической забастовки российского пролетариата, самодержавное правительство пошло на уступки. Оно заявило о свободах, о законодательной власти будущей государственной думы и о том, что решило дополнить состав этой думы представителями рабочих и интеллигентных слоев народа.

Но борющийся революционный пролетариат не может сложить оружия до тех пор, пока политические права русского народа не будут установлены на твердых основаниях, пока не будет установлена демократическая республика, наилучший путь для дальнейшей борьбы пролетариата за социализм.

Поэтому Рабочий Совет заявляет: что 1) до прочной гарантии политической свободы России необходимо полное устранение тех сил, с помощью которых самодержавное правительство угнетало и давило народ, именно: всей полиции сверху до-низу, удаление из города войск. Необходимо создание народной милиции, для чего мы требуем выдачи оружия пролетариату. 2) Несмотря на заявленные правительством свободы, целые тысячи наших братьев-борцов за свободу—до сих пор продолжают томиться по тюрьмам и в изгнании. Мы требуем полной амнистии всех осужденных судом и приговоренных административно за политические и религиозные убеждения, за стачки, крестьянские движения и пр.

3) Политические права народа совершенно несовместимы с тем положением, которое создано было правительством для борьбы с народом, и потому мы требуем немедленной отмены военного положения, усиленной охраны, всех исключительных мероприятий, связанных с самодержавным строем.

4) Для создания действительного народовластия в России необходим созыв Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права без различия пола и национальности и т. д.

Для дальнейшей борьбы за эти требования Рабочий Совет считает необходимым всеобщую забастовку впредь до того мо-

мента, когда условия укажут на необходимость изменения нашей тактики» *).

Манифест 17-го октября если и не был капитуляцией самодержавия, то, тем не менее, он ознаменовал собой новый этап в развитии революции. В своем манифесте правительство расписывалось в боязни перед революцией, но не перед ее победой. Впереди предстояли новые бои.

Трепов в своих всеподданнейших записках 20-го октября сообщал: «события, происходящие в настоящее время в империи, с очевидностью свидетельствуют, что революционные партии, усмотрев в всемилостивейшем манифесте от 17-го октября крайние уступки, сделанные правительством, и использовывая их в смысле слабости правительственной власти, вызванной их работой, торжествуют свой успех и стремятся напрячь все силы, чтобы использовать этот момент для окончательного достижения своих целей» **).

Совет в борьбе за амнистию политических заключенных.

Первый очередной лозунг, выдвинутый самой массой, и был лозунг амнистии, широко прокатившийся по всей России. В манифесте и даже в «либеральнейшем» докладе Витте к манифесту об амнистии осужденных и томящихся в тюремных мешках, умалчивалось. Точно правительство забыло о такой «мелочи» В действительности самодержавие понимало, что, выпустив из тюрем цвет и авангард революции, оно тем самым усилит революцию. Но умолчание в манифесте об амнистии еще более сделало борьбу за амнистию неотложным и актуальным вопросом революции. Как писала «Новая Жизнь», «нужно отдать справедливость старому порядку: даже умирающий он умеет мстить. ...Мы думаем, что всякому ясно, что такая амнистия, при которой Гершуни остается в Шлиссельбурге, Герман Лопатин идет на поселение, а Тангохло приговаривается к 15-летней каторге в то время, когда г.г. Треповы, Хрипуновы и К° остаются на местах и призывают подчиненные им власти: «не жалеть патронов», не может ни успокоить кого-либо, ни внушить доверия к искренности правительства» ***).

В Севастополе, Минске, Белостоке, Польше, Ростове на

*) Известия Совета Рабочих Депутатов № 3.
**) Д-т полиции, 4 делопр. всеподдан. записки, дело 2540.
***) „Новая Жизнь" № 2

Дону, Нижнем, Перми и т. д.—всюду внушительные демонстрации требуют особождения арестованных. В тесном ряду с другими городами шел и Ленинград. 18-го октября главная тема всех митингов—немедленная амнистия, освобождение помимо правительства. К вечеру стотысячные толпы, подойдя к Совету Рабочих Депутатов, заседавшему на Рождественских курсах, просят Совет стать во главе демонстрации. Очередное заседание Совета пришлось прервать. Совет уполномочил трех членов президиума: Троцкого, Кнуньянца-Радина и Хрусталева-Носаря стать во главе движения. Остальные же члены Совета решают влиться в толпу и, держа между собою связь, влиять на организованность демонстрации. Появление руководителей, надевших для отличия белые повязки на шапки, и громадного красного знамени Совета восторженно приветствуется собравшимися массами. Демонстрация, усеянная красными знаменами, представляла красивое, невиданное для Ленинграда зрелище. В виду полученных сведений, что у Казанского собора масса народа, демонстрация направляется туда. Тысячи голосов в дружном хоре покрывают улицы пением «марсельезы», «варшавянки» и других революционных песен. У Казанского собора головы обнажаются. Вся толпа поет «вы жертвою пали». Затем демонстрация, обходя Зимний Дворец по Адмиралтейскому проспекту, направляется к Академии Наук и Университету. Происходящие в аудиториях митинги прекращаются, и тысячи новых людей вливаются в демонстрацию. Голова демонстрации поворачивает обратно к дому предварительного заключения. По дороге демонстрация проходит мимо флотских казарм 14 и 17 экипажей, но обезоруженные и запертые матросы знаками об'ясняют невозможность примкнуть. Попадающиеся конные городовые быстро скрываются, а постовые недоуменно снимают шапки перед знаменами или отдают честь.

На углу Сергиевской руководители получают сообщение, что в предварилке собраны войска и готовится расстрел. Вскоре появляется самозванная, как впоследствии оказалось, депутация от союза инженеров, сообщившая, что указ об амнистии подписан, и просившая, во избежание кровопролития, не подходить к предварилке и распустить демонстрацию. Учитывая настроение толпы, напуганной утренними расстрелами,

руководители решают распустить демонстрацию, предлагая, в случае обмана правительства, собраться по первому решению Совета. Так Ленинградский пролетариат напомнил царскому правительству об амнистии.

В других же городах местная администрация вынуждена была освободить заключенных немедленно. В Симферополе толпа разбивает тюремные ворота и увозит заключенных в экипажах. В Москве генерал-губернатор производит освобождение по списку Московского Стачечного Комитета и под его контролем. По требованиям демонстрантов освобождаются из тюрем полит. заключенные в Одессе и Ревеле. Но там, где власть чувствует в себе силу, как например, в Варшаве, Минске, Киеве, Мариуполе, Либаве и т. д., демонстрации разгоняются войсками, «не жалеющими патронов». Налицо убитые и раненые. Тем не менее, правительству пришлось сдаться, опубликовав 22-го октября указ об амнистии.

Погромы и их значение. Советы в борьбе с погромами.

Если пролетариату после всех этих событий становилось ясным, что каждую пядь позиций царизма надо брать с бою, то, с другой стороны, манифест 17-го октября и мощные демонстрации, прокатившиеся по России, послужили толчком в активном выступлении и мобилизации сил реакции. С 18-го октября широкой волной проносятся по России погромы, одно описание которых леденило кровь не только в России, но и заграницей. По скромным подсчетам в течение одной недели с 18-го по 24 октября погромам подверглись 101 город, в которых насчитывалось свыше 3.000 убитых и до 10.000 тяжело раненых. Царское правительство, уже издавна практиковавшее погромы, как один из методов своего управления, принимает, под угрозой революции, самое активное участие в их организации. Без стыда полковник Глоба еще летом сообщал, что, не будь погрома, не усидеть бы ему в Баку. И, действительно, с ростом революционного движения, погромы были средством к его ослаблению. Ранее правительство легализовало погромы на евреев. Теперь оказывалось этого недостаточно. Слишком ясно было, что корень революции не в евреях. Но правительство и здесь обнаруживало свои таланты, с успехом практикуя погромы революционной интеллигенции, рабочих и т. д. Там, где реакция была сильна, она выступает в первые же дни издания ма-

нифеста, и 18-го погромы проносятся в Елизаветграде, Херсоне, Могилеве. 19-го погромная волна крепнет, захватывая Ярославль, Киев, Чернигов, Ростов, Одессу, Феодосию, Екатеринослав и т. д.

Умелое руководство погромами из центра, при самом активном участии местной администрации, принижает размах октябрьской революционной волны.

Октябрьские погромы прошли под непосредственным руководством департамента полиции. И не даром хвалился погромных дел мастер Комиссаров, что «погром можно устроить какой угодно, хотите на 10 человек, а хотите на 10 тысяч». В целях своей защиты правительство не брезгало никакими мерами, всячески поощряя деятельность черносотенцев. В Твери, например, когда 17-го октября земскими служащими было устроено собрание, черносотенцы окружили и подожгли здание. Губернатор Слепцов остался совершенно равнодушным ко всем просьбам о помощи и прекращении погрома. Впоследствии царское судебное разбирательство в 1908 году должно было признать, что полиция и сыщики накануне погрома подговаривали и подкупали черную сотню. Ничем иным, как покровительством сверху, об'ясняется возмутительное обращение командующего войсками Одесского округа, барона Каульбарса, заявившего перед чинами полиции после кошмарного погрома, от которого содрогнулась вся Россия: «будем называть вещи их настоящими именами, нужно признаться, что все мы сочувствуем этому погрому» *).

Даже сам Витте, отрицавший первоначально руководство погромами со стороны самодержавия, впоследствии указывал, что погром в Гомеле «был самым деятельным образом организован агентами полиции и под руководством местного жандармского офицера гр. Подгоричани, который этого не отрицает». Организаторы погромов не только не отрицали своего участия в них, но, наоборот, они этим хвалились, гордясь погромами, как проявлением своей «любви к самодержавию и России». Как дальше вспоминает Витте: «Государь после 17-го октября возлюбил больше всех черносотенцев, открыто провозглашая их, как первых людей Российской Империи, как образцы патриотизма, как национальную гордость. И это таких людей,

*) Сб. «Общественное движение». Том II, из ст. Маевского.

во главе которых стоят герои вонючего рынка—Дубровин, гр. Коновницын, Иеромонах Илиодор и прочие, которых сторонятся» *).

«О надвигающемся погроме»—пишет Троцкий—знают все заранее: распространяются погромные воззвания, появляются кровожадные статьи в официальных «Губернских Ведомостях», иногда начинает выходить специальная газета... Дикие вести бегут с места на место по телеграфной проволоке, иногда со штемпелем официальности. А в это время свершается подготовительная техническая работа: составляются проскрипционные списки лиц и квартир, подлежащих разгрому в первую очередь, вырабатывается общий стратегический план, из пригородов вызывается определенное число голодного воронья. В назначенный день молебствие в соборе. Торжественная речь преосвященного. Патриотическое шествие с духовенством во главе, с царским портретом, взятым в полицейском управлении, со множеством национальных знамен. Непрерывно играет оркестр военной музыки. По бокам и в хвосте—полиция. Губернаторы делают шествию под козырек, полицеймейстеры всенародно целуются с именитыми черносотенцами. В церквах по пути звонят колокола: «Шапки долой!». В толпе рассеяны приезжие инструктора и местные полицейские в штатском платье, но нередко и в форменных брюках, которые не успели сменить. Они зорко смотрят вокруг, дразнят толпу, науськивают ее, внушают ей сознание, что ей все позволено, и ищут повода для открытых действий. Для начала бьют стекла, избивают отдельных встречных, врываются в трактиры и пьют без конца. Военный оркестр неутомимо повторяет: «Боже, царя храни», эту боевую песнь погромов» **).

Этот небольшой отрывок выпукло рисует картину погромов, пронесшихся по всей России. Жандармы, духовенство, дворянство—явились организаторами и руководителями погромов. Свои кадры они вербовали преимущественно из темной и несознательной части городской мелкой торговой буржуазии, при самом близком участии воров, мелких ремесленников, кабатчиков и оборванцев.

Если Ленинград не испытал всех кошмаров белого тер-

*) Витте. Воспоминания, т. II, стр. 36, изд. Берлин.
**) Троцкий. 1905 г., стр. 125.

рора-погромов, в этом он исключительно обязан пролетариату. Было бы ошибкой думать, что царское правительство щадило столицу или «стеснялось» перед заграницей. Наоборот, оно готовило погром и в Ленинграде, понимая, что его удачное проведение бесспорно имело бы большое значение в революционном движении. Подготовка к погрому в столице проходит вскоре после издания манифеста 17-го октября. Уже 18-го октября происходят нападения на отдельных членов Совета, носящие характер разведки к общему погрому. Вскоре нападения принимают систематический характер, заставляя Совет в срочном порядке разрешить вопрос о вооружении членов Совета. Это было тем более необходимо, что нападения черной сотни в лучшем случае происходили при явном попустительстве полицейских, а нередко полиция вмешивалась и арестовывала депутатов Совета. Так поступили с депутатом Совета Хахаревым, который, обороняясь от нападения и получив несколько ран, ранил сам одного из хулиганов. Вслед за отдельными нападениями на революционеров поползли слухи и о предстоящем общем погроме. Черная сотня еще более приободрилась в связи с решением Совета Рабочих Депутатов об отмене траурной демонстрации. Поводом к отмене послужило об‘явление Трепова, запрещавшего демонстрации в такое время, «когда одна часть населения готова с оружием в руках восстать против действия другой части», и предупреждавшего о «могущих произойти весьма тяжелых последствиях от тех решительных мер, к которым может быть вынуждена полицейская власть».

Треповское об‘явление, как видим, вторило черносотенцам, явно нося провокационный характер и недвусмысленно говоря о «решительных мерах». Опасаясь подвергнуть расстрелу безоружную толпу, Совет 22 октября созывает экстренное заседание, ставя на общее разрешение вопрос о демонстрации. Вопрос вызвал оживленные прения, затянувшиеся до полуночи. Собравшиеся депутаты ясно понимали, что отмена демонстрации явится частичным поражением революции, усилит наглость реакции. Поэтому, спор по существу развернулся вокруг оценки создавшегося соотношения сил царизма и революции, способности пролетариата противостоять царизму, его организованности и вооруженности.

Октябрьская забастовка терроризовала самодержавие, но не разоружила его. Самодержавие пользовалось еще кадром вышколенной полиции и войск, в то время, как пролетариат не был вооружен. Приходилось все учесть и взвесить, чтобы избежать ненужных жертв. В решении Совета значительную роль сыграли депутаты либеральной буржуазии, умолявшей Совет предотвратить неизбежное кровавое столкновение, заявляя, что из достоверных источников известно решение Трепова расстрелять демонстрацию. Как впоследствии выяснилось, это заявление не лишено было провокационного характера. Принимая во внимание это заявление, Совет подавляющим большинством голосов в первом часу ночи принял следующую резолюцию: «Совет Рабочих Депутатов имел намерение устроить жертвам правительственных злодейств торжественные похороны в воскресенье, 23 октября. Но мирное намерение петербургских рабочих поставило на ноги всех кровавых представителей издыхающего строя. Поднявшийся на трупах 9-го января генерал Трепов, которому уже нечего терять перед лицом революции, бросил сегодня петербургскому пролетариату последний вызов. Трепов нагло дает понять в своем об‘явлении, что он хочет направить на мирное шествие вооруженные полицией банды черной сотни, а затем, под видом умиротворения, снова залить кровью улицы Петербурга. В виду этого дьявольского плана Совет Рабочих Депутатов постановляет: заменить всеобщее траурное шествие внушительными повсеместными митингами чествования жертв, памятуя при этом, что павшие борцы своей смертью завещали нам удесятерить наши усилия для дела самовооружения и приближения того дня, когда Трепов вместе со своей полицейской шайкой будет сброшен в общую грязную кучу обломков монархии».

Впечатление от отмены демонстрации было большое. Отмена демонстрации понималась руководителями черной сотни, как слабость рабочих. И вскоре слухи о предстоящем погроме стали еще зловещее. Под влиянием их Совету Р. Д. приходится серьезно задуматься над вопросом о более быстрой организации боевых пролетарских дружин. 26-го октября этот вопрос ставится на заседании депутатов городского района. Вопрос о вооружении масс поднимался, правда, в Совете Р. Д. еще во время октябрьской забастовки. Однако, на практике, до

конца октября в этом направлении было сделано мало. В виду отсутствия средств и трудности закупки оружия, в октябре оказывалось непосильным даже вооружение членов Совета. К концу октября, под давлением погромов, вопрос о вооружении масс становится в центре внимания. Тогда картина резко меняется. Необходимость вооружиться настолько глубоко проникает в сознание широких масс, что день 29 октября протекает в лихорадочной работе по изготовлению оружия. По инициативе рабочих и с санкции Совета Р. Д. рабочие Путиловского, Семянниковского, Растеряевского и других заводов в один день изготовили громадное количество холодного оружия и вечером продемонстрировали на заседании Совета своей выделки кастеты, пики и клинки. Как видим, единственным классом, сумевшим дать должный отпор черносотенному движению, явился пролетариат. Эта роль пролетариата была в полной мере оценена американскими рабочими союзами, приславшими на имя Витте, для передачи русским рабочим, телеграмму следующего содержания: «В настоящее время, когда весь мир приветствует победу русских рабочих на их пути к свободе, сердца американских рабочих в свою очередь преисполнились радостью за своих далеких собратьев. Но торжество свободы и справедливости не должно омрачаться насилиями и преступлениями, и если русские рабочие поставят также своей целью подавить ужасные погромы, то они стяжают себе еще большую благодарность всего культурного мира. Рабочие должны помнить, что жизнь каждого человека, к какой бы национальности он не принадлежал, должна быть в безопасности, если только рабочие хотят, чтобы завоеванная ими свобода была им в действительности обеспечена. От имени не только трех миллионов организованных рабочих, но и от всех рабочих Соединенных Штатов я прошу Вас, граф, передать эту депешу Вашим согражданам—нашим братьям рабочим» *).

Телеграмма не попала по назначению, была задержана Витте и скрыта от русских рабочих. Царский временщик не имел элементарной гражданской честности выполнить просьбу американских рабочих о передаче телеграммы, и русские рабочие узнали о ней косвенным путем через представителей посольства только в ноябре.

*) «История С. Р. Д. гор. СПБ.» из ст. Хрусталева, стр. 93.

Американские товарищи не ошиблись в русских рабочих. Пролетариат приступил к организации самообороны, понимая необходимость решительной вооруженной борьбы.

Только исключительно под влиянием Совета в Ленинграде и Социал-демократической организации в Москве царское правительство, довольное своим опытом погромов в провинции, не решилось повторить его в столицах. Тем не менее, погромы, манифест 17-го октября и реакцинизирование буржуазии и буржуазной интеллигенции не остались без последствий для октябрьской забастовки. Пролетариату пришлось наглядно убедиться, что одной забастовки, охватившей даже всю страну, недостаточно для свержения самодержавия. Было ясно, что правительство без боя не сдаст своих позиций, и что победа революции возможна только через вооруженное восстание. Развитие революции после октября вступает в новую фазу.

Совет в ликвидации Октябрьской забастовки.

19-го октября на 6-м заседании Ленинградского Совета Р. Д. в помещении Рождественских курсов, в присутствии 132 депутатов от 74 предприятий и 4 профсоюзов, снова поднимается вопрос о забастовке. Вопрос ставится теперь при других условиях. Из провинций получаются сведения, что всероссийская забастовка кой-где прекращается, превращаясь в местную. Забастовочная волна падает, и 19 октября Московский стачечный комитет декретирует прекращение забастовки. «Об'единенный пролетариат всей России—говорится в его постановлении — добился признания некоторых требований, правда, пока только на словах. Советуя товарищам пролетариям временно прекратить всеобщую забастовку, Комитет предлагает им заявить, что пролетариат и вместе с ним забастовавшие берутся за работу с тем, чтобы возможно совершеннее сорганизоваться, собрать необходимые средства, организовать всеобщее вооружение пролетариата и продолжать дальнейшую борьбу под знаменем социализма впредь до достижения в близком будущем нижеследующих требований:

1. Фактического проведения в жизнь неприкосновенности личности и жилища, свободы слова и печати, собраний союзов и стачек.

2. Созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего без различия пола и национальности, равного, прямого избирательного права.

3. Амнистии всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, а также за стачки и крестьянские движения.

4. Удовлетворения в законодательном порядке основных, насущных, национальных нужд рабочих и служащих.

Вместе с тем, Московский Стачечный Комитет приглашает всех рабочих уполномочить делегатов, Стачечные Комитеты, Комитеты партии социал-демократов и социалистов-революционеров совместно обсудить и назначить день новой всеобщей политической забастовки, когда в этом встретится надобность» *).

Московский Стачечный Комитет, состоявший преимущественно из революционной интеллигенции, хотя не являлся действительным выразителем настроений масс и не был ее руководителем оргганизатором все же частично отражал настроение Московских рабочих. Поскольку стачка не могла непосредственно перейти в вооруженное восстание, приходилось думать о временном отступлении для большей подготовки к решительному штурму царизма. 19-го октября в Москве забастовка была прекращена, чему в значительной мере способствовало участие Москвы в забастовке еще с сентябрьских дней.

Учитывая прекращение забастовки в Москве, Ленинградский Совет поднимает вопрос о сроке окончания забастовки и ставит своей задачей проведение ликвидации забастовки как можно организованнее под своим непосредственным руководством. Предложенная от имени Исполнительного Бюро резолюция о прекращении забастовки, хотя и не принимается единогласно, но большинство депутатов голосует за нее.» Считаясь—говорит эта резолюция—с необходимостью для рабочего класса, опираясь на достигнутые победы, организоваться наилучшим образом и вооружиться для окончательной борьбы за созыв Учред. Собрания, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для учреждения Демократич. Республики, Совет Рабочих Депутатов постановляет прекратить 21-го октября в 12 ч. дня всеобщую политическую забастовку с тем, чтобы, смотря по ходу событий, по первому же призыву Совета возобновить ее для дальнейшей борьбы так же дружно, как и до сих пор, за наши требования» **).

*) «Право» № 49.
**) «Известия СРД» № 3.

Выступивший затем представитель Ленинградского железнодорожного узла указывал на боевое настроение железнодорожников, желающих продолжать забастовку неопределенное время впредь до удовлетворения всех требований. Совет по этому поводу выносит постановление, приветствующее боевое настроение железнодорожников, но приглашающее руководствоваться в забастовке общими решениями Совета.

Прекращение октябрьской забастовки, как политической, по мнению Совета, не должно было влиять на экономические забастовки. На следующем своем заседании Совет выносит постановление, в котором говорит: «СРД считает, что прекращение политической стачки по его постановлению 21 октября нисколько не исключает возможности продолжения экономических забастовок в отдельных отраслях производства» *). Наоборот даже, Совет рекомендует фабрикам и заводам, участвовавшим в общей политической забастовке, требовать от предпринимателей уплаты заработной платы за все дни стачки, отдавая часть полученных денег в стачечный фонд Совета. Буржуазия в октябрьские дни не ответила локаутом, надеясь с лихвой возместить убытки в дальнейшем. Иначе реагировали казенные заводы, предполагая закрыть заводы на неопределенное время за участие рабочих в стачке. Выделенная депутация от Совета отправилась к администрации Балтийского завода и, не застав дома начальника Балтийского завода, обратилась к Витте, согласившемуся завтра же открыть заводы. Октябрьская забастовка, еще не изгладившаяся из памяти, продолжала явно пугать самодержавие...

В ликвидации же политической забастовки Совет не допускал разрозненных выступлений, неуклонно проводя принцип тесной сплоченности и организации.

Чтобы продемонстрировать недоверие к манифесту и показать силы и организованность пролетариата, Совет назначает день прекращения забастовки на 12 часов дня 21-го октября.

День окончания забастовки — 21-е октября — совпал со днем восшествия на престол Николая II — нерабочим днем. Но для того, чтобы продемонстрировать свою дисциплинированность, все служащие явились в назначенный час в свои учреждения,

*) «Известия СРД» № 4.

и работа шла нормально. Чтобы ликвидация забастовки прошла организованно, Совет не разрешил фармацевтам окончить забастовку на день раньше.

В итоге, благодаря руководству Ленинградского Совета, забастовка была настолько организованно ликвидирована, что сама ликвидация еще более терроризовала правительство. Организованное прекращение десятидневной стачки достаточно убедительно доказывало, что борьба не прекращается.

Значение Октябрьской забастовки.

В этот же период происходит ликвидация забастовки и в большинстве других городов России.

Не бесполезно вскользь выяснить значение октябрьской забастовки. Всеобщий характер забастовки приковал взоры всего мира. Не только международный пролетариат, но и буржуазная пресса живо комментировала события в России. Буржуазия Запада полагала, что в России происходит буржуазная революция, разрушавшая абсолютизм, мешавший капитализации страны. Отсюда понятны сообщения Лондонского корреспондента «Нового Времени», писавшего после получения в Англии манифеста 17-го октября, что «сочувствие англичан (т. е. английской буржуазии. П. Г.) к конституционной России всеобщи и горячи. Желают только, чтобы новое правительство было поддержано умеренными элементами». Лондонскому корреспонденту вторит Берлинский, сообщающий, что «манифест вашего государя произвел во всей Германии прекрасное впечатление... Вся Германская (буржуазная. П. Г.) печать единодушно признает Россию отныне вполне парламентарной страной»...

Действительно, в первые дни после манифеста русские ценные бумаги на иностранных биржах котируются выше. Но это только в первое время. Потом они низко падают, отражая тревогу за судьбы абсолютизма и русской буржуазии.

Иначе отнеслось к событиям в России Западно-европейское рабочее движение. Еще задолго до событий 1905 г. Каутский в своей статье «Славяне и революция» писал, что «Революционный центр передвигается с Запада на Восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из ряда их. В 1870 г. у буржуазии всех стран начинают исчезать послед-

ние остатки их революционных стремлений. Быть революционером и быть социалистом—с этих пор становится равнозначащим. Как раз в эту эпоху события, последовавшие за Франко-Прусской войной, перенесли центр тяжести социализма, а вместе и революционного движения в Европе, из Франции в Германию. Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра в Россию».

К русским событиям внимательно присматриваются, и неудивительно поэтому, что во время русской революции один английский журналист выразился: «судьба мира в русской революции».

Франц Меринг указывал, что характер русской революции, в противовес Западно-европейским, будет иной. «Рабочие России стали передовыми борцами европейского пролетариата. Им выпало на долю счастье, неведомое пролетариату Западно-европейских наций—выступить на революционное поприще с накопленным опытом, ясной, глубокой и широкой теорией. Но они сумели заслужить это счастье. В течение десятков лет борьбы и бесчисленных героических жертв, теория пролетарской революции вошла в их плоть и кровь» *).

Мы видим, что октябрьская забастовка сразу ставила русский пролетариат в первые ряды интернационального рабочего движения. Интерес к событиям в России усугубился еще тем, что проблема всеобщей политической забастовки в Западно-Европейском рабочем движении не была практически разрешена в столь грандиозном масштабе, как в России. Идея всеобщей стачки в Западной Европе явилась результатом реакции против парламентаризма, получившего пышный расцвет в конце XIX и в начале XX века. Возможна или невозможна при современных условиях всеобщая стачка,—возможна ли ликвидация капиталистической диктатуры путем всеобщей стачки—эти вопросы глубоко интересовали социал-демократию Запада, которая посвящает этой теме специальные исследования. В число таких исследований о всеобщей стачке следует отнести блестящую книгу Генриетты Роланд-Гольст «Генеральная стачка и социал-демократия», где она классифицирует в основном

---

*) «Начало», № 10, ст. Меринга «Непрерывная Революция».

4 рода стачек. Но в то время, пока шел этот теоретический спор, русский пролетариат на практике доказал возможность всеобщей стачки, выявив ее значение, достоинства и недостатки. Прежде всего следует отметить, что, в противовес социал-демократическим иллюзиям, прививаемым рабочим массам Западной Европы о возможности мирной ликвидации капитализма, путем всеобщей стачки, рассматривая ее как последний этап борьбы и игнорируя момент вооруженной борьбы, большевики выступали решительными врагами, вскрывая утопичность и вредность подобных иллюзий. На страницах «Пролетария» еще летом 1905 года они неоднократно отмечали, что подлинные победы революции достижимы только путем вооруженного восстания, по отношению к которому всеобщая стачка явится только прологом, что «всеобщая стачка не последний, а первый этап революции».

За недооценкой же вооруженного восстания и переоценкой роли всеобщей стачки по существу скрывалась буржуа ная сущность меньшевизма, недооценивавшего подлинный смысл классовой борьбы пролетариата и не понимавшего его классовые интересы. Этот момент переоценки роли всеобщей стачки мы находим также и у т. Троцкого.

Вот как, например, он изображает последний этап революции: рисуя развитие революции, как ряд многочисленных, стихийных и неорганизованных стачек, где, «каждая стачка вызывает целый ряд новых материальных и моральных фактов», революция, наконец, достигает последнего этапа. «Теперь—пишет т. Троцкий—мысленно устраните профессиональный союз с его точными методами учета; стачку распространите на всю страну, поставьте перед ней большую политическую цель; противопоставьте пролетариату государственную власть, в качестве непосредственного врага; окружите обоих союзниками, действительными, возможными, мнимыми, прибавьте индифферентные слои, за обладание которыми идет жестокая борьба, армию, из которой лишь в вихре событий выделяется революционное крыло, преувеличенные надежды, с одной стороны, преувеличенные страхи—с другой, при чем те и другие, в свою очередь, являются реальными факторами событий, пароксизмы биржи и перекрещивающиеся влияния международных связей—и вы получите обстановку революции. При этом суб'ективная воля

партии, даже «руководящей», является лишь одной из многих и притом далеко не самой крупной силой» (стр. 236).

Подкупающая красота фразы на первых порах скрывает, однако, главное для такого момента революции. Оставляя в стороне спорное положение, что в этот решающий момент партия является «далеко не самой крупной силой», любопытно отметить игнорирование неизбежности вооруженной борьбы. Перед нами картина «мирной революции», бескровно побеждающей в условиях общей анархии и паники в рядах противника, создаваемых всеобщей стачкой. Такое преувеличение роли стачки мы находим повсеместно в книге т. Троцкого «1905». Под этим же углом зрения рассматривается и тактика Советов. Их основное назначение в революции, как органов, подготовляющих вооруженное восстание, т. Троцкий стремится свести только к организации стачек, игнорируя момент технической подготовки вооруженного восстания. Им неоднократно повторяется, что «главным методом борьбы Совета была всеобщая стачка; чем больше и всестороннее вносимая ею «анархия», тем ближе стачка к победе» (стр. 226); «массовая политическая стачка была главным орудием в руках Совета» (стр. 230) и т. п. Какую тактику—спрашивает т. Троцкий—мог развернуть Совет после манифеста 17 октября и отвечает, что сила Совета «состояла в том, что он, опираясь на производительный пролетариат, мог (поскольку мог) лишить абсолютизм возможности пользоваться материальным аппаратом своей власти (т. е. стачкой. П. Г.). С этой точки зрения деятельность Совета означала организацию «анархии». Его дальнейшее существование и развитие означало упрочение «анархии» (стр. 231).

Правда, т. Троцкому приходится признать, что развитие анархии приближало момент столкновения революции и реакции. «Совету ничего не оставалось — пишет т. Троцкий — как признать, что столкновение неизбежно уже в ближайшем будущем, и в распоряжении его не было другой тактики, кроме подготовки к восстанию».

Как будто все хорошо. Но стоит присмотреться поближе, как понималась подготовка вооруженного восстания, чтобы увидеть пустоту содержания. «В чем—спрашивает т. Троцкий—могла состоять эта подготовка, как не в развитии и укреплении тех именно качеств Совета (т. е. стачек. П. Г.), которые

позволяли ему парализовать государственную жизнь и составляли его силу» (стр. 231). Как видим, по существу подготовка вооруженного восстания понималась в смысле дальнейших подготовок всеобщей стачки. Какая разница в понимании задач пролетариата с оценкой, данной т. Лениным, писавшим вскоре после октябрьской забастовки, что рабочий класс доказал гигантские силы революции и что, только «создавая рабочую милицию—этот единственный надежный оплот революции, готовясь к новой и еще более решительной борьбе», пролетариат должен вести борьбу за армию, за крестьянство.

Следует отметить также, что цитируемые слова т. Троцкого писались в период 1907 года, когда за спиной революции был опыт и неизбежность восстания. Даже позднее, в 1922 году т. Троцкий повторял, что стачечная тактика Советов «целиком укладывалась в программу борьбы за завоевание власти рабочим классом». Но то, что недостаточно было понято т. Троцким даже после опыта двух революций, понималось рабочим классом. Классовый инстинкт верно подсказывал неизбежность вооруженной борьбы.

Совет и идея вооруженного восстания в Октябре.

И действительно, с первых же дней забастовки в пролетарской массе инстинктивно подымается вопрос о необходимости организации вооруженного восстания. Вот как описывает настроение рабочих еще в первые дни забастовки Войтинский. «Толпившиеся здесь рабочие узнали меня. Сгрудились теснее. Глаза блестят решимостью.—Что же, товарищ? Начинать пора. Баррикаду, что-ли, строить будем. По близости мостовая была взрыта для ремонта, около тротуаров кучами лежал булыжник. Десятки рук тянутся к камням.

— Начнем, что-ли? Распоряжайтесь, товарищ!

Опасаясь вызвать столкновение безоружной толпы с войсками и ненужное кровопролитие, я негромко, но настойчиво уговаривал близ стоящих:

— Не спешите, товарищи... Партия укажет, когда придет время решительной схватки.

Мысль о необходимости вооруженного восстания не проходила во все время октябрьской забастовки, и Совету приходилось сдерживать этот боевой порыв в рабочей среде».

«Кучка рабочих-семянниковцев—рассказывает далее Войтинский—остановила нас:

— Что так поздно, товарищи? Народ обижается, что долго ждать заставляют.

— Сегодня не будет ничего—об'явили мы решительно и твердо.

— Как так?

— Отменено.

— Почему?

— Да потому, что не готовы. У вас оружие есть?

— А то как же.

— Покажите.

Из карманов появились на свет божий пара финских ножей, кастет, коротенький револьвер-бульдог.

— Всего то? Этого мало! — отрезал Николай.

— Что же делать теперь? — смущенно спрашивали рабочие, пряча свое убогое оружие.

— Ступайте домой!

— Да тут много наших семянниковцев... ждут начала...

— Всех с собой уведите.

И мы пошли дальше.

Так до позднего вечера ходили мы по набережной — от Филологического Института до Академии Наук и обратно—уговаривая рабочих, споря с более упрямыми, успокаивая более нервных. И с огромным чувством облегчения следил я за тем, как постепенно таяла и уменьшалась толпа перед Университетом» *).

Настроение Ленинградских рабочих не явилось исключением. Мы уже знаем, что в ответ на попытки подавить забастовку, в ряде южных городов забастовавшие строят баррикады, организуют свою милицию, вооружаются. Неизбежность восстания достаточно отчетливо чувствуется и в провинции, преимущественно в промышленных центрах. Так Тульский Комитет РСДРП в дни забастовки выпускает воззвание: «Готовьтесь же к восстанию, рабочие и крестьяне! Собирайтесь к дружинам, добывайте оружие, собирайте силы для решительной борьбы. Выбирайте руководителей из деревенской бедноты, составляйте кружки для руководства восстанием, составляйте

*) Вл. Войтинский «Годы побед и поражений», стр. 185. Изд. Берлин.

революционные крестьянские комитеты и т. д.» *). Заканчивается же прокламация прямым призывом к вооруженному восстанию.

Насколько была сильна в пролетарских массах идея вооруженного восстания, видно из выступлений депутата Совета от ф-ки Максвеля. «Нам нет другого выхода—заявил он,—как взять в руки дубину и сокрушить все, что нам мешает жить». На неизбежность появления идеи вооруженного восстания и распространения ее в широких пролетарских массах еще задолго указывал тов. Ленин. В брошюре «Две тактики» он писал, что «Социал-демократия выставила лозунг подготовки восстания еще три года тому назад на основании общих собраний. Самодеятельность пролетариата пришла к этому же лозунгу, под влиянием непосредственных уроков гражданской войны». А к осени «Пролетарий» определенно заявил, что «без вооруженного восстания народных масс под руководством сознательного пролетариата невозможна полная победа демократической революции; если, подготовив почву для натиска на правительство стачками и стихийными взрывами, пролетариат не закончит начатого столь геройски, столь блестяще дела—восстанием, то революция закончится выкидышем—победой либералов» **).

И действительно, чуждыми восстанию оказались либеральная буржуазия и ее интеллигенция. Пролетариат же принимал все меры к организации восстания. Любопытно, когда впоследствии, председатель царского суда над Советом спрашивал свидетеля-рабочего: «Но все-таки Совет Р. Д. призывал Вас к готовности к вооруженному восстанию?» свидетель скромно, но достойно ответил: «Не Совет призывал нас, а мы его призывали. Он только сообщал во всеобщее сведение наши желания» ***).

Вопрос о восстании во всей своей широте поднимается перед Советом, в связи с ликвидацией забастовки. Еще 18-го октября, анализируя создавшееся положение, тов. Ленин писал: «Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки. Назначение министра-

*) Д-т Полиции, 4 делопр., дело 2555.
**) «Пролетарий», № 17 от 1/IX.
***) «Око» газ. от 28/IX 1906 г.

клоуна, уверяющего рабочих, что всенародное Учредительное Собрание невозможно, показывает ясно под'ем революционных сил и упадок сил царского правительства. Самодержавие уже не в силах выступить против революции.

Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и собраний» *).

Еще не успела окончиться октябрьская забастовка, как на страницах «Известий»—органа Совета—излагается путь дальнейшей борьбы пролетариата.

«Но в чем же для нас гарантия, что обещания, данные в царском манифесте, будут действительно исполнены, что царская опричнина, воспользовавшись минутной слабостью и успокоением рабочего класса, не отберет назад всего завоеванного с таким трудом, с такой массой крови и жертв. Гарантия только в нас самих, в нашей готовности оружием защищать приобретенные права. Мы немедленно должны потребовать отозвания войск и казаков с улиц городов и деревень, освобождения войск от позорной полицейской службы; должны потребовать передачи полиции в полное распоряжение городских дум и земств; но прежде всего, мы должны требовать образования народной милиции для охраны народной свободы. Теперь мы можем праздновать частичную победу, но мы не сложим оружия, пока не добьемся полной победы. Могучее оружие всеобщей забастовки в наших руках, и если мы временно прекратим ее, то лишь затем, чтобы с большей силой, с еще большей стремительностью ударить на врага и мощным взрывом всенародного вооруженного восстания смести последние следы деспотизма, последние оковы рабства с рабочего класса и крестьянства» **).

Идея вооруженного восстания не была только агитационным лозунгом. В том же № 3 «Известий» предлагаются конкретные мероприятия по организации боевых дружин. Совет, отражая настроение масс, предостерегает пролетариат, что Витте хорошо учитывает слабые стороны пролетарского движения. Поэтому, Совет рекомендует опасаться провокации,

*) «Пролетарий» № 23.
**) «Известия СРД» № 3.

благодаря которой возможен расстрел рабочих. Данный период «свобод» необходимо использовать для укрепления своих сил.

«Мы удесятерим их, товарищи, если из толпы превратимся в армию. Пусть каждый завод, каждая фабрика разобьется на десятки, сотни и тысячи. Пусть каждый десяток, каждая сотня выберет своего командира, как выбрали делегатов в Общий Рабочий Совет. Вы знаете, кого нужно выбирать, товарищи. Вы знаете своих наиболее стойких, наиболее убежденных бойцов за освобождение рабочего класса. Пусть они будут вашими вождями и в настоящий решительный день этой борьбы. Но помните, товарищи, что Социал - Демократическая рабочая партия уже десятки лет борется за освобождение рабочего класса, что еще в 1896 г. она собрала под свои знамена десятки тысяч петербургских рабочих для борьбы с капиталом и победоносно провела ее. Помните, что с тех пор она неустанно вела эту борьбу, пока к ней не примкнул весь пролетариат и передовое крестьянство. Ее знамена развеваются и теперь призывают вас к организованной борьбе, так как только такая борьба ведет к победе. Члены боевой организации этой партии и теперь среди нас. Это—испытанные борцы за свободу. Пусть избранные Вами командиры отдельных фабрик войдут в непосредственные сношения с боевой организацией Российской Социал - Демократической Рабочей Партии и действуют в согласии с нею, как это делает собрание ваших депутатов.

При такой организации каждый отряд будет состоять из людей, хорошо знающих и доверяющих друг другу. Тут не может быть провокаций. С другой стороны, каждый отряд сам будет прилагать все усилия к лучшему вооружению револьверами, ружьями и проч. Но пусть мы останемся плохо вооруженными. Порядок, организация сами по себе сделают нас сильнее. Теперь при крике—«войска», «казаки» и т. д. каждый начинает заботиться о себе и каждый по-своему: одни бегут, не зная куда и почему именно в ту, а не в другую сторону, другие остаются, тоже не всегда ясно понимая зачем. Случайный возглас неизвестного человека увлекает массу людей, как стадо. Другое будет дело, если мы, зная своих командиров, будем слушать только их команду, итти все, как один человек. При таком порядке мы и с голыми

руками сумеем достать оружие, сумеем дружным самоотверженным натиском победить темных защитников озверелого правительства.

В ряды и колонны, вперед, товарищи, под великим всемирным знаменем пролетариата—знаменем Социал-Демократической Рабочей партии» *).

Если, в ответ на Треповский указ, Совет ответил, что «народу нужны не царские указы, а оружие», и что «петербургский пролетариат возьмет в руки оружие и на кроваво-красных стенах Зимнего Дворца напишет концом штыка свой великий указ», то теперь он ставит перед собой задачи реального проведения своего Советского указа в жизнь.

Насколько верно удалось правительству оценить роль Советов, видно из всеподданнейшего доклада Дурново, понимавшего, что вооруженное восстание неизбежно для победы революции. «Как средство для сего—писал Дурново—намечено вооруженное восстание, а в его результате созыв Учредительного Собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права» **).

Меньшевистские утопии о возможности мирной победы при помощи «органов революционного самоуправления» вскрыли в процессе революции перед широкими рабочими массами всю иллюзорность этих планов. Еще острее необходимость вооруженного восстания и вооруженной защиты революционных требований осознавались широкими массами при попытках их проведения в жизнь. Завоеванное же требовало от пролетариата бдительного внимания и вооруженной охраны, так как всем было ясно, что царизм при первой возможности попытается вернуть потерянное.

Пролетариату в революции шаг за шагом приходилось убеждаться, что осуществление подлинных свобод может быть проведено только вооруженной рукой, и что самодержавие добровольно не пойдет ни на какие уступки. Давая «свободы 17-го октября», самодержавие «забыло» об амнистии—пролетариат, внушительно напомнив об этом, сам провел амнистию. Давая свободу собраний—правительство организовывало черносотенные банды для разгона и т. д.

---

*) «Известия СРД» № 3.
**) Всеподданнейшие записки Д-та полиции № 2540.

События, развившиеся в конце октября и в ноябре м-це, еще нагляднее убеждали пролетариат в необходимости сплоченности, организованности и вооружения.

Они доказывали пролетариату, что проводимые в жизнь требования революции: свобода слова, печати, 8-часовой рабочий день, самооборона и т. д.,—расширяя, с одной стороны, плацдарм революционных действий, — могут быть, с другой стороны, закреплены только лишь с ликвидацией самодержавия посредством вооруженного восстания.

Совет в осуществлении свободы печати.

В этом наглядно убеждала пролетариат блестящая кампания, победоносно проведенная революцией—штурм цензуры. Добытая свобода печати не могла быть достаточно гарантирована, пока существовало самодержавие. Манифест 17-го октября умалчивал о свободе печати. Хотя в своих беседах Витте и из'яснялся перед либеральной интеллигенцией о необходимости проведения свободы печати, но при этом многозначительно прибавлял о нерушимости цензуры. Витте, однако, ошибся. Вопрос о цензуре решал не он и не издатели, а сами рабочие. Совет Рабочих Депутатов, оценив значение проведения в жизнь свободы печати, уделял большое внимание этой кампании. 19-го ноября он постановил:

«В России царским указом об'явлена «свобода» слова, но главное управление по делам печати сохранено, цензурный карандаш остался в силе. Совет Депутатов, исходя из того положения, что рабочий класс, выносящий на своих плечах все или почти все бремя борьбы, должен сказать свое слово и по вопросу о свободе печати. Свобода печатного слова должна быть завоевана рабочими. Совет Депутатов постановляет, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих нумеров в цензуру, вообще поступают так, как Совет Депутатов при издании своей газеты. Поэтому наборщики и другие товарищи печатного дела, участвующие в выпуске газет, приступают к своей работе лишь при заявлении и проведении редакторами свободы печати. До этого момента газетные товарищи-рабочие продолжают бастовать, и Совет Депутатов примет все меры к изысканию средств для выдачи бастующим газетным товарищам-рабочим их заработка. Газеты, неподчинившиеся настоящему постановлению, будут

конфискованы у газетчиков и уничтожены, типографии и машины будут попорчены, а рабочие, не подчинившиеся постановлению Совета Депутатов, будут бойкотированы» *).

Проведение кампании Советом облегчалось организованностью типографских рабочих и тесной связью Совета Рабочих Депутатов с Союзом печатников. Кампания за свободу печати коснулась также значительной части сотрудников и редакторов периодической прессы, которые, собравшись 20-го октября, организовали Союз для защиты печатного слова, заняв, однако, позицию пассивного бойкота цензуры.

Тогда Совету в своем постановлении пришлось раз'яснить, что пассивный бойкот цензуры, приводящий к массовому закрытию газет, преимущественно коснется пролетарских масс. В противовес пассивному бойкоту, Совет отмечал, что наоборот, борьбу надо вести активными мерами, игнорируя цензурный комитет. Постановление Совета рекомендует Союзу газетного дела: «бороться с репрессивными мерами правительства не путем пассивного бойкота (закрытия всех газет в случае остановки правительством одной из них), а путем активных действий, т. е. путем полнейшего игнорирования цензурного комитета и путем выпуска газет, не обращая внимания ни на какие репрессии. В последнем случае Совет Рабочих Депутатов обещает свое содействие Союзу газет» **).

Кампания за осуществление свободы слова проходила дружно и организованно. Во всех газетах сообщалось, что они выходят без цензуры. Правда, победа нередко приписывалась либерально настроенному «Союзу защиты свободы печати», и замалчивалась роль рабочих. Но ближайшие же дни проведения свободы печати доказывали, что она не могла бы быть проведена без участия рабочих. Во многих типографиях, например, администрация, тайком от рабочих, посылала номера в цензуру, оправдываясь перед рабочими в необходимости посылать газеты в национальные книгохранилища. Но когда рабочие узнавали об этих проделках, администрация вынуждалась подчиниться и прекращать всякие сношения с цензурой.

---

*) «Известия СРД».
**) «Известия СРД» № 4.

В Академию же Наук и Публичную Библиотеку газеты пересылались непосредственно, минуя цензуру. Правда, бойкотирование цензурного комитета не обходилось и без курьезов. Так, газета «Слово»—под давлением рабочих, запретивших всякие сношения с цензурой—обращается в Совет Рабочих Депутатов с просьбой получения письменного предписания не посылать нумеров в цензуру.

Кампания за свободу не ограничивается только изданием периодической прессы, но захватывает и выпуск книг и брошюр. На этой почве происходит ряд конфликтов. Рабочие типографии Каспари срезают с готового стереотипа цензурную пометку и, в виду отказа Каспари выпустить журнал без пометки, бросают работу. Под влиянием конфликтов и недоразумений, возникавших в ряде типографий, Союзу печатного дела пришлось созвать экстренное собрание печатников. Собрание состоялось 30-го октября. В присутствии свыше 3.000 печатников была вынесена резолюция, что, «основываясь на резолюции Совета Рабочих Депутатов», собрание постановляет, что «все книжные и журнальные издания выходят без цензуры, игнорируя Главное Управление по делам печати, и без представления выпускаемых книг, брошюр и журналов в цензурные комитеты». В целях защиты свободы печати собрание заявило, что будет подвергать бойкоту издателей, не выполняющих этого решения, и останавливать работы. Осуществление этого постановления собрание возложило на Союз печатного дела совместно с Советом Рабочих Депутатов.

Одновременно с Союзом печатного дела создаются также союзы книгоиздателей и журналистов. Насколько эти союзы были способны провести в жизнь требования рабочих, видно из выступления рабочего представителя Союза печатников, который был вынужден заявить на организационном собрании журналистов и книгоиздателей, что, в виду их нерешительности, он пришел не убеждать, не просить, а сказать, что «как бы вы не реагировали на данный вопрос, какое бы постановление вы не выносили сегодня, мы, рабочие, уже постановили игнорировать цензуру». Председатель собрания внес предложение не посылать в цензуру, а уведомлять правительство о выходе книг. Но это предложение

встретило достойный отпор рабочих, заявивших: «так ставить вопрос — все одно, что, борясь за свободу прогулок по улицам города, каждый раз, отправляясь гулять, заходить в участок и заявлять полиции—«мы пошли гулять».

Собранию после внушительных заявлений представителя печатников ничего не оставалось, как вынести резолюцию о присоединении к забастовке. После решения рабочих и работников прессы об отмене цензуры владельцам типографий только оставалось подчиняться. Они заняли выжидательную позицию: подчиняясь решениям Совета Рабочих Депутатов, они в то же время хлопотали перед Витте, что «правильное течение работ в С.-Петербургских заведениях печатного дела немыслимо впредь до осуществления следующих назревших требований: 1) полной отмены цензуры предварительной, как для периодических изданий, так и для книг, брошюр, 2) полной отмены цензуры запретительной и замена ее ответственностью по суду, 3) упразднения Главного Управления по делам печати и цензурных комитетов, 4) сосредоточения надзора за печатью, в смысле привлечения к судебной ответственности, в ведомстве Министерства Юстиции при судебных учреждениях».

Казалось, разрыв с цензурой был полный. Дружным усилием Совета Рабочих Депутатов и Союза Печатников столичная пресса игнорировала цензурные требования, предоставив социалистической прессе возможность выхода в свет. 27-го октября выходит из душного подполья «Новая Жизнь», появляются и другие социалистические газеты, журналы, книги, брошюры.

Правительство, пообещав вскоре после издания манифеста 17 октября новые положения о печати, отнюдь не торопилось «в ближайшем будущем» издавать какие-либо законы. Понимая значение свободы печати, оно затягивало вопрос, пробуя все силы, чтобы удержаться на старых позициях. Закон о печати, с одной стороны, лицемеривший перед революцией, с другой же, преследовавший интересы подготовки наступления реакции, был издан только 23-го ноября.

Борьба за свободу печати носила упорный характер, и правительство, где было возможно, стремилось наносить удары завоеваниям революции. Главные удары, конечно, приходились

по социалистической прессе. Вышедший первый номер «Новой Жизни» энергично конфисковывается полицией у газетчиков. «Услужливые продавцы в киосках Пташникова—рассказывает А. Симановский—даже предупредили полицию, повынимав из газеты и уничтожив «крамольное» приложение—программу социал-демократической партии».

Более сильные репрессивные меры предпринимались в провинции, где разгул полицейского произвола шел во всю. Газеты конфисковывались жандармами, уничтожались в вагонах, почтах и у газетчиков. Почтовое отделение также усердно истребляло предназначенные для рассылки подписчикам номера и отказывались принимать переводы на «Новую Жизнь».

Правительство ведет также упорную борьбу с изданием сатирических журналов, пользовавшихся огромным успехом и высмеивающих царских опричников. Прихвостни царского режима прекрасно учли, какое значение в глазах широких масс имеет удачная каррикатура, запечатлевающаяся в уме даже безграмотного, и как благодаря ей «невинным смешком сдирается божественная мантия с громовержцев».

Становится понятным, почему с таким неистовством преследовались журналы «Пулемет», «Зритель», «Дятел», «Пламя» и др.

Борьба правительства с решением Совета — осуществлением свободы печати—имела бесспорно большое воспитательное влияние на широкие рабочие массы. Она раз'ясняла им, что, пока осталось самодержавие, все достигнутые успехи революции грозят быть сведенными на нет.

Кампания по осуществлению свободы печати была одной из наиболее удачных кампаний, проведенных Советом. Тем не менее, она до конца не была и не могла быть проведена. Совет одержал полную победу в игнорировании цензуры только в Ленинграде. Выпуск же свободной прессы, преимущественно социалистической, претерпевал всяческие препятствия и трудности. В этом смысле интересно ознакомиться, например, с изданием печатного органа Совета «Известий Совета Рабочих Депутатов».

Как печатались «Известия Совета Р. Д.»

Несмотря, казалось бы, на удачное проведение кампании за свободу печати, Совет все же был вынужден издавать свой орган «захватным путем». Непосредственный руководитель издания «Известий

Совета Рабочих Депутатов» А. Симановский рассказывает об этом следующее: «так как рассчитывать на гражданское мужество даже либеральных типографов было бы крайне опасно, то и пришлось остановиться на «захватном праве». В печатании «Известий» приходилось использовать легальные типографии, так как нелегальные типографии, где не было ротационных машин, естественно, не могли выполнять огромной важности работу по изданию в десятках тысяч экземпляров «Известий Совета».

Пользуясь тем, что типографии бездействовали, и в распоряжении Совета были кадры специалистов, издание «Известий» было поручено группе лиц, близко стоящих к Совету и Исполнительному Комитету, предоставив им право «захватного» пользования типографиями. «Захват» типографий, главным образом, «обусловливался боязнью типографской администрации перед судебными властями за столь незаконные действия, как печатание органов Совета». Нередко сама администрация типографий предлагала арестовать их.

— Вот если бы вы нас арестовали — замечает администрация пришедшим из Совета в типографию «Сын Отечества» для напечатания очередного номера «Известий».

— Вы арестованы —подхватил догадливый рабочий.

— У нас и оружие есть—добавил другой, выставляя револьвер, случайно у него оказавшийся.

— Вы арестованы. Вы арестованы—разносится по всему помещению типографии и редакции.

— Впускать всех, но никого не выпускать.

— Где ваш телефон? Станьте к нему! — отдают приказания *).

Примерно так же происходил «захват» и других типографий. После формального об'явления об аресте всех находящихся в типографии, «арестованные» немедленно приступали к работе: рабочие занимали места у машин, сотрудники писали статьи, редакторы их исправляли, и работа кипела во всю. «Арест» обыкновенно продолжался до окончания печатания номера газеты. Тогда «арестованные» и «арестовавшие» захватывая отпечатанные номера и смеясь, покидали типографию,

*) Сб. «Истории Совета Р. Д.» стр. 282.

а одураченная полиция появлялась в типографии, когда «следы преступления» были уже сметены.

Впоследствии, на суде, «захват» типографий хотели изобразить в форме действительного нападения на типографии. Так же пытались освещать эти факты и владельцы типографий, консервативно настроенные и желавшие загладить свою вину перед самодержавием. На деле, однако, было иначе. Конечно, не благодаря «аресту» типографий Совет мог издавать «Известия», а преимущественно благодаря сознанию широких масс печатников и той популярности, которой пользовался Совет Р. Д. среди рабочих масс. Например, в типографию «Общественная Польза» в стереотипную мастерскую входит местный стереотипер. Его взгляду бросается работа незнакомых людей на его машинах, и на его глазах выколачиваются матрицы. Разжигается печь. Он совершенно изумлен.

— «Кто тут распоряжается? Кто позволил? — горячится прибывший и принимается тушить печь.

— Вы хотите знать, кто позволил. Пожалуйте за мной.— И мастера ведут по корридорам.

По дороге темный чулан.

— Сажай его сюда, а потом он узнает, кто позволил.

Стереотипер взмолился. Тогда его пригласили в комнату и об'яснили, что печатается № 3 «Известий Совета Рабочих Депутатов».

— Так бы вы и сказали. Разве я что... Да я всегда готов — и работа закипела под опытной рукой хозяина дела»...

«Захватывают» типографию. Оказывается, что нет электричества. Управляющий скептически смотрит на возможность получения энергии, так как на электрической станции работают военные, отпуская энергию только казенным учреждениям. По требованию Совета электричество в типографию подается...

Организация печатания «Известий», полная революционного героизма, предприимчивости и находчивости, составляет одну из славных страниц в деятельности Ленинградского Совета Р. Д.

Первая неудача печатания «Известий» постигла группу 4-го ноября, когда полиции удалось во время работ захватить летучую типографию «Известий», нагрянув в $3^1/_2$ часа ночи в типографию «Нашей Жизни». Под охраной войска с ружьями

на перевес и с револьверами наготове, ворвалась полиция в помещение, но была поражена мирной работой. Рабочие, заявив, что работа производится по поручению Совета, потребовали удаления полиции. После переговоров с полицией и припечатания оригиналов к столам и реалам полиции пришлось покинуть типографию. Явившись на следующий день в опечатанную типографию, полиция к великому своему изумлению не нашла ни оригиналов, ни набора. Налет полиции 4-го ноября хотя и не кончился арестом работавших, тем не менее был грозным предостережением, потребовавшим впредь большей осторожности.

В ноябрьскую забастовку были отпечатаны еще №№ 6 и 7 «Известий». 6-й номер был отпечатан в типографии «Биржевых Ведомостей», печатание же 7-го номера производилось в типографии «Нового Времени», вызвав еще большее возбуждение консервативных издателей и полиции. 7-го ноября «Новое Время» посвящает этому событию две статьи, в одной из которых под заголовком «как печатается официальная пролетарская газета» подробно рассказывается о захвате Советом типографии, конечно, не без злорадных прикрас и ироний. Помещая свою статью, Суворин, с одной стороны, пытался оправдаться перед полицией и, кроме того, желал использовать ее в доказательство слабости полицейского надзора. Действительно, вскоре после издания 7-го номера «Известий» градоначальником Дедюлиным был издан приказ по полиции, угрожавший привлечением к самой строгой ответственности местных приставов, в участке которых будет произведено печатание.

В ответ на это Совету Рабочих Депутатов пришлось выступить и заявить, что выпуск «Известий» он производит только в дни забастовки, и если будет надобность, то издание газеты возобновится. Действительно, в декабрьскую забастовку было выпущено еще 4 номера «Известий» (№№ 8—11).

Советом Рабочих Депутатов, как видим, была проделана громадная работа по осуществлению свободы печати. Проведение ее было возможно исключительно благодаря широкой поддержке со стороны рабочих масс, преимущественно печатников.

Осуществляя свободу печати, пролетариату приходилось, отвоевывая шаг за шагом позиции самодержавия, наглядно

убеждаться в тех опасностях, которые грозят победам пролетариата без вооруженной борьбы и защиты.

И, действительно, конец октября и ноябрь характерны в этом смысле. Расширяя плацдарм революционных действий, пролетариат готовится к решительной вооруженной схватке с царизмом и упрочнению своих побед. Это был неизбежный вывод, осознанный широкими массами.

Иллюзорность достижений побед пролетариата, без захвата власти и вооруженной защиты отвоеванного, еще нагляднее подтвердилась в кампании по осуществлению 8-ми часового рабочего дня...

Совет в осуществлении 8-ми часового раб. дня.

Еще на заре рабочего движения, на одном из конгрессов 1-го Интернационала, указывалось, что сокращение рабочего дня есть необходимое условие, без которого неосуществимы другие стремления рабочего класса. Политические свободы — пустой звук, если рабочий остается в положении раба, проводящего почти все время на фабрике — капиталистической каторге. Продолжительный рабочий день лишает рабочего фактической возможности пользоваться свободами: фабрика изнуряет его на-столько, что лишает физической возможности принимать участие в общественной жизни. Хотя бы по одному этому нельзя считать (как делают это некоторые историки) борьбу за 8-часовой рабочий день чем-то случайным или неумело вклинившимся в события 1905 года. Борьба за 8-часовой рабочий день в 1905 году не была случайной так же, как не случайна она в революционном движении пролетариата Западной Европы, занимая далеко не последнее место. В России же тяжелая эксплоатация и большая, сравнительно с Западной Европой, продолжительность дня неизбежно делали лозунг проведения 8-ми часового дня неотложной задачей революции. Продолжительность рабочего дня, например, на фабрике Максвеля была 11½ часов для дневной смены и 10 часов для ночной. То же и на фабрике Паля. Фабрики Максвеля и Паля были крупными. Положение же рабочих на небольших фабриках было еще хуже и тяжелее. На общем фоне продолжительного рабочего дня выделялись только крупнейшие металлургические заводы, где рабочий день иногда спускался до 9-ти часов. Мог ли пролетариат пройти мимо сокращения рабочего

дня при наличии 11—13-часового рабочего дня, лишавшего его возможности читать газету, посещать собрания, быть активным членом союза и т. д. Более чем когда либо, став гегемоном революции в дни октября, рабочий почувствовал необходимость иметь досуг для удовлетворения своих политических и культурных нужд. Осуществление 8-ми часового рабочего дня стало для него неизбежным и необходимым условием успеха его дальнейшей борьбы. Это не было уже требование, красующееся только на знаменах в виде лозунга. Это была непосредственная задача дня. «После октябрьской стачки—сообщал в Совете депутат от фабрики Паля—надо было уменьшить рабочий день, чтобы нам легче было. Мы заявили хозяину о 9-часовом рабочем дне, а хозяин ответил: «и 10-часового не дам». Тогда рабочие говорят, «не хотите 9 часов, будем только 8 работать».

Депутат этот высказал мнение не только своей фабрики. Он удачно выразил настроение всей Ленинградской рабочей массы, в среде которой лозунг борьбы за 8-ми часовой рабочий день был особенно популярен. Встречая отпор со стороны владельцев предприятий, пролетариат естественно становился на революционный путь. Любопытно, что идея «захватного права» исходила не из среды рабочей аристократии, а из рядов широкой рабочей массы, группировавшейся преимущественно вокруг фабричных комитетов, совещаний депутатов своего предприятия или района и т. д.

Насколько лозунг осуществления 8-ми часового рабочего дня был близок рабочей массе, видно из того, что он захватывает широкие рабочие массы, почти одновременно и повсеместно осуществляется самими рабочими низами в различных районах Ленинграда.

26-го октября этот вопрос поднимается в Невском районе на крупнейших заводах Ленинграда—Обуховском, Александров ском и Семянниковском; почти в тот же день он всплывает в другой части Ленинграда—в Выборгском районе, на крупных заводах Нобеля, Лесснера, Растеряева. 27-го октября на многолюдном митинге Обуховского завода вопрос о 8-часовом рабочем дне получает общую санкцию и практически осуществляется с 28-го октября. Как в выдвигании самой идеи 8-часового дня, так и в практическом ее осуществлении «за

хватным»—революционным путем впереди идут крупные заводы. Впервые 8-ми часовой рабочий день осуществлялся на заводах Обуховском, Семянниковском и Александровском.

В настоящее время при рассмотрении развития борьбы за 8-ми часовой рабочий день, естественно, возникает вопрос, почему Ленинградский пролетариат, при среднем рабочем дне 10—13 часов, осуществлял 8-часовой рабочий день, а не пытался снизить его до 9-или 10-часового дня?

Ответ на этот вопрос кроется в двух обстоятельствах. С одной стороны, инициатива борьбы исходила из рядов передовых слоев пролетариата—металлистов, где рабочий день был ниже, чем, например, у текстильщиков. С другой стороны, надо учесть, что борьба Ленинградского пролетариата проводилась под непосредственным влиянием международного рабочего движения, высказавшегося за осуществление 8-часового дня на одном из конгрессов II Интернационала. Своей борьбой Ленинградский пролетариат приобщался к семье международного пролетариата в качестве активного ее сочлена.

Что идея борьбы за 8-часовой, а не 9 или 10-часовой рабочий день не была достоянием только металлистов, как передового слоя, видно из того, что начатая металлистами «захватная кампания» почти с молниеносной быстротой подхватывается рабочими различных отраслей производств, встречая общее сочувствие. Сообщение сделанное на заседании Совета Р. Д. от 29-го октября депутатами Обуховского, Александровского и Семянниковского заводов об осуществлении революционным путем 8-ми часового дня на своих заводах, покрывается единодушным громом аплодисментов.

Необходимость осуществления 8-часового рабочего дня, как очередной задачи революции, казалась депутатам Совета Р. Д. настолько очевидной, что без прений и обсуждений этого вопроса в Исполнительном Комитете Совет принимает соответствующую резолюцию. Делегат орудийного завода, выступивший с предостережением, что введение 8-часового дня не может быть делом рук только одного Ленинградского пролетариата, поспешил под влиянием общего настроения загладить свое выступление и заявил, что если Совет Рабочих Депутатов постановит, то и на их заводе 8-часовой рабочий день будет проведен. Общее же настроение было уверенным, не сомне-

вающимся в успехе, и реплика одного из депутатов, что «не кончили с абсолютизмом, а начинаете с капиталистами борьбу» осталась совершенно незамеченной, потонув в общем настроении.

Ночью 29-го октября многолюдное заседание Совета при участии 281 делегата от всех районов и профсоюзов декретировало введение 8-часового рабочего дня, приняв следующую резолюцию: «Совет Рабочих Депутатов—говорится в ней—приветствует тех товарищей, которые революционным путем ввели у себя на заводах 8-часовой рабочий день.

Совет Рабочих Депутатов считает, что повсеместное введение 8-часового рабочего дня требует соответственного увеличения расценок, дабы заработная плата осталась по меньшей мере на прежнем уровне.

Совет Рабочих Депутатов постановил: «всем оставшимся заводам и фабрикам с 31-го октября примкнуть к борьбе за восьмичасовой рабочий день, вводя его на всех заводах и фабриках революционным путем. Взаимная поддержка рабочих всех районов будет залогом общего постановления Совета».

Революция сокращает сроки!

В то время, когда за границей кампания за осуществление 8-часового рабочего дня велась годами, Совет Рабочих Депутатов считал возможным через одни сутки приступить к фактическому осуществлению восьмичасового рабочего дня, идя навстречу страстному желанию Ленинградской рабочей массы. Правда, в этом вопросе Совет не столько руководил массой, сколько отражал ее настроение, удерживаясь на революционном хребте волн.

В день 31-го октября, назначенный Советом для повсеместного революционного осуществления 8-часового рабочего дня, рабочие при огромном энтузиазме организованно приступают к его проведению.

«В понедельник 31-го октября—докладывали Совету депутаты Московского района—все заводы данного района, согласно постановления Совета, отработав 8 часов, оставили мастерские и с красными знаменами и пением марсельезы вышли на улицу. Манифестанты по пути снимали продолжавшие работать мелкие заведения».

В этот же день, 31-го октября, движение захватывало и другие районы.

На Выборгской стороне революционным путем 8-ми часовой рабочий день вводится на заводах: Нобеля, Лесснера и Растеряева.

На Васильевском острове на заводах: Балтийском, Посселя и Трубочном.

В Городском районе: на Франко-Русском заводе, Гребном Порте, Галерном Острове, Новом Адмиралтействе, Варшавских мастерских, электрических станциях, орудийном заводе.

На Петербургской стороне: на заводах Гейслера и Лангензипа.

За Нарвской заставой—на заводе Александрова.

Кампания, вслед за крупными, быстро захватывает и мелкие предприятия, нередко, не имевшие даже представительства в Совете, становясь к 1 ноября почти всеобщей. «С 1-го ноября—сообщают рабочие столярно-мебельной мастерской Клейна—мы постановили работать только 8 часов, примкнув ко всем Петербургским рабочим в борьбе за восьмичасовой рабочий день». Восьмичасовой день явочным путем проводится рабочими зеркальных и стекольных производств, захватывая и многие другие мелкие мастерские и заводы. В Совет поступают многочисленные просьбы от мелких заводов и мастерских дать директивы и указания, нередко прося «снять» их, так как они сами не могли справиться с хозяевами.

Настроение рабочих, втянутых в кампанию, было боевым и твердым. Поставленный на отдельных фабриках на закрытое голосование вопрос о сокращении рабочего дня повсеместно давал одинаковые результаты. Обычно голосовались два предложения: одно хозяйское—сократить рабочий день до 9 часов и второе—сократить до 8 часов. Несмотря на то, что рабочие понимали, что решением о 8-часовом дне они становились под угрозу локаута, все же тысячи голосов повсеместно подавались за 8 часов, а предложение предпринимателей собирало не более нескольких десятков.

Кампания, проводившаяся с первых дней дружно и с огромным под‘емом, обещала как будто удачный исход, если бы, в ходе развития революционных событий, Совету Р. Д. и Ленинградской рабочей массе не пришлось повернуть свое внимание в другую сторону—в сторону событий, широко развернувшихся в Кронштадте и Польше, и об‘явить ноябрьскую забастовку.

Борьба за 8-ми часовой рабочий день в дни ноябрьской забастовки естественно занимает второстепенное место, и успех кампании оказался самым тесным образом связанным с ноябрьской стачкой. Изменившееся в результате ноябрьской стачки соотношение сил в революции уже заставляло отдельных депутатов поднимать вопрос о необходимости пересмотра резолюции о 8-часовом дне, так как положение на заводах представляло несколько иную картину, чем в дни октябрьской забастовки.

В октябре промышленная буржуазия держалась по отношению к пролетариату или нейтрально или же, нередко, в надежде на удачный для нее исход революции, оказывала ему сочувствие. В октябрьские дни капиталисты не только не мешали рабочим собирать митинги на фабриках, но даже за забастовочные дни выплачивали заработную плату в половинном размере, а нередко и полностью. В буржуазных кругах даже и не поднимался вопрос о расчете забастовавших рабочих. Рабочие депутаты Совета признавались «де факто», получая полностью свой заработок за дни, пропущенные из-за заседаний Совета. Управление Обуховского завода представляло даже депутатам Совета Р. Д. заводской пароход для поездок.

Активное выступление буржуазии.

После ноября мы наблюдаем иное положение. Если в октябре нейтралитет буржуазии отчасти об'ясняется ее распыленностью, то в ноябре мы находим капиталистов, об'единенных для борьбы с рабочими в «Петербургский Союз фабрикантов и заводчиков». В об'явлении владельцев 72 металлургических предприятий, текстильных фабрик и стеклянных заводов, как ответ на укрепление позиции пролетариата и его борьбу за 8-час. рабочий день, мы находим угрозу рабочим поголовным локаутом и закрытием предприятий. Царское правительство, конечно, не преминуло воспользоваться своим союзником, и, показывая пример, первое закрывает казенные заводы.

В дни ноябрьской забастовки русская буржуазия «нашла себя». Не чувствуя сил самой занять руководящую роль в революции и заменить царское правительство, она ограничивается скромным желанием «немного смягчить режим самодержавия», заставив его внимательнее относиться к ее интересам. Твердая власть абсолютизма, обеспечивавшая возможность интенсивной эксплоатации рабочих и получения высоких прибылей и суб-

сидий, вполне отвечала ее настроениям, и ликвидация самодержавия совсем не входила в ее интересы. Первоначально революция 1905 г. буржуазией понималась, как конфликт с царизмом, в котором столкновение пролетариата с царизмом для нее было выгодным, так как ставило буржуазию в выигрышное положение нейтральной стороны. Поскольку конфликт переходил через намеченные рамки и угрожал ликвидацией самодержавия и буржуазному благополучию, буржуазия была вынуждена выступить активно. Временно не понявшие один другого, «враги»—абсолютизм и буржуазия—протянули друг другу руки.

Вот почему на ноябрьском с'езде кадетов делегаты свободно вздохнули, услышав из уст своего лидера Милюкова внеочередное заявление, что в Севастополе «восстание, слава богу, подавлено», а другой лидер кадетов Петрункевич с гордостью заявил, что он не социалист и что пока правительство—единственный орган, вокруг которого можно «об'единиться».

Вот почему, вслед за об'явлением расчета рабочим казенных заводов, по тому же пути идет и буржуазия.

После казенных заводов об'является расчет рабочим на Триумфальной мануфактуре, Российской бумагопрядильне, заводах Паля, Торнтона, Дюфлон, Электрической станции бельгийского общества, табачной фабрике Оттоман, заводе Харламова, заводе Малкиеля, Гейслера, фабрике бр. Алексеевых, Сыромятникова, Лаферм и др.

Директор Семянниковского завода вывешивает следующее об'явление: «Согласно распоряжения Правления, настоящим об'являю, что если работа на заводе не будет производиться согласно существующим правилам внутреннего распорядка, то всем рабочим будет об'явлен расчет, и завод будет закрыт. Вследствие дошедших до меня слухов, что рабочие, не взирая на постановление Правления, все-таки намереваются работать 8 часов, считаю своим нравственным долгом довести до сведения рабочих, что на 70 частных С.-Петербургских заводах, в том числе, разумеется, и на всех крупных, установлен прежний 10-и 10 1/2-часовой рабочий день».

Наряду с борьбой против введения 8-часового рабочего дня, буржуазия также не останавливается перед разгоном митингов и рабочих собраний на заводе. Когда рабочие картонажной фабрики «Прогресс» потребовали от владельца отвести

помещение под митинг, то он бесцеремонно ответил: «митингов не будет. Вы задаетесь очень высокими политическими целями. Насильно вводите восьмичасовой рабочий день».

На фабрике же Максвеля у депутата Совета Р. Д. администрация отобрала ключи от помещения, предназначенного для митингов. Случаи, имевшие место на фабрике «Прогресс» или Максвеля, отнюдь не были единичными. Борьба с заводскими митингами, при самом близком участии буржуазии, широкой волной разливается по Ленинграду. Для подавления митингов администрация заводов не стесняется прибегать и к требованию воинских частей.

Кампания за осуществление 8-часового рабочего дня, дружно и с энтузиазмом начатая, в конце октября и в ноябре вступает в новую фазу. Резкое противодействие со стороны буржуазии и все укрепляющийся союз между ней и абсолютизмом заставили вскоре Совет Р. Д. пересмотреть вопрос о проведении 8-часового рабочего дня.

Совет в ликвидации кампании за 8-часовой рабочий день.

Заседание Совета 6-го ноября, собранное в Вольно-экономическом обществе, почти целиком было посвящено этому вопросу. В докладах депутатов выявляется пестрая картина проведения кампании сокращения рабочего дня. Над большинством рабочих повисла угроза расчета и закрытия предприятий, если они не приступят к работам на старых условиях. Администрация заводов Тюдора, Александрова, Айваза и Пеклие принципиально соглашалась на ничего не обязывающее ее обещание ввести 8-часовой день, но при условии проведения такового на всех предприятиях. На многих других фабриках и заводах фабриканты, отказываясь от 8-часового дня, сокращали рабочий день на час или полчаса.

Эта пестрота в проведении кампании, ее неопределенность и двойственность нашли свое отражение как в выступлениях представителя Исполнительного Комитета, так и в решении Совета. «Вопрос о дальнейшем проведении 8-часового рабочего дня—заявил представитель Исп. Комитета—есть вопрос чисто практического характера, и он непременно должен быть передан на заводы для детального рассмотрения его широкими массами, и, следовательно, на заседании Совета нельзя решать его безусловно и окончательно. Исполнительный Комитет, исходя из того соображения, что при теперешнем экономическом

кризисе проведение 8-часового рабочего дня представляет громадные затруднения, не считает возможным дать лозунг за немедленное осуществление его» *).

Выступление—характерное, чтобы по нем судить о настроении всего собрания.

Совет занимает выжидательную позицию. Он не дает ясного лозунга, а пытается путем компромиссного решения, грозившего распылить движение, найти выход из тупика. Практическая неудовлетворительность предложения Исполнительного Комитета вряд ли даже не сознавалась ее защитниками. Слабость аргументации докладчика была вскрыта в прениях выступавшим представителем от Союза печатников. «По существу, против резолюции—заявлял он—нельзя ничего возразить, но она не решает вопроса. Проводить 8-часовой день, где это удобно... До сих пор Совет Рабочих Депутатов не поступал так, весь смысл его существования—это об'единять массы, заставить их действовать согласно, сплоченно. А теперь Совет предлагает вместо одной сплоченной борьбы отдельные партизанские схватки. Очевидно в этом вопросе мы поставлены в некоторое затруднение. Отчего это происходит? Вопрос о 8-часовом дне, поставленный в революционной атмосфере последних дней, казался нам легко разрешимым, а теперь выходит так: теоретически—это наше требование, и мы от него не отказываемся; практически—перед нами встает вся трудность его разрешения с наименьшими жертвами» **).

Несмотря на замечания о неудовлетворительности тактики Совета, депутаты, тем не менее, принимают резолюцию в духе предложения Исполнительного Комитета. Полного прекращения кампании за 8-часовой рабочий день Совет не решился провести. Учитывая боевое настроение значительной части рабочих, после прений большинством принимается следующая резолюция:

«Совет Рабочих Депутатов констатирует, что энергичная борьба петербургских рабочих за немедленное введение 8-часового рабочего дня неопровержимо доказала, до какой степени это сокращение рабочего дня является жгучей потребностью рабочего класса, за которую он готов бороться до крайней степени.

*) Сб. «История Совета РД» стр. 130.
**) Сб. «История Совета РД» стр. 130—131.

Признавая в то же время, что для осуществления этой меры безусловно необходима широкая массовая организация петербургских рабочих и вообще российских рабочих в профессиональные Союзы, Совет Рабочих Депутатов настойчиво рекомендует петербургским рабочим приложить все усилия к скорейшему созданию союзов и всероссийских с'ездов, которые смогут выработать практический способ для осуществления 8-часового рабочего дня. Вместе с тем Совет Рабочих Депутатов рекомендует немедленно и дружно добиваться возможного сокращения рабочего времени, стремясь к скорейшему завоеванию организованным пролетариатом 8-часового рабочего дня».

Хотя резолюция и не давала директивных указаний, она, тем не менее, пыталась маскировать поражение.

7-го ноября Исполнительный Комитет обращается к рабочим со следующим предложением. «Борьба петербургского пролетариата за уменьшение рабочего времени и повышение расценок в момент ликвидации ноябрьской стачки должна производиться по производствам. Для сего все фабрики и заводы, находящиеся в одинаковых производственных условиях, посылают своих делегатов на общие собрания данных профессий для решения вопросов, связанных с удержанием частичных завоеваний, и для выработки способов борьбы за уменьшение рабочего времени в каждом отдельном производстве».

Это предложение имеет скорее ценность литературного документа. Практического значения оно не имело. Кампания за осуществление 8-часового рабочего дня, дружно начатая в Ленинграде, но не поддержанная во всероссийском масштабе и получившая отпор со стороны союза царизма с буржуазией, явно начинала итти на убыль. На следующий день Исполнительному Комитету приходится решать вопрос о необходимости перенесения вопроса на ближайшее заседание Совета. Маскировка поражения не могла продолжаться долго, тем более, что ряд резолюций на отдельных заводах ставил вопрос более открыто.

«В виду истощения наших сил политической забастовкой— заявляют рабочие фабрики Барановского — мы решили временно работать 10 часов, но с тем, чтобы подготовиться к предстоящей борьбе с самодержавным строем за политические

права трудящихся и за 8-часовой рабочий день. Не складывая рук, мы единогласно решили вновь вступить в борьбу по первому призыву Совета Рабочих Депутатов, чтобы нанести решительный удар ненавистному полицейскому строю. Мы будем бороться за Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования».

Хотя рабочие в большинстве случаев и выносили резолюции, в которых выражали желание «продолжать борьбу по первому зову Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Совета Рабочих Депутатов», однако, кампания за 8-часовой рабочий день быстро идет на убыль. К работам стали приступать заводы Путиловский, Речкина, Лангензипа, Растеряева, Феникса, Розенкранца и т. д.

Уже 8 ноября Исполнительный Комитет по просьбе рабочих заводов, из‘явивших желание приступить к работе, посылает депутацию к морскому министру Бирилеву с требованием открытия заводов. Понимая, что революция еще не разгромлена, последний соглашается принять депутатов, оговорив, правда, что он принимает их не как депутатов, а как отдельных рабочих.

«Заводы будут открыты на старых условиях—заявил Бирилев. Ни 8-часового рабочего дня, ни митингов. В противном случае заводы будут закрыты на неопределенное время. Если бы я был хозяином, то я бы не дал и 9-часового рабочего дня. Но раз он введен, то пусть и работают 9 часов».

Под давлением депутации казенные заводы были открыты. На старых условиях работа началась на заводах Балтийском, Новом Адмиралтействе, Галерном Островке, Гребном Порту, Орудийном заводе.

Отступлением пролетариата не преминула воспользоваться и буржуазия.

Многие рабочие оказались перед угрозой полного расчета. Положение быстро ухудшается, и Исполнительный Комитет решает экстренно созвать общее заседание Совета Р. Д. Назначенное на десятое ноября в Соляном Городке, оно не могло состояться, так как вход в помещение был занят войсками и полицией, сославшейся на несоблюдение Советом формальностей закона 12-го октября (относительно посылки уведомления полиции о собрании за 3 дня).

Заседание Совета удалось собрать только 12 ноября, в помещении Вольно-экономического Общества. Взорам делегатов вырисовывались довольно безотрадные перспективы: число выброшенных на улицу рассчитанных рабочих увеличивалось, и к числу ранее рассчитанных фабриканты 12-го ноября прибавили еще 19.000 человек, закрыв 13 фабрик и заводов. Несмотря на намеченную повестку заседания, включавшую ряд вопросов: о присутствии на митингах полиции, об арестованных, о квартирной плате, об отношении к профсоюзам и с'езде профсоюзов—все заседание было, однако, поглощено одним вопросом: о 8-часовом рабочем дне. После доклада Исполнительного Комитета в развернувшихся 4-часовых прениях выявились две точки зрения. Депутаты Семянниковского и Александровского заводов защищали необходимость дальнейшего проведения кампании. Их предложение находит поддержку депутатов от текстильщиков и горячо защищается выступавшей делегаткой фабрики Максвеля. «Вы приучили своих жен сладко есть и мягко спать» — бросает она путиловцам, высказавшимся за прекращение кампании — и потому вам страшно остаться без заработка, но мы этого не боимся, мы готовы умереть, но добиться 8 часов работы, мы будем бороться до конца. Победа или смерть. Да здравствует 8-часовой рабочий день».

Искренность выступления и беспредельная готовность к борьбе невольно заражает энтузиазмом остальных делегатов, бурно аплодирующих ее выступлению. Но большинство депутатов сознает, что дальнейшее проведение кампании грозит обессилением рабочего класса. Нужно было, учитывая создавшуюся обстановку и рассчитав свои силы, временно отступить, чтобы, собравшись с новыми силами, победить. Сознание необходимости временного отступления делает заседание одним из самых драматических моментов в деятельности Ленинградского Совета Р. Д. «Если решено будет прекратить борьбу за 8-часовой рабочий день — заявляет семянниковский депутат — то отступление должно совершиться стройно и по всей линии».

Большинство, после долгих прений, с горьким чувством принимает следующую резолюцию:

«Решение Совета Рабочих Депутатов ввести 8-часовой рабочий день революционным путем встретило упорное сопро-

тивление об'единенных капиталистов. Правительство графа Витте, которое стремится сломить силу революционного пролетариата, выступило на защиту капитала и этим сразу превратило вопрос о 8-часовом рабочем дне в Петербурге в вопрос общегосударственный, а это привело к тому, что петербургские рабочие, отдельно от рабочих всей страны, не могут сейчас осуществить постановление Совета. Посему Совет Рабочих Депутатов считает необходимым временно приостановить немедленное и повсеместное захватное введение 8-часового рабочего дня. К этому Совет добавляет: что завоевано, то должно отстаиваться и впредь; где возможны, по мнению отдельных заводов, дальнейшие завоевания, там они должны быть взяты. Борьба отдельных заводов, если они сочтут нужным ее продолжать, встретит, разумеется, моральную и материальную поддержку. Что касается повсеместного введения 8-часового рабочего дня, то оно остается задачей нашей борьбы. В целях решения этой задачи необходима всероссийская организация пролетариата. Совет Рабочих Депутатов считает необходимым, наряду с повсеместной агитацией и организацией рабочих, использовать, между прочим, предстоящий в Москве с'езд рабочих организаций для того, чтобы придать борьбе за 8-часовой рабочий день всероссийский характер».

Кроме того, 14-го ноября Исполнительный Комитет вырабатывает и опубликовывает в газетах следующую резолюцию-воззвание, непосредственно редактированную т. Лениным:

«Граждане. Более ста тысяч рабочих выброшены на мостовую в Петербурге и других городах.

Самодержавное правительство об'явило войну революционному пролетариату. Реакционная буржуазия соединяется с самодержавием, намереваясь голодом заставить рабочих смириться и расстроить борьбу за свободу.

С. Р. Д. заявляет, что этот невиданный еще расчет массы рабочих есть провокация со стороны правительства. Правительство хочет вызвать пролетариат Петербурга на одиночные вспышки; правительство хочет воспользоваться тем, что рабочие других городов еще недостаточно тесно сплотились с петербургскими, и разбить тех и других поодиночке.

С. Р. Д. заявляет, что дело свободы в опасности, но рабочие не поддадутся на эту провокацию правительства. Рабочие не примут сражения в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им сражение правительство. Мы должны приложить и приложим все усилия, чтобы об'единить всю борьбу и всероссийского пролетариата, и революционного крестьянства, и армии, и флота, которые геройски подымаются уже за свободу.

В виду этого С. Р. Д. постановляет:

1) Все закрытые заводы должны быть немедленно открыты, и все рассчитанные товарищи приняты обратно на свои места. Все слои народа, не на словах, а на деле дорожащие свободой, приглашаются поддержать это требование.

2) Для поддержания этого требования С. Р. Д. считает необходимым обратиться к солидарности всего российского пролетариата и, в случае отказа в выполнении требования, призвать его к всеобщей политической забастовке и другим видам решительной борьбы.

3) В целях подготовки этого выступления С. Р. Д. поручено Исполнительному Комитету немедленно путем посылки делегатов и другими способами войти в сношение с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, а также с армией и флотом.

4) По выполнении этой предварительной работы Исполнительный Комитет созывает экстренное собрание С. Р. Д. для постановления окончательного решения по поводу забастовки.

5) Петербургский пролетариат предложил всем рабочим и всем слоям общества и народа всеми средствами, материальными, нравственными и политическими поддержать рассчитанных рабочих».

Практическое осуществление 8-часового рабочего дня временно снималось с порядка дня.

Значение борьбы за 8-часовой день.

Прежде чем покончить с вопросом о кампании за 8-часовой рабочий день, не лишним будет проследить то значение, какое она имела в развитии революционных событий. Многие, как известно, признавали впоследствии кампанию за 8-часовой рабочий день излишней, Совет упрекался в проделке «ненужных экспериментов в революции»; в неудачной кампании за 8-часовой рабочий день

искали причин реакции, комментировали на все лады предостерегающую реплику, брошенную во время принятия резолюции, что «не кончили с абсолютизмом, а боретесь с капиталистами» и т. д.

«Исполнительный Комитет, сам Совет имел силу удержать рабочих от такого эксперимента»—заявлял даже впоследствии Хрусталев-Носарь. Несмотря на то, что Хрусталев, хотя и был одним из непосредственных деятелей Совета, однако, он допускает неточность. Сам факт единодушного принятия резолюции с революционном введении 8-часового дня—лучший показатель того, как были настроены массы. Совет не мог итти против общего настроения пославших его масс. «Выбора перед ним—в сущности не было. Если бы он из соображений «реалистической» политики стал кричать массам: «назад»! они просто не подчинились бы ему. Борьба вспыхнула бы, но без руководства».

Борьба неизбежно должна была вспыхнуть—слишком противоречиво было положение пролетаритата в революции: с одной стороны—он был гегемоном; с другой—он был юридически и физически бесправен. Это и обусловливало стремительность и боевой смысл кампании.

Боевой смысл кампании и ее неизбежность значительно позднее, на докладе в Цюрихе в 1917 году, отмечал т. Ленин. Он, несмотря на все ошибки и промахи кампании, не критиковал ее подобно меньшевикам, злорадствовавшим, что пролетариат не мог и не должен был рвать союза с буржуазией. Наоборот, среди ряда промахов он хотел извлечь наиболее характерное для нее, ее боевой смысл, ее огромное воспитательное значение для пролетариата, раз'ясняющее и сплачивающее пролетариат по пути подготовки вооруженной борьбы, раз'ясняя массам невозможность побед помимо ликвидации самодержавия и буржуазии путем вооруженного восстания. «Боевым лозунгом петербургского пролетариата—говорит т. Ленин—было тогда 8-часовой день и оружие. Для все более возраставшей массы рабочих становилось очевидным, что судьбы революции может решить и решит только вооруженная борьба».

Кампания за 8-часовой день, действительно, может показаться на первый поверхностный взгляд безумной. Но при более внимательном отношении, выясняющем подлинный смысл

революционных событий, не трудно будет уловить, что «в условиях революционного безумия», она имела свою «разумность». Конечно, с.-д., направлявшая деятельность Совета, понимала, что осуществление 8-часового дня в одном Петербурге невозможно, но боевое настроение масс заставило Совет взять руководство борьбой, в надежде на поддержку со стороны всероссийского пролетариата. Совет не мог поступить иначе. Не брать на себя руководство, значило бы быть отметенным в сторону. Совет поступил, как вождь, испытывая вместе с революцией все ее сомнения, ее горести и радости.

Так же необоснованно иногда причину неудачи хотят свести только к ошибкам Совета Р. Д., его неумелому руководству или слабой организационной связи Совета с массами. Хотя и были отдельные промахи со стороны Совета, но причины поражения не в этом. Корни неудачи следует искать в изолированности движения, в отсутствии поддержки со стороны всероссийского пролетариата, в отсутствии общероссийского руководства революцией, чему не мало помешало царское правительство, прекрасно учитывавшее опасность распространения этой кампании в других городах. Царизм прекрасно понимал огромное политическое значение кампании за 8-часовой день. Сознавая, что борьба за 8-часовой рабочий день неизбежно поставит в порядок дня перед широкими массами захват власти, самодержавие, одновременно с решением Ленинградского Совета о революционном введении 8-часового рабочего дня, наносит контр-удар, беспощадно расправляясь с революционными движениями на окраинах и беспощадно подавляя матросское движение.

Успешное выступление реакции, как известно, потребовало от пролетариата активного противодействия. Не будучи достаточно подготовленным к вооруженному восстанию, Ленинградский пролетариат вынужден был использовать старые формы борьбы, об‘явив ноябрьскую забастовку. С тех пор судьба 8-часового рабочего дня, тесно связанная с успехами ноябрьской забастовки, невольно заняла второстепенное положение. Изолированность, как ноябрьской забастовки, так и борьбы за 8-часовой рабочий день, предрешила исход обеих этих кампаний.

Однако, несмотря на неудачный исход борьбы, кампания за 8-часовой день, тем не менее, имела огромное значение для дальнейшего развития революции.

Прежде всего, широким слоям пролетариата пришлось самим на опыте убедиться в необходимости общеклассовой солидарности во всероссийском движении. Этот момент остро был воспринят еще на заседании Совета 6-го ноября.

Когда 13-го ноября на общем заседании Совета Р. Д. был поднят вопрос—отвечать ли Ленинградскому пролетариату на массовый локаут новой стачкой, то Совет Р. Д. определенно заявлял, что стачка может быть только всероссийской.

Вместе с вопросом о необходимости общероссийской организованности, был также поднят вопрос о значении профессиональных организаций. Уже на заседании 6-го ноября Совет в своей резолюции заявил, что «необходима широкая массовая организация петербургских и вообще российских рабочих в профессиональные союзы». В дальнейшей своей деятельности Совет неоднократно подчеркивал огромное значение об‘единения пролетариата в профессиональные союзы. Это указывает, что в процессе борьбы функции Совета все более выкристаллизовывались.

Даже меньшевикам, предполагавшим на первом организационном собрании Совета, что он будет профессиональной организацией, становилось ясно, что между Советом и профсоюзами существует разница.

Правда, Совету Р. Д. приходилось также вмешиваться и в частичные конфликты, возникавшие на экономической почве между рабочими и предпринимателями, но функции эти он выполнял не потому, что был приспособлен к ним, а из-за отсутствия профорганизаций. Вот почему, помимо оценки общего значения профессионального об‘единения, Совет Р. Д. принимает активное участие в организации профессиональных союзов. Под его непосредственным влиянием возник ряд профессиональных союзов. Так, при самом близком участии Совета были организованы профессиональные союзы по обработке дерева, союз портовых рабочих, союз рабочих осветительных предприятий, союз рабочих табачных фабрик, союз сапожников, союз портных, союз металлистов и т. д. Не следует также забывать, что профессиональные союзы в 1905 г. были довольно

слабы. Они часто возникали из делегатских собраний, стачечных комитетов, кружков и т. д. Нередко целые мастерские, заводы, многолюдные собрания, целиком записывались членами организации. Обыкновенно первое же собрание, преследовавшее агитационные цели, превращалось в учредительное и избирало первые временные руководящие органы, правления, советы и т. д. Участие Совета в строительстве профсоюзов еще больше оттеняет его функции. Совету предстояло мобилизовать революционные силы, подготовив общий штурм самодержавия.

Попытка революционного осуществления 8-часового рабочего дня хотя и была шагом вперед по сравнению с формами борьбы в Западно-Европейском рабочем движении, тем не менее, наглядно доказала, что осуществление этого требования возможно только с захватом власти. Масса на опыте двух кампаний: борьбы за свободу печати и осуществление 8-часового рабочего дня наглядно убеждалась, что все «достигнутые свободы» без свержения царизма—только фикция. Вот почему лозунг «восемь часов и—ружье» в ноябре становится боевым кличем, живущим в сердце каждого петербургского рабочего. События неизбежно упирались в подготовку всероссийского вооруженного восстания. Оценивая постановление Совета Р. Д. от 14 ноября об об'единении революционных сил, тов. Ленин отмечал его громадное значение, как идущее по пути «союза революционных рабочих с революционным крестьянством, с теми частями армии и флота, которые начинают восстание во всех концах России». В октябре революционный пролетариат добился нейтрализации войска—теперь он ставил своей задачей переход крестьянской армии в лагерь революции; в октябре пролетариат революционизировал город—теперь он ставил себе задачу революционизировать деревню; пролетариат в октябре вырвал у правительства уступки—теперь он должен закрепить их; в октябре он терроризировал и дезорганизовал самодержавие—теперь он стремился его уничтожить; в октябре выступление носило неорганизованный характер—теперь ставилась задача—осуществление руководства революцией во всероссийском масштабе.

ГЛАВА IV.

Советы в подготовке вооруженного восстания.

А. Ноябрьская забастовка и борьба за армию.

Совет в вооружении рабочих масс.

Мы уже видели, что в октябре пролетариат психологически был готов к вооруженному восстанию. Обострение гражданской войны заставило его поставить вопрос о необходимости практической подготовки вооруженного выступления. Уже под влиянием погромов широкие рабочие массы, почти без всякого руководства, повсеместно приступают к самовооружению, лихорадочно изготовляя холодное оружие. Но подготовка вооруженного восстания естественно не могла ограничиться этим. Рабочие прекрасно понимали, что изготовленное ими холодное оружие не сможет выдержать конкуренции с вооружением полиции и войска. Поэтому одновременно и повсеместно происходили отчисления на приобретение огнестрельного оружия. Несмотря на сократившийся заработок, иногда собирали огромные суммы. Например, Путиловский завод собрал—5.000 р., Семянниковский—2.000 р. Кампания отчислений на покупку огнестрельного оружия захватила почти все фабрики и заводы, и Совету Р. Д. на эти суммы удалось закупить несколько сот револьверов.

Нередко также и помимо Совета рабочие в складчину сами закупали оружие. Сознание широких рабочих масс необходимости вооружения заставило Совет подумать и об оформлении вооруженных групп, приступить к образованию народной милиции. Хотя вначале народная милиция и предназначалась в качестве меры против погромов, но на деле она начинала вмешиваться и в другие сферы жизни: охраняла ночное дви-

жение, жилища, районные штабы. Огромная роль принадлежит ей также в смысле охраны типографий, печатавших социалистические газеты «Новая Жизнь», «Начало», «Сын Отечества». Немногочисленная, но хорошо организованная, она внушала страх правительству, полагавшему, что цифра милиционеров достигает до 6.000 человек. В действительности общая численность милиционеров была несравненно ниже. Создавая вооруженные дружины, Совет Р. Д. тем самым выполнял часть работы по подготовке вооруженного восстания, идя по пути, указанному еще III с'ездом Р. С. Д. Р. П. (большевиков), поручавшего партийным организациям: «выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания, для чего предлагается принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата».

Следует однако отметить, что в смысле практической подготовки и формирования боевых отрядов и вооружения широких рабочих масс Совет все возможности не использовал. Это в значительной мере об'ясняется тем, что, помимо технических трудностей, стоявших перед Советом в организации милиции и вооружении пролетариата, трудность работы усугублялась еще саботажем меньшевиков. Как известно, меньшевики, считая момент технической подготовки вооруженного восстания второстепенным, естественно не уделяли ему большого значения. Этот момент недооценивался также и т. Троцким. Уже само понимание им решительного момента революции неизбежно затушевывало его подлинный смысл. Мы уже видели, что решительный штурм революции, по мнению т. Троцкого, наступал в результате многочисленных, разрозненных, стихийных стачек, приводящих в конечном итоге к всеобщей стачке. Эта всеобщая стачка в его оценке настолько парализовала врагов революции, производила настолько сильную «анархию», укрепляла силы революции, что победа ее в конечном счете выливалась в «бескровную» ликвидацию старого порядка. В этой ликвидации момент организованности и руководства партии занимал второстепенное положение.

Еще задолго до октябрьской забастовки т. Ленин предостерегал от подобных взглядов, указывая, что также «во имя самодеятельности пролетариата сочинялась теория «орга-

низации—процесса», оправдывающая дезорганизацию и прославлявшая интеллигентский анархизм... Во имя самодеятельности пролетариата извращалась и опошлялась, принижалась и затушевывалась идея вооруженного восстания». В противовес т. Троцкому и меньшевикам т. Лениным еще на III с'езде подчеркивалась практическая сторона подготовки вооруженного восстания, отмечая, что «надо обратить внимание на практическую сторону дела».

Расхождения между большевиками, меньшевиками и Троцким по существу продолжались и в период октября—декабря—период обострения гражданской войны. Вся кампания за практическое вооружение пролетариата и создание народной милиции проходила исключительно под давлением большевиков. Большие сборы на вооружение, собранные на заводах, хотя и послужили лучшим доказательством верного прогноза революции, данного большевиками, но Ленинградский Совет не в полной мере использовал это настроение, оказавшись технически - неподготовленным к декабрьскому выступлению.

Но не следует, однако, делать выводов, что вопрос о технической подготовке и вооружении широких масс должен быть только единственным вопросом деятельности Совета. Если бы он исключительно был занят только этим вопросом, то, конечно, не явился бы той широкой боевой организацией пролетариата, позволившей, с одной стороны, его авангарду — партии — связаться со всем классом, а, кроме того, благодаря гегемонии пролетариата, быть руководящей боевой революционной организацией (конечно, под руководством партии). В этом смысле говорить о подготовке Советом Р. Д. вооруженного восстания, сводя ее в узком смысле только к технической подготовке, также будет неверным. Нельзя игнорировать и другие задачи. Понятие «подготовка вооруженного восстания» не может ограничиться только технически-материальной стороной, так как доказывало бы непонимание роли массового движения и игнорирование законов истории.

Совет понимал, что одной технически хорошо вооруженной пролетарской милиции еще недостаточно для успешного завершения восстания, если ей противостанут технически лучше вооруженная армия и враждебно-настроенные проме-

жуточные слои. Вот почему, говоря о подготовке вооруженного восстания, приходится деятельность Совета проследить также в его борьбе за армию, за крестьянство, за всероссийское руководство революцией. В этом отношении, прежде всего, перед Советами выпала колоссальная и тяжелая работа по революционизированию армии, превращению ее из врага революции в ее союзника.

Демонстрировать свою солидарность с армией пришлось даже раньше, чем предполагал Ленинградский Совет. Поводом к такой демонстрации послужили события, развернувшиеся в конце октября в Кронштадте и имевшие огромное влияние на дальнейшую жизнь армии и флота.

Восстание в Кронштадте.

Брожение среди матросов в Кронштадте наблюдалось еще с весны 1905 г. Оно преимущественно основывалось на скверном материальном положении матросов, выставлявших своими требованиями улучшение пищи, обмундировки, сокращение срока службы и т. д. В таких случаях обыкновенно появлялся командир части, выяснял путем опроса причины недовольства, обещал похлопотать, произносил речь, после которой, потребовав себе «ура» уезжал. «Ура», правда, кричали редко и нехотя, а иногда отпускали довольно резкие замечания, в роде реплик 4 и 7 флотских экипажей: «Ладно, дождешься ура», «подожди еще» и т. д.

Растущее недовольство способствовало росту партийной работы, оживившейся с лета 1905 года. Работа организации была слаба, вернее, работали одиночки—партийцы. Только слабостью партийной организации об'ясняется преждевременность восстания.

Уже в связи с октябрьской забастовкой настроение матросов повышалось. Несмотря на военные законы, в воскресенье 23-го октября собрался многолюдный митинг, при участии более 3 тысяч солдат и матросов. Выступали ораторы социал-демократы и эс-эры, но подавляющее число выступлений падало на долю беспартийных революционеров. Благодаря митингу, настроение стало еще более приподнятым и настолько угрожающим, что, как оказалось, достаточно было небольшого повода к общему взрыву.

26-го октября по городу распространился слух, что в 3-м артиллерийском батальоне волнующиеся солдаты пред'явили начальству свои требования. Видя, что уговоры бесполезны,

военное начальство арестовало 90—100 человек, посадило их в вагоны и решило переправить на форты. Арестованные разбивали вагоны, кричали «братцы, нас убивают, помогите», и вмешавшимися в дело другими частями были освобождены. При этом конвойные отказались стрелять, но один из офицеров убил 3-х матросов и солдата. Этого повода было достаточно, чтобы стать искрой в легковоспламеняемом горючэм материале. К движению примкнули другие артиллерийские части. И к 8 часам вечера восстание приняло крупные размеры.

Настроение у всех было боевое. Попытки со стороны сознательных матросов сдержать возбужденную массу, уговаривая, что, может быть, слух не верен и не следует еще выступать, оказались бесполезными. Это предостережение скорее дискредитировало сознательную часть в глазах общей матросской массы, нежели способно было ее остановить. «Ага, теперь вы уже назад идете, когда дошло до дела—говорили матросы— а раньше сами же нам листики давали и говорили совсем другое. Если не пойдете с нами, мы вас заколем». Видя бесполезность предостережений, социал-демократическая организация решила стать во главе восстания и попытаться взять на себя руководство. Восставшие немедленно обратились к командиру с требованием выдачи оружия и боевых патронов, и 700 вооруженных матросов направились к 4-му экипажу.

Там наблюдалась та же картина — потребовали у командира ключи от оружейного цейхгауза. Вооружившись, флотские экипажи пошли на помощь артиллеристам.

Но благодаря тому, что восстание вспыхнуло неожиданно, подчинить его организованному руководству не представлялось возможным. Разрозненные вооруженные кучки матросов и солдат без всякого руководства бродили по разным улицам.

Этим воспользовались черносотенные организации и хулиганы, с'организованные Иоанном Кронштадским, вместе с переодетой полицией начали громить казенные винные лавки, приглашая матросов пристать к ним. Провокация черносотенцев удалась.

Попытка социал-демократии и сознательной части матросов подавить хулиганов оказалась безрезультатной. Оставалась надежда, что восстание затянется, и тогда социал-демократия укрепится. С этой целью организация снеслась по телеграфу

с Константиновским фортом и получила от него утром 27 октября гарантии, что он не пропустит судов из Петербурга. При этом форт сам звал себе на помощь восставших матросов. Матросы не прибыли, потому что не нашли шлюпок, а, направившись по понтонному мосту, вернулись обратно, встретив солдат. Наблюдавшие с Константиновского форта, благодаря этому, решили, что восстание не удалось, и пропустили войска, направленные для подавления восстания. Город, находившийся один день в руках восставших (власти выехали в море и провели там целые сутки), снова был покорен царизмом.

Таковы в общих чертах события, развернувшиеся в Кронштадте. Прибывшие гвардейские полки—Павловский, Преображенский, Лейб-гусары и т. д. «устанавливали порядок».

В результате «усмирения и установления порядка» было арестовано около 1.200 человек, преданных военно-полевому суду. Царское правительство еще лучше умело мстить, чем усмирять. Все 1.200 арестованных были об'явлены зачинщиками; им угрожали смертной казнью.

Отношение Совета к Кронштадтским событиям.

Какое же значение имело Кронштадтское восстание? Несмотря на свою преждевременность и неудачный исход, восстание все же имело огромное значение. Царское правительство прекрасно учитывало, что удачно проведенное восстание в Кронштадте грозило перекинуться в Ленинград. Вот чем об'ясняется, что для усмирения кронштадтских событий оно бросает лучшие свои силы—гвардейские полки, а «усмирив» решает с корнем вырвать «крамолу». Но оно не могло все-таки изгладить из памяти сам факт восстания. А сам факт, хотя и неудачно проведенного восстания, уже достаточно ярко свидетельствовал, что назревают крупные события. Совету Р. Д. нужно было этот факт подчеркнуть, и он не мог пройти мимо него. Кроме того, внимание широких масс к Кронштадтским событиям приковывалось, благодаря отсутствию правильной информации. Как известно, верной информации не было даже в первых числах ноября, хотя восстание уже было ликвидировано окончательно.

Кроме этих двух причин, Совету Р. Д. и рабочим массам пришлось напряженно и внимательно относиться к событиям и потому, что разгром восстания знаменовал усиление реакции и самодержавия.

Вот почему Исполн. Комитет, узнав в конце октября о ликвидации восстания и аресте 1.200 матросов, находящихся под угрозой смертной казни, экстренно созывает заседание Совета для учета настроения рабочей массы и выработки мер предотвращения массовой смертной казни, грозившей невинным жертвам.

Заседание Совета 1-го ноября проходило в особенно напряженной атмосфере. Выступавшие депутаты заводов оглашали резолюции, принятые на общих собраниях рабочих. Эти резолюции показывают, как чутко рабочая масса реагировала на происходящие события. «Мы крайне возмущены — говорят рабочие завода Пульмана—решением правительства по отношению к матросам города Кронштадта, заявившим свои справедливые требования. Требуем немедленной отмены смертной казни и назначения немедленного следствия с участием представителей от населения, мы требуем немедленного освобождения матросов, в противном случае об'являем политическую забастовку» *).

«Считая кронштадтское восстание—заявляют рабочие завода Лесснера — событием колоссальной важности и значения, как грозный призрак скорой и неминуемой смерти самодержавия, которое лишается своего последнего оплота—войска, мы, рабочие завода Лесснера, горячо приветствуем товарищей борцов, энергично протестуем против комедии военного суда над ними и грозящей смертной казни и заявляем, что готовы активно поддержать свой протест по первому призыву наших социал-демократических организаций. Напоминаем другим войскам, что ваши интересы и идеалы являются и нашими интересами и идеалами, мы зовем и вас вместе с нами бороться против самодержавного правительства за демократическую республику и народную милицию под красным знаменем РСДРП».

В таком же духе зачитывались резолюции, принятые на большинстве заводов Ленинграда, там же, где резолюции, хотя и не были приняты, депутаты сообщали, что события в Кронштадте глубоко всколыхнули рабочие массы.

Выступление в Совете представителей польского пролетариата.

К этому примешивались еще и события, разыгрывавшиеся в Польше. Выступившие на заседании Совета представители польского пролетариата вскрывали тяжелое положение Польши, обусловливаемое помимо капиталистического еще политическим гнетом, «уси-

*) «Известия С. Р. Д.» № 5.

ленным обрусительными тенденциями русского правительства». «Мы прекрасно понимаем, заявляли представители польского пролетариата, что теперь необходимо об'единение русского и польского пролетариата для борьбы с общим нашим врагом — правительством и капиталом... Я приехал сюда обратиться к русскому народу, а не к правительству... Я хочу знать, как отнесется русский пролетариат и русский народ к польскому». Далее, польские представители разоблачали ту кампанию лжи и клеветы, которую сознательно распространяло царское правительство.

В ответной речи член Исполнительного Комитета Совета подчеркнул необходимость тесной солидарности русского пролетариата с польским для общей борьбы с самодержавием. «То дело, — говорил он, — за которое стоит польский пролетариат, есть наше дело; то дело, за которое стоим мы, есть его дело, и потому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы. Мы хорошо знаем, что значат царские обещания, и какова им цена, и потому с ними не считаемся. Пролетариат знает, что, только сокрушивши самодержавие и устроивши на развалинах его демократическую республику, он будет свободно жить и развиваться. Русский пролетариат за всеми национальностями признает право самоопределения и всегда будет бороться против всяких форм эксплоатации, и если поляки страдают от национальных стремлений нашего правительства, то в борьбе польского пролетариата с правительством его всегда поддержит пролетариат русский. Он знает, что те сепаратические требования, которые выставляют некоторые польские группы, не есть требования польского пролетариата. Его задачи вполне тождественны с нашими, и наша борьба может быть только общей борьбой. Царское правительство об'являет сегодня военное положение в Польше, завтра усиленную охрану в Черниговской, Самарской и проч. губ.; оно жмет одинаково и русский, и польский народ, и мы должны рука об руку—пролетариат русский и польский — напрячь все усилия, чтобы раздавить окончательно ненавистную монархию—всех царей и их приспешников» *).

*) «Известия С. Р. Д.» № 5.

Ответная речь представителя Совета вполне отвечала настроению Ленинградской рабочей массы, понимавшей, что судьба польской революции тесными узами связывалась с победой русского пролетариата. Это понимало и царское правительство, пытавшееся провоцировать польское рабочее движение, облекая его завесой лжи и гнусной клеветы, изображая его в виде проделки германских шпионов, играя на религиозных струнках и т. д. Актом введения военного положения в Польше, царизм, с одной стороны, пытался в глазах политически-наивной мелкой буржуазии изобразить революцию как явление, «не присущее русскому народу», а свойственное только «крамольным» инородцам. Он продолжал старую политику игры на национальных интересах, прикрываясь великорусским патриотизмом. Выбор же удара непосредственно пал на Польшу, как на наиболее революционную часть государства, оказывающую влияние и на русское революционное движение. Удар по Польше, поэтому, отнюдь не следует считать случайным, наоборот, еще задолго до введения военного положения в Польше была поднята кампания травли польского революционного движения. Если, быть может, в некоторых мелко буржуазных слоях эта политика и достигала результатов, то, во всяком случае, Ленинградский пролетариат от ее влияния был свободен. Обращение польских делегатов нашло горячее сочувствие в рядах Ленинградского пролетариата, в значительной мере предрешив об'явление ноябрьской забастовки. Вот почему, когда обсуждался вопрос, как должен Совет отнестись к событиям в Кронштадте и Польше, заявление одного из делегатов о необходимости активного выступления Совета Р. Д. нашло единодушный отклик, упав на взрыхленную почву.

Форма поддержки восставших и резолюция Совета о ноябрьской стачке.

В выработке же форм этого выступления Совет прежде всего наталкивается на забастовку. Будь бы другие условия, он неизбежно выступил бы в решительную вооруженную схватку с царизмом. Но для этого рабочие массы не были еще достаточно вооружены, армия, несмотря на отдельные вспышки волнений, для революции оставалась сфинксом, и не было гарантий во всероссийской поддержке восстания. Не имея возможности выступать вооруженно, Совет, тем не менее, понимал, что его пассивность уси

лит активность реакции. Нужно было вновь ошеломить гидру реакции, чтобы, воспользовавшись ее замешательством, приготовиться к решительному вооруженному восстанию. Одними резолюциями нельзя было, конечно, побороть реакцию. В этом Совет мог достаточно убедиться на опыте Союза Союзов и других интеллигентских организаций, потонувших в своих резолюциях и принесших очень мало вреда царизму. Оставалась только общая забастовка, в надежде на ее всероссийский характер.

Еще на собрании депутатов Совета Выборгского района 31 октября указывалось на необходимость об'явления политической забастовки и организации демонстраций. Там была принята такая резолюция:

«Восставшие матросы — наши сотоварищи и соратники в борьбе за наше общее дело. Мы с радостью приветствуем их, как своих братьев-борцов. Мы протестуем против намеченных правительством массовых казней и от имени избравших нас заводов заявляем свою готовность поддержать свой протест политической забастовкой и демонстрациями. Мы постановляем устроить завтрашний день митинги протеста на всех заводах и фабриках. Мы решительным образом требуем отмены военных судов, смертной казни, постоянной армии, в которой, если она будет существовать, неизбежны дикие расправы над солдатами в целях поддержания дисциплины. Мы требуем всеобщего вооружения народа. Мы предлагаем экстренно собраться Совету Рабочих Депутатов, которому заявляем наше мнение о необходимости устройства политической забастовки и демонстраций, окончательное же решение формы протеста предлагаем на усмотрение Совета Рабочих Депутатов» *).

В этой резолюции депутатов Совета Выборгского района мы находим, помимо форм протеста, также и лозунги предстоящей забастовки. В ней нашло отражение настроение рабочей массы не только Выборгского района, но всего Ленинграда. Когда на общегородском заседании Совета Р. Д. Исполнительный Комитет внес предложение о проведении забастовки, то возражений не было слышно. В своем выступлении председатель, открывая прения о форме протеста, так формулировал настроение Ленинградского пролетариата: «В Севасто-

*) «Известия С. Р. Д.» № 5.

поле, когда ожидали казни матросов,—говорил он,—весь город был страшно возбужден, никто не спал. Такое же возбуждение чувствуется сейчас у нас, и мы должны протестовать не словесными резолюциями, как либеральные союзы. У нас нет оружия, чтобы выступить в открытый бой, но у нас есть другое могучее средство—грозно скрестить на груди руки и сказать правительству «руки прочь». Мы должны отстоять жизнь матросов, мы должны добиться над ними суда присяжных, а не кровавой бойни. Наша обязанность — протестовать против той дикой расправы, которая готовится над нашими товарищами-матросами, и этот протест должен вылиться в одной форме — политической забастовке» *).

Политическая забастовка оказывалась единственной реальной формой протеста, какой располагал пролетариат, и когда приступили к обсуждению шансов ее успеха, то выяснилось, что к ней готовы все крупные заводы. В успехе забастовки сомневались только представители Николаевской железной дороги, приказчиков, фармацевтов, портных, часовщиков.

Как видим, о предстоящем пролетарском характере стачки Совету Р. Д. было известно еще до об‘явления ее. Сомнения шли либо из интеллигентских слоев, либо от представителей мелких производств. После долгих и подробных обсуждений вопрос о забастовке был решен в положительном смысле и принята следующая резолюция, предложенная Исполнительным Комитетом:

«1. Царское правительство продолжает шагать по трупам. Оно предает полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польши петлю военного положения.

2. Совет Рабочих Депутатов призывает революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредством общих митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными солдатами Кронштадта и революционными пролетариями Польши. Завтра, 2-го ноября, в 12 часов дня рабочие Петербурга прекращают работу с лозунгами:

*) Там же

1) Долой полевые суды.

2) Долой смертную казнь.

3) Долой военное положение в Польше и во всей России».

Резолюция была принята подавляющим большинством голосов при нескольких воздержавшихся. Кроме того, было принято добавление к резолюции, что «стачка распространяется и на газеты. За исключением «Известий Совета Рабочих Депутатов» ни одна газета не выходит».

После принятия резолюции отдельными членами Исполнительного Комитета был поднят вопрос о посылке к Витте депутации с извещением об об'явлении забастовки и требований Совета. Предложение же было решительно отвергнуто, и сам факт отказа от сношений с представителем самодержавия достаточно ярко характеризовал боевое настроение, с которым пролетариат вступил в новую схватку. Наоборот, чтобы еще более оттенить характер забастовки, перед концом заседания принимается воззвание к войскам:

«Солдаты Петербургского Гарнизона!

Мы, делегаты Совета Рабочих Депутатов всего Петербурга, об'являем политическую забастовку 2-го ноября.

Наше требование: освободить немедленно кронштадтских матросов и солдат от военно-полевого суда и от смертной казни.

Солдаты и матросы! Рабочие поднимаются за ваших братьев, которых хочет замучить царское правительство.

Подадим же друг другу руки и спасем наших братьев матросов, которым грозит смерть!»

Пролетариат в ноябрьской забастовке.

Дружной забастовкой крупных заводов резолюция, принятая Советом 1-го ноября, проводилась в жизнь. 2-го ноября до 12 часов дня забастовали заводы—Семянниковский, Обуховский, Александровский, Нобеля, Балтийский, Путиловский, Франко-Прусский, Порт и т. д. Эти крупнейшие заводы Ленинграда заявляли, что окончание забастовки зависит от решения Совета. Вслед за крупнейшими предприятиями забастовка захватила более мелкие фабрики, заводы и мастерские, неорганизованные и пассивные до сего времени, не принимавшие даже участия в октябрьской забастовке. Под влиянием ноябрьской забастовки они быстро революционизируются, присоединяются

к забастовке, выбирают депутатов в Совет, принимают резолюции протеста и т. д. Архив Совета содержит тысячу любопытнейших документов, вскрывающих постепенное распространение революционного влияния и рост классового самосознания на мелких предприятиях. «Правительство,—говорит, например, резолюция ф-ки Лаферм, не имевшей до ноября депутатов в Совете—залив всю Россию морем крови, натравив черные сотни против тех из нас, кто добивается свободной жизни, об'явило многие города на военном положении и приговорило к смертной казни несколько сот матросов и солдат, восставших за лучшую жизнь, за свободу. Мы протестуем против этого и, об'являя политическую забастовку, требуем отмены военного положения по всей России и отмены смертного приговора над матросами и солдатами в Кронштадте. Мы требуем народной милиции. Мы заявляем, что будем бороться с правительством до полной победы над ним. Мы будем бороться в рядах революционного пролетариата под знаменем РСДРП».

Аналогичные резолюции принимались на многих других мелких предприятиях, впервые активно выступивших в революционной борьбе. Ноябрьская забастовка, разбудив еще непроснувшиеся пролетарские и полупролетарские слои, тем самым давала возможность Совету Рабочих Депутатов охватить организационно более широкие и многочисленные массы.

Буржуазия и интеллигенция в ноябрьской стачке.

Иное влияние оказала, однако, ноябрьская стачка на мелко-буржуазную и либеральную интеллигенцию. Об'единенная в Союз Союзов, она в выборе своего отношения к забастовке повисла в воздухе, приняв 2-го ноября на собрании Всероссийских и местных Бюро Союзов следующую резолюцию:

«Правительство своими действиями по отношению к движению матросов и солдат в Кронштадте, введением военного положения в Польше, организациею погромов против интеллигенции и евреев, установлением во многих губерниях военной диктатуры по отношению к трудовому крестьянству явно пошло вразрез с обещаниями, данными в Манифесте 17-го октября. Усматривая в забастовке, об'явленной Советом Рабочих Депутатов, протест против такого образа действия правительства, собрание постановило: 1) признать желательным присоединение всех союзов к забастовке, об'явленной Советом Ра-

бочих Депутатов, 2) предложить всем Бюро немедленно созвать союзы для решения вопроса о присоединении их к забастовке».

Эта резолюция, однако, плохо скрывала нейтральное положение. Слова о желательности присоединения к забастовке и пожелание о созыве союзов остались пустым звуком. Ни один из интеллигентских союзов к ноябрьской забастовке «не успел» присоединиться. Ноябрьская забастовка прошла мимо мелко-буржуазной интеллигенции и легла всей тяжестью на плечи Ленинградского пролетариата.

Желая, однако, показаться «активным», Союз Союзов созвал 5-го ноября в Тенишевском училище митинг-протест в связи с введением военного положения в Польше. В противовес Совету, стремившемуся главное внимание концентрировать на армии, Союз Союзов, в целях предостережения от возможных обвинений в «развратительстве армии», даже митинг назвал «польским». Митинг поистине был ярким показателем беспочвенности и беспомощности русской либеральной интеллигенции. Переполненный зал, освещенный стеариновыми свечами, был битком набит профессорами, адвокатами, журналистами, инженерами и студентами. Выступавшие ораторы, «забывая», что Совет Р.Д. в связи с событиями в Польше об‘явил забастовку, пространно и долго доказывали расовое родство польского и русского народов, сходство языков и т. д. Впервые выступавшему, только вернувшемуся из заграницы, П. Струве устроили бурную авацию. Его речи, что царь окружен дурными советниками, что спасение России в замене их более «добрыми», т. е. самой умеренно-монархической речи аплодировали. Если бы «не совсем приятное» выступление представителя Совета, митинг, пожалуй, мог бы закончиться принятием резолюции и опубликованием ее в печати, а участники митинга чувствовали бы полное нравственное удовлетворение «совершенным гражданским долгом». Но митинг кончился печальнее. Конец митинга потонул в потоке споров, пререканий, и собрание вынуждено было разойтись, не приняв никакой резолюции. Так печально закончилась в ноябрьскую забастовку попытка Союза Союзов «активного» участия в забастовке, выявив трагизм русской интеллигенции—ее беспочвенность, беспомощность.

Развитие ноябрьской забастовки.

Ноябрьская стачка была чисто пролетарской. Выступавшие с отчетами о забастовке депутаты с заводов отмечали, что повсеместно с большим под‘емом на заводах проводились митинги, на которых зачитывались и принимались резолюции Совета. Отмечалось полное подчинение решениям Совета Р. Д. С гордостью передавался, как первый результат ноябрьской забастовки, инцидент с отрядом матросов. Когда на забастовавшую электрическую станцию был направлен для работы отряд матросов, рабочие стали раз‘яснять матросам причины забастовки: «как же вы идете работать, когда мы, защищая ваших товарищей, бастуем?» Этого было достаточно, чтобы отряд матросов повернул обратно. Когда их потом, под конвоем казаков и армейских частей, все-таки пригнали на станцию, то матросы ждали с нетерпением, чтобы их сняли, заявляя, что если это не удастся, то они испортят машины.

Из отчетов депутатов выяснилась следующая картина забастовки: не бастовали почта, телеграф, извозчики, конно-железная дорога и большинство приказчиков. Рабочие же бастовали все. В связи с этим потерял свою остроту второй пункт повестки заседания от 2 ноября «о выработке мер для привлечения незабастовавших заводов к забастовке». Вопрос разбирался в другой плоскости—превращение ноябрьской забастовки во всеобщую. С этой целью решено привлечь к забастовке почтовых чиновников. Совет отверг предложение о снятии почтовых чиновников силой, так как почтово-телеграфное ведомство было окружено и усиленно охранялось войсками, рекомендовав тесней связаться с почтово-телеграфным союзом.

Вопрос о привлечении к забастовке интеллигентских союзов был снят в виду заявления представителя Союза Союзов, что принципиально бюро высказалось за присоединение и поручило этот вопрос рассмотреть по отдельным союзам.

Прения открылись лишь по вопросу о привлечении к забастовке извозчиков. Участие извозчиков в забастовке считалось очень желательным. Об‘ясняется это тем, что извозчики, будучи наиболее отсталыми, забитыми и представляя сырой материал, использовывались черносотенцами, легко поддавались их агитации. Некоторые депутаты предлагали заходить в дворы, где живут извозчики, убеждать их, уговаривать, а если нужно,

то угрожать, останавливать на улицах, обрезать части упряжи и т. д. Совет Р. Д., однако, решительно высказался против таких мер привлечения к забастовке, учитывая, что подобными мерами можно только усилить озлобление. Совет Р. Д., поэтому, принял решение воздействовать на извозчиков исключительно путем убеждения, раз'ясняя им смысл происходящих событий и отвергая меры насилия и угрозы. Кроме того, Совет Р.Д. выпустил воззвание, распространявшееся преимущественно на постоялых дворах:—«Товарищи извозчики! Все рабочие Петербурга забастовали. Они требуют освобождения наших кронштадтских братьев-матросов и солдат, восставших против злодеев-начальства, отмены военных судов, военного положения и смертной казни. Присоединяйтесь к нам и вы, товарищи. Пусть не появится ни один экипаж на улице. Примыкайте к забастовке, товарищи-извозчики!» Правда, большого практического значения воззвание не могло иметь уже по одному тому, что профессионального союза у извозчиков не было. Движение извозчиков не прекращалось, кроме рабочих кварталов, где извозчики находились под влиянием общего настроения или же боялись насилия.

Совет в революционной агитации среди армии.

Большого внимания заслуживает обсуждение вопроса «о выработке мер по привлечению войсковых частей к общественному движению, поднятому Петербургским пролетариатом».

Совет считал этот вопрос очень важным. Было постановлено принять все меры к развитию широкой агитации среди солдат. С этой целью Совет распространял отпечатанную в десятках тысяч экз. прокламацию к солдатам, раз'ясняющую смысл ноябрьской забастовки:

«Товарищи-братья солдаты и матросы! Долго мы не понимали друг друга. Вас учили ваши офицеры считать нас «врагами отечества», преступниками, в которых надо стрелять, бить нагайками, колоть штыками.

Нашу борьбу за народную свободу и за народное счастье рисовали, как крамолу и смуту против родины, которую во что бы то ни стало нужно подавить. И многие из вас этому верили. Они стреляли в своих братьев, наводняли их кровью все мостовые городов. Теперь дело меняется. У многих матросов и солдат глаза раскрылись. Они поняли, что мы все братья—

дети одного народа, что у всех нас одни враги—это начальство и все власть имущие. Они поняли, что свобода народа есть их собственная свобода, что счастье народа—их собственное счастье. Черноморские матросы и кронштадтский гарнизон восстали против всего начальства. Они заявили, что хотят человеческой жизни, хотят свободы, присоединяются к борющемуся народу.

В них стреляли их темные братья. Правительство направило на них жерла пушек. Сотни кронштадтских солдат и матросов преданы военно-полевому суду: не сегодня—завтра их казнят.

Мы, петербургские-рабочие, узнавши об этом, забастовали с требованием освободить наших братьев матросов и солдат, уничтожить военные суды, уничтожить смертную казнь.

Неужели вы—матросы и солдаты—не станете на защиту наших кронштадтских братьев? Неужели вы будете за одно с убийцами? Дело матросов и солдат—есть наше дело—сказали рабочие и забастовали. Дело рабочих—есть наше дело—скажите вы. Их борьба есть наша борьба, говорите вы повсюду и присоединяйтесь к борющемуся народу.

Забастуйте и вы, не выходите на службу. Не слушайте начальства, которое позовет вас на усмирение рабочих.

Пусть ни одна пуля не будет выпущена против народа.

Долой кровопийц-начальников!

Да здравствует свободное народное правление!»

Несмотря на строгий надзор командного состава над солдатами и усиление тайной агентуры среди низших чинов, эта прокламация все-таки попадала в руки солдат. Какие только меры для этого ни принимались! Донесения офицеров подчас звучат полным недоумением, каким образом в их части, тщательно оберегаемой тайной и явной агентурой, появляются «преступные листки Совета».

«Преступные листки» иногда, действительно, попадали самыми разнообразными способами, изобретаемыми рабочей массой. Еще в своем постановлении Совет, принимая во внимание трудности работы среди солдат, рекомендовал широко использовать возможность индивидуальной обработки. «Пусть каждый рабочий,—рекомендовал Совет,—имеющий родственника, кума, друга в казарме, идет к нему и говорит с ним».

В связи с выработкой форм привлечения к забастовке солдат, отдельными депутатами делаются краткие сообщения об отношениях армии к забастовке.

Депутаты сообщали о солдатских митингах. Рассказывали о происходящем митинге в числе 250 человек, под председательством фельдфебеля, на котором зачитывались резолюции Совета. На приход офицера не обратили внимания и решили еще собраться и на следующий день. Под влиянием забастовки также происходил митинг в 17 гвардейском экипаже, где одобрена резолюция Совета.

По сведениям на 3-ье ноября в воинских частях предполагался ряд митингов.

Влияние ноябрьской забастовки на самодержавие.

Дружность забастовки, превзошедшая ожидания Совета, еще с большей силой подействовала на царское правительство, застигнутое совершенно врасплох. Лучшим документом трусости и растерянности царизма явилось «знаменитое» обращение председателя совета министров, графа Витте, к забастовавшим рабочим. Растерянность, непонимание событий и лицемерие—все нашло место в этой небольшой телеграмме-обращении: «Братцы рабочие! Станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Не слушайте дурных советов. Государь приказал нам обратить особое внимание на рабочий вопрос. Для этого его императорское величество образовало министерство торговли и промышленности, которое должно установить справедливые отношения между рабочими и предпринимателями. Дайте время, и все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, к вам расположенного и желающего вам добра. Граф Витте».

Лаконическая резолюция забастовавшей маленькой электрической станции — «прочитали и забастовали»—верно оценила «магическое» действие обращения. Витте получил ответ не только в виде отдельных телеграмм с заводов, но ознакомился с мнением организованного Ленинградского пролетариата, получив ответ от Ленинградского Совета: «Совет Рабочих Депутатов, выслушав телеграмму графа Витте «к братцам рабочим», выражает прежде всего свое крайнее изумление по поводу бесцеремонности царского временщика, позволяющего себе называть петербургских рабочих «братцами». Пролетарии ни в каком родстве с гр. Витте не состоят.

По существу заявляет:

1) Гр Витте призывает нас пожалеть наших жен и детей. Совет Рабочих Депутатов призывает в ответ всех рабочих подсчитать, сколько вдов и сирот прибавилось в рабочих рядах с того дня, как Витте взял в свои руки государственную власть.

2) Граф Витте указывает на милостивое внимание государя к рабочему народу. Совет Рабочих Депутатов напоминает петербургскому пролетариату о кровавом воскресенье 9 января.

3) Гр. Витте просит дать ему «время» и обещает сделать для рабочих «все возможное». Совет Рабочих Депутатов знает, что Витте уже нашел время для того, чтобы отдать Польшу в руки военных палачей, и Совет Рабочих Депутатов не сомневается, что Витте сделает все возможное, чтобы задушить революционный пролетариат.

4) Граф Витте называет себя человеком, расположенным к нам и желающим добра. Совет Рабочих Депутатов заявляет, что рабочий класс не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права».

Так единогласно, под гром аплодисментов, отвечал Ленинградский Совет графу Витте!

Царский временщик не ожидал, что своим обращением он лишь продлит забастовку. Когда на заседании 3 ноября поднялся вопрос об окончании забастовки, учитывая ее демонстративный характер, то предложение было отклонено. Совет опасался посеять иллюзии, будто срок окончания находится в зависимости от обращения Витте.

Совет о сроке окончания ноябрьской забастовки.

Поэтому вопрос об окончании забастовки поднимается Исполнительным Комитетом на следующем заседании Совета, состоявшемся 4 ноября. Голосованием 9 против 6, Исполнительный Комитет высказался за прекращение стачки и вынес этот вопрос на решение общего собрания Совета. Свое предложение сторонники окончания забастовки преимущественно мотивировали упадком настроения на отдельных фабриках и заводах. Они указывали, что стачка идет на убыль, и только определение срока ее окончания даст возможность организованно ее закончить. Указывалось также

и на необходимость, в виду демонстративного характера забастовки, беречь силы для предстоящего решительного боя.

На заседании Совета предложение Исполнительного Комитета не встретило сочувствия. Разгорелись жаркие прения. «Невозможно кончать забастовку, не получивши ничего— заявляли депутаты Совета—необходимо вырвать от правительства полную амнистию, отмену военного положения и смертной казни для товарищей матросов. Совету Рабочих Депутатов нельзя так играть забастовками, то назначать, то отменять ее. С этим страшным оружием нужно осторожно обращаться. Кончить сейчас забастовку—это значит показать правительству наше бессилие, вызвать реакцию, недовольство среди масс».

Особенно горячую речь произносит депутат Александровского завода: «Три дня тому назад—заявляет он—вы решили об'явить политическую забастовку. Вы сознавали, какую ответственность берет на себя Совет, прекращая работы. Но вы сознавали, что настал момент, когда нельзя колебаться, когда активный протест в какой бы то ни было форме необходим. Вы сознавали, что необходимо отозваться на вопиющие события, необходимо парализовать попытки Витте взять назад те жалкие уступки, которыми заплатило самодержавие за свое сохранение 17-го октября.

Вы сознавали, что если вы не выразите протеста теперь, то у вас отвоюют назад все взятые позиции, так как с расстрелом кронштадтских матросов в армии возникнет реакция. Политическая забастовка свяжет пролетариат с армией и флотом».

Депутат дальше доказывал необходимость продолжения забастовки: «Вы об'явили политическую забастовку, и с первого же дня депутаты засвидетельствовали полный успех стачки. На второй день стачка разрослась шире, а сегодня мы узнаем, что она распространяется и на другие города. В три-четыре дня вся Россия не может услышать голос петербургских рабочих. Если вы в понедельник прекратите стачку, вы остановите тот широкий размах, какой получает она.

Стачка требует огромных жертв, но именно потому необходимо, чтобы она не проходила без результатов. Нам говорят, что необходимо прекратить стачку, чтобы выполнить свои обязанности перед массой. Но настроение падает в ограничен-

ных кругах рабочих. Политическая забастовка — страшное оружие, и к нему нельзя прибегать с легким сердцем. Но его и нельзя бросать легко.

Если же окажется, что масса утомлена, — она перенесла не одну стачку, — Совет Рабочих Депутатов не может, конечно, итти против требования рабочих. Но если есть хоть какая-нибудь возможность продолжать стачку, она должна быть продолжена. Сигнал к отбою можно и нужно давать не раньше, чем побежден противник. Наше правительство чувствует себя сейчас слабым: рента пала, как никогда не падала, даже во время позорной войны с Японией, кредита нет, тогда как пролетариат показал всю свою мощь».

Надежда на всероссийскую поддержку ноябрьской стачки и возможность победы над самодержавием удерживает Совет от ликвидации забастовки. Предложение Исполнительного Комитета собирает 4 голоса. Большинством 400 голосов против 4 Совет постановил: политическую стачку продолжать.

Стремясь придать стачке всероссийский характер, Совет принимает решение Исполнительного Комитета о необходимости немедленного экстренного собрания Стачечного Железнодорожного Комитета, чтобы совместно с ним телеграфно сообщить свое решение во все города России.

5-го ноября положение несколько меняется. Сведения, поступившие из провинции, за исключением отдельных мест, указывали на изолированность ноябрьской стачки. Надеяться на превращение ее во всероссийскую не приходилось. Кроме того, в отдельных слоях рабочих уже намечалось течение в пользу окончания стачки. Сводный отчет на заседании Совета выявил следующие факты: забастовать на неопределенное время, впредь до постановления Совета, решено в 92 предприятиях; 7 ноября намерены приступить к работе 25 предприятий; пониженное настроение в 14 предприятиях; рабочие рассчитаны на 3 предприятиях; угроза расчета на 10 предприятиях; приступили к работе на 3 предприятиях.

Положение было, как видно из цифрового отчета, не такое критическое, как иногда принято думать. Настроение рабочих падало преимущественно на мелких предприятиях. Приступили к работе, например, слесарные мастерские, резиновая мануфактура и табачная фабрика. Основное же ядро, непосред-

ственно направляющее и руководящее забастовкой, решало бастовать до решения Совета. Тем не менее, Исполнительный Комитет, понимая, что стачка не может вылиться во всероссийскую и в вооруженное восстание, вторично ставит вопрос о прекращении стачки на заседании Совета 5-го ноября.

Удобным поводом для прекращения забастовки могли послужить сообщения телеграфного агентства 5 ноября, извещавшие, что «в виду распространившихся в провинции слухов о применении военного - полевого суда и смертной казни к нижним чинам, участвовавшим в беспорядках в Кронштадте, мы уполномочены заявить, что все подобные слухи преждевременны и лишены основания. Полевым судом участники Кронштадтских событий судимы не были и не будут».

Другое же сообщение также скромно указывало, что по просьбе ген. Скалона в виду якобы «наступившего успокоения» в царстве Польском военное положение отменяется.

Момент был достаточно благоприятный, чтобы организованно выйти из боя. Рассчитывать на большие уступки царизма в ноябре не приходилось. Вот почему Исполнительный Комитет вторично ставит вопрос перед Советом о прекращении забастовки.

В своей пространной речи докладчик Исполнительного Комитета, тов. Троцкий, осветил как значение ноябрьской забастовки, так и ближайшие шаги пролетариата. «Если бы это правительственное заявление (об отмене военного суда над кронштадтскими матросами) и не появилось—откровенно говорит он,—мы все равно должны были бы призвать пролетариат Петербурга к прекращению стачки. Наша настоящая забастовка имеет характер демонстративный, и только под этим углом зрения мы можем оценивать ее успех или неуспех. Нашей прямой и непосредственной целью было показать пробуждающейся армии, что рабочий класс за нее».

Переходя же к вопросу о сроке окончания забастовки, докладчик говорит, что «некоторые товарищи требуют, чтобы забастовка продолжалась до передачи Кронштадтских матросов суду присяжных и до отмены военного положения в Польше. Другими словами—до падения существующего правительства. Если смотреть так, что целью нашего выступления должно быть свержение самодержавия, то таких выступлений может

быть только одно, и тогда — я согласен с товарищами — мы должны были бы бороться до конца. Но наша политика вовсе не построена по этому образцу; наши выступления — это ряд наступательных битв; цель их—дезорганизация правительства, приобретение симпатий новых групп, в том числе армии. Обсуждая вопрос—продолжать забастовку или нет,—мы в сущности обсуждаем вопрос, оставить ли за забастовкой демонстративный характер или обратить ее в решительный бой, т. е. довести до полной победы или поражения. Становясь на эту последнюю точку зрения, мы должны были бы рассматривать преждевременное окончание забастовки, как признак нашей нерешительности. Но этого вовсе нет... Мы должны помнить, что нам предстоит еще решительная кампания. Прекратим сейчас забастовку и приступим к тому, что нам нужнее всего:— организации, организации, организации.

Организуются сейчас железнодорожные служащие, почтово-телеграфные чиновники. Сталью рельс и проволокой телеграфа они свяжут в единое целое революционные центры страны. Они дадут нам возможность поднять в нужный момент всю Россию. Необходимо подготовить к этому моменту и довести дисциплину и организацию до высших пределов.

Сейчас нам необходимо перейти к боевой организации наших заводов и их вооружению. Составляйте на каждом заводе десятки с выборными десятскими, сотни — с сотскими и над этими сотнями ставьте командира. Доводите дисциплину в этих организациях до такой высокой степени, чтобы в каждую данную минуту они могли выступить по первому призыву».

Доклад Исполнительного Комитета сыграл решающее значение в ликвидации забастовки, хотя настроение многих депутатов склонялось в пользу превращения ноябрьской демонстративной забастовки в решающую схватку с самодержавием. Окончательная ликвидация стачки была решена только после выступления представителя железнодорожников, заявившего, что железные дороги постановили прекратить стачку 7-го ноября.

Ликвидация ноябрьской забастовки.

Сознание невозможности проведения стачки во всероссийском масштабе заставило членов Совета большинством голосов принять резолюцию Исполнительного Комитета: «Царское правительство—говорится в ней—

решило воспользоваться передышкой, наступившей в революционной борьбе после славных дней октябрьской забастовки; рассчитывая на утомление пролетариата, правительство бросило наглый вызов народу, об'явив всю Польшу на военном положении, отправив пулеметы к голодающим крестьянам и поставив кронштадтских солдат и матросов перед угрозой расстрела.

Рабочие Петербурга сочли своим долгом дать новый урок царскому правительству и напомнить ему, что революционный пролетариат существует, бодрствует и готов отвечать ударом на удар.

Стачка - протест, об'явленная Советом Рабочих Депутатов, началась 2-го ноября в 12 часов дня и продолжается в настоящий момент с таким единодушием, которое превосходит даже октябрьскую и январскую забастовки. Этот новый революционный удар, нанесенный царскому правительству, не только показал удивительную энергию, неутомимость, сплоченность и дисциплину пролетариата, но и привлек к рабочим симпатии лучшей части армии и вместе с тем еще больше подорвал русские государственные финансы.

Единодушная забастовка петербургского пролетариата ясно показала царскому правительству и всему населению, что пролетариат не позволит молча душить граждан, восстающих против варварского деспотизма; поэтому Совет Рабочих Депутатов, считая необходимым беречь силы рабочих для решительного сражения, постановляет: прекратить стачечную манифестацию в понедельник, 7 ноября, в 12 часов дня.

Приглашая рабочий класс всей России поддержать в той или другой форме протест петербургского пролетариата против полевых судов, военного положения, смертной казни и зверских погромов черной сотни, Совет Рабочих Депутатов призывает сознательных рабочих удесятерить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс, планомерно подготовляя таким образом последнюю всероссийскую схватку с кровавой монархией, доживающей свои последние дни».

Печатные плакаты, распространенные по заводам и фабрикам и расклеенные по городу, извещали о постановлении Совета.

7-го ноября в 12 часов дня ноябрьская стачка прекратилась так же единодушно, как и началась, доказав организованность Ленинградского пролетариата. Бодрая передовица № 7 «Известий СРД» призывала: «готовьтесь же к окончательной битве с царизмом, товарищи! Сердца солдат теперь для нас открыты. Идите к ним, зовите их к нам! Организуйтесь, товарищи! Вооружайтесь, товарищи, и мы освободим нашу родину от проклятого самодержавия!»

Оценка ноябрьской забастовки.

Несмотря на единодушие, с каким началась и окончилась ноябрьская стачка, тем не менее она впоследствии встретила резко расходящуюся оценку. Особенно резкой критике ее подверг Плеханов, рассматривающий ее, как крупную ошибку Ленинградского пролетариата. Взгляд, высказанный им еще в годы реакции, тем не менее встречает сочувствие даже в наши дни и имеет огромное методологическое значение для понимания событий, развернувшихся в 1905 г.

Мы уже видели, что ноябрьская забастовка была вызвана самим ходом развития событий: полосой погромов, пронесшейся по всей России и имевшей целью дезорганизацию революционных сил; введением военного положения в Польше, показывавшего начало наступления реакции; подавлением Кронштадтских событий, выявившим силу царизма; упорностью буржуазии в противодействии кампании 8-часового дня, и укреплением союза царизма и буржуазии.

Реакция наступала. Мог ли пролетариат молчать? Его молчание и пассивность только укрепляли бы самодержавие. Вот почему молчать и спокойно смотреть на оживление и усиление реакции было невозможно. Если бы пролетариат был в достаточной мере вооружен и мог рассчитывать в крайнем случае хотя бы на нейтрализацию войска, мы имели бы не стачку, а вооруженное восстание. Это прекрасно понималось депутатами Совета в дни ноября. Но шансов на возможность восстания и удачного его завершения не было, а упустить инициативу из рук революции было невозможно.

«Раз выступив на путь революции—писал Маркс, оценивая события 48-го года—поддерживайте моральный перевес, который первая удача дала вам; перетяните на свою сторону те колеблющиеся элементы, которые всегда уступают

более сильному впечатлению и всегда ищут безопасного места; заставьте врага отступать, прежде чем он соберет против вас свои силы». На огромное значение инициативы в революции указывал и Ленин, предостерегая, что «царское правительство прекрасно понимает всю силу этой тактики нападения. Оно не ждет врага, оно двигает черносотенные элементы подготовляясь к нападению».

То, что царизм готовился в ноябре произвести расправу с революцией, в настоящее время является бесспорным. Уже «Новое Время» от 27-го октября не могло не поделиться радостью со своими читателями, что на «пост главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа назначается великий князь Николай Николаевич; товарищ министра внутренних дел и СПБ генерал-губернатор Трепов назначается на должность дворцового коменданта; пост петербургского ген.-губернаторства упраздняется». Что представлял великий князь Николай Николаевич, которому поручалось «усмирение»—в настоящее время читателю, вероятно, хорошо известно. Напомним только слова Витте, бывшего в то время председателем совета министров: «он (т. е. Николай Николаевич), говорит Витте,—давно уже впал в спиритизм и, так сказать, свихнулся, а с другой стороны по «нутру» своему представлял собой типичного носителя неограниченного самодержавия или, вернее говоря, самоволья, т. е. «хочу и баста».

В момент ожесточения классовой борьбы, когда под вопросом стояло существование самодержавия, курс на Николаев Николаевичей, Треповых, Дурново, Дубровиных и т. п. всегда повышался. Не было ничего абсолютно удивительного, что, наряду с изданием манифеста 17-го октября, рассчитанного на «доверчивых политиканов», шла усиленная подготовка к разгрому революции свинцом и кровью. В предчувствии приближающейся расправы с революцией, «Новое Время» подготовляло к этому читателей и в конце октября, заливаясь соловьем, вещало, что «язык власти—в интересах нации—должен быть иной, иными должны быть и ее решения, если действительно хотят успокоить смуту. Власть при самых трагических испытаниях есть сила, иначе она не власть. Силе же подобает доверие к себе, спокойствие и несокрушимая твердость... Правительству пора усвоить горькую истину

что источники народных волнений в нем самом, в безвластии власти. . . .»

И действительно, в начале ноября над революцией навис жестокий кулак реакции. Пролетариат, об'являя забастовку, стремится отвести удар реакции. Не выступая, однако, вооруженно, Совет Рабочих Депутатов тем не менее твердо шел по пути подготовки вооруженного восстания. Это отмечал еще т. Ленин в полемике с Плехановым, рассматривая ноябрьскую и декабрьскую забастовку, как одно из звеньев в подготовке восстания. Совет концентрировал свое внимание на загадочном сфинксе революции — армии, достигая некоторых успехов. Испуг, растерянность царизма, его поспешные обращения к «братцам-рабочим», отмена военного положения в Польше и полевого суда над кронштадтскими матросами — все это в значительной мере об'ясняется ноябрьской демонстрацией Совета в его борьбе за армию.

Царское правительство прекрасно учитывало роль армии в революции. Еще до издания манифеста 17 октября Шванебах внес в комитет министров проект о раздаче в Сибири земли манчжурской армии. Граф Витте в своих «Воспоминаниях» чистосердечно признается, что «мысль эта истекала из опасения, что армия, возвратившись домой после всех неудач, пожалуй, пристанет к революции». Царское правительство могло быть спокойно, имея в своих руках верную армию,—Совету же предстояло лишить царизм этой опоры и превратить армию в союзника революции.

Об огромной роли армии в революции неоднократно писалось с.-д.

Еще в сентябре «Пролетарий» в статье «Массовая политическая стачка» писал: «Восстание народа и победа над верной правительству армией—вздорная утопия. Но восстание народа и значительной части армии против кучки деспотов и грабителей это действительность завтрашнего дня».

По мере развития революции в ее подготовке к вооруженному восстанию, вопрос о революционизировании армии приобретал актуальное значение. В конце октября Ленин об этом говорит определенно: «Создавая рабочую милицию— пишет он—этот единственный надежный оплот революции—

готовясь к новой и еще более решительной победе, поддерживая свои старые лозунги, мы должны обратить особое внимание на армию. В ее ряды вынужденная уступка царя должна была внести всего более колебания. И теперь, привлекая солдат на рабочие собрания, усиливая агитацию в казармах, расширяя связи с офицерами, мы должны наряду с революционной армией рабочих создать кадры сознательных революционеров и в войске, которое вчера еще было исключительно царским войском—войском, которое теперь стоит накануне превращения в народное войско».

Действительно, в конце октября, под влиянием революционных событий, мы наблюдаем в армии волнения, не только в столице, но и в других городах. Армия, созданная всеобщей воинской повинностью, не могла, конечно, глухо относиться к революционным выступлениям тех классов, из которых она вышла. Хотя армия и была изолирована от своего класса и находилась под бдительным надзором офицерства, все-же ей приходилось соприкасаться с революцией. Несение охранной службы на фабриках и заводах, охрана капиталистов—невольно сближали армию с пролетариатом. Рабочие, в свою очередь, часто собирали для солдат почти на всех фабриках Ленинграда газеты, листки, прокламации и помещали их в условные места. Речи на митингах иногда проникали в солдатскую толщу и не проходили бесследно. Например, по рассказу Е. Ярославского, благодаря открытым митингам, устроенным социал-демократией в Ярославле, в манеже, туда удавалось проникать и солдатам; «когда-же—рассказывает т. Ярославский—по Ярославлю распространился как-то слух, что после молебствия в соборе, в большой царский праздник, молельщики во главе с черной сотней устроят погром,—а погром действительно подготовлялся,—фанагорийцы напечатали в местной газете заявление, что они не допустят погрома и с оружием в руках будут отстаивать революционные порядки. В тот день, действительно, фанагорийцы установили революционным путем патрули и дежурства. Никакого погрома не произошло».

Мы взяли для примера, совсем не в виде исключения, фанагорийский полк, расстреливавший в 1895 г. рабочих Ярославской большой мануфактуры. Брожение в конце октября

и начале ноября наблюдалось во многих местах России. Мимо этого брожения армии Совет Р. Д. пройти не мог.

Вот почему как об'явление ноябрьской забастовки, так и проведение ее под определенным углом борьбы за армию не является ошибкой Совета, а наоборот — является его маневром. Кроме того, вынужденный реагировать на занесенный над революцией удар, Совет на время отстранял его и выигрывал время для дальнейшей подготовки вооруженного восстания, поднимая свой авторитет. Неудивительно поэтому, что после ноябрьской стачки в своем докладе начальник охранного отделения писал: «1-го ноября в знаменательном заседании в Соляном Городке, где решено было об'явить на следующий день в столице всеобщую политическую забастовку, как протест против об'явления Привислянского края на военном положении и суждения обвиняемых в Кронштадтских беспорядках полевым судом, забастовка состоялась, и Совет Рабочих Депутатов доказал, что в среде столичной рабочей массы он пользуется громадным авторитетом и влиянием» *).

Уяснению взгляда, что ноябрьская стачка была в интересах пролетариата, как одно из звеньев в подготовке вооруженного восстания, а отнюдь не ошибка, поможет также ознакомление с оценкой, какую дают ей чуждые пролетариату социальные группы.

Если охранка тайно признавала усиление Совета, то монархическое «Новое Время» в предчувствии надвигающейся грозы открыто провозглашает силу пролетариата, помещая 6 ноября статью Меньшикова «Босая власть». Статья чрезвычайно любопытна. «До сих пор—пишет «Новое Время»—Россия испытывала удовольствие иметь одно, плохо устроенное, правительство, теперь мы имеем два плохих. Наряду с нашей древней—и от старости одряхлевшей исторической властью, сложилась другая, свежая, с пылу горячая, молодая власть, которая сердится и покрикивает... Огромная империя на протяжении нескольких тысяч верст с тревогой ждет, что повелит кучка пролетариата — работать или бастовать.., Новая власть не была бы властью, если бы не в состоянии была нагнать страху» (какое ценное признание! П.Г.). Оценивая

*) Дело Д-та Полиции, № 6409, том I-й.

эти два создавшиеся правительства, автор приходит к очень пессимистическим выводам: «Итак, сейчас мы единственная в свете страна, где действуют два правительства... что потом будет? Мало-ли что. Может быть, больше ничего не нужно, кроме гибели России (т. е. царизма и буржуазии. П. Г.), кому-то нужной».

Что так искренне и решительно заявлялось в органе правого, монархически-настроенного крыла русской буржуазии и дворянства, то в более скромных и осторожных выражениях говорили и кадеты, партия либеральной буржуазии.

Признавая октябрьскую забастовку последним натиском революции, принесшим политическую свободу, к. д. журнал «Право» в ноябре писал, что «вторая всеобщая забастовка является по нашему мнению крупной политической и тактической ошибкой».

Мы знаем, что так же оценили ноябрьскую забастовку и интеллигентские союзы, настроенные в либерально-кадетском духе и не поддерживавшие ее.

Прослеживая эти оценки у различных буржуазных групп, выражавших по существу одно и то же настроение, но различных по силе и спокойствию, не трудно увидеть, что за критикой ноябрьской забастовки скромно скрывалась боязнь полной ликвидации самодержавия и победы пролетариата. Другое значение ноябрьская стачка приобретает в аспекте необходимости вооруженного восстания для окончательной ликвидации самодержавия. Вот почему за той или иной оценкой ноябрьской стачки скромно скрывается нечто более существенное: классовая сущность. Оценка ноябрьской стачки у Плеханова также не была случайной. Она логически вытекала из всего его понимания русской революции. Она так же характерна для Плеханова, как после декабрьского восстания изреченная им в «Партийных Известиях» буржуазно-мещанская фраза: «не надо было браться за оружие».

В ноябре пролетариат шел своей дорогой. Как об'являли прокламации к солдатам, выпущенные организационной Комиссией СРД в дни стачки: «У народа нет оружия, чтобы силой взять у правительства жизнь кронштадтских солдат и

матросов. Поэтому, народ решил добиться своего стачкой» *).

Касаясь стачки, «Известия СРД» писали: «Царское правительство желало вызвать пролетариат на решительную битву, на смертельный бой тогда, когда победа могла быть за ним, чтобы, раздавив рабочих, отсрочить свой час гибели. Но Николай Романов, Витте и генералы, желавшие смыть позор неслыханных поражений в Манчжурии «славной» победой над безоружными рабочими, ошиблись и на этот раз. Об'являя политическую забастовку, пролетариат знал, что он делает. Он знал, что к решительной схватке с самодержавием он еще не готов, что войска еще не на его стороне, что он еще безоружен.

В противном случае он потребовал бы не уничтожения смертной казни и полевых судов, не отмены военного положения, не уступок у самодержавия, а низвержения царизма и Демократической Республики. И эти свои лозунги он поддержал бы не только всеобщей стачкой, но и оружием».

Влияние ноябрьской стачки на армию.

Если ноябрьская стачка и не вылилась в вооруженное восстание, то, тем не менее, как стачка-демострация она имела огромное значение. Она бесспорно встряхнула широкие солдатские массы, вызвав среди них митинги и собрания. Прокламации Совета Р. Д. и партийных организаций находили широкий отклик. Армейские части нередко выделяли делегатов в Совет. Связи армии с пролетариатом постепенно упрочивались.

Под влиянием частых обращений и запросов солдат в Совет, их просьб о поддержке и помощи, Исполнительный Комитет выпустил обращение к армии, известное под именем «манифеста к солдатам»:

«Вы часто обращаетесь к нам, Совету Рабочих Депутатов, за советом и поддержкой. Когда арестовали солдат Преображенского полка, вы обратились к нам за помощью. Когда арестовали учеников военной электро-технической школы, вы обратились к нам за поддержкой. Когда флотские экипажи высылались под конвоем из Петербурга в Кронштадт, они искали у нас защиты.

*) См. приложение «Прокламация к армии, выпущенная РСДРП в ноябре».

Целый ряд полков посылает к нам своих депутатов.

Братья-солдаты, вы правы. У вас нет другой защиты, кроме рабочего народа. Если за вас не вступятся рабочие, вам нет спасения. Проклятая казарма задушит вас.

Рабочие всегда за честных солдат. В Кронштадте и Севастополе рабочие боролись и умирали вместе с матросами. Правительство назначило полевой суд над матросами и солдатами в Кронштадте — и тут же петербургские рабочие повсеместно прекратили работу.

Они согласны голодать, но не согласны молча глядеть, как истязают солдата.

Мы, Совет Р. Д., говорим вам, солдаты, от имени всех петербургских рабочих:

Ваше горе — наше горе, ваши нужды — наши нужды, ваша борьба — наша борьба. Наша победа будет вашей победой. Одни и те же цели сковывают нас. Только дружные усилия народа и армии разорвут эти цепи.

Как освободить преображенцев? Как спасти кронштадтцев, севастопольцев?

Для этого нужно очистить страну от царских судов. Отдельным ударом нам не освободить преображенцев и не спасти кронштадтцев и севастопольцев. Нужно общим мощным натиском смести с лица нашей родины произвол и самовластие.

Кто может сделать это великое дело? Только рабочий народ вместе с братскими войсками.

Братья-солдаты! Пробудитесь! Подымайтесь! Идите к нам. Честные и смелые солдаты, соединяйтесь в союзы.

Будите спящих! Тащите отставших. Сговаривайтесь с рабочими! Соединяйтесь с Советом Рабочих Депутатов! Вперед за правду, за народ, за свободу, за жен и детей наших!»

Важно также отметить, что ноябрьская забастовка хотя и была дружно начата и проведена только в Ленинграде, однако, имела всероссийское значение. Брожение в армии в связи с ноябрьской стачкой наблюдается помимо Ленинграда и в других местах России.

Севастопольское восстание. Вскоре в ответ на события в Кронштадте и ноябрьскую забастовку широким эхом пронеслось по всей России восстание в Севастополе.

Как известно, революция в армии прежде всего захватывает слои, близко связанные с передовым революционным классом. Этим и об'ясняется, почему наиболее чуткими к революции оказывались технические и матросские части, преимущественно вербовавшиеся из рабочей массы или находившиеся в соприкосновении с ней. Так, например, огромное влияние на матросов оказывали ленинградские рабочие, занятые установкой машин на крейсере «Очакове», сыгравшем видную роль в Севастопольском восстании.

Севастопольское восстание во многом похоже на кронштадтское. Уже с осени наблюдался рост революционных настроений среди матросской массы. Контр-адмиралом Бирилевым еще 20-го октября было отдано строгое распоряжение о переселении флотских офицеров из квартир в офицерские флигеля, так как, по мнению высшего морского командования «чрезвычайные волнения команд Черноморского флота произошли от полного отчуждения офицеров флота от своих команд». Основная причина матросских волнений, конечно, не в этом. Причины движения были более глубокие, и переселение офицеров в флигеля, конечно, не смогло предотвратить революционного взрыва. Нараставшее недовольство, усиливавшееся с октября, вылилось, наконец, в ноябре в восстание.

Хотя влияние социал-демократических организаций среди черноморских матросов и было сильно, однако, как и в Кронштадте, удержать от преждевременного выступления матросов не удалось. На быстрый процесс революционизирования матросских масс огромное влияние оказала царская расправа с потемкинцами и кронштадтцами и активное выступление в их защиту ленинградского пролетариата, демонстрировавшего свое отношение к армии в ноябрьской стачке. Под влиянием этих причин на многолюдных митингах беспартийные матросы открыто призывали к решительной борьбе с самодержавием. Поводом же к восстанию послужил приказ контр-адмирала Писаревского стрелять в совместный митинг матросов и портовых рабочих. Тогда из числа солдат, присланных для усиления роты, рядовой Петров, зарядив винтовку, убил подполковника Брестского полка Штейна, ранил Писаревского. На приказ офицера арестовать Петрова никто из солдат не двинулся с места. Арестовать же его удалось потому, что Петров не оказывал ника

кого сопротивления, бросил винтовку и обратился к солдатам: «чего вы стоите, берите меня». Петрова арестовали, но сбежавшимися со всех сторон матросами он был освобожден.

Этот случай и послужил поводом для Севастопольских событий, разыгравшихся в средине ноября.

Вскоре возбужденными матросами были арестованы дежурные офицеры. Часть вооруженных матросов, находившихся на экипаже, с криком «восстание, восстание... смерть драконам» хотела было броситься на морское офицерское собрание, но благодаря социал-демократке Н. Вольской расправа с офицерами была предотвращена. С расширением же восстания, под влиянием социал-демократической агитации, был избран Совет Матросских Депутатов, которому поручалось следить за поддержанием порядка и определением дальнейших действий.

Так возник первый Совет Матросских Депутатов. Организация Совета Матросских Депутатов останется неясной, если брать Матросский Совет изолированно от Ленинградского Совета Рабочих Депутатов, так как, благодаря ноябрьской стачке, идея Советов стала популярной и в матросской массе. Подобно тому, как ранее слово забастовщик находило широкое распространение, обозначая «революционер», «рабочий», точно также под влиянием ноябрьской забастовки понятие Совет в широких, даже армейских массах принималось, как боевая организация для ликвидации самодержавия.

Следует также отметить, что ошибкой было бы сводить Совет Матросских Депутатов только к воинской организации, стремившейся к материальному улучшению матросского быта. Правда, руководящая меньшевистская часть Совета уделяла этим вопросам огромное внимание и нередко оставляла позади политические требования, но, тем не менее, уже на первом заседании Совета под влиянием движения вырабатываются следующие требования, пред‘явленные командующему портом:

1) немедленное освобождение всех военно-политических заключенных,

2) неприкосновенность личности депутатов,

3) собрание делегатов от всех воинских частей Севастополя — матросов судов и казарм, артиллерии и пехоты — для обсуждения положения и выработки тех мер, которые могут успокоить страну.

Как известно, командующий флотом Чухнин вынужден был согласиться с требованием Совета Матросских Депутатов на устройство матросского митинга и явиться в казармы. Такое ущемление адмиральского самолюбия было возможно, конечно, только потому, что Совет приобрел широкую популярность в матросско-солдатской массе.

Вот как рассказывает матрос Алексеенко (с учебного судна «Днестр») об отношении матросов к Совету Матросских Депутатов: «На другой день, в воскресенье 13 ноября, к 8 часам утра, команда окончила уборку и подняла кормовой флаг. Вскоре после этого на судно пришли два матроса, назвавшие себя депутатами от дивизии, и сказали, чтобы они выбрали из своей среды 4-х чел. депутатов и прислали в дивизию.

Вахтенный начальник, подозвав к себе боцмана, приказал ему доложить об этом старшему офицеру, который в ответ на это приказал выгнать депутатов в шею... По уходе этих двух матросов команда стала заметно волноваться, настаивая на выборах депутатов. Командир судна, его высокоблагородие капитан Лятошинский, сказал команде выбрать депутатов и для выяснения этого вопроса предложил сделать баллотировку. Для этой цели сейчас же были поставлены два ящика, покрытые парусиной, и командир, раздавая бумажки, сказал: «кто за то, чтобы послать от себя депутатов, должен класть бумажку в правый ящик, а кто против этого—в левый». При подсчете оказалось, что почти вся команда, за исключением 7—8 человек, желает, чтобы депутаты были посланы в дивизию*).

С развитием революционных событий Совет Матросских Депутатов пополняется депутатами от судов и частей. Он получал все сведения, давал директивы и указания, вырабатывал требования, принимал участие в демонстрации и т. д. Под давлением Совета Матросских Депутатов происходило обезоруживание офицеров и удаление их с судов и из казарм. Это было необходимо, так как офицеры, преимущественно в пехотных частях, вели усиленную контр-революционную агитацию. Совет Матросских Депутатов все более становился во главе движения, но всецело взять движение в свои руки ему не удалось. Отчасти это об'ясняется руководящим положением в Совете Матросских Де-

*) Из судебных материалов опубликованных Дробот.

путатов меньшевиков, но, главным образом, совершенно недостаточным сроком для подготовки решительного восстания. Подготовительная кампания в этом смысле не была проведена. Достаточно указать хотя бы на такой факт, как отсутствие патронов при изобилии оружия.

Отсутствие со стороны Совета Матросских Депутатов достаточной подготовки к вооруженному восстанию и неспособность Совета стать всецело во главе движения были достаточно вескими причинами неудачи восстания. Картина же неудачи становится яснее после разрешения Советом Матросских Депутатов вопроса, кого поставить во главе руководства восстанием. Один из участников Совета Матросских Депутатов, говоря о первых днях восстания, замечает, что «сильно чувствовалось также отсутствие руководителя, хорошо знающего военное дело».

Как известно, Совет Матросских Депутатов предложил взять руководство восстанием отставному лейтенанту Шмидту, приобревшему популярность в октябрьские дни. Но одной популярности было недостаточно. А платонические настроения Шмидта, мечтавшего о бескровной революции, об об‘единении всех социалистических партий и называвшего себя «социалистом вне партий», об‘ективно играли в руку реакции. «Интеллигент чеховского типа», как метко охарактеризовал Шмидта т. Покровский, в руководстве решительной схваткой с самодержавием оказывался далеко не на месте. Восстание было подавлено.

Хотя Севастопольское восстание во многом было похоже на Кронштадтское, но оно и отличалось от него. Восстание в Севастополе означало под‘ем движения на новую высоту. Попытка царизма, опираясь на несознательную и забитую часть матросов, дезорганизовать движение и взорвать его изнутри окончилась неудачей. В этом смысле подавление Севастопольского восстания, сравнительно с Кронштадтским, было гораздо труднее. Подавлять приходилось силами, вытребованными из южных городов России. Царизм открывал настоящий военный фронт с донесениями о количестве пленных «неприятелей» и т. д. Только под давлением прибывших частей судьба восстания была решена. Как пишет один из участников восстания И. Генкин, «пехотинец усмирил матроса и сапера. Мужик темный и забитый, робкий и покорный мужик, победили

строевого и дерзкого пролетария — горожанина. Черносотенный офицер, располагавший великолепной, столетиями выработанной системой подавления, победил разночинца-интеллигента, неуспевшего еще отделаться от схоластических и сантиментальных представлений об искусстве революции. Смелый и быстрый натиск адмиралов и генералов разрушил замыслы слишком уже медливших и слишком уж много мудривших тогда революционеров социал-демократов».

Севастопольское восстание, однако, оказало большое влияние на развитие революции. Неудивительна, поэтому, та ненависть, с какой «Новое Время» в конце ноября писало, что в «сущности флота нет, так как нет того, без чего он все равно существовать не может... нет матросов. Ведь нельзя же считать за таковых беспорядочную орду людей, одетых в матросское платье, или отбунтовавших уже и теперь судимых, или еще бунтующих, или готовых бунтовать в каждый данный момент».

Действительно, настроение флота становилось явно все больше в пользу революции. Советы Рабочих Депутатов приветствовали восставших матросов, выпустив по поводу севастопольских событий прокламации и обращения. Кроме Ленинграда, на восстание откликается Ростовский и Московский Советы, расценивающие Севастопольские события, как новый этап революции. «Кровь солдат—говорится в резалюции Московского Совета—смешалась с кровью рабочих и отныне неразрывно связывает их. Народ никогда не забудет дорогих имен славных севастопольцев и других братьев воинов, восставших против самодержавного гнета. Уже недалек тот день, когда пролетариат, революционное крестьянство и лучшая часть армии соединенными силами опрокинут ненавистное царское прависельство»*).

Под влиянием Севастопольских событий, состоявшаяся 21—26 ноября конференция северных Комитетов РСДРП уделяет бо̀льшее внимание вопросу о работе в армии, считая, что работа в армии должна быть усилена, для чего признает необходимым создание при Центральном Комитете специального военного бюро, созыв конференции армейских работников, усиление литературно-пропагандистской работы, уделение большего внимания армии в социал-демократической прессе.

*) См. приложение «Резолюция Моск. Совета о волнениях в Севастополе и Д. Востоке».

Брожение в пехотных частях. Если Севастопольские события для самодержавия знаменовали потерю флота, то положение последнего еще более ухудшилось с началом брожения в пехотных частях, формировавшихся преимущественно из крестьянских масс. Особенно заметным это брожение становится к началу ноября. Первоначальной, непосредственной причиной брожения служило ухудшение материального положения воинских частей и злоупотребления командно-хозяйственного персонала, производившиеся подчас совершенно открыто. Неудивительно, что особенно был популярен в армии анекдот о том, как военный министр однажды передал по команде горсть муки. Пока мука проходила от высшего командования к низшему, у каждого что-нибудь прилипало к рукам; что в результате получил солдат — ясно без дальних слов.

Первоначально поднимавшееся на мелких неудовольствиях из-за скверной пищи, обмундирования и т. д., солдатское движение, имея более глубокие социальные корни, постепенно становилось сильной угрозой самодержавию. Отдельные вспышки и неудовольствие нередко заменялись более организованными формами протеста и борьбы. При самом ближайшем руководстве социал-демократических организаций и Советов Р. Д. в армии возникают всевозможного рода армейские комитеты, союзы, об‘единения.

Так, в конце ноября при ближайшем участии Ленинградского Совета Р. Д. возникает всероссийский союз военно-служащих, опубликовавший через большевистский орган «Северный Голос», свое обращение «к русской армии». Сформировавшийся Центральный Комитет союза военно-служащих ставил своей задачей решительное содействие революции в борьбе с самодержавием. Членам Союза поручалось: отказываться от употребления оружия против революционеров, защищать население от погромов и вести широкую пропаганду в армии за осуществление всероссийской политической забастовки.

Широко развернуть свою деятельность Союзу не удалось. Возникший в конце ноября, он был уже в декабре разрушен перешедшей в наступление реакцией. Кроме того, трудно предвидеть направление, по которому мог бы пойти союз; его внепартийность и прием на равных правах, как командного, так и рядового армейского состава делали бы союз

неоднородным и грозили бы ему постоянными кризисами и внутрисоюзной борьбой.

Возникновение Совета Солдатских Депутатов.

В этом отношении более интересно возникновение в Москве 3-го декабря Совета Солдатских Депутатов. Состав его был значительно более однородным. Солдатский Совет об'единял все революционно-настроенные части, ставившие себе определенную цель—решительную борьбу с царизмом.

На первое заседание Совета Солдатских Депутатов явились представители Екатеринославского, Ростовского, Несвижского, Троице-Сергиевского полков, 1, 3 и 5 саперных батальонов, казачьего полка и московского аптечного магазина. На заседание были допущены представители воинских организаций РСДРП и начальники боевых дружин. Председательствовал депутат Ростовского полка. Депутаты информировали друг друга о настроении частей. Особенное внимание приковывали революционные выступления в Ростовском полку, наиболее революционно настроенном и принявшем активное участие в создании Совета. Как мы увидим впоследствии, широко развернуть свою деятельность Совету не пришлось, он подвергся участи Центрального Комитета Союза военнослужащих—наступавшая реакция еще в зародыше убивала эти революционные армейские организации.

Реакция понимала, что с каждым днем вновь возникающие организации будут крепнуть. Она понимала, что ноябрьская забастовка открывала новый этап в революции. И неудивительно, поэтому, что в ноябре взоры, как реакции, так и революции одинаково приковываются к армии. Вот почему на своем заседании 2-го декабря Пресненско-Хамовнический Совет Рабочих Депутатов, находившийся в районе расположения войск, уделяет огромное внимание необходимости полного согласования революционных действий и полного единения с армией. Совет выносит следующую резолюцию: «Собрание делегатов Пресненского и Хамовнического районов предлагает СРД чутко следить за революционным движением в войсках Московского гарнизона, установить тесные связи с солдатами и сделать все возможное, чтобы согласовать движение в войсках с выступлением пролетариата. Собрание предлагает также СРД считаться с близкой возможностью

военного возмущения в Москве и обсудить вопрос о том, как поддержать восставших солдат. Со своей стороны собрание считает нужным выяснение на рабочих собраниях тесной связи между движением армии и борьбой пролетариата, а также и необходимость решительной поддержки солдат в их борьбе за свободу».

Итоги. Следя за развитием революционного движения среди войск, мы наблюдаем, как медленно, но верно оно направляется по пути революции. Кронштадтские события и ноябрьская забастовка дали решающий толчек этому движению. О влиянии ноябрьских событий на армию пишет в середине ноября барон Медем (Московский градоначальник) в «совершенно секретной» записке к барону Е. А. Рауш-фон-Траубенбергу (начальнику Московского окружного штаба): «Милостивый государь, барон Евгений Александрович! События последнего времени, в связи с беспорядками, имевшими место в Кронштадте, Севастополе, Киеве и других местах империи, могут отразиться и на настроении низших чинов Московского гарнизона, среди которых, по имеющимся у меня сведениям, уже в настоящее время замечается некоторого рода брожение.

В виду сего и принимая во внимание, что враждебные правительству элементы в настоящее время напрягают все усилия к организации народного вооруженного восстания, возлагая при этом большие надежды на возможность присоединения к ним войсковых частей и овладения с помощью их арсеналами и артил. складами—об изложенном имею честь сообщить Вашему Превосходительству, полагая, что вопрос об установлении надежной охраны этих учреждений и обеспечении безопасности их на случай возмущения какой либо воинской части является существенно важным». *)

Баронские опасения, высказанные в средине ноября, не были напрасными. Армия собиралась также сыграть активную роль в ходе революции. Реакция понимала, что этот момент следует предупредить. Начало организованного волнения в армии в конце ноября и решительное выступление реакции в начале декабря—поэтому, далеко не случайные даты.

---

*) Дело № 808 М. В. О. за 1905 г. О движении среди войск Моск. гарнизона.

Б. Совет и мелкобуржуазные слои.

Советы Р. Д. и Крестьянство.

Во взаимоотношениях Советов Р. Д. с мелкобуржуазными слоями центральное место занимает, конечно, отношение Совета к крестьянству. Мы знаем, что Советы в своем развитии все более подчинялись руководству социал-демократических организаций, выполняя их директивы. Поэтому, правильное разрешение и понимание этого вопроса возможно только при знакомстве с тактикой социал-демократии в отношении к крестьянству и оценкой его роли в революции.

Иногда указывают, что большевики в 1905 году недооценивали роль крестьянства в революции, важность создания социал-демократических организаций в деревне и т. д., и что эти обстоятельства составляют причину неудачи революции.

Дадим маленькую историческую справку.

Крестьянство, в силу ряда исторических причин играло в России огромную роль, являясь двуликим Янусом, поведением которого в конечном счете определялись неудачи и победы революции. Вполне понятно, поэтому, что по мере роста политического влияния социал-демократии, крестьянству уделяется большее внимание.

Если проследить, как, по мере своего роста и влияния, социал-демократия уделяла внимание крестьянству, то не трудно установить прямо-пропорциональную зависимость. Это было неизбежно, так как в процессе исторического развития хотя и выкристаллизовались два враждебных руководящих полюса—самодержавие и пролетариат—имевшие свою идеологию, политику и тактику, но крестьянство все же играло огромную роль, балансируя между самодержавием и революцией.

Если в начале XX века вопрос о крестьянстве находился в области теоретических разрешений, то уже к началу

1905 г., с усилением крестьянского движения, т. Ленин подчеркивал, что «вопрос об отношении сознательного авангарда пролетариата—социалдемократии к крестьянскому движению приобретает непосредственное практическое значение и должен быть поставлен в ближайшую очередь дня во всех наших партийных организациях при всяком выступлении пропагандистов и агитаторов». Как известно, огромное внимание крестьянскому движению уделил и III-й С'езд большевиков, поручавший всем партийным организациям: «а) пропагандировать в широких слоях народа, что социалдемократия ставит своей задачей энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель; б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционно-крестьянских комитетов, с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета» и т. д.

В летний период 1905 г. социал-демократическая деятельность в деревне несколько утихает. Внимание к деревне усиливается к осени, когда пролетариат встает перед задачей решительного штурма самодержавия.

Уже после октябрьской забастовки «Новая Жизнь» 29-го октября писала: «Успешное выполнение ее (революции. П. Г.) возможно только в том случае, если крестьянство активно и сознательно примкнет к великой освободительной борьбе пролетариата. Для этого должны быть организованы крестьянские комитеты, руководство которыми должны взять в свои руки сознательные социал-демократы.... Чем скорее будет осуществлена намеченная организация крестьянства, тем прочнее будут завоевания свободы и демократизм в России».

Под влиянием же усиливающегося крестьянского движения, попытки организации крестьянского союза и неудачи ноябрьской забастовки, борьба за крестьянство приобретает еще более актуальное значение.

Хотя открывшийся 6-го ноября второй крестьянский с'езд не имел и не мог иметь очень большого практического значения в революции, тем не менее агитационное значение его огромно. Он частично отражал процессы, происходящие в деревне.

В противовес первому с'езду, на ноябрьском с'езде слышались речи о необходимости организации вооруженного крестьянского восстания, критиковалась возможность мирного разрешения конфликта между крестьянством и самодержавием и т. д. Левый уклон с'езда пугал даже самих эсеровских организаторов с'езда. Этим об'ясняется, почему преимущественно делегаты Москвы, непосредственные организаторы с'езда, высказывались против «резких предложений, высказываемых некоторыми делегатами».

Продолжавшийся в течение 5-ти дней с'езд выявил отсутствие единодушия по ряду основных и принципиальных вопросов революции. Он доказал утопичность создания общекрестьянского союза, как самостоятельной политической организации всего крестьянства. В этом отношении особенно характерна полная беспомощность, проявленная с'ездом в разрешении основного вопроса—кто может состоять членом Союза. Этот вопрос, вызвав оживленные прения и не получив разрешения на августовском с'езде, повис в воздухе также в ноябре. Как характерную черту следует отметить, что с'езд высказался за необходимость тесного соглашения с рабочими союзами.

Практическая же помощь Совету со стороны Крестьянского Союза была невелика. И, действительно, что мог сделать Крестьянский Союз? Он пытался организовать передовую, сознательно - революционную часть крестьянства, тонувшую пока в многомиллионной, политически малосознательной и неорганизованной крестьянской массе. Широкое движение всей крестьянской массы началось позднее, весной 1906 г.— в конце же 1905 г. крестьянство только пробуждалось.

Правда, осенью 1905 г. крестьянское движение приняло форму революционных вспышек. Хотя в них принимало участие не более 2% всей крестьянской массы, однако волна этого движения, была настолько сильна, что невольно приковала к себе взоры всех общественных классов.

Наверху были не на шутку перепуганы. Политическое настроение господствующей бюрократии, созданное ноябрьской забастовкой, в значительной степени об'ясняется ее развертыванием на фоне крестьянского движения.

Лучшим документом паники самодержавия явился указ по крестьянским делам, опубликованный в момент ноябрьской забастовки — 3-го ноября. В вихре революционных событий, когда под вопросом ставились судьбы самодержавия, он прошел незамеченным, не вызвавшим широкого обсуждения даже в правой печати. В действительности значение его для понимания настроения самодержавия в ноябрьские дни — не меньше, чем манифест 17-го октября для «дней свобод».

Дрожа за свою шкуру, самодержавие не щадило лести и обещаний: «нужды крестьянские — цинично заявило оно — близки сердцу нашему и не могут быть оставлены без внимания». Далее сообщалось о «царских милостях»: «по рассмотрении этого дела нами решено: 1) Выкупные платежи с крестьян, бывших помещичьих, государственных и удельных, уменьшить с первого января 1906 г. наполовину, а с 1-го января 1907 г. взимание этих платежей вовсе прекратить и 2) дать Крестьянскому Поземельному Банку возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении покупкой площади их землевладений, увеличив для сего средства банка и установив более льготные правила для выдачи ссуд».

Еще «трогательнее» заканчивался указ: «Уповаем, что любезное сердцу нашему крестьянское население, следуя заповедям христианским добра и любви, услышит царственный призыв наш сохранять повсюду мир и тишину» и т. д. Но оставим пока «царственную беллетристику» и посмотрим, какую цель преследовало самодержавие своими уступками. Оно, прежде всего, в своем указе пробует отвлечь крестьянство от революции и с этой целью опереться на кулацкий слой. В этом не трудно обнаружить родственные черты Столыпинских реформ. Еще нагляднее ставка на кулака выясняется у партии правового порядка. Желая противопоставить революционному Крестьянскому Союзу свою организацию, она 30-го ноября созывает собрание крестьян, на котором и признает необходимость наделения крестьян землею —

в южных губерниях по три десятины на мужскую душу, а в остальных—по пяти; признает необходимость отчуждения монастырских, церковных и частновладельческих земель, но с выкупом и при помощи государства, на подобие реформы 60-х годов. В дальнейшем, проект концентрирует свое внимание на создании крепкого кулацкого слоя и с этой целью предлагает усиление кредита, установление подесятинного, а не прогрессивного налога; не забывается и обратная сторона медали—сельские власти—и проект предусмотрительно высказывается за упразднение земских начальников с заменой выборными должностями, но правом выбора пользуются только платящие поземельный налог, т. е. все беднейшие и батрацкие слои механически лишены возможности участия в общественных делах. С целью создания более благоприятных условий для формирования и усиления кулачества рекомендуется постройка сельскохозяйственных школ, учреждение складов сельско-хозяйственных орудий и т. д. Хотя эта программа и была принята, и было при этом решено создание правого Крестьянского Союза — однако, эти проекты реакционной части русской буржуазии повисли в воздухе. Организационное собрание состоялось 30-го ноября, а через полмесяца, с разряжением революционной атмосферы, проект преспокойно был сдан в архив. Он был хорош в момент, как выражалось «Новое Время», когда «Пугачев пришел».

Но указ и проект создания организации кулацкого Крестьянского Союза было бы, с другой стороны, ошибочно считать только литературными документами. Это прежде всего—документы борьбы за крестьянство, за двуликий Янус, который мог решить судьбы революции. Если удельный вес крестьянства учитывался самодержавием, то определенно следует признать, что пролетариат также прекрасно понимал, какого союзника в революции он приобретал в лице революционного крестьянства. «Теперь вопрос о крестьянском движении — писал 12-го ноября Ленин — стал насущным не в теоретическом, а в самом непосредственном практическом значении. Теперь надо превратить наши общие лозунги в прямые призывы, обращенные от революционного пролетариата к революционному крестьянству. Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом

нового уклада русской жизни. И от роста сознательности крестьянства зависит ход и исход великой русской революции». Это сознавалось и передовыми рабочими.

Как вспоминает один участник ленинградских событий: «в ноябре внимание рабочих масс с какой то стихийной силой обратилось к вопросу о роли крестьянства в завязавшейся борьбе. В середине ноября не было другого вопроса, который хоть приблизительно в такой мере интересовал бы петербургских рабочих. У меня осталось вполне отчетливое впечатление, что после ноябрьской забастовки рабочая масса Петербурга чувствовала, что даже вопрос об армии, вопрос, который она пыталась разрешить своим выступлением в защиту Кронштадтских матросов, может быть окончательно разрешен лишь восставшей деревней».

На фоне этого настроения ленинградской рабочей массы становится понятным внимание, с каким отнесся Ленинградский Совет к выступлению представителя от крестьян Сумского уезда. В лице своего делегата — революционное крестьянство протягивало дружески руку пролетариату, признавая его руководящую роль. «Мои товарищи— говорил этот делегат — уполномочили меня благодарить вас за то, что впервые, 9-го января, выступили на защиту русского народа. Они поручили мне также спросить вас, не найдете ли вы возможным присоединить к забастовке и крестьян Сумского уезда. Наш союз действует лишь с марта, он охватил Сумский уезд и часть соседских, в скором времени присоединятся к нам еще 5 уездов. Этот союз также уже прибегал к забастовке, которую об'явили в имениях Строгановой, Лишиной, Харитоненко и др. В один и тот же час, по постановлению крестьянской организации, забастовали в этих экономиях все нанятые на срок крестьяне и вся прислуга. Картина была необычайная. Работы приостановились. Рев быков, ржание лошадей, суматоха, растерянность. Помещики сбежали в город. Начальство потеряло голову и решило об'явить военное положение. Нас пригласили на заседание уездных властей и спрашивали, на каких условиях мы можем прекратить забастовку.... Мы ответили: когда будут удалены войска и охранение порядка будет поручено крестьянам.

Мы обращаемся к Вам, чтобы соединиться с вами и вместе бороться за свои права. Когда вы найдете, что настало время для окончательной борьбы с существующим строем, вы известите нас; мы присоединимся к вам и будем бороться на жизнь и смерть... Я прошу вас принять во внимание, что где-то в глубине России есть люди, которые борются за то же, что и вы, и в момент решительного выступления дайте нам знать, и мы все присоединимся к вам».

Выступление Сумского делегата чрезвычайно характерно. Оно отражает постепенный рост влияния городской революции на деревню. На Сумском примере мы находим попытки крестьянства самоорганизоваться, попытки об'единенного выступления и признание гегемонии пролетариата. События в Сумском уезде предвосхитили события 1917 г., с поразительной ясностью доказав, что чем сознательнее, сильнее, революционнее и организованнее выступает крестьянство, тем определенней это выступление не мыслится вне союза с пролетариатом. Вот почему выступление Сумского делегата, на общем фоне смычки революционного города и революционной деревни, приобретает ценнейшее значение.

Вслед за Сумским делегатом в Ленинградский Совет Р. Д. обращались за указаниями и сами приезжали крестьянские ходоки из других губерний. В Совет обращались черниговцы, прося их связать с местной социалистической организацией; могилевцы привозили протоколы мирских сходов, что они будут действовать заодно с городскими рабочими и Советом; витебцы через своих депутатов сообщали требования местных крестьян. Кроме того, в Совет с заявлениями обращались и отдельные крестьяне, прося помощи, заступничества или указаний.

Совет приобретал все большую популярность в крестьянской массе и шел по пути установления союза с революционным крестьянством.

Но установление этого союза двух революционных струй— пролетарской и крестьянской — и единое руководство ими не удалось, ибо было прервано наступлением реакции. Совету не удалось из-за незначительности времени широко развернуть работу в крестьянских массах. Идя по пути смычки с крестьянством, он в первую очередь направлял свое внимание

на крестьянскую армию, представлявшую организованную силу. Действуя по пути революционизирования армии, Совет тем самым проделывал двоякую работу—пропаганды крестьянства и разложения аппарата царизма. Мы уже знаем, насколько трудна была работа в армии—не хватало сил, средств, людей. Тем более затруднялась она забитостью и политической неоформленностью многомиллионной крестьянской массы.

Вот почему, рассматривая взаимоотношения Совета с многомиллионной крестьянской массой, следует признать, что в 1905 г. они (взаимоотношения) находились в эмбриональном состоянии. Здесь можно говорить не о взаимоотношениях, а о тенденциях, и поэтому отдельные факты в этой области приобретают огромное значение. Тенденция же—определенная. Неуклонно, но чрезвычайно медленно Совет шел по пути руководства крестьянским движением, по пути подчинения деревни городской идеологии и городским формам борьбы.

Как отражение влияния Совета на крестьянское движение, следует указать на следующий факт. Исключительно под влиянием городской революции и Советов Рабочих Депутатов возникли в 1905 г. Советы Крестьянских Депутатов в Тверской губернии, в окрестных местах Новороссийска и Ростова и, повидимому, в других местах. В Тверской губ. организация их происходила при ближайшем участии Тверского Комитета РСДРП, организовавшего ряд митингов в деревнях, после которых и производились выборы в Совет. Первоначально задачи Совета формулировались, как организации, об‘единяющей борьбу крестьянской бедноты и предназначенной для заведывания общеволостными делами. 27-го ноября состоялось первое собрание выбранных на сельских сходах депутатов. На волостном собрании присутствовали по двое депутатов от деревень Щекотова, Глинки, Казино, Спирково; по одному от деревень Кацино, Жилицы, Зелени, Ширяково, Городая, Дубалево, Дуброво, Городищи, Михеево, Новинское.

Когда на волостном с‘езде встал вопрос, чем должен заниматься Совет Крестьянских Депутатов, то присутствующими делегатами указывалось на необходимость агитации и раз‘яснения крестьянам смысла происходящих событий и концентрации всей борьбы исключительно в руках Волостного Совета. Совет Крестьянских Депутатов, кроме того, решил

обратиться с призывом к населению о необходимости бойкота царской администрации и предложил населению за всеми делами обращаться в Совет.

Совет становился властью в деревне. При обсуждении вопроса о порубке леса выяснилось, что лес принадлежит не только деревням, выбравшим Совет, но и деревням, еще не имеющим Советов. Тогда Волостной Совет Крестьянских Депутатов постановил прекратить порубку леса до момента создания Советов в близлежащих деревнях. Кроме того, Волостной Совет обратился к населению с призывом бойкотировать лесных стражников, которых предполагают вербовать из черносотенной среды. Любопытно отметить, что Тверские Советы Крестьянских Депутатов в 1905 г. в полной мере предрешили организационную структуру Советов в Великой Революции 1917 г. Во главе Волостного Совета был избран Исполнительный Комитет из трех крестьян и двух рабочих для связи *).

В заключение остается еще один вопрос—какие слои сильнее чувствовали влияние Совета и тяготели к нему?

Не случайным совпадением явилось то, что выступавший крестьянский депутат выражал интерес батрачества, и что сельские Советы Тверской губ. заявляли о своих бедняцких интересах. В зародышевой форме намечался союз городского пролетариата с бедняцкими слоями деревни. Реальное же соединение этих двух революционных волн, как известно, произошло в 1917 г. В 1905 г. этот союз только намечался, и Совет делал первые шаги к его осуществлению.

Совет и городские промежуточные слои.

Гораздо бо́льшую работу Совету удалось проделать по революционизированию городских промежуточных слоев, представлявших, бесспорно, немалый удельный вес в революционных боях. В подготовке вооруженного восстания эта работа была необходима, так как положение промежуточных городских слоев на рубеже революции и реакции делали их политически неустойчивыми, легко поддающимися провокации и т. п. Черносотенные погромы, пронесшиеся в октябре, хотя и были организованы и заранее обдуманы департаментом полиции, однако, были возможны исклю-

---

*) Надеемся, что товарищи из Твери опубликуют новые материалы об этой интересной организации.

чительно благодаря участию в них различных промежуточных слоев: ремесленников, мелких торговцев, чиновников. Но в ходе революционного развития социал-демократическая агитация заставляла городские колеблющиеся слои отнестись более внимательно к своей позиции в революции. Обострение классовой борьбы заставляло промежуточные элементы сделать выбор и подчиниться руководству пролетариата или реакционной буржуазии.

Какие же слои шли к пролетариату, подчиняясь его руководству? Социал-демократическая агитация была прежде всего наиболее понятной для городских слоев, находившихся на положении полупролетариев: мелких чиновников, приказчиков, сторожей, мелкой интеллигенции. Тяжелая материальная необеспеченность, подчас непомерная эксплоатация, заставляла их ненавидеть существующий социально-политический строй. Благодаря их разобщенности, распыленности и неорганизованности, они вынуждены были подчиняться существующим порядкам, и протест этих элементов против тяжелого существования чаще выражался в проявлении «личной свободы» в своей семье или же в трактире. Революция всколыхнула эти слои. Мелкий буржуа и чиновник стал интересоваться «политикой», читать газеты и прислушиваться к событиям. Вот почему с возникновением Совета Рабочих Депутатов, противостоящего ненавистному самодержавию, как отмечает один из депутатов Совета: «одни выражали ему сочувствие, другие оказывали поддержку, третьи шли за помощью, указанием, четвертые подчинялись Совету как новому правительству».

Формы поддержки городского обывателя выражались по разному. Жертвовали дрова, вещи, деньги, предлагали свои услуги Совету. Один архитектор предложил для заседания Совета свое большое помещение. В Совет шли за разного рода справками и помощью: не опасно-ли выезжать из города, не захватит ли забастовка в пути; шли получить разрешение на посылку телеграммы, просить об охране своего имущества и т. д. и т. д.

Как замечает Хрусталев: «Справки выдавались не в управлениях железных дорог. Ответы на свои вопросы обыватель находил на Торговой—в помещении Совета».

Любопытен, например, такой случай. Во время почтово-телеграфной забастовки, телеграммы передавались только от имени Совета. Одной вдове сенатора потребовалось срочно передать важную семейную телеграмму. Попытки помощи ей со стороны министров и других членов государственного совета были безуспешны, и телеграмму нигде не приняли. Она была вынуждена обратиться с просьбой в Совет Р. Д. По ордеру Совета телеграмма была передана по назначению.

Авторитет Ленинградского Совета Р. Д. рос не только среди промежуточных слоев Ленинграда; он начинал пользоваться популярностью и в провинции. Так, например, когда в Латвии было об'явлено военное положение, то латышское население обратилось в Совет с просьбой: «сказать свое протестующее слово против нового насилия самодержавия».

Правда, в ноябре месяце, когда оставалось неизвестным, победит ли революция или реакция, такое положение заставляло некоторые слои мелкой буржуазии балансировать между двумя лагерями. Нередко для «крепкой законности» обращались сразу к двум правительствам, вроде газеты «Слово», обратившейся в Совет «за разрешением» не посылать очередных номеров газеты в цензуру. Таким «дипломатическим» положением они надеялись, с одной стороны, при победе самодержавия оправдываться насилием рабочих и, наоборот, при победе пролетариата использовать факт обращения к нему за разрешением. Случаи такого балансирования между революцией и реакцией преимущественно наблюдались среди мелких владельцев заводов и лавок, среднего чиновничества, компанионов небольших торговых или фабричных предприятий—словом, слоя, надеявшегося не все потерять от революции. Что же касается промежуточных слоев, находившихся в тяжелой эксплоатации и приближавшихся по своему материальному положению к пролетариату, то в этих слоях намечалась определенная тенденция подчинения руководству пролетариата и его Советов.

В этом отношении чрезвычайно любопытны те взаимоотношения (далеко не случайные), которые установились между Советом и почтово-телеграфными и телефонными работниками. Никто из числа мелкого чиновничества не был так необеспечен и в то же время так беспощадно эксплоатируем, как почтово-телеграфный и телефонный работник. Несмотря на тяжелый

характер работы, заработная плата тем не менее далеко не покрывала самых необходимых потребностей, голодная смерть постоянно угрожала почтель-работникам. К тяжелому материальному положению примешивалось еще бюрократическое и бестолковое управление почтово-телеграфным ведомством. «Какой образовательной и служебной подготовкой — спрашивает газета «Слово» — надо обладать, чтобы стать во главе Управления почтово-телеграфной части столицы»? И отвечает: «Надо получить образование в юнкерском училище, ибо милейший СПБ театрал, он же почт-директор Е. Н. Чаплин, волею божьей скончался и не может удостоверить, что решительно не знал, умрет ли он почт-директором или же прокурором Московской Синодальной палаты... Как сейчас помню одного генерала, который жаловался «но это знаете, бог знает, как меня подвели; я в жизни своей даже одного векселя в глаза не видал, а меня генералом по кредитной части назначили» *)...

Октябрьская забастовка оказала огромное влияние на развитие движения среди почтовых чиновников, невольно тянувшихся к созданию своего профессионального об'единения, Правительство, однако, мало принимало мер к смягчению недовольств. Вместо улучшения тяжелого положения оно применяло старые способы борьбы, рассылая 31-го октября предписание начальникам округов, что «лица, состоящие на государственной службе, не имеют права об'единяться в кружки, группы и союзы для достижения каких либо целей, не в установленном законом порядке, а потому чиновники, об'явившие себя членами упомянутого союза, не могут оставаться на службе по почтово-телеграфному ведомству. Всемилостивейший манифест 17-го октября в части, касающейся свободы союзов, к лицам, состоящим на государственной службе, никакого отношения не имеет».

Конечно, подобными предписаниями правительство достигало обратных результатов. Когда это «правительственное раз'яснение» манифеста 17 октября зачитали на общем собрании почтовых служащих г. Москвы, то оно было встречено шумом, свистками и криками: «долой Севастьянова!». Ответная телеграмма начальнику Главного Управления почт и те-

*) «Слово» 29-ое ноября 1905 г.

леграфов Севастьянову была коротка: «Благодарим за об'явление—отвечали почтельработники.—Когда будем уволены? Почтовые, телеграфные и раз'ездные чины города Москвы».

Аналогичное впечатление от телеграммы Севастьянова было в Одессе и в других городах и способствовало росту профессиональных почтово-телеграфных организаций. Союзы возникли в Ленинграде, Москве, Одессе, Киеве, Витебске, Сибири, Вытегре и т. д. Под влиянием их быстрого роста и при содействии Совета Р. Д. становится возможным созыв всероссийского почтово-телеграфного союза, открывшегося 15-го ноября. На с'езд явилось 73 делегата. Всероссийскому с'езду пришлось столкнуться с практическим проведением в жизнь угрозы Дурново-Севастьянова — необходимо было ответить на наглый вызов правительства. В этом отношении с'езд чрезвычайно характерен, показывая, как самодержавие своей политикой само революционизировало мелкое чиновничество.

Самодержавие даже не сочло нужным ответить на телеграмму с'езда, первоначально пытавшегося в довольно мирном тоне ликвидировать конфликт с приказом Севастьянова об увольнении со службы членов союза. После напряженного ожидания с'езд 16-го ноября в 4 часа дня был вынужден разослать коротенькую телеграмму: «Ответа от Витте не получено. Бастуйте».

Об'явление забастовки было решающим моментом в настроении с'езда и всей почтово-телеграфной массы. С'езд определенно перешел на революционный путь действий, убедившись в бесполезности мирного соглашения с самодержавием. При решении вопроса, к кому присоединиться,—к Союзу Союзов или к Совету Рабочих Депутатов,—с'езд категорически отказывается от присоединения к Союзу Союзов, мотивируя свой отказ буржуазностью этой организации. Он решает, наоборот, просить Совет Р. Д. предоставить место почтово-телеграфному депутату. При этом единодушно выносится следующая резолюция, отчетливо рисующая настроение с'езда: «Первый Всероссийский делегатский с'езд почтово-телеграфных работников,—говорится в резолюции, принимая во внимание, что с'езд исчерпал все доступные мирные средства достигнуть удовлетворения справедливых требований работников почтово-телеграфного дела, что правительство продолжает держаться того же вызываю-

щего, провокационного образа действий по отношению к союзу почтово-телеграфных работников, что требования, выставленные союзом, общие с требованиями всего борющегося класса России, что по условиям их экономического и правового положения они составляют лишь часть рабочего класса страны, и подчеркивая, что само правительство своим отношением к требованиями союза борется в нашем лице с освободительным движением трудящегося класса в России, постановил: примкнуть к общерусской организации трудящегося класса—к Петербургскому Совету Рабочих Депутатов и его местным отделам».

Совет Рабочих Депутатов шел на встречу почтово-телеграфным работникам, поддерживая их, помогая им в организации союза и в проведении забастовки. Внимание это к почтово-телеграфным работникам несколько ослабло в связи с знаменитой телеграммой (переданной из Самары по всем городам России) о присуждении к смертной казни на Кушке инж. Соколова.

В дни забастовки Исполнительным Комитетом Совета было выпущено специальное обращение к небастующим чиновникам: «Мы обращаемся к Вашему товарищескому сознанию и призываем вас немедленно присоединиться к нашей общей товарищеской борьбе. «Мы убеждены, что наше предложение должно своим призывом к вашему чувству и долгу направить вас на верный товарищеский путь. В противном случае, нам придется избрать иной путь, менее желательный и более для вас неприятный, который уже наверное достигнет цели».

Из своей скромной кассы, в пользу почтово-телеграфного союза, Исполнительный Комитет ассигновал 2.000 р. Совет Р. Д., кроме того, посылал на собрания своих ораторов, печатал воззвания союза и вообще находился с ним в самых тесных отношениях. Успех почтово-телеграфной забастовки в значительной мере об'ясняется внимательным отношением социал-демократических организаций и Советов Р. Д. Только благодаря влиянию Совета Р. Д. и возможно было недоуменное заявление Витте, что правительство не ожидало такой сплоченности и дружной забастовки. Забастовка, начавшись в Ленинграде, к 19-му ноября носила уже всероссийский характер. Она приобретала огромное значение, так как неограничиваясь борьбой за экономическое улучшение, носила боевой политический характер, вплоть

до того, что Виленский Союз почтовиков решил даже создать собственную боевую дружину из 75 человек.

В специально выпущенном по поводу забастовки манифесте первого всероссийского почтово-телеграфного с‘езда, раз‘ясняющем подробно причины забастовки, ее цели и т. п., определенно указывается, что «бывает же предел всякому терпению! Мы терпели, мы просили, мы ходатайствовали, мы доказывали, но все наши голоса глохли где-то в министерских канцеляриях; со своей стороны наше начальство сделало все, чтобы наглядно доказать нам, что все избранные нами способы при ныне существующих политических условиях совершенно не могут привести к намеченной нами цели. Только тогда, после долгих размышлений и колебаний, мы, как и весь рабочий народ, вынуждены были прибегнуть к забастовке. Мы, как и другие, не могли не присоединиться к общеполитическим требованиям» *).

Организованное присоединение почтово-телеграфных работников к общеполитической борьбе, под непосредственным руководством Совета Р. Д., имело большое значение. Оно было встречено очень сочувственно другими союзами и произвело колоссальное впечатление даже заграницей. Это впечатление еще более усиливалось благодаря экономическому значению почт и телеграфов. Забастовка в ноябре стала злобой дня. «Эта забастовка—писал черносотенный «Свет»—ужаснее всех. Один день такой забастовки может принести России убытку на сумму, большую, чем жалованье за год всех почтово-телеграфных чиновников». Ему беззастенчиво вторило «Новое Время», что «вообще говоря, забастовка лиц, находящихся на государственно-общественной службе, есть такое безобразие, которое не только не допускается никакими законами цивилизованных государств, но также противоречит всем основным началам государственного права и политики». Но чем сильнее шипела реакционная печать, тем сочувственнее относились к забастовке полупролетарские слои.

Но еще большее сочувствие она встретила в рабочем классе, активно помогавшем почтовым служащим. Так, например, когда 21-го ноября по Варшавской жел. дор. с помощью войск и полиции почтовые вагоны были прицеплены к пас-

---

*) См. приложение «Манифест первого всеросс. почтово-телегр. с‘езда».

сажирским поездам, то сцепщики отказались выполнять свою работу. Ленинградские рабочие помогали «выкуривать» из почтамта штрейкбрехеров, отбивая охоту у баронесс исполнять обязанности сортировальных и почтальонов, и применяли все усилия, чтобы помочь почтовикам.

Начавшееся единение промежуточных слоев с рабочим классом и сильное движение мелкой буржуазии в сторону революции и чиновнической массы, непосредственно открытые почтово-телеграфной забастовкой — были плохим симптомом для самодержавия. Царское правительство признавало растущую опасность революционизирования слоев, являвшихся до сего времени пассивными или представлявших резерв для погромщиков. Лихорадочные донесения агентов департамента полиции, внимательное собирание материалов забастовки, собственноручные пометки самого Дурново даже на всех малейших донесениях — лучше всего передают настроение правительственных сфер. Чувствуется, что под влиянием почтово-телеграфной забастовки в головы царских палачей крепким гвоздем вбивалась мысль о необходимости решительной и быстрой расправы с революцией. На всех телеграммах Дурново мелким почерком собственноручно писал резолюции: «разогнать», «арестовать», «беспощадно действовать» и т. д. 19-го ноября Дурново собственноручно рассылает телеграмму всем губернаторам—«на основании положения об охране прикажите арестовать и заключить всех известных Вам, жандармскому управлению и почтово-телеграфному начальству подстрекателей и агитаторов по забастовке почт и телеграфов» *). И действительно, 21-го ноября арестовывается председатель с'езда Парфененко и члены Руднев и Миллер; 26-го арестовывают Двужильного, Ракк, Залуцкого и т. д. К концу ноября аресты усиливаются. Но репрессивная политика самодержавия еще более способствовала сближению мелкого чиновничества с Советом Р. Д.

Совет и либерально-буржуазная интеллигенция.

Любопытны также установившиеся взаимоотношения между Советами Р. Д. и интеллигенцией, настроенной преимущественно в либерально-буржуазном духе.

*) Департамент полиции, 4 делопр, д. 2900. 1905 г.

Как известно, буржуазная интеллигенция в 1905 г. пыталась быть руководителем революции. Попытки организации буржуазной интеллигенции намечались еще в начале 1905 г., и после ряда с‘ездов союзов агрономов, врачей, учителей и т. д. возникла мысль о создании всероссийского об‘единения— Союза Союзов.

На учредительном с‘езде, состоявшемся 8—9 мая в Москве, присутствовало 58 делегатов от 14 профессиональных союзов: академического, адвокатов, агрономов и статистиков, врачей, ветеринаров, фармацевтов, железнодорожных служащих, журналистов и писателей, земцев-конституционалистов, инженеров и техников, учителей, конторщиков и бухгалтеров, союза женского равноправия, союза еврейского равноправия. Пестрота с‘езда, невольно бросавшаяся в глаза, естественно, делала Союз Союзов политически невыдержанной и неустойчивой организацией, что в действительности и выявилось, когда классовая борьба обострилась и назрели крупные революционные события. Первоначально пестрота с‘езда повлияла на такие основные вопросы, как, например, принятие политической платформы. С‘езд высказался, что Союз Союзов должен быть организацией нейтральной и не примыкать ни к какой политической партии. Революции предстояло вскрыть утопичность таких взглядов. Уже в момент октябрьской забастовки, с началом подготовки революции к решительному штурму самодержавия, наиболее активная и классово-выдержанная буржуазная интеллигенция, не удовлетворенная мертворожденным детищем—Союзом Союзов, главное свое внимание уделила созданию своей партийной организации. В октябрьские дни, почти одновременно с созданием Ленинградского Совета Рабочих Депутатов, происходит первый кадетский с‘езд.

Лозунги октябрьской забастовки, совпадавшие с лозунгами буржуазно-демократической революции в России, заставили кадетов заявить, что «требования забастовщиков, как они формулированы ими самими, сводятся, главным образом, к немедленному введению основных свобод, свободному избранию народных представителей в Учредительное Собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и общей политической амнистии. Не может быть ни малей-

шего сомнения, что все эти цели—общие с требованиями К. Д. Партии. В виду такого согласия в целях, Учредительный с'езд К. Д. Партии считает долгом заявить свою полную солидарность с забастовочным движением».

Одновременно со стороны буржуазной интеллигенции делается попытка захватить движение в свои руки. Как известно, в противовес Ленинградскому Совету, сразу взявшему движение в свои руки, в Москве возник Стачечный Комитет, составленный из представителей интеллигентских союзов. 18-го октября, в связи с опубликованием манифеста 17-го октября, Московский Стачечный Комитет поторопился окончить забастовку, выпустив специальное воззвание. После такого выступления Московский Комитет РСДРП вынужден был разоблачить подлинное лицо Стачечного Комитета и заявить, что социал-демократы «сочли необходимым раз'яснить рабочим гор. Москвы, что от Московского пролетариата в состав данного Стачечного Комитета входят лишь представители от железнодорожных рабочих, от рабочих городского самоуправления и от торговых служащих. Разрешение вопроса о прекращении всеобщей стачки в Москве подлежит обсуждению общего Стачечного Комитета, к созыву которого и приступлено». Как видим попытка либерально-буржуазного руководства движением в Москве также кончается неудачей.

Впоследствии же, с возникновением Московского Совета Рабочих Депутатов, пролетарским меньшинством Стачечного Комитета было внесено следующее предложение: «Московский Стачечный Комитет, находя свое существование нецелесообразным, об'являет себя распущенным и предлагает всем рабочим и служащим, в нем присутствующим, организовавшись, примкнуть к создаваемому Московскому Совету Рабочих Депутатов». Это предложение было отвергнуто, но Стачечный Комитет все равно доживал последние дни, умирая медленной смертью чахоточного больного.

Если октябрьскую забастовку Союз Союзов поддерживал безоговорочно, рассматривая ее не как начало подготовки решительного штурма самодержавия, а как его завершение, то с развитием событий его «революционный» пыл все более охлаждался. Впервые он был ошеломлен, в связи с выступлением Ленинградского Совета в Городской Думе, требовав-

шего отпуска сумм на вооружение. Для них казалось «безумием говорить о вооружении пролетариата и подготовке решительного штурма самодержавия, в то время, когда профессора упорно убеждали студентов, что учебные заведения не место для митингов. О «вреде» митингов в зданиях учебных заведений распинались и особенно выделялись даже такие профессора, как Трубецкой и Мануйлов. Вполне понятно, поэтому, становится отношение интеллигенции к ноябрьской стачке. Мы уже видели, как расценивали кадетские публицисты «новый безумный шаг пролетариата». Правда, Союз Союзов вынес такую резолюцию: «усматривая в забастовке, об'явленной Советом Рабочих Депутатов, протест против образа действий правительства, собрание постановило: 1) признать желательным присоединение всех союзов к забастовке, об'явленной Советом Рабочих Депутатов и 2) предложить всем бюро немедленно созвать союзы для решения вопроса о присоединении их к забастовке»,—но резолюция эта имела скорее дипломатическое значение, чем практическое. Она во многом напоминает тактику Сыромятникова, вдохновителя газеты «Слово», одновременно признававшего два правительства. Как известно, ноябрьская стачка прошла только при участии пролетариата. В ноябре же политическое значение Союза Союзов постепенно окончательно потерялось. Буржуазная интеллигенция попала в тупик.

Не могла, конечно, буржуазная интеллигенция, «рожденная под звуки социалистических проклятий, отягченная помещичьими традициями и опутанная профессорскими предрассудками» принимать активное участие в ноябрьской забастовке, явившейся результатом тактической подготовки вооруженного восстания! Это прекрасно учитывал Совет Р. Д., отказывая в настойчивой просьбе Союза Союзов и Союза инженеров о включении их представителя в состав Совета Р. Д. Классовый состав Совета Р. Д. и его задачи в революции не допускали превращения Совета Р. Д. в парламент.

После ноябрьской стачки политическое влияние Союза Союзов падает не только в общеполитической борьбе, но и в среде его собственных членов. Обострение классовой борьбы разрушило внеклассовые и внепартийные организации—при первом решительном столкновении Союз Союзов рассыпался окончательно.

Распадение произошло за счет оформления членами Союза своей политической физиономии. Большая часть буржуазной интеллигенции, почуяв политическую опасность, пошла на сделку с царизмом; а небольшая часть, полупролетарская или связанная с пролетариатом, шла в ряды РСДРП. и вместе с нею готовилась к решительным боям.

В. Возникновение провинциальных Советов.

Проблема Всероссийского выступления и Всероссийского с'езда Советов.

«Мы понимали—говорит Сверчков, оценивая положение после ноябрьской забастовки—что следующее выступление пролетариата может быть только всероссийским и должно быть последним. Оно должно было перейти в открытую уличную борьбу». Не безынтересно замечание и другого активного участника Ленинградского Совета Р. Д.—Хрусталева—также указывающего, что «выступление революции предполагалось всероссийским и единовременным».

И, действительно, вопрос об организации революции во всероссийском масштабе никогда не стоял так остро, как в дни ноябрьской забастовки и в период всего ноября. Необходимость всероссийской организации наглядно подтверждалась всем ходом событий. Уж об'являя ноябрьскую забастовку, Ленинградский Совет Р. Д. надеялся, что забастовочная волна пронесется по всем местам России: С этой целью еще 2-го ноября Пленум Ленинградского Совета Р. Д. поручает Исполнительному Комитету телеграфно снестись с провинциальными городами относительно поддержки. Надежда на всероссийский отклик не угасала и в следующие дни. Когда 3-го ноября поднялся вопрос об окончании забастовки, то от решения вопроса отказались, полагая, что забастовка примет всероссийский характер. Только увидев, что движение не приняло всеобщего характера, Ленинградский Совет вынужден был ликвидировать забастовку.

Сознание необходимости общероссийского руководства революцией проявляется и в других наиболее передовых и революционных местах России. Уже в первых числах ноября в Совет приезжает представитель 35.000 рабочих гор. Нарвы;

представитель ЦК Польской Социалистической Партии, получаются телеграммы от Киевского, Ростовского Советов завязываются связи с рабочими Риги, Ревеля, Крестьянским Союзом, железнодорожниками Рыбинского узла. «Совет Киевских Рабочих Депутатов—телеграфно сообщается 7 ноября—в заседании 7-го ноября выразил свою полную солидарность с требованиями, выставленными Петербугским пролетариатом, и готовность выступить на борьбу с этими требованиями».

«Совет Рабочих Депутатов Нахичевани шлет свой горячий привет Совету Рабочих Депутатов в Петербурге и постановляет немедленно завязать тесные сношения с петербургскими товарищами, чтобы рука об руку с ними вести борьбу за общее рабочее дело».

«Мы с нетерпением ждем—пишут рижские рабочие—прибытия в Ригу делегатов Совета Рабочих Депутатов, чтобы наш Федеральный Комитет (РСДРП) имел возможность своевременно осведомить нас о предстоящем выступлении всероссийского пролетариата».

Под влиянием устанавливающихся связей с провинцией Ленинградский Совет, лучше других революционных организаций осознавший необходимость всероссийского об‘единения, на одном из своих заседаний ставит вопрос о созыве всероссийского с‘езда Советов Р. Д. на 15-е ноября. Но ноябрьская забастовка, не получившая поддержки провинции, доказала организационную слабость революции в остальной России, и с‘езд откладывается до декабря.

Однако за ноябрьской забастовкой нужно признать заслугу в том, что для всероссийского революционного движения, она выявляла Совет как необходимую форму организации пролетариата для победы революции.

Действительно, период создания провинциальных Советов захватывает, главным образом, ноябрь и начало декабря.

Первоначально идея Советов Р. Д. находит практическое осуществление в наиболее крупных пролетарских центрах, получая к концу ноября и началу декабря широкое распространение во многих местах России.

В течение ноября Советы Р. Д. возникают в Ростове-на-Дону и Нахичевани, Николаеве, Киеве, Одессе, Костроме, Екатеринославе, Белостоке, Баку, Саратове, Самаре.

В начале же декабря идея Советов становится широко популярной также в рабочих районах, вроде Орехово-Зуевского, отдельных рабочих поселков Урала, Донбасса, Сибири и т. д.

Большого практического значения Советы Р. Д., возникавшие в декабре, конечно, не могли иметь, так как, возникнув, они вскоре ликвидировались самодержавием, зорко следившим за ними. Многие такие Советы Р. Д. совершенно не определили даже своей политической физиономии и оставались мало известными даже в своей рабочей среде...

Возникновение Ростовского Совета Р. Д.

Как первый отзвук на ноябрьскую забастовку, возник Совет Рабочих Депутатов в Ростове на Дону—«Южном Ленинграде»—еще задолго до революции выделявшемся в революционном движении. В 1905 году Ростов живо откликался на крупные политические события и он оказался первым, поддержавшим Ленинградскую ноябрьскую забастовку.

Первое заседание Ростовского Совета Рабочих Депутатов состоялось 8 ноября в присутствии депутатов от многих фабрик и заводов Ростова. На нем присутствовали депутаты от фабрик Асмолова, Кушнерева, Асланди, Ростовско-Донской и заводов Топарева, Дутикова, Аксай, Карталжемского, Мартын, Волго-Донского, Лейкина, Емельянова, Максимова и т. д. Избрав председателя, собрание сразу же приступало к рассмотрению вопроса об отношении к всеобщей политической забастовке.

Вопрос о проведении всеобщей политической забастовки для Ростова был насущным и животрепещущим еще и благодаря казацкой расправе над рабочими и работницами табачных фабрик, выразивших свой протест забастовкой. Говоря о всеобщей забастовке, собственно приходилось говорить о присоединении к бастующим табачникам. Из выступлений депутатов различных других фабрик и заводов выяснилось, что большинство фабрик и заводов готовы примкнуть к политической забастовке, а потому беспрекословно подчиняются резолюции, вынесенной Советом Рабочих Депутатов.

Только незначительная часть высказывалась о неопределенности настроения рабочих. Когда же вопрос о забастовке, как форме выражения протеста, был поставлен на баллотировку, то предложение и резолюция были приняты единогласно. В этой резолюции Совет Р. Д. от имени всех Ростовских и Нахи-

чеванских рабочих и работниц потребовал: «1) немедленной отмены усиленной охраны; 2) немедленного удаления казаков из города; 3) предания суду градоначальника и чинов полиции, виновных в избиениях; 4) немедленной отставки Ростовской и Нахичеванской Городских Дум, предательская и трусливая политика которых по отношению к организации народной милиции и их отказ немедленного вооружения населения сделали возможным безнаказанное избиение казаками беззащитных женщин».

Эти требования решено было подкрепить двухдневной политической забастовкой, и Совет вынес следующее постановление:

«Совет Рабочих Депутатов, обсудив в собрании 8-го ноября вопрос о необходимости решительного протеста против новых зверств правительства, постановляет немедленно об‘явить двухдневную политическую забастовку. Забастовка должна начаться утром 9-го числа и продолжаться до утра 11 ноября. Забастовка рабочих и работниц табачных фабрик продолжится дольше».

Резолюция Совета вполне отвечала настроению Ростовских рабочих и кроме того, претворяясь в жизнь, доказывала, насколько Совет Р. Д. стал популярен в рабочей среде. Когда 9-го ноября в столовой мастерских Владикавказских ж. д. собрался митинг для обсуждения вопросов о забастовке, о Совете Р. Д., об отношении к Думе, то выяснилось, что забастовка проходит очень дружно, охватила почти всех рабочих и работниц, всколыхнула и служащих. Многолюдный митинг единогласно присоединился к резолюции Совета Р. Д.

Настроение Ростовской рабочей массы в дни забастовки доказывало, как своевременна была организация Совета. «По сигналу, данному из Питера—пишет Крамаров—стал организовываться Совет Р. Д., в скором времени ставший высшей властью в городе. К Совету стали обращаться за решением почти всех житейских вопросов. Радикальная буржуазия, с'организовавшаяся в свой интеллигентский Союз Союзов (инженеров, учителей, агрономов, почтово-телеграфных служащих и т. д.), заявила о своем желании вступить в Совет... Старые власти притихли, но чувствовалось, что они еще существуют. Еще кое-где мелькали полицейские посты, еще кое-когда раз‘езжали по улицам патрули казаков. Территориально Ро-

стов был как бы разделен на две неравные половины. Рабочее предместье Темерник было основной базой и крепостью новой революционной власти. В самом же городе, хоть и формально, все же продолжала существовать старая власть» *).

Что старая власть в Ростове в ноябре чувствовала себя, как на вулкане, видно также из доклада начальника Донского охранного отделения Заварзина, оценивавшего положение, как момент решительной схватки революции и реакции и рекомендовавшего в своем докладе совершенное запрещение митингов и производство массовых арестов с целью из'ятия из массы вожаков, ораторов организации «Совета Рабочих Депутатов» и полного состава Донского Комитета РСДРП... «Я полагаю,—писал он - что депутации от Совета Рабочих Депутатов и запрещенных правительством организаций не должны быть принимаемы, а в случае насильственных действий подвергаемы личному задержанию. Для предупреждения могущих быть попыток освободить арестованных желательно об'явить населению и рабочей среде, что сборища толпами будут рассеиваться тотчас же употреблением в дело оружия... Военные прогулки и производство артиллерийской стрельбы в окрестностях наверное окажут некоторое моральное действие».

Как видим, уже с первых дней возникновения Ростовского Совета Р. Д. старая власть почувствовала в нем опасного противника. Ряд телеграмм Заварзина, посылаемых чуть ли не ежедневно в департамент полиции, наглядно отражает растущее беспокойство. Опасаться действительно приходилось. Подобно Ленинградскому Совету, Ростовский Совет Рабочих Депутатов становился в центре революционных событий, об'единяя вокруг себя все революционные слои. Уже с первых же дней своего возникновения, Совет вышел из рамок стачечного комитета или профессионального союза и принял самое активное руководящее участие в ходе революционных событий.

Сознавая значение революционизирования армии, Совет живо откликнулся на события в Севастополе и на своем засе-

*) Краморов. Декабрьское восстание в Ростове на Дону. Журнал «Прол. Револ.» № 14.

дании 14-го ноября вынес резолюцию сочувствия восставшим матросам. «Совет Рабочих Депутатов г. Ростова на Дону и Нахичевани приветствует дружное и смелое выступление матросов и солдат в Севастополе за всероссийскую свободу. Совет Рабочих Депутатов уверяет матросов и солдат в полном сочувствии и солидарности с ними всего российского пролетариата. Совет Рабочих Депутатов заявляет, что их борьба за полное уничтожение всех остатков самодержавного строя, за водворение народной демократической республики, как народное дело, должна быть поддержана всем российским пролетариатом» *).

Насколько живо и сочувственно относились ростовские рабочие к севастопольским событиям, видно из того, что на следующем заседании Совета вопрос о поддержке матросов всплыл снова. «Из докладов депутатов выяснилось,—узнаем из протокола Заседания Совета, — что эти события вызвали живейший интерес и сочувствие среди рабочих. Все рабочие единогласно присоединились к резолюции Совета, вынесенной 14-го ноября, на некоторых фабриках опрашивали, как отнесутся рабочие, если Советом Рабочих Депутатов будет об'явлена стачка, — при баллотировке этого вопроса большинство подымало руки» **).

Когда же приступили к вопросу—об'явить ли забастовку протеста, то, несмотря на боевое настроение рабочей массы, Ростовский Совет от забастовки отказался. Большинство депутатов указывало, что «частичные забастовки только обессилят рабочего, а ему нужно сохранять свои силы до более решительного момента, когда придется выступить с оружием в руках и идти рука об руку с матросами и солдатами» ***).

После выступления Севастопольского матроса Боброва, очевидца событий, которого восторженно приветствовало собрание, Совет перешел к обсуждению вопросов подготовки вооруженного восстания.

Восстание предполагалось всероссийским. Ряд депутатов требовали широкой агитации за восстание среди рабочих масс.

---

*) Департамент Полиции, 4 отд. Дело № 2588.
**) Протокол заседания Совета 15-го ноября.
***) Там же.

Протокол заседания Совета отмечает, что «после этого (т. е. вопроса об отношении к Севастопольским событиям. П. Г.) снова говорили несколько ораторов, требовавших агитации за всеобщее вооружение, говорили о необходимости снестись с Петербургскими товарищами и выработать резолюцию, в которой указывалось бы, что рабочие в матросах и войсках видят товарищей, готовых идти к одной цели». Такая резолюция и была принята Советом. Практически же это выражалось в агитации среди армии, в создании боевых пролетарских дружин и в налаживании связей с другими городами. Как видим, Ростовский Совет, подобно Ленинградскому, далеко выходил за рамки профессионального союза или стачечного комитета.

Если Совету и приходилось выполнять некоторые функции профессионального союза, то исключительно из-за слабости профессиональных организаций. Так, из-за слабости профессиональных союзов, Совет принял самое активное участие в проведении 8-часового дня. 14-го ноября он вынес следующую резолюцию: «Фабриканты выжидают и своими переговорами стараются протянуть время и выпытать—не пойдут ли рабочие на уступки. Поэтому Совет Рабочих Депутатов приглашает товарищей держаться и продолжать стачку. Мы все их поддержим. Мы решительно протестуем против всякого вмешательства полиции, злейшего нашего врага, мы отказываемся от посредничества Авцина, потому что мы не можем принимать услуг от эксплоататора наших товарищей и участника черной сотни. Товарищи рабочие и работницы табачных фабрик, продолжайте стачку».

Но, заявляя о необходимости продолжать стачку, Совет в то же время сознавал трудность осуществления кампании за 8-часовой рабочий день при отсутствии профессиональных союзов. На том же заседании 14-го ноября вопрос об организации профессиональных союзов ставится в порядке дня, и Совет решает выделить бюро для выработки уставов и организации профсоюзов и об'явить рабочим о широкой помощи Совета всем рабочим, желающим создать союз. Работа по созданию профессиональных союзов признавалась важной, требующей скорейшего проведения в жизнь.

Таким образом, мы видим, что Ростовский Совет сам заявляет, что он далеко перерос рамки профессиональной орга-

низации и становится органом подготовки вооруженного восстания, руководя всей революционной борьбой. Положение Совета во второй половине ноября стало настолько крепким, что тот же ротмистр Заварзин в своем докладе от 17-го ноября дерпартаменту полиции должен был признаться, что «собрание Совета Рабочих Депутатов является в настоящее время очагом революционной пропаганды, совершенно открытой и безнаказанной». О мощности Ростовского Совета и его роли в революции можно судить еще и потому, что быстро растущая, широкая популярность Совета заставляет либеральную буржуазию, вначале заигрывавшую с Советом, отшатнуться от него, как только она увидела в Совете подлинное лицо революции.

Ростовская буржуазия, подобно столичной, подвергает рабочих депутатов преследованиям и увольняет с предприятий. Под влиянием этих обстоятельств Совету пришлось обратиться к рабочим с призывом о широкой поддержке своих депутатов, обещая им со своей стороны материальную помощь в случае увольнения, подыскание места и воздействие на фабрикантов.

Как видим, революционные процессы и классовая дифференциация в Ростове во многом напоминает Ленинград. К декабрю намечается реакционный союз Ростовской жандармерии с буржуазией против союза революционного пролетариата с революционизирующимися мелкобуржуазными слоями. Рабочая масса в Ростове в конце ноября вспахивала эти мелкобуржуазные целины; боевая организация пролетариата — Совет—становился общереволюционной организацией, неуклонно идя по пути решительной борьбы с самодержавием. Даже Ростовские меньшевики, саботировавшие подготовку вооруженного восстания, были вынуждены плыть по течению. Боевое настроение масс заставляло их молчать и не критиковать единственный путь пролетарской борьбы, и языки у них развязались позднее, с поражением революции.

Стратегическое положение Ростова, как промышленного города и узлового железнодорожного пункта, имело громадное значение для Северного и Центрального Кавказа. Развитие событий в Ростове находило живой отклик в промышленных местах Кавказа—в Екатеринодаре, Новороссийске, Владикавказе. Бесспорно, что в случае победы революции в Ростове, революционное движение дало бы другие результаты и на Кавказе.

По примеру Ростова, Советы Рабочих Депутатов возникли в Таганроге, Новороссийске, Баку и даже в ряде казачьих станиц.

Организация Новороссийского С. Р. Д.

Подобно Ростову, во главе революционного движения в Новороссийске также становится Совет Рабочих Депутатов. Первые попытки организации Совета в Новороссийске мы находим в конце октября, но быстрое усиление и рост популярности его падает на середину ноября, когда Новороссийский Совет превращался в доподлинную организацию широких рабочих масс. Не оставалось ни одного предприятия, не имевшего своего депутата в Совете. Организационные же формы Совета были такие же, как в Ленинграде или Ростове. Во главе Совета стоял Исполнительный Комитет.

Ноябрь месяц в жизни Новороссийского Совета приходится рассматривать, как период подготовки вооруженного восстания. В этом смысле Совет принимал активное участие в организации боевых дружин. Хотя в первоначально формулированных задачах боевых дружин отличалось, что они создаются в «целях защиты лиц, работающих в освободительном движении, и всех вообще граждан от произвола и насилия, предпринимаемого правительством, властями и остальными преступными элементами», но в процессе развития революции становилось ясным, что дружины не могли ограничиваться только намеченными рамками. Эти рамки уже в процессе формирования дружин невольно раздвигались шире и выходя за намеченные пределы.

Принцип организации дружин в основном сводился к созданию десятка, имевшего своего десятского. Десятки затем об'единялись в сотни, имевщие своего сотенного и т. д. Дружины возникали, помимо города, и на железной дороге. Первоначально в городе организацией дружины были заняты самостоятельно соц.-демократы и соц.-революционеры, но вскоре были созданы общегородские дружины, имевшие свой боевой центр во главе с командующим, представителем соц.-демократической организации. Окончательное сформирование дружин относится к началу декабря. Боевые дружины Новороссийска имели большое значение в росте влияния Совета. Благодаря им, Совету удалось стать во главе революционных событий, принять активное участие в декабрьском восстании и стать

не только органом борьбы за власть, но и самой властью, единственной революционной властью во всем городе. Опираясь на 12—15 тысячное рабочее население Новороссийска, Совет Р. Д. мог об'явить так называемую «Новороссийскую Республику».

Правда, захват власти был возможен еще и по другой причине — по причине пассивности царских войск. Революционизированию царской армии Новороссийский Совет уделял большое внимание. Он назначил на 22-е ноября всеобщую забастовку в знак траура по погибшим Севастопольским борцам, которая, благодаря дружности и организованности, произвела сильное впечатление на войска. Умелый организационный охват рабочих масс, систематически проводимая кампания по организации боевых дружин и революционизирование солдат дали возможность Новороссийским рабочим выступить в декабре с оружием в руках. В этой борьбе Совет сам понимал свои задачи, как организации, предназначенной для «руководства окончательной борьбой с самодержавием за полную народную свободу», в которой он будет «прокладывать себе путь всеми средствами вплоть до вооруженного восстания». Насколько громадна была роль Новороссийского Совета, мы видим из донесения заведывающего полицией на Кавказе, ген Ширинкина. «Между тем—пишет он—в городе сформировался Совет Рабочих Депутатов из 70 человек, выделивший Исполнительный Комитет во главе с инженером Лейбовичем. Совет Рабочих Депутатов заседал ежедневно, при помощи своей боевой дружины захватил всю жизнь города в свои руки. Всем правительственным учреждениям было приказано прекратить занятия. Даже канцелярия губернатора закрылась, так как не было охраны. По предложению Совета Рабочих Депутатов городская дума учредила особую Комиссию при участии членов Исполнительного Комитета. Комиссия эта обложила налогом каждого обывателя и распределила собранные деньги между забастовавшими рабочими. Исполнительный же Комитет учредил народный суд, издавал обязательные постановления, таксировал продукты, подчинил себе типографию и закрыл газету «Черноморское Побережье». Словом, город был совершенно в руках Совета Рабочих Депутатов *).

---

*) Д-т полиции 4 отд., д. 2080 за 1905 г.

Период, когда «город был совершенно в руках Совета», относится уже к декабрю, ноябр же протекал в подготовительной работе.

Возникновение Бакинского Совета Р. Д.

На этом фоне создания и деятельности Советов Северного Кавказа—в Ростове и Новороссийске—выделяется Бакинский Совет Рабочих Депутатов. Баку являлся на Кавказе наиболее крупным промышленным и революционным центром. Недаром ген. Ширинкин, докладывая о состоянии революционного движения в Закавказьи, писал, что «обращаясь к губерниям со смешанным армяно-татарским населением: Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской, необходимо отметить, что лишь в первой из них, собственно, только в городе Баку приходится считаться с рабочим и революционным движением, в двух же остальных губерниях армяно-татарская резня поглощает почти всякую революционную деятельность.

В Баку, как крупнейшем промышленном центре Кавказа, имеется многочисленный пролетариат, сравнительно хорошо организованный и революционизированный, выделяющий крайних представителей и т. д.» *).

Но, наряду с сильным большевистским уклоном, рабочие массы чувствовали на себе также сильное влияние либерально настроенной интеллигенции—инженеров, техников, квалифицированных слоев рабочих, настроенных меньшевистски. Этим и объясняется неясность линии Бакинского Совета. Возникший по инициативе меньшевиков, Бакинский Совет не стремился стать единственным руководящим центром революции. Наоборот, попытки Совета, под влиянием большевистской организации, выйти за рамки профессиональной организации пресекаются меньшевиками. Окончательно сбросить меньшевистские пеленки и превратиться в подлинную боевую революционную организацию Бакинскому Совету не удалось. Правда, усиление большевистского влияния совпадало с началом декабря, с моментом решительного выступления реакции, но в такой короткий срок всецело большевизировать Совет не удалось. С наступлением же реакции, на сцену вновь появляются меньшевики, принижая Совет до роли узко профессиональной организации. Как видим, в ряду

*) Д-т полиции 4 отд., д. 2060 за 1905 г.

Советов Юго-Восточного Района Европейской России только в Баку проблема организации вооруженного восстания и захвата власти пролетариатом не стояла, как актуальная задача дня. Для этого были свои причины: меньшевизм, расцвев махровым цветком на национальной розни формирующегося бакинского пролетариата, принижал задачи пролетариата в революции.

Позднее Советы Р. Д. возникают в другом—Юго-Западном районе России—в пределах Украины, в промышленных местах юга и Донбасса.

Возникновение Николаевского С. Р. Д.

Среди группы Советов Р. Д. Юго-Западной России ярче всего выделяется Николаевский Совет, возникший в середине ноября.

Николаев — один из наиболее индустриально развитых городов крупной России, с металлургической промышленностью, сильно концентрированной благодаря Западно-Европейскому капиталу. Николаевский пролетариат сравнительно молодой, но резкая борозда, проведенная капиталом по Николаеву, способствовала осознанию им своих классовых интересов. Гнездом революции становилась Дальняя Слободка, сплошь населенная рабочими. Неудивительно, что в декабре, когда заговорили о вооруженном восстании, проведение его Советом было поручено Слободскому району. Идея вооруженного восстания не была чем то случайным для рабочей массы, и призыв к вооружению мы находим еще летом. Большевистские прокламации, раз'яснявшие рабочим, что только «вооруженное восстание уничтожит самодержавие и очистит нам путь к новому царству—социализму» *) и призывавшие к нему готовиться, находили широкий отклик.

Царское правительство в свое время верно оценило революционную роль николаевских рабочих, ассигнуя колоссальные суммы для нужд жандармерии и охранного отделения в Николаеве. Особенно тревогу царизму внушала большевистская группа, пользовавшаяся в рабочей среде большей популярностью, чем меньшевики. Большевики располагали лучшими силами, имели больше средств и даже владели типографией, в то время как меньшевикам свои

---

*) Д-т Полиции, дело 105 ч. 2 за 1905 г.

воззвания приходилось печатать на гектографе. Крепость большевистской организации видна и из донесения николаевского жандармского ротмистра Фэкина, писавшего осенью, что «Николаевский Комитет РСДРП подразделяется на две отдельные группы «большинство» и «меньшинство», обе группы имеют свои печати одинакового содержания... По агентурным сведениям и по выпущенным с мая м-ца сего года до 15 названий разного рода наименований прокламациям с одинаковым набором шрифта явствует, что группа «большинство» с мая имеет свою типографию, а группа «меньшинство» воспроизводит нелегальные произведения на гектографе» *). Донесения в дальнейшем признавали социал-демократические организации, (главным образом, большевистскую) основной руководящей силой, так как в мае окончательно распались организации социалистов-революционеров и анархистов-коммунистов и номинально существовала еврейская группа Поалей-Цион.

Влиянием большевиков на Николаевский пролетариат в значительной мере объясняется сравнительно позднее возникновение Совета, так как к организации Совета приступили когда выяснилось, что Советы не стачечные комитеты или «рабочие парламенты», а действительно революционные организации решительной борьбы с самодержавием. В формулировке об'единенного социал-демократического комитета «Совет является тем органом, который, собрав вокруг себя рабочие массы, сумеет руководить борьбой всего рабочего класса за временное революционное правительство». И, действительно, с первых же дней своего существования, Николаевский Совет, под руководством старого партийного работника Краснухина, становится в городе главным боевым штабом революции, парализуя старую власть. Рожденный забастовкой, он, не теряя ни минуты, берет на себя руководство политической жизнью. О популярности Совета рассказывает Лимоне: «не проходит и полчаса (после распределения функций среди членов Совета по закрытию магазинов, контор и т. д.), как здание Совета переполняется лабазниками всех сортов и рангов с просьбой об отсрочке одного часа в день для того, чтобы дать возможность распродать

*) Департамент Полиции 1800 ч. 18 за 1905 г.

скоропортящиеся товары. Некоторым из них такие разрешения даются.

Среди местных властей царила полная растерянность. С одной стороны—здание Совета охраняется ротой солдат, и с другой—выбираются представитель Совета от железнодорожников и рабочий Иваницын для переговоров с полицеймейстером, который перед ними расшаркивается в любезностях, мы де, мол, либералы и прочие сахарные речи.

Совет, не теряя ни единой минуты, начинает действовать и принимается за освобождение из тюрем политических заключенных» *).

В ноябре Совет проводит большую работу по организации боевых дружин и, работая все время под непосредственным наблюдением и руководством об'единенного социал-демократического комитета, готовится к вооруженному восстанию. Несмотря на сравнительно короткий срок существования, Совет завоевывает огромную популярность в массах и оценивается ими, как боевой штаб революции. Возникший значительно позднее, чем Одесский Совет, Николаевский, под руководством преимущественно большевиков, проделывал огромную революционную работу.

Возникновение Одесского Совета Р. Д.

Первые сведения об организации Одесского Совета относятся к началу ноября. В создании Совета, как и повсеместно, главную роль играла социал-демократическая организация, опубликовавшая 6-го ноября следующий устав общегородского Совета Рабочих Депутатов гор. Одессы:

§ 1. Совет Рабочих Депутатов ставит себе своей задачей руководить всей борьбой рабочих гор. Одессы: организует стачки, профессиональные союзы, ведет борьбу за политические и гражданские права рабочих и т. п.

§ 2. Совет Рабочих Депутатов состоит из рабочих—выборных всех заводов, фабрик и мастерских гор. Одессы.

§ 3. Выборы депутатов на заводах и фабриках производятся по цехам (на прежних основаниях). Мелкие мастерские одного цеха собираются вместе и выбирают на каждые 100 чел. 1 депутата. Если в цехе меньше 100 чел., то выбирают также 1 депутата. Совет Рабочих выбирается порайонно (Пересып-

*) Сб. «Страницы борьбы» изд. Николаевск. Истпарта.

ский, Городской и Дальницкий). Районные Советы составляют общегородской Совет Рабочих Депутатов.

§ 4. Районный Совет Рабочих Депутатов выбирает Исполнительную Комиссию, на обязанности которой лежит исполнение всех постановлений Совета Рабочих Депутатов. Районные Исполнительные Комиссии составляют общегородскую Исполнит. Комиссию.

§ 5. Совет Рабочих Депутатов собирается не реже 2 раз в месяц» *).

Первое организационное заседание Совета состоялось 24-го ноября, в помещении Общества дешевых ночлежных приютов по Польскому переулку, в присутствии более 300 человек. Собрание открылось докладом депутата Ленинградского Совета, С. И. Файнберга, обрисовавшего положение Ленинградских рабочих, рассказывавшего о колоссальной безработице, выбросившей на улицу более 150.000 рабочих Ленинграда.

Вторым говорил председатель собрания «Фридрих»—меньшевик, организатор Пересыпского района. Его выступление носило программный характер. Он («Фридрих») обрисовал задачи революции и Совета. Говорил о необходимости отмены смертной казни, уничтожения исключительных судов, проведения в жизнь свободы собраний и союзов и т. д., умалчивая, однако, о неизбежности вооруженного восстания, как средства осуществления свобод. После двух-трех других выступлений заседание Совета закрылось, не приняв никаких решений.

Второе заседание Одесского Совета, имевшее огромное значенне, состоялось в присутствии 400 человек 28-го ноября. В порядке дня стояли вопросы о кассе взаимопомощи, о газете Совета, о политической забастовке, о рабочем с'езде, о вооружении, о безработице, о государственном банкротстве, о положении в войсках. Заседание открылось в 6½ часов. Хотя оно и затянулось на долго, однако все вопросы разобраны не были. После ряда приветственных речей от политических организаций и союзов, высказывавших уверенность, что «Совет Рабочих Депутатов сыграет доминирующую роль в революционном движении», приступили к рассмотрению устава, который был единогласно принят. Затем собрание приступило к

*) Дела Департамента Полиции, 4 отд. д. 38 за 1905 г.

выборам Исполнительной Комиссии из 15 человек, из расчета по 5-ти членов комиссии от каждого района. Из всех вопросов повестки дня успели разобрать только два вопроса: о посылке делегата от Одессы в Ленинградский Совет и о допущении в Совет делегатов от интеллигентских союзов. Любопытно, что, в противовес остальным столичным и провинциальным Советам, скептически относившимся к организациям либерально-буржуазной интеллигенции, Одесский Совет решил положительно вопрос о допущении в качестве полноправных депутатов представителей от интеллигентских союзов. Это становится понятным, если учесть, кто стоял во главе Одесского Совета.

В противовес Николаевскому Совету, находившемуся под руководством большевиков, Одесский Совет был под влиянием меньшевиков. Председателем Совета был избран Шавли, меньшевик. Меньшевистски была настроена и Исполнительная Комиссия. Этим и об'ясняется блок, установленный между буржуазной интеллигенцией и меньшевиками становится понятным, почему Совет принял самое активное участие в организации земских служащих, а в свою очередь, последние выражали свое горячее сочувствие Совету. Ключ к пониманию этих явлений приходится искать в меньшевистском руководстве Советом. Исключительно меньшевистским влиянием об'ясняется также, что Совет саботировал и не поставил в порядок дня своей работы вопрос о практических мерах по подготовке вооруженного восстания. Поэтому то Одесский Совет не оказался настолько популярным в революционной среде, как, например, Николаевский или Новороссийский, где само правительство признавало, что Советы—«боевые штабы революционеров».

В противовес другим Советам, работа Одесского концентрировалась преимущественно в Исполнительной Комиссии. Второе общее Собрание Совета было созвано только 5 декабря, когда уже грозно надвигалась решительная схватка самодержавия с революцией. До этого момента, как выражался сам Исполнительный Комитет в своем отчете, «пришлось прежде всего заняться внутренним устройством своих дел. Разбирались вопросы о приеме новых членов, о кассе, о своем органе, о квитанционных книжках для профессиональных союзов и о созыве собраний Совета. Раз-

бирались, кроме того, следующие вопросы: о безработных, об отношении железнодорожных телеграфистов и кондукторов к бастующим почтово-телеграфным чиновникам и о государственном банкротстве» *).

Только с под'емом новой революционной волны, Одесский Совет «осознал» неизбежность решительного выступления революции, и в декабре Исполнительный Комитет выступил с заявлением, что «так как политическая стачка в настоящее время неизбежна и необходима, так как политическая стачка может превратиться в народное восстание, Исполнительный Комитет настойчиво рекомендует Совету Рабочих Депутатов заняться вооружением пролетариата Одессы и сбором для этого соответствующих денег...»**).

Дань эпохе пришлось отдать и меньшевистскому Исп. Комитету Одесского Совета! В противовес большевистскому Николаевскому Совету, призывавшему к восстанию и указывавшему на него, как на единственный путь ликвидации самодержавия, Одесский Исполнительный Комитет только «рекомендовал Совету заняться вооружением», из опасения что »политическая стачка может превратиться в народное восстание». В действительности же Исполнительный Комитет мер к подготовке восстания не принимал. В его «революционных действиях» первое место занимает требование, адресованное Городской Думе о передаче Совету сумм, ассигнованных на помощь безработным. Гораздо левее И. К. были настроены депутаты Совета. В противовес позиции Исполнительного Комитета, саботировавшему декабрьскую забастовку, общее собрание Совета 5 декабря поставило вопрос о политической забастовке главным пунктом дня. Пленум Совета высказался за забастовку, постановил принять ряд мер для предотвращения возможных еврейских погромов и подчеркнул необходимость создания боевых дружин. Эти две линии в революционных действиях—Исполнительного Комитета и пленума Совета—довольно характерны.

О существовавшей несогласованности между меньшевистским Исполнительным Комитетом и пленумом Совета можно судить также и потому, что для руководства забастовками

*) «Известия Сов. Р. Д. гор. Одессы» № 1 от 13 дек. 1905 г.
**) Там-же.

была создана особая комиссия из представителей Р. С. Д. Р. П., Бунда и Партии С. Р. которой подчинялись все правления профессиональных союзов.

Хотя Исполнительный Комитет, встав перед лицом неизбежности восстания, после продолжительного обсуждения и решает принять на себя руководство забастовкой, но своим решением о мирном характере всеобщей забастовки меньшевики выхолащивали революционный смысл декабрьского выступления.

Если отдельные революционные акты и были совершены Исполн. Комитетом, то это было сделано под непосредственным давлением революционно настроенных рабочих масс. Так, Одесский Совет уже позднее предпринял обложение буржуазии, «захватным путем» выпустил два номера «Известий Совета», таксировал цены на продовольствие, разрешал пуск заводов, отправку пароходов и т. д. Но, как верно отмечает В. И. Невский,—«вместе с тем Одесский Совет поражает отсутствием инициативы и революционности. В то время, как даже такой Совет, как Новороссийский, организует настоящую боевую силу, конфискует деньги Думы, заставляет бастовать почту и телеграф, изгоняет губернатора, держит в руках ж. д. и т. д. и т. д., Одесский Совет и не мечтает о розоружении городовых и жандармов и не может провести действительно полную политическую зазабастовку (не бастуют почта, телеграф, извозчики). Одесский Совет не может даже (или не находит полезным) закрыть или из'ять из употребления черносотенную газету» *). По собственному признанию самих «Известий» рабочие под руководством Совета «скучают».

Что настроение одесских рабочих было несравненно более боевым, чем Совета, видно из телеграммы жандармского полковника Боброва. По мнению жандармского полковника, вооруженное восстание Одесских рабочих не состоялось только потому, что у рабочих не было достаточного количества оружия, и что Совет недостаточно твердо стал на путь вооруженной борьбы. От взгляда полковника Боброва не скрылось, что «желание провести забастовку мирным путем удерживает пока от перехода к активной деятельности» **).

*) Невский.—Ст. «Совет Рабочих Депутатов в Одессе в 1905 г.» Журнал «Пролет. Револ.» № 24.

**) Архив Деп-та Полиции, 4 делопроиз. д 106, ч. 2, за 1905 г.

Эта оценка жандармским полковником меньшевистской тактики воистину не лишена интереса!

Одесский Совет, вылущенный и очищенный от своего революционного содержания, не мог, конечно, быть организацией вооруженной борьбы за власть, не мог быть руководящим органом революции. Вместе с Бакинским они явились исключением из всех провинциальных Советов, неуклонно шедших по пути вооруженной борьбы.

Если корни Одесского меньшевизма и его влияния на Совет лежали в отсутствии достаточно концентрированного пролетариата, то, наоборот: в местах высокой концентрации пролетариата Советы, возникая подчас стихийно, шли инстинктивно по пути подготовки восстания.

Советы в Донбассе.

В том же самом Юго-Западном районе Европейской России, в Донбассе, ряд Советов признал себя «боевыми революционными комитетами» и неуклонно шли по пути организации вооруженного восстания. Правда, в связи со своим поздним возникновением, Донбасские Советы не успели проявить себя в качестве единственных руководящих революционных организаций. Но, тем не менее, их революционный путь вырисовывается рельефно.

Самый беглый взгляд на деятельность Советов Р. Д. Южной России приводит нас к выводу, что Советы Р. Д. прежде всего появлялись в промышленных местах—преимущественно в пунктах, уже успевших закалиться в революционном движении. Для них создание Советов знаменовало переход движения на более высокую ступень. Бросается также в глаза, что лицо Советов вырисовывается наиболее отчетливо в местах большевистского влияния (Николаев, Ростов), наоборот же, при господстве меньшевиков, Советы с трудом выкарабкиваются из скорлупы стачечных комитетов или об'единенных профессиональных организаций (Баку, Одесса). Однако, под термином «Советы Р. Д.», к концу 1905 года складывается определенное понятие, как о боевой пролетарской организации борьбы за власть.

Такое положение подтверждается деятельностью Советов и в северной половине Европейской России—в Твери, Костроме и Москве.

Тверской Совет.

Тверской Совет Рабочих Депутатов, непосредственно возникший из стачечных комитетов, явился лучшим образцом перехода рабочих организаций к более высоким формам. Тверской Совет, подобно другим, выделил Исполнительный Комитет. Наличие в Исполнительном Комитете старых партийных работников обеспечило безраздельное социал-демократическое руководство всеми делами Совета.

В значительной мере этому способствовало то, что Тверским Советом были найдены удачные организационные формы взаимоотношений с партийной организацией. Большинством 193 голосов против 5 Совет принял устав, выработанный Тверским Комитетом Р. С. Д. Р. П., признающий необходимость идейного и политического руководства социал-демократии. В принятой Тверским Советом резолюции указывается, что, «так как для успеха рабочего дела необходимо, чтобы все рабочие выступали единой массой по заранее намеченному общему всем пути, общее собрание рабочих гор. Твери находит необходимым, чтобы рабочими в их борьбе руководила одна партия. Обязанность партии, руководящей рабочим движением—давать своевременно рабочей массе советы, раз'яснять ее положение и ее интересы и вообще указывать пути борьбы. Обязанность С. Р. Д.—проводить в жизнь руководство партии, т. е. осуществлять на деле тот план борьбы, который будет принят партией и товарищами рабочими. В виду всего вышеизложенного С. Р. Д. гор. Твери об'являет, что единой истинной представительницей интересов всего угнетенного народа он признает Р. С. Д. Р. П. и в своей дальнейшей работе будет следовать руководству этой партии» *). Благодаря тесной организационной спайке Совета и руководству им партийной организацией, становится в значительной мере понятным, почему в Твери, далеко не крупном промышленном центре, Совет Р. Д. играл видную революционную роль. Как рассказывает Смирнов: «с появлением Исполнительного Комитета — фактически вся власть на фабриках и заводах перешла к рабочим, ибо вся высшая администрация с большинства фабрик и заводов бежала, и в течение двух месяцев фабриками и заводами управляли сами рабочие... Фактически не только фабрики, но и город (в декабре. П. Г.) был в руках

*) «Новая Жизнь», № 28 от 3 декабря 1905 г.

городского совета. Губернатор хотя и не бежал, но потерял всякое значение и сам обращался к Совету за помощью по охране города» *).

Тверской Совет организовал товарищеские суды, пополнил стачечный фонд, организовал юридическую консультацию для рабочих и т. д. Понимая неизбежность согласования своей деятельности с другими Советами, он 27-го ноября принял резолюцию приветствия и поддержки Ленинградских рабочих и в то же время энергично стал готовиться к восстанию. Скудные сведения о Тверском Совете не дают, к сожалению, возможности более детально проследить этапы и формы подготовки Совета к восстанию.

Костромской Совет.

Большого внимания заслуживает и Костромской Совет, возникший 20-го ноября. Насколько в ноябре в рабочих массах становится популярной идея Совета, видно из того, что на первом же организационном собрании присутствовало до 135 делегатов. Был избран постоянный председатель Малышев-Пожарский и Исполнительная Комиссия, в которую вошли три депутата с Зотовской фабрики, четверо с Кашиной и один с Чумаковской. Кроме того, в комиссию были приглашены с правом решающего голоса два представителя от социал-демократической организации. Исполнительной Комиссии поручалась выработка устава, руководство организацией профсоюзов, издание «Известий Совета» и вообще направление деятельности Совета. Подобно Тверскому, Костромской Совет, находясь под исключительным руководством социал-демократии, пользовался громадной популярностью в рабочей среде. Не даром жандармское донесение, говоря о политических партиях в Костроме, сообщает, что «вторая же партия (т. е. социал-демократическая. П. Г.) должна считаться вполне организованной и имеющей опытных руководителей, чем и об'ясняется планомерность и продуктивность работы этой революционной партии, и, как на одно из более важных проявлений ее деятельности, можно сослаться на организацию «Совета Рабочих Депутатов костромских фабрик» **).

---

*) «Спутник Коммуниста». Изд. Тверского К-та Р. К. П. 1923 г. № 2—3.

**) Департамент Полиции 1800, ч. 31 за 1905 г.

И, действительно, Совет был крупнейшим достижением социал-демократии. Имея полное представительство от всех костромских фабрик и заводов, Совет стал в центре революционных событий. Его заседания, регулярно созываемые два раза в неделю, проходили при переполненном зале избирателей. Совет входил во все вопросы жизни: взаимопомощь, организация кассы, удаление с предприятия ненужного элемента—все это занимало Совет в его работе. Советом были также изданы 4 номера «Известий», отпечатанных на гектографе. Из них мы узнаем о принципах организации Совета. В целях большей связи с массой, каждые 50 избирателей посылали в Совет одного депутата*).

Первоначально созданный на почве экономической борьбы, Совет скоро стал центром революции, притягивая к себе все революционные элементы. О росте его революционной популярности можно судить по тому, как к нему тянулись и подчинялись его руководству промежуточные мелко-буржуазные слои. Уже вскоре после возникновения Совета почтово-телеграфные чиновники сообщили, что «собрание приветствует образование в Костроме Совета Рабочих Депутатов и делегирует в него своего представителя. Цель этого представительства—быть всегда в курсе настроения рабочего класса, и чтобы по возможности приурочивать свои выступления с общим выступлением пролетариата».

Несмотря на позднее возникновение, лицо Костромского Совста в рабочих массах вырисовывалось довольно отчетливым. Совет неизбежно шел по пути решительной борьбы с реакцией. «Совет—говорили Зототовские и Кашинские рабочие в декабре—это учреждение, где мы спеваемся и организуемся для беспощадной борьбы с фабрикантами, капиталистами и правительством. Совет — это пролетарский алтарь, в нем борьба буржуазному трону и всем, кто за ним». Правда, в такой короткий срок существования Совет не сумел практически быть достаточно технически подготовленным, чтобы выступить в решительную схватку с самодержавием.

Организация и первоначальная деятельность Московского Совета Р. Д.

Практически подготовка восстания вырисовывается более выпукло в Московском Совете.

Будучи после Ленинграда наиболее мощным пролетарским центром, Москва в 1905 году имела

*) См. приложение «Проект устава Рабочих Депутатов г. Костромы».

колоссальное значение. Громадный удельный вес Москвы осознавался социал-демократией еще задолго до декабря 1905 г. «Москву — пишет М. Васильев (Южин) — это сердце центрального промышленного района нужно было во что бы то ни стало зажечь огнем борьбы. От ее поведения в значительной степени зависел ход революции во всей России. Необходимость взбудоражить Москву живо чувствовалась всеми партийными работниками, но основательно раскачать плохо организованных и распропагандированных Московских рабочих представлялось делом весьма трудным». Далее тов. Южин рассказывает, в каких трудных условиях приходилось работать летом 1905 года: выступать приходилось осторожно; говорить приходилось преимущественно об экономических нуждах; назначенные забастовки нередко срывались самими рабочими, преимущественно стариками: «Многие из агитаторов боялись упоминать о самодержавии и о царе. И не без основания. Рабочие иногда не прочь были и вздуть агитаторов за лозунг «долой самодержавие». Рабочая молодежь была уже значительно терпимее в этом отношении. Они довольно охотно и иногда даже с увлечением слушали политические речи, но перейти от слова к делу не обнаруживали большого желания.—Боязно. Ведь могут убить фараоны — смущенно говорили мне нередко славные ребята, когда я советовал им устроить демонстрацию» *).

Это относилось к июню 1905 года. Но какой огромный сдвиг произошел к концу 1905 года! Даже казенный и сухой обвинительный акт о восстании на Прохоровской мануфактуре отмечал, что «во второй половине октября 1905 г., в Москве, среди рабочих Прохоровской Трехгорной мануфактуры, в районе 1-го участка Пресненской части, стало замечаться некоторое брожение. С этого времени рабочие начали усердно посещать устраивавшиеся в разных местах города собрания, на которых велась революционная агитация, и под влиянием этой агитации настроение рабочих, бывшее дотоле вполне мирным, стало резко изменяться. В то же время в спальнях рабочих стали устраиваться многолюдные собрания, на которых принимали участие посторонние фабрике лица; на этих собраниях произносились речи, в которых присутствующие призывались

*) Южин. «Из воспоминания о декабрьском восстании 1905 г.».

к отнятию земли и фабрик у частных владельцев, к изменению существующего в государстве образа правления и к образованию демократической республики, и доказывалась необходимость готовиться для этой цели к вооруженному восстанию» *).

Правда первоначально пользуясь недостаточной организованностью Московского пролетариата, либерально-буржуазная интеллигенция пыталась в октябре руководить движением. В противовес Ленинграду, в Москве, как известно, возник Стачечный Комитет, представлявший собой по духу либерально-буржуазную организацию, в котором преобладали адвокаты, медицинский персонал, служащие, представители союза равноправия женщин и т. д. Но по мере роста организованности в рабочей массе и расширения ее политического кругозора, Стачечный Комитет неизбежно должен был оказаться за бортом революции. И действительно, когда роль пролетариата в революции все отчетливее выкристаллизовывалась, пролетариат встал пред необходимостью создания собственной организации.

Так появляется Московский Совет Рабочих Депутатов. Существуя первоначально параллельно со Стачечным Комитетом, он быстро становится руководящим революционным центром в то время, как Стачечный Комитет, медленно угасая, вскоре прекращает свое существование. Окончательный удар последнему был нанесен с уходом рабочей части.

Первое официальное заседание Общегородского Совета было созвано Московским Федеративным Советом Р. С. Д. Р. П. 22 ноября на Поварской улице в театре б. Гирш. На нем присутствовало около 170 депутатов—рабочих от фабрик и представителей от социал-демократической и социал-революционной организаций. По приблизительному подсчету на первом заседании Совета было представлено 80 тысяч организованных рабочих.

Собрание открылось обширным докладом представителя Ленинградского Совета, поделившегося впечатлениями о развитии рабочего движения в Ленинграде, о роли Советов и перспективах революции. После отчета организаторов Московского Совета о состоянии рабочего движения в Москве, предполагавшемся

*) Дело Московской Судебной Палаты 6743, том 27 за 1906 г.

массовом локауте, и быстром назревании революционных событий, было решено обратить огромное внимание на необходимость создания широкой сети Советов в провинции. С этой целью Советом были выделены два делегата, которые были командированы в крупные города России для организации Советов и установления единства действий. Понимая невозможность победы революции без всероссийской поддержки, Совет предостерегал рабочий класс об опасности царской провокации, стремившейся вызвать преждевременное общероссийское выступление. Поэтому, Совет предлагал воздерживаться от частичных выступлений. В резолюции Совет потребовал открытия фабрик, закрываемых реакционно настроенной буржуазией.

На первом же заседании была выделена временная Исполнительная Комиссия. В нее вошли по два депутата от каждого района и по двое представителей «от социалистических партий, ведущих работу среди пролетариата». Присутствие социал-демократов общее собрание «признало необходимым, в виду гарантии от того, чтобы рабочее движение не подпало под руководство буржуазных партий» *).

Первое заседание прошло в приподнятом настроении. Депутаты указывали, как рабочая масса интересуется Советами и высказывает уверенность, что Совет явится руководителем революционной борьбы пролетариата. Действительно, под руководством РСДРП. Совет быстро приобретал популярность среди рабочих масс. О росте популярности делегатов Совета мы можем судить и из показаний, которые впоследствии давали суду рабочие и служащие Прохоровской мануфактуры. Вот, что показывал, например, Прохоровский рабочий—Ватунин: «Рабочими издавна были выбраны из своей среды старосты, установленные фабричными законами, а затем в августе месяце появились другие выборные депутаты (ставшие преимущественно членами Совета. П. Г.), которые все более и более стали приобретать значение и оттеснять на второй план старост... Делегаты (Совета. П. Г.) за последнее время самостоятельно распоряжались фабричной жизнью, назначали забастовки, выставляли или вырабатывали

*) «Новая Жизнь» № 20 от 24 ноября 1905 г.

те или иные требования. Наконец, во время декабрьского движения деятельность их и влияние на рабочих резко обрисовались: они устраивали манифестации, ходили во главе толпы с красными флагами и выгоняли рабочих на сооружение баррикад. Делегаты всегда были вооружены шашками, револьверами, ружьями, кинжалами» *).

Аналогичную картину можно было наблюдать и на других предприятиях. Быстрый рост влияния Московского Совета об'ясняется преимущественно тем, что в Совет посылались передовые и революционные рабочие, пользовавшиеся авторитетом в рабочей среде. Умелое же руководство Советом со стороны социал-демократии (большевиков) делало Московский Совет (несмотря на его позднее возникновение) руководящим революционным центром не только рабочих масс, но и других революционных слоев. Как известно, попытки Московского Союза Союзов реставрировать Стачечный Комитет не имели никакого успеха, а Московский Совет к концу ноября уже занял доминирующее положение.

Второе заседание происходило 27 ноября под свежим впечатлением ареста Хрусталева. Кардинальным вопросом, поэтому, встал вопрос об окончательном оформлении Совета. По этому вопросу было принято положение о норме представительства:

«1. На всех фабриках и заводах, в которых число рабочих более 500 чел. (во всяком случае не менее 400), выбирается всеми рабочими предприятиями один депутат на каждые 500 чел.

2. Рабочие мелких фабрик и заводов (с числом рабочих менее 400) устраивают, где это возможно, общее собрание для выбора соответствующего числа депутатов. Там, где устроить такое общее собрание окажется невозможным, выбирают на каждое заседание одного делегата на каждые 50 чел., последние собираются на районное собрание депутатов и выбирают из своей среды одного депутата по общему расчету (на 500—один депутат).

3. Профессиональные союзы с числом более 500 чел., кроме депутатов, выбранных по заведениям, посылают

*) Дело Моск. Судебной Палаты 522, т. 3 за 1906 г.

в М. С. Р. Д. одного депутата от проф. союза. От проф. союзов с числом членов менее 500 допускаются депутаты в М. С. Р. Д. по особом рассмотрении заявления от такового Союза.

4. Те проф. союзы, члены которых не выбирают депутатов в М. С. Р. Д., обычным порядком, по заведениям, посылают депутатов, избранных союзом по общему расчету — один на 500. Признано желательным, чтобы таковые союзы приглашали на собрание для выборов депутатов в М. С. Р. Д. и рабочих той же профессии, не входящей в ее профсоюз» *).

Московский Совет придавал громадное значение организационным формам. Он понимал, что Совет явится могущественным рычагом революции, если сумеет об'единить широкие пролетарские массы. С этой же целью Советом было выпущено воззвание, призывавшее предприятия, не имевшие представительства, выделить депутатов в Совет:

«Товарищи! Наша борьба далеко еще не закончена. Нам предстоят еще жестокие схватки как с царским правительством, так и с хозяевами-капиталистами. Из октябрьской забастовки рабочий класс вынес драгоценную уверенность, что его мощь и стойкость зависит от его организованности и сплоченности. Только тесно сомкнув свои ряды, явимся мы грозной непобедимой силой. Рабочий класс раз навсегда убедился в этом, и теперь по всей России кипит могучая работа по организации и об'единению. Московский С. Р. Д. горячо призывает товарищей не отставать в этом великом деле от других городов. Пусть все товарищи, не успевшие еще выбрать на своих фабриках и заводах депутатов в Совет, поспешат сделать это. Торопитесь, товарищи, ибо день решительной битвы народа за свою свободу близок. Эта битва должна кончиться полной победой, так как у пролетариата на этот раз будут сильные союзники в лице революционного крестьянства и революционной армии. Будем же бодро и деятельно готовиться к решительному бою. Да здравствует победа. Да здравствует демократическая республика.

Московский Совет Р. Д. призывает вместе с тем товарищей и всех граждан, сочувствующих делу пролетарской

---

*) «Борьба» № 5 от 2 Декабря 1905 г.

борьбы и народной свободы, оказать ему посильную помощь пожертвованиями как в кассу борьбы, так и в стачечный фонд, имеющиеся при нем. Не мало товарищей вынуждены бастовать и теперь; их нужно поддержать. А подготовка к решительному выступлению потребует еще больше средств».

На том же заседании Московского Совета 27 ноября обсуждался вопрос, как отнестись к выступлению реакции и аресту членов Ленинградского Совета. Этот вопрос глубоко волновал всех. Некоторые делегаты высказывались за об'явление всеобщей политической забастовки. После долгого обсуждения было решено забастовку в Москве без предварительного согласования с Ленинградским Советом не об'являть и Исполнительному Комитету поручалось об'явить забастовку только в случае, если арест Ленинградского Совета вызовет стачку в Ленинграде. Тогда Москва оставаться пассивной не сможет, но пока признавалось необходимым беречь силы, и Совет категорически высказался против частичных забастовок, ослабляющих пролетариат. В заключение же, по вопросу об аресте членов Ленинградского Исполнительного Комитета Совет вынес следующую резолюцию:

«М. С. Р. Д., обсудив 27 ноября известие об аресте 18 членов П. С. Р. Д., выражает свое негодование по поводу нового посягательства на свободу рабочих организаций и постановляет чутко прислушиваться к ответу петербургских рабочих на дерзкий вызов правительства и присоединиться к борьбе, как только они решат дать сражение врагу» *).

Кроме разрешения этих двух основных вопросов обстоятельная резолюция была принята по вопросу о значении революционизирования армии. «Уже недалек тот день,—заявляла она,—когда пролетариат, революционное крестьянство и лучшая часть армии опрокинут ненавистное царское правительство. Пытаясь отдалить этот неизбежный конец, правительство не брезгает никакими средствами. Оно морит голодом на Дальнем Востоке полумиллионную армию, боясь ее возвратить в Россию. Выражая свое презрение трусливому царскому правительству, М. С. Р. Д. обращает внимание всего народа и всей армии на это гнусное преступление наших палачей. Спасти павших

*) «Борьба» № 3 от 30 ноября 1905 г.

несчастных детей и братьев, изнывающих в дальней Манчжурии, может лишь ускоренное падение царского правительства. Поэтому М. С. Р. Д. призывает московский пролетариат с удвоенной энергией организоваться и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооруженным восстанием и кончиться полным освобождением всего угнетенного народа» *).

На том же собрании Совет разрешил в положительном смысле вопрос о допущении с правом решающего голоса представителей торгово-промышленных служащих и с совещательным голосом почтово-телеграфных. Санкционировав далее предложение Исполнительного Комитета об об'явлении бойкота фабрике Жиро за провокацию владельцев, собрание было закрыто.

Следующее общее собрание Совета состоялось 4 декабря. Оно явилось прелюдией к готовящемуся выступлению. После рассмотрения мелких вопросов (заявления союза фармацевтов о допущении гостей на заседание Совета и заявления депутата фабрики Викторсон), собрание перешло к обсуждению вопроса об аресте Исполнительного Комитета в Ленинграде и к рассмотрению Финансового Манифеста. На том же заседании рассматривался вопрос об угрозе черносотенного погрома, предполагавшегося 6-го декабря.

Настроение депутатов было боевым. Большинство ораторов указывало, что дальше ждать нельзя и, ссылаясь на готовность московского пролетариата к выступлению, требовало об'явить с 5-го декабря всеобщую забастовку. Боевое настроение депутатов в значительной мере было усилено выступлением представителя Федеративного Совета, сообщившего о положении в армейских частях.

Вот как рассказывает об этом выступлении газета «Борьба»: «В частности в Москве, кроме уже известных сведений из газет, оратор сообщает, что в Несвижском полку командир просил обождать до 6 декабря, так как в этот день выйдет манифест о милостях солдатам и крестьянам, а пока просил служить «верой и правдой». Солдаты промолчали, но когда командир потребовал роту этого полка для усмирения ростов-

*) Цитировано из сборника «Декабрьское восстание в Москве» 1905 г. Москва. Госиздат.

цев, то полк отказался отпускать и т. п. Сообщения о революционном настроении армии имели огромное влияние. Ряду выступавших товарищей с трудом приходилось убеждать быть осторожнее с об'явлением стачки».

«Ряд депутатов—сообщает «Вперед»—указывал, что стачка уже не репетиция, а генеральный бой с самодержавием. Эта стачка должна перейти во всенародное вооруженное восстание. Надо взвесить всю важность нашего решения, и потому, прежде чем об'являть забастовку, надо выяснить всем нашим избирателям важность данной забастовки и той ответственности перед рабочим классом России, которую берет на себя М. С. Р. Д., бросив первый лозунг всеобщего восстания».

После продолжительных прений была, наконец, принята резолюция: «Московский Совет Р. Д. указывает товарищам рабочим на то, что правительство делает новую попытку удержать в своих руках власть. В Петербурге арестовывается Совет Р. Д.; газеты закрываются и арестовываются, собрания разгоняются. Товарищи рабочие должны быть наготове. Совет Р. Д. указывает делегатам рабочим на то, что многие из московских полков готовы перейти на сторону восставшего народа. Приветствуя движение среди солдат, Совет Р. Д. призывает товарищей-солдат прогонять начальников, устроить революционное самоуправление и по данному сигналу перейти на сторону народа. Принимая во внимание все эти обстоятельства, Совет Р. Д. постановляет, что московские рабочие должны быть готовы в каждый данный момент ко всеобщей политической забастовке и вооруженному восстанию» *). Кроме того, было решено, 5 декабря поставить вопрос о всеобщей забастовке и переходе к вооруженному восстанию на обсуждение рабочих всех фабрик и заводов Москвы и на следующем собрании Совета, в зависимости от настроения пролетариата, принять то или иное решение. Совет также присоединился к Финансовому Манифесту, заявив, что «обсудив Манифест Петербургского Совета Р. Д., Всероссийского крестьянского союза и центральных Революционных партий, Совет Р. Д. постановил: 1) присоединить к нему свою подпись и 2) предпослав манифесту небольшое воззвание, отпечатать

*) «Борьба» № 8 от 6 декабря 1905 г.

его в достаточном количестве экземпляров и распространить среди населения». Тут же было принято и воззвание к Манифесту: «Товарищи и граждане. Петербургский Совет Рабочих Депутатов, Главный Комитет Всероссийского крестьянского союза и центры Социал-демократических и других партийных организаций выпустили манифест ко всему населению.

Выражая полную солидарность с мыслями, изложенными в этом манифесте, М.С.Р.Д. присоединяет и свою подпись к подписям, имеющимся под ними.

Вместе с тем М.С.Р.Д. горячо рекомендует товарищам и населению следовать практическим указаниям манифеста, а именно:

1. Отказаться от взноса выкупных и других платежей.

2. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалования уплаты золотом, а при сумме меньше пяти рублей—полновесной звонкой монетой.

3. Брать вклады из ссудо-сберегательной кассы и из государственного банка, требуя оплаты всей суммы золотом» *).

Присоединение к Финансовому Манифесту и резко поставленный вопрос о забастовке знаменовали, что Совет вступает в новую полосу. Под влиянием каких непосредственных причин и в каких условиях приходилось пойти на об'явление восстания, мы остановимся позднее. Пока обратим только внимание на то, как Московский Совет неизбежно и неуклонно шел по пути подготовки восстания. Возникнув сравнительно поздно и собиравшись всего 4 раза, Московский Совет Р. Д., тем не менее, отчетливо выявляет быстрый рост революционного сознания пролетариата. С каждым собранием Совета росло число депутатов и возрастала важность вопросов. 139 фабрик и заводов, все крупнейшие предприятия имели своих представителей в Совете—лучших и передовых рабочих. «Они близко знают—писали «Известия Совета»—рабочие нужды, они умеют разобраться, куда нужно рабочему; их решения есть голос всей рабочей Москвы, и Московский Совет внимательно, серьезно, с полным сознанием огромной ответственности, которая лежит на нем, принимает каждое постановление».

*) «Вперед» № 4 от 6 декабря 1905 г.

Действительно, когда потребовалось действовать решительно, то рабочие депутаты, в первую очередь, сами были дружинниками. Не удивительно поэтому, что в делах бывш. Судебной Палаты понятие «дружинник» равносильно и тождественно понятию «депутат». Прав был один из непосредственных руководителей Московского Совета—М. Южин, когда он писал 1 декабря, что «вооруженное восстание не угроза и не мечта революционеров, а роковой, неизбежный этап к свободе. В этом пора убедиться всем искателям «мирных путей», если только они искренне желают свободы. Свобода—не милостыня, ее с бою берут, а не выпрашивают,—вот железный закон, кровью вписанный в историю всего человечества».

Эта мысль отражала настроение всего Московского Совета Р. Д. неизбежно пришедшего, как известно, к руководству декабрьским восстанием. Причина быстрой эволюции Московского Совета, его подлинно революционная позиция и отсутствие шатаний в сторону буржуазного либерализма—в значительной мере об'ясняются той подготовительной работой, какая была проведена с конца октября. Любопытно, что, в противовес Ленинграду, где существовал единый Общегородской Совет с слабо развитыми районными Советами, в Москве роль районных Советов была несравненно шире, явившись первоначальной формой Советской организации.

Известно, что 11 ноября состоялось заседание Совета Лефортовского Района, 17 ноября—Совета Городского Района и т. д. в то время, как Общегородской Совет впервые заседал только 22 ноября. Это заставляет придти к тому заключению, что широкая рабочая масса организационно воспитывалась через районные Советы и в них осознавала острую потребность в создании Общего Совета. С созданием Московского Совета, районные Советы не были уничтожены. В дни же восстания, когда районы были оторваны друг от друга и от центра, фактически действовали райсоветы автономно, являясь единственными революционными руководителями в своих районах. О правах и разграничении функций общегородского и районных Советов—определенных положений, твердо зафиксированных общегородским пленумом Совета, не было. Поэтому, делать выводы об их взаимоотношениях при-

ходится на основании деятельности районных Советов. Для характеристики райсоветов проследим работу Советов нескольких районов.

11 ноября—по сообщению «Московской газеты»—состоялось собрание депутатов Лефортовского района; присутствовало представителей более чем с 50 фабрик и заводов, заключающих до 18 тысяч рабочих. На заседании заслушивались доклады о состоянии забастовки, о заседании бюро профессиональных союзов, о выборах в Совет Р.Д. гор. Москвы, и разбирался ряд дел местного значения. Когда встал вопрос об организации Общегородского Совета, то необходимость в нем настолько понималась всеми, что сразу после недолгих обсуждений приступили к выборам депутатов в Московский Совет. Всего было избрано 34 человека.

Любопытен один эпизод: во время заседания к Совету подошла пьяная толпа и предложила Совету деньги, собранные ею, под угрозой насилия, у буржуазии. Совет, взяв деньги, передал «Московской Газете» (всего 140 руб. 22 коп.), прося заявить в печати, что, рабочие не нуждаются в деньгах, добытых таким способом, и предлагают лицам, выдавшим их, получить обратно свои пожертвования».

Собрание затем обсудило положение, создавшееся на отдельных фабриках, и приняло следующие решения:

«Совет Рабочих Депутатов Лефортовского района, выслушав доклады рабочих с фабрик Утенкова, Лазарева, Исаева и Каширина, постановил:

1) Об'явить бойкот фабриканту Утенкову, выдавшему расчет рабочим за забастовку при помощи полиции и за то, что Утенков не считает рабочих людьми, эксплоатируя их как машины. Совет предлагает товарищам не вступать с Утенковым ни в какие сношения, не поступать к нему на работу и предупредить об этом постановлении пришлых рабочих;

2) Совет предлагает товарищам бойкотировать рабочих фабрик Лазарева и Исаева за то, что, выбравши депутатов для переговоров с хозяевами, рабочие допустили их уволить вместе с другими рабочими, стоявшими за их интересы. Не считать рабочих вышеупомянутых фабрик товарищами, пока они не принесут раскаяния и не сделают что нибудь в пользу уволенных;

3) Совет предлагает рабочим фабрики Каширина, не взявшим расчета, приступить к работе по соглашению обеих сторон, но с условием, что ни один рабочий не будет рассчитан за забастовку» *).

К середине ноября районные Советы возникли и в других районах. 17-го ноября состоялось собрание Городского Совета, на котором присутствовало 64 депутата от табачных, столярных, перчаточных и других фабрик и булочной Филиппова. С докладсм выступили представители большевистской и меньщевистской организаций, ознакомившие собрание с деятельностью Ленинградского Совета. Депутаты высказались за необходимость создания Общегородского Совета, тут же произведя выборы депутатов от фабрик городского района.

Любопытно отношение Городского Совета к Стачечному Комитету, который в связи с решением об организации Московского Совета постановил, что «если Московский Стачечный Комитет действительно желает стать, как он о том заявляет, на пролетарскую точку зрения, то он не должен стоять на дороге образующемуся чисто пролетарскому Совету Депутатов, а распуститься. Рабочим тех фабрик, которые представлены в Комитете, предлагается прислать своих депутатов в Совет. Деньги, которые Стачечный Комитет собирал для рабочих и именем рабочих, предлагается передать Московскому Совету Рабочих Депутатов».

Как видим, роль районных советов сводилась преимущественно к подготовке организации единого Совета, служа опорой Общегородскому Совету. В круг ведения райсоветов входило также и рассмотрение местных вопросов. С созданием же Московского Совета взаимоотношения и разделение функций между Общегородским и райсоветами шли в таком направлении: решение вопросов, имеющих принципиальное и политическое значение, входило в задачи Общего Совета, и в этой области районные Советы были его исполнителями. В вопросах же жизни данного района райсоветы пользовались автономией, обращаясь за помощью в Московский Совет в случаях своего бессилия. Что таковы были взаимоотношения Общегородского и райсоветов, видно также из за-

*) «Московская газета», № 4 от 13 ноября 1905 г.

седаний Пресненско - Хамовнического Районного Совета 25 и 28 ноября.

Заседание Совета 25 ноября открылось докладом члена Московского Исполнительного Комитета, информировавшего о первом заседании М.С.Р.Д.; после этого был поднят вопрос о необходимости ознакомления широких масс с работой Совета. «Оказалось,—по сообщению «Борьбы»,—что из 11-ти фабрик только на четырех или пяти депутаты сделали доклад о собрании С.Р.Д. Правда, фабрики эти были самые крупные—Прохорова (свыше 6 тыс. чел.) и Бутикова (около 3.000 чел.). На других же фабриках отчет не делался, потому что администрация противодействовала созыву рабочих собраний и не давала помещений. Это вызвало среди депутатов оживленный обмен мнений. Все депутаты доказывали необходимость отвоевывать у фабричной администрации право собраний и добиваться отвода помещений. В результате прений собрание постановило: «устраивать после каждого собрания С.Р.Д. общие собрания по фабрикам». С целью же лучшей постановки информации широких масс и в виду общего значения вопроса, собрание постановило вопрос о борьбе с фабричной администрацией за право собраний и за отвод для них помещений разобрать на заседании Общегородского С.Р.Д.

Далее, обсуждался вопрос о проведении в жизнь постановления Исполнительного Комитета М.С.Р.Д. о превращении косвенных выборов в прямые там, где это не было сделано. Выяснилось, что на некоторых фабриках частично прямые выборы уже проведены; на других же избранные депутаты вторично утверждены рабочими, и перевыборы осталось провести только на немногих предприятиях.

Много времени собрание уделило положению на фабрике Жиро. Владелец этой фабрики спровоцировал забастовку и об'явил локаут, при ближайшем участии войск и полиции. Учитывая возмутительное поведение фабриканта, Совет, поддержав рабочих, постановил передать этот вопрос на разрешение пленума Московского Совета.

Собрание закончилось обсуждением мер, необходимых для быстрого созыва районных заседаний Советов, если это потребуется.

На очередном районном собрании предполагалось поставить вопросы: о мерах борьбы с фабричной администрацией за свободу собраний на фабриках, за отвод помещений для рабочих и о выработке С.Р.Д. общего положения о депутатах на фабриках, согласно предложений рабочих Прохоровской мануфактуры. Однако, под влиянием развертывавшихся событий, повестку пришлось изменить и вопросы революционизирования армии и о возможном решительном выступлении реакции заняли центральное положение.

С большим вниманием депутаты слушали доклад представителя социал-демократической организации о работе социал-демократов в армии. «Работа—говорил он—быстро расширяется и сознание растет вширь и вглубь. Факты последних дней показывают, что движение приняло массовый и революционный характер. Несмотря на старания соц.-демократической военной организации задержать отдельные вспышки до того времени, когда установится более тесная связь между полками через депутатов и с пролетариатом через рабочую партию и С.Р.Д., мы все же должны считаться с возможностью неожиданного восстания».

Доклад вызвал оживленный обмен мнений, в котором приняли участие почти все депутаты. В заключение была принята резолюция, указывавшая, что собрание чутко следит за революционным движением в армии. Совет предложил устроить массовые митинги, раз'ясняющие необходимость тесной связи между рабочим и солдатским движением. Между прочим указывалась и форма возможного содействия восставшим войскам. Предлагалось для отвлечения правительственных сил устраивать уличные скопления, расходиться при приближении отрядов и вновь собираться в других местах.

Заседание Пресненско-Хамовнического райсовета 2 декабря было последним заседанием в мирной обстановке. Неизбежность решительной схватки революции с реакцией чувствовалась всеми. В ответ на секретную телеграмму департамента полиции об единовременном аресте всех «подстрекателей», Совет заявил: «Собрание выражает полное презрение жалкому и трусливому правительству, которое попрежнему старается об'яснить могучее движение пролетариата, крестьянства и армии происками агитаторов и думает оста-

новить его предательскими арестами. Вместе с тем, собрание полагает, что лучшим ответом будет ответ Петербургского С.Р.Д. и его членов—пролетариат предлагает готовиться к вооруженному восстанию».

Депутаты, однако, не предвидели, что очередное заседание придется созывать в пылу решительной схватки, в дни восстания...

Декабрьское восстание в Москве, как известно, было об'явлено Московским Советом (при полном руководстве партийной организации); при проведении его оказалось, что районные Советы являлись его лучшими щупальцами. В противовес Ленинграду, в Москве Районные С. Р. Д. играли колоссальную роль.

Другой причиной, имевшей колоссальное влияние на развитие и укрепление Московского Совета, следует считать отношение к нему социал-демократии. Как и повсеместно, в Москве Совет возник по инициативе и при активном участии социал-демократической организации и все время находился под ее руководством. Преобладание же большевистского крыла в Совете гарантировало от возможных уклонов в сторону буржуазного либерализма и неуклонно направляло Совет по подлинно революционному пути—по пути подготовки вооруженного восстания. Эта черта—подготовка к вооруженному восстанию—очень рельефно проявляется на фоне всей деятельности Московского Совета. В этом смысле Московский Совет является классической революционной пролетарской организацией, последовательно выполнявшей свои задачи. Когда в декабре ребром был поставлен вопрос:—либо пролетариат должен был прекратить борьбу, признавая свое поражение, либо он должен был взяться за оружие в борьбе за власть, — Московский Совет решительно пошел по второму пути. Другого выхода не было. И Московский Совет это учел еще задолго до восстания: «Мы, московские большевики—говорит Черномордик—готовились к восстанию и в своей практической работе, и в наших политических выступлениях держали курс на него, а следовательно, и декабрьское восстание не было для нас чем то неожиданным, выходящим из рамок нашей тактики. Вся беда заключалась в том, что декабрьское восстание произошло не тогда, когда мы этого хотели, а тогда, когда этого хотели наши враги».

Общие выводы.

Бросая беглый взгляд на развитие провинциальных советов в ноябре месяце, не трудно уловить в них некоторые характерные черты. Во-первых, мы видим, что ноябрьская стачка, проведенная Ленинградским пролетариатом, выявила Совет Р. Д., как определенную пролетарско-революционную организацию подготовки вооруженного восстания и борьбы за власть. С этого же момента Советы становятся популярной организацией в глазах не только Ленинградского, но и всероссийского революционного движения. Вместе с тем ноябрьская забастовка, придавшая Совету определенную окраску, доказала, что для конечной победы революции необходима всероссийская советская организация (при непосредственном руководстве партийной организации), руководящая всероссийским революционным движением.

Во-вторых, нетрудно уловить порядок создания Советов. Первоначально возникновение Советов происходит в промышленных местах России (Ростов, Николаев, Москва), где рабочий класс прошел определенную революционную выучку. В этом смысле появление Советов знаменовало новый этап в развитии рабочего движения. Организация их обыкновенно происходила по инициативе и под руководством социал-демокрактической партии.

В третьих, необходимо отметить, что роль большевиков и меньшевиков в жизни провинциальных Советов была совершенно различна. В то время, как большевики стремились превращать Советы в подлинные революционные организации борьбы за власть, в организации, подготовляющие вооруженное восстание, меньшевики недооценивали эту роль Советов, об'ективно играя на руку реакции. Там, где меньшевики были сильны (Одесса), роль Советов значительно принижалась. Лишенные своей революционной сути и конкретно поставленной задачи подготовки вооруженного восстания меньшевистские Советы (Одесса) переставали быть Советами Р. Д. в подлинном значении этого слова, теряя смысл своего существования. Но за исключением Одессы и Баку, задачи организации вооруженного восстания в ноябре месяце стояли перед всеми Советами. Таким образом, под Советами Р. Д. в ноябре ширско понимался особый тип революционной

организации, ставившей своей задачей борьбу за власть через вооруженное восстание.

К концу ноября Советы Р. Д. возникли и существовали уже во многих промышленных центрах, однако, как их всероссийское об'единение, так и подчинение их единому всероссийскому руководству из-за сравнительной малочисленности провинциальных Советов проведено не было, и эти задачи намечались на декабрь.

Действительно, начало декабря было ознаменовано быстрым и повсеместным ростом Советов, созданных в местах даже с далеко не пролетарским населением (Саратов, Самара, Донская Область и т. п.). Но в декабре революция вступила в новую фазу. В декабре мобилизовавшая свои силы реакция переходит в контр-наступление. Самодержавие, недавно казавшееся архаическим пережитком прошлого и гигантом на глиняных ногах, показывало, что оно еще грозная сила. Правда, в конечном счете, судьба революции решалась не только одной инициативой противников, но и классовым соотношением сил, однако удачно выбранный момент для наступления занимал далеко не последнее место. Какие причины привели к тому, что решительная схватка революции и реакции произошла именно в декабре, а не в январе или феврале 1906 года, составляет один из интереснейших моментов в истории русской революции.

ГЛАВА V.

«Два правительства».

(Подготовка реакции).

Граф Витте в своих «Воспоминаниях» передает, что накануне издания манифеста 17 октября «великий князь Николай Николаевич категорически поддерживал такое решение (издание манифеста. П. Г.) и докладывал о невозможности за недостаточностью войск прибегнуть к военной диктатуре». Этот идеал самодержавия — введение военной диктатуры — красной нитью проходит через все события конца 1905 года.

Манифест 17-го октября был векселем, подлинная оплата по которому могла быть произведена только с ликвидацией самодержавия. Это прекрасно понимал и сам царизм.

Как мы видели, правительство, издавая манифест, конечно, вовсе и не думало об его реальном осуществлении. Однако, издание манифеста в его предположении должно было явиться жестом, который мог бы, с одной стороны, расколоть дружный революционный напор, а с другой—сплотить реакционные черносотенные элементы. В качестве заключительного аккорда к манифесту правительство все время готовило решительный штурм революции. Нужно признать, что план правительства частично удался. В чиновничьей среде и в среде крупной (и отчасти мелкой) буржуазии манифест, действительно, был воспринят, как конец революции, а в черносотенном лагере манифест послужил сигналом к тревоге: «правительство в опасности». Сплоченные под влиянием революционной опасности реакционные силы пошли в контр-наступление: они стали организовывать повсеместно погромы, уничтожать революционеров и разжигать патриотические чувства. К концу октября зловещие слухи о погромах поползли также по Ленинграду.

В ноябре правительство определенно стало выжидать удобного момента для разгрома революции. Первоначально, толчком к решительному выступлению реакции должно было послужить подавление Кронштадтского восстания. но ноябрьская забастовка в Ленинграде нарушила планы самодержавия, парализовав на время поднимавшиеся реакционные силы. Вместе с тем ноябрьская стачка внесла новые коррективы в развитие революции.

Реакционизирование буржуазии. В противовес октябрьской забастовке, в которой принимала участие либеральная буржуазия, ноябрьская, как известно, была чисто пролетарской. Своим выступлением в ноябре пролетариат доказал, насколько велик его удельный вес. Получилась демонстрация настолько внушительная, что не только правительство оказалось в недоумении—не меньшая растерянность была и в рядах буржуазии. «Новое Время» завопило, что «общество крайне изумлено бездействием графа Витте... Рассчитывали в его лице найти человека сильной власти, решительной, активной, между тем продолжается все та же эра казенных бумаг и казенных слов, и даже тон последних потерял остатки прежней уверенности. Граф Витте видимо не хочет бороться с революцией... общество изумлено и напугано параличем власти» *)... Земцы-дворяне спешили изгладить из памяти свои «революционные заблуждения» и дружно возбуждали ходатайства о присылке войск, об усилении помещичьей стражи, о присылке диктаторов «с твердой волей» и т. д.

Гримирование под революцию уже оказывалось больше ненужным. Причину такого поворота об'ясняет нам сам граф Витте, как известно, далеко не марксист. Говоря об А. И. Гучкове, резко изменившем настроение, Витте пишет: «Как только он (Гучков) увидал «народного зверя», как только почуял, что игру, затеянную «в свободы», народ поймет по своему и именно прежде всего пожелает свободы—не умирать с голоду, не быть битым плетьми и иметь равную для всех справедливость, то в нем —Гучкове—сейчас же заговорила «аршинная» душа и он сейчас же начал проповедывать: «Государя ограничить надо не для народа, а для нас» **).

*) «Новое Время» от 11 ноября № 10653.
**) Витте «Воспоминания», том II.

О растерянности буржуазии—боязни захвата власти пролетариатом, можно судить по газете «Новости» от 29 ноября сообщавшей, что у градоначальника было взято за конец октября и, главным образом, первую половину ноября около 14.000 заграничных паспортов. Быстро книзу катились и ценные бумаги.

Вот чем об'ясняется быстрый поворот буржуазии в сторону союза с самодержавием. В декабре уже никто не поражался тем, что под новый год, чокаясь бокалом шампанского с царским палачем С. Дубасовым, Н. И. Гучков (Моск. Городской Голова) торжественно заявлял: «В нашем содействии вы не должны сомневаться. Всякий из нас готов положить на это дело все свое разумение, все свои силы. Но вместе с тем велико и то значение, которое выпало на вашу долю, как нашего руководителя». Правда, эти признания приносились в декабре, после разгрома восстания, но уже в результате ноябрьской забастовки выпукло наметились две противостоящие друг другу силы: с одной стороны—лагерь революции, возглавляемый Советом; с другой — лагерь самодержавия, пополненный крупной буржуазией.

События в ноябре развивались так лихорадочно, классовая борьба настолько обострилась, что революция и реакция встали друг перед другом в ожидании решительной схватки. «Если царизм—писал в ноябре Ленин — уже не в силах победить революцию, то революция еще не в силах победить царизм... Старый порядок разбит, но он еще не уничтожен, а новый, свободный строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый опричниками самодержавного строя».

В этот решительный момент обострения классовой борьбы, когда ежедневно могло разразиться давно подготовляемое грозное столкновение революции и реакции, буржуазия сыграла далеко не последнюю роль. Она несла мечущемуся в судорогах царизму целебный источник, об'явив массовый локаут революционных рабочих. В момент небывалого обострения борьбы, в момент существования двух правительств, локаут оказал самодержавию огромную услугу. Врезавшись глубоким клином в революционное движение, он отнимал значительное количество сил и средств у Совета, и Совет

не мог пройти мимо тысяч безработных, выбрасываемых буржуазией на улицу. Работа Совета по оказанию помощи 100.000 безработных, отвлекая от непосредственной задачи решительного штурма самодержавия, сыграла немалую роль в поражении революции и заслуживает серьезного внимания.

Ленинградский Совет в борьбе с безработицей.

По инициативе Федеративного Совета РСДРП при Совете 14 ноября возникла комиссия безработных. В Центральное Бюро комиссии входило три члена Исполнительного Комитета Совета, 6 представителей от социал-демократов (по 3 от фракции) и 3 представителя партии социалистов-революционеров. По такому же принципу представительства были организованы и районные комиссии. Кроме того, по рекомендации Совета и партийных организаций для работы в комиссиях привлекались отдельные рабочие и сочувствующие лица, пользовавшиеся совещательным голосом.

Перед комиссией встала небывалая по трудности задача. Материальная помощь требовалась немедленно, а касса Совета Р. Д. располагала всего 30 тысячами рублей. Конечно, такая сумма была ничтожной, чтобы поддержать десятки тысяч безработных. Уже в первые дни своего существования комиссия обратилась с воззванием к рабочим и всему населению Ленинграда: «Пролетариат Петербурга — говорилось в нем—в своей классовой борьбе выносит тяжкие удары об'единенного крупного капитала. Десятки тысяч рабочих выброшены на улицу. Товарищи - рабочие. Пролетарская борьба сильна солидарностью и взаимной поддержкой. Все за одного и один за всех: вносите определенные отчисления с каждой получки для поддержания товарищей, рассчитанных за борьбу за 8-ми часовой рабочий день.

Граждане, спешите с помощью и вы все, кому дорого сохранение сил пролетариата, передового борца русской революции, сил, так беспощадно расхищаемых капиталистами и правительством».

На помощь рабочим откликнулись, главным образом, сами рабочие. На фабриках и заводах, где еще работали, рабочие постановили отчислять часть своего заработка. Кампания за помощь безработным широко охватила рабочие слои и мно-

гочисленные фабрики, заводы и мастерские извещали Совет о своих решениях. Отчисления в пользу безработных носили самый разнообразный характер: либо устанавливался определенный процент с заработной платы, либо ассигновывалась определенная сумма, либо рабочие производили в пользу безработных сверхурочные работы. Так, на фабрике Лангензипена решили в пользу безработных отработать один день; на металлическом заводе Растеряева единовременно собрали 1.467 руб., многие фабрики отчисляли по 1 проценту и т. д.

Фабричная администрация нередко ставила рогатки кампании помощи безработным, всячески препятствуя сборам, доказывая, что ноябрьский локаут преследовал и политические цели. Фабричная администрация на Речкинском заводе, вначале было согласившаяся на открытие завода в праздничные дни, посоветовавшись с другими предпринимателями, отказалась от праздничных работ. Предприниматели чинили всякого рода препятствия помощи безработным со стороны работающей части пролетариата. А, между тем, реальная помощь безработным исходила только от широких масс самого пролетариата. Помощь со стороны интеллигентских об'единений была незначительна; только отдельные лица предлагали обеды на одного—двух рабочих или брали на время безработицы детей рабочих. Организованная же широкая помощь безработным интеллигентскими об'единениями не была проведена. Что касается Городской Думы, то она из своего пятнадцати-миллионного бюджета ассигновала... две тысячи на устройство столовых для безработных, в то время как Совет из своих тридцати тысяч ассигновал десять. Некоторые средства удавалось добывать путем организации спектаклей, лекций, концертов и т. п. Материальную поддержку Ленинградский Совет имел и от некоторых провинциальных Советов. В общем, приток денег был незначителен, доходя в среднем до суммы не более тысячи рублей в день.

Но что значит тысяча рублей для 100.000 безработных? Совету пришлось установить таксу и дать директиву не отклоняться от нее, так как всякое отклонение могло вызывать недовольство. По постановлению Совета на каждого взрослого безработного выдавалось по 30 коп. в день, на детей — по

15 коп., а если их было больше, то по 10 коп. Пособия выдавались в центральном бюро комиссии безработных на Торговой, в районных штабах, в комитетах социалистических партий. Такса явно недостаточная, чтобы мало-мальски удовлетворить безработного. На полученные 80—1 р. 20 коп. рабочий не мог, конечно, заплатить за квартиру, лавочнику, в ломбард и т. д. «Безработные—пишет Хрусталев—толпами осаждали помещение Совета, где приютилась комиссия безработных. Приходилось индивидуализировать нужду. Она была так велика, безысходная острота положения так кричала о себе, что мы отступали от таксы и выдавали повышенное в несколько раз пособие многим безработным. Каждое отступление порождало новое. Приходили пешком из за Невской заставы, приходили с детьми.

Дежурные члены комиссии пробовали на первых порах покрывать эти отступления из собственных сборов, для этой же цели некоторые несли репортаж в газетах. Но таким путем возмещались копейки, а расходовали сверх таксы сотни рублей. Деньги быстро таяли, особенно, когда было об'явлено, что Семянниковский завод закрыт на неопределенное время... Давать копейки там, где нужны десятки рублей, давать без надежды на завтрашнюю выдачу—неблагодарная роль, тяжелая обязанность, жуткое воспоминание».

Работа комиссии осложнялась еще тем, что к ней шли все изнуренные голодом, ища помощи. Хотя и было постановление Совета, что пособие выдается рабочим, потерявшим заработок за последние стачки, но комиссии невольно приходилось отступать от этого положения пред лицом других жертв беспросветной нужды. В результате пособие выдавалось и семьям расстрелянных 9-го января и потерявшим работу до октябрьской забастовки и изголодавшимся мелким чиновникам.

Безработица нанесла тяжелый удар революции. Это прекрасно учитывало самодержавие, спешно готовившее силы для решительного натиска. Оно прекрасно понимало, что локаут затормозит подготовку вооруженного выступления пролетариата, и спешило воспользоваться заминкой. Но оно также прекрасно понимало, что локаут не в состоянии ликвидировать революцию. Несмотря на то, что массовым ло-

каутом пролетариату наносился тяжелый удар, революция все же шла по намеченному пути. Правда, темп ее значительно замедлился, но Совет, тем не менее, все выше и выше становился во главе революционной борьбы.

«Два правительства».

В ноябре мы видим уже существование двух правительств—самодержавного и Советского. Шутка о наличии двух правительств, брошенная «Новым Временем» вскользь вскоре после ноябрьской забастовки, стала горькой истиной для самодержавия. От нового революционного правительства — Совета — граф Витте был вынужден принимать депутатов, отказывая в приеме генералам. Представителю вольно-экономического общества градоначальник заявлял, что он ничего не имеет против заседаний Совета, любопытно мотивируя свое решение тем, что заседания Совета ведь бывают «закрытыми» и на них пропускаются по членским билетам. Совет же со своей стороны не спрашивал разрешения на заседания, только администрация вольно-экономического общества, в помещении которого собирался Совет, обыкновенно извещала о заседаниях. Совет как бы являлся учреждением, de facto признанным самодержавием, собиравшимся и действовавшим открыто. Депутаты Совета, неоднократно отправлявшиеся к градоначальнику, к Витте, к администрации казенных заводов и требовавшие освобождения арестованных или открытия заводов, не только не арестовывались, но принимались с изысканной любезностью, и их требования удовлетворялись. Не обходилось и без курьезов. Например, когда на утро 6-го ноября был назначен митинг на Трубочном заводе, то засевшими там войсками рабочие были разогнаны. Рабочие собираются в другом месте—полиция вновь разгоняет их. Но вот приезжает депутат Совета, требующий разрешить митинг. Немедленно офицер извиняется, и полиция... принимает деятельное участие в сборе разбежавшихся рабочих.

Царский полицейский, собирающий рабочих на митинг, признаться, довольно любопытное зрелище, даже в условиях 1905 года!..

Не менее любопытно, что та же полиция разгоняла собрание интеллигентов, выполнивших все формальные требования закона о собраниях. Видимо, царская полиция

классифицировала Совет иначе, чем обыкновенную организацию. «Совет Рабочих Депутатов—совсем другое дело», заявил однажды градоначальник Дедюлин проф. Явейну. Обстановка, в которой была произнесена эта фраза, придает ей еще больше значения. Фраза эта вырвалась при таких обстоятельствах: после закрытия полицией одного из интеллигентских собраний, председатель II отделения вольно-экономического общества, проф. Явейн, обратился за раз'яснением к градоначальнику Дедюлину. «Собрание закрыто потому,—заявил градоначальник,—что оно состоялось без соблюдения закона 12 октября. Если собрание будет по именным повесткам и при сравнительно небольшом числе участников, то на таких собраниях не будет присутствовать полиция». Профессорская же ссылка на Совет Р.Д. только вызвала замечание, что «Совет Рабочих Депутатов—совсем другое дело», хотя вход на заседания Совета происходил не по именным повесткам, и число участников вместе с гостями иногда доходило до 2—3 тысяч. Полиция на заседаниях присутствовать не решалась, а располагалась в виде «почетной стражи» у входа.

«Совет—пишет Хрусталев—пользовался правом экстерриториальности». Конечно, это право определялось не симпатиями царского правительства, а его неуверенностью и слабостью. Совет боялись трогать, чтобы не вызвать более сильных волнений в рабочей среде. Когда 3 ноября были расклеены об'явления Дедюлина, призывавшие население к борьбе с Советом, то министр торговли и промышленности предлагал быть осторожнее, чтобы «не раздражать рабочих», и если Совет не был раздавлен в первой половине ноября, то исключительно благодаря тому, что Витте и компания были бессильны. Невольно приходилось мириться с огромным бельмом на глазу, хотя еще в ноябре заведующий охранкой полк. Герасимов смотрел на Совет, как на будущее временное правительство. Это временное правительство боялись арестовать еще из опасения всероссийского революционного выступления.

На помощь Ленинграду шла провинция, создавая Советы Рабочих Депутатов; поднимались флот и армия; начинались крестьянские выступления и в конце ноября кадетское «Право» признавало, что «тяжелой поступью, шумно-

и размашисто шествует вперед русская революция, неудержимо сметая на пути своем обветшалые преграды самодержавного режима. То, что до сих пор казалось неприступной твердыней, является теперь каким то карточным домиком. Вот, вот последняя подпорка будет вынута, и здание самодержавия должно будет окончательно рухнуть, увлекая за собой и погребая в своих обломках всех жильцов своих» («Право» № 47).

Накануне решительного выступления. Положение самодержавия стало особенно грозным с восстанием, прокатившимся на Черном море. Грозный призрак революционной армии торопил правительство в его выступлении. Оно понимало, что исход революции зависит от того, кто скорее успеет мобилизовать свои силы. В ноябре уже щел разговор о сроке решительного выступления. Исход революции зависел от того, сумеет ли пролетариат во время связаться со всей остальной революционной Россией, революционной армией, революционным крестьянством.

В этой накаленной атмосфере Севастопольское восстание означало настолько опасный симптом для царизма, что «Новое Время» стало истерически указывать на гибель флота и предсказывать гибель самодержавия. «Мы накануне, может быть, огромного мятежа—писало «Новое Время» 19-го ноября,—само правительство уже об'являет, что пролетариат уже имеет целую дивизию вооруженных бунтарей... Если я не ошибаюсь, Петербург, а с ним вместе Россия никогда не были в большей опасности, чем в эти дни... Я буду глубоко счастлив, если ошибусь, но думаю, что признаки катастрофы слишком явственны, чтобы предаваться бездействию. Партия открытого восстания не ничтожна. Эта партия ведет себя, как решающая сила, и с каждым днем все больше людей, которые верят в нее. Революционное правительство (подразумевается Совет. П. Г.), как некогда Конвент, уже рассылает открыто своих комиссаров в провинцию и, не стесняясь, говорит о способах вооруженной борьбы. Это уже не подпольная деятельность: наоборот, подпольной начинает казаться работа старой власти» *).

---

*) «Новое Время» от 19 ноября № 10661.

«Новое Время» не шутило. Правые организации, выпускавшие всякого рода погромные прокламации, должны были уйти в подполье. Рабочие категорически отказывались их набирать, требуя со стороны Совета контроля над их изданием, и Исполнительный Комитет установил цензуру для рукописей. Любопытный случай произошел с прокламацией за подписью «группы рабочих заводов и фабрик Петербурга», разоблачавшей самодержавие» Совета Рабочих Депутатов. В ней говорилось о недопустимом поведении Исполнительного Комитета, расхищающего рабочие деньги, о вреде Совета для рабочих, передавалась масса других клеветнических вымыслов. За подписью «группы рабочих фабрик и заводов Петербурга» в действительности скрывались черносотенные граф Орлов-Давыдов и графиня Мусина-Пушкина, написавшие текст прокламации и отправившие ее в типографию для напечатания в количестве 10 тысяч экземпляров.

Совет отпечатал эту прокламацию целиком в «Новой Жизни», разоблачив при этом черносотенные проделки. Неудача для черносотенцев была настолько велика, что после этого они вынуждены были прибегнуть к подпольному способу печатания своих произведений. Так, 25 ноября подпольно вышел № 1 «Русского Знамени»—орган Пуришкевича.

На что же еще оставалось надеяться самодержавию?

Самодержавие начало спешно мобилизовывать свои силы: ассигновало колоссальные денежные суммы на полицию, издало указы о льготных выкупных платежах для крестьян, обещало улучшить материальный быт армии, посылало в помощь губернаторам людей с «железной волей», умеющих беспощадно расправляться с революционерами.

Вдохновители реакции.

В ноябре уже не составляло секрета, что главным вдохновителем реакции вновь открыто всплывает Трепов. По этому поводу пишет и Витте, что в ноябре «государем владеет Трепов, он (Трепов), а не государь, пишет мне резолюции». Поднимается курс, и на подобие Трепову, первые роли начинают играть Дурново, Дубасов, Меллер-Закомельский — палачи 1905 года, прославившиеся своей беспощадностью. Они не были исключением; наоборот, самодержавие сожалело, что их слишком мало. Достаточно будет дать характеристику

этих «замечательных людей», написанную их же товарищем по разгрому революции, графом Витте, чтобы видеть на кого опиралось самодержавие. «Как то раз (при Сипягине)— вспоминает Витте — мне докладывают, что сенатор Дурново П. Н. просит меня принять. Я его принял, и он сразу, в первый раз меня увидевши, просил... чтобы его выручить; ему нужно было безвозвратно шестьдесят тысяч рублей, проигранных на бирже». Когда же Сипягин, желая назначить Дурново в полицию, спросил отзыв Витте о нем, то Витте, не стесняясь, отвечал: «что Дурново должен отлично знать министерство, что ему, Сипягину, необходимо иметь умного и деятельного, а также опытного товарища, но я ему не советовал бы поручать Дурново дела полиции и вообще дела, в которых есть вещи неконтролируемые. На это мне Сипягин ответил: «это я знаю». Но, видимо, качества бесконтрольности и безответственности были плотью от плоти самодержавной системы. Как известно, Дурново был назначен в департамент полиции. В 1905 году же Дурново был главным вдохновителем реакции и правой рукой Трепова.

Не лучше характеристика другого вдохновителя реакции— адмирала Дубасова, получившего в конце ноября назначение на пост Московского генерал-губернатора. О жизни этого «героя реакции» в свое время писала «Новая Жизнь», перечисляя его морские и сухопутные заслуги *).

---

*) «Военные подвиги» на море:

1. В 1877 году г. Дубасов в чине лейтенанта взорвал на Дунае турецкий монитор, за что награжден Георгием.

2. В 1885 году, при открытии канала, он же посадил на мель русский крейсер «Африка»; чем награжден—неизвестно.

3. Командуя крейсером «Мономах», произнес непечатные слова по адресу товарища-офицера. Обошлось без дуэли...

4. В 1896 году, командуя флотом на Д. Востоке, занял Порт-Артур, который русское правительство обязалось не занимать.

На суше:

1. В середине 80-х г.г. Дубасов (в звании флигель-ад'ютанта) подрался на кронштадтской пристани с г. Замысловским, директором Ораниенбаумского пароходства.

2. В то же приблизительно время, в том же Кронштадте г. Дубасов побил угольного чиновника, за что был уволен.

3. В половине 90-х годов г. Дубасов вновь принят на службу и, находясь в Берлине в качестве русского морского агента, подрался с немецким жандармом, вследствие чего должен был покинуть Берлин.

4. В 1900 г. во время пожара казенных складов в Петербурге г. Дубасов лишился своей адмиральской мебели, хранившейся в

Конечно, подыскать лучшую кандидатуру на пост Московского градоначальника было трудно, и «сухопутному адмиралу» пришлось продолжать свой послужной список в Москве.

Мы дали краткую характеристику двух главных вдохновителей и проводников реакции в 1905 году—Дубасова и Дурново. Много похожего можно было бы найти и в «послужных списках» других героев реакции, занимавших менее видное место. Кратко только остановимся на графе Витте.

До сих пор широко распространена легенда, что Витте будто-бы явился вестником царской капитуляции во внутренней войне, что самодержавие обрело в нем ловкого кормчего, поведшего самодержавие на буксире. Нередко личность Витте противопоставляют Трепову, Дурново и прочей придворной камарилье. Эту легенду упорно поддерживал и сам Витте, изображая в своих «Воспоминаниях» себя, как человека, обманутого самодержавием. Но легенда эта совершенно не имеет оснований. Если и был конфликт между Треповым и Витте то, преимущественно, из-за личного влияния на Николая, но отнюдь не из за расхождения по основным вопросам внутренней политики самодержавия в период ноября месяца. Треповская политика в вопросах борьбы с революцией была только несравненно прямее и откровеннее лицемерной политики Витте. Упоминая о попытках наступления реакции в ноябре, Витте только вскользь замечает что однажды, приехав (на доклад к Николаю II), он вкратце об'яснил положение Москвы и настаивал на необходимости экстренно послать туда войска из Петербурга. Из «Воспоминаний» вы совершенно не узнаете, что Витте оказывал громадное влияние на увеличение субсидий полиции и на расширение ее штатов. В секретных делах Дубасова, например, сохранилась такая собственноручная записка графа Витте к Дур-

---

этих складах. За сгоревшую мебель адмиралу, конечно, было выдано вознаграждение от казны в размере 190.000 руб.

5. В. 1904 году участвовал в парижской конференции по поводу известного сражения победоносной русской эскадры с флотилией английских рыбачьих лодок близ Гулля. За горячую защиту чести русского флота на этой конференции возведен в звание генерал-ад'ютанта.

6. В 1905 году, как испытанный и надежный «боец», командирован в Черниговскую губернию для усмирения голодных и безземельных крестьян...» («Новая Жизнь» от 27 ноября № 23).

ново, написанная в ноябре. «Многоуважаемый Петр Николаевич. По моему мнению необходимо немедленно улучшить положение полиции и увеличить ее состав, не ожидая утверждения кредитов. Покорнейше прошу Вас издать экстренное (подчеркнуто Витте) распоряжение, в особенности в отношении Петербурга, Москвы и других больших городов. Преданный Вам С. Витте» *).

Витте, уговаривающий Дурново в необходимости экстренного увеличения полиции—это по меньшей мере любопытно!..

Удельный вес расходов на полицию в России занимал выдающееся место. Отпуск государственных сумм на полицию представляется в таком виде: в Николаевскую эпоху он достигал 12½ тысяч рублей; в 60-х г.г. увеличился до 150 тысяч рублей; в 70-х—375 тысяч рублей; 80—83 г.г.—440 тыс. руб.; в 1903 г.—1.300.000 руб., а в 1906 году на полицейские расходы отпускалось дополнительно 23 милл. рубл. Увеличение произошло за счет урезки бюджета по земледелию и просвещению. Так, на выдачу сельско-хозяйственных ссуд всего отпускалось 300 тыс. руб.; на ирригационные работы 300 тыс. руб.; на переселенческие ссуды 400 т. руб.; на министерство народного просвещения 1.200 тыс. руб.

В ноябре царизм спешно увеличивал штаты полиции, повышая ставки полицейских чинов до тройного размера. Одновременно был также увеличен отпуск средств на армию. Царизм ждал лишь удобного момента для выступления и ареста Ленинградского Совета.

Разведка реакции.

Необходимости ареста Совета стала в ноябре центральным и наиболее злободневным вопросом всей внутренней политики самодержавия. Арест Совета предполагалось, очевидно, совершить в начале ноября, но тогда самодержавие не рассчитывало на свои силы, и аресту помешала ноябрьская стачка. В делах охранного отделения сохранилось такое письмо, адресованное неким Беловым к Витте и датированное 7 ноября: «Ваше сиятельство Сергей Юльевич. Ради Бога, запретите арестовать Хрусталева и кого бы то ни было из делегатов рабочих. Такая мера вызовет взрыв и окончательно подорвет доверие»... **) Видимо, в начале ноября это настроение не было,

*) Секр. Канцелярия Дубасова. Дело 154, т. 3, 1905 г.
**) Департамент Полиции, 7 делопр. № 6.409, т. I, 1905.

чуждо и самому правительству. Но арест Совета, как необходимая задача дня, особенно остро встал во второй половине ноября, преимущественно под впечатлением Севастопольских событий. Каждый день второй половины ноября приносил все новые и новые печальные вести для царизма: начало волнений в армии, рост Советов в провинции, волнения среди крестьян. Царизм, даже лишенный возможности открыто печатать свои погромные прокламации, был похож на загнанного зверя. Самодержавие понимало, что каждый просроченный день гибелен для него. Вот почему оно зорко следило, чтобы не упустить момент, вот почему оно начинает свои аванпостные стычки еще задолго до ареста Совета, который должен был явиться завершением ряда предварительных разведок.

Еще 14 ноября, на основании положения об усиленной охране, в Москве был арестован Крестьянский Союз. К этому же времени был предрешен и арест председателя Совета— Хрусталева-Носаря. Не будучи достаточно уверенным в успехе, самодержавие, однако, медлило. Министр юстиции «доказывал», что Совет нельзя относить к тайным обществам и не мог «подобрать» соответствующей статьи закона, на основании которой можно было бы произвести арест. Севастопольские волнения, однако, разрешили колебания министра. Статья была найдена, вопрос об аресте был решен.

Арест Хрусталева.

26 ноября в помещении Исполнительного Комитета Хрусталев был арестован. Арестом Хрусталева правительство, взяв инициативу в свои руки, первым шло на решительный штурм революции. Опасаясь контрвыступлений пролетариата, правительство послало к Совету громадное число полиции и войск. Вот как «Борьба» передает картину ареста: «кто-то прибежал в Исполнительный Комитет со словами: «что-то неладное, ведут солдат». Действительно, по Торговой улице появились казаки, драгуны, конные и пешие полицейские, которые быстро со всех сторон окружили дом, где находился Совет Р. Д. Вскоре в И. К. вошел прокурор, казаки, солдаты и масса полиции. Вся лестница и двор были запружены полицейскими. Казалось, что полиция пришла не арестовывать несколько человек, а брать приступом крепость».

Арест Хрусталева сильно повлиял на Совет.

В связи с этим, вечером 26-го ноября, срочно было созвано заседание Исполнительного Комитета. Приходилось разрешать один основной вопрос—как ответить на этот вызов самодержавия.

«Члены Исполнительного Комитета—передает Сверчков—единодушно вместе с представителями партий признали, что ответ на арест—об'явление всеобщей забастовки—является невозможным. Выступление могло быть только всероссийским; связи же с другими городами мы пока не имели, да без предварительных, хотя бы телеграфных сношений, и нельзя было решить вопроса. Каждый день усиливал наши силы присоединением в нашей борьбе все новых Советов, возникавших повсюду».

Благодаря этим соображениям, после долгих прений и была единогласно принята следующая резолюция: «26-го ноября царским правительством взят в плен Председатель Совета Р. Д.—тов. Хрусталев-Носарь. Совет Р. Д. выбирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию».

Опасность момента сознавала и широкая масса рабочих, в среде которой арест Хрусталева квалифицировался, как дерзкий вызов революции со стороны царизма. На рабочих митингах живо обсуждался вопрос о наступлении реакции, и, несмотря на свирепствующий локаут, выносились вполне определенные резолюции. «Доверяя Совету Рабочих Депутатов и его Исполнительному Комитету, мы, рабочие завода Гейслера, на собрании 27 ноября 1905 года в Народном Доме Нобеля, по вопросам об аресте председателя, тов. Хрусталева, решили поручить Совету Рабочих Депутатов выработать меры к освобождению товарища Хрусталева; если же царское правительство не даст возможности собраться Совету, мы предлагаем в том случае Исполнительному Комитету принять на себя все полномочия Совета; со своей стороны мы будем всеми средствами проводить решения Исп. Комитета».

«Признавая в аресте представителя Совета Рабочих Депутатов—говорит другая резолюция—новый шаг по пути реакции вплоть до военной диктатуры, которой черносотенное правительство хочет раздавить рабочее движение, мы, рабочие заводов Бейера, Однера, Вестингауза и Арматурного, на со-

брании 27 ноября выражаем полную готовность отстаивать добытую нашей кровью свободу и призываем всех товарищей рабочих, приняв дерзкий вызов правительства, готовиться к борьбе, вплоть до вооруженного восстания, к борьбе под знаменем Р.С.Д.Р.П.».

Аналогичные резолюции выносились на многих других многолюдных митингах, созванных в связи с происшедшим арестом. На арест откликнулись и провинциальные Советы. Отозвалась и печать: социал-демократические газеты («Новая жизнь», «Начало», «Русская газета»), оценивая арест, придавали ему огромное значение. Несколько номеров этих газет вышли с аншлагом: «Граждане! требуйте немедленного освобождения народного представителя—Хрусталева».

Последнее заседание Ленинградского Совета.

27 ноября было созвано пленарное заседание Ленинградского Совета—одно из многолюднейших—последнее заседание Совета. Следующее собрание Совета, назначенное на 3 декабря, даже не успев приступить к работам, было полностью арестовано. Арестовать же весь Совет целиком 27 ноября реакция еще видимо побаивалась. Вот как описывает это заседание один из очевидцев: «Совет собрался в своем постоянном, за последнее время, помещении в залах вольно-экономического Общества, гостеприимно раскрывшем перед ними дверь, при обычной обстановке: по-прежнему у внутренних дверей стоял контроль, проверявший депутатские и партийные билеты входящих, а снаружи дежурный наряд полиции, не смевший, однако, показаться внутри здания; все также со стен залы хмуро и удивленно глядели портреты каких-то генералов. Собрание открыто; нервное и приподнятое вначале, оно скоро находит свой всегдашний сдержанный и спокойно-деловой тон». Собрание открылось докладом Исполнительного Комитета об аресте Хрусталева и некоторых других лиц, захваченных вместе с ним, но не причастных к Совету, о результатах обыска в Бюро Совета и Союза Рабочих печатного дела. Многие члены Совета требовали немедленного и прямого ответа, но после кратких прений большинство Совета пришло к выводу, что арест Хрусталева носит провокационный характер, а, между тем, каждый день все более сплачивает революционные силы и делает революцию сильнее.

Громадное влияние на решение вопроса оказало заявление представителя железнодорожников, указавшего, что железнодорожный союз не считает возможным в настоящий момент об'явить всеобщую забастовку и предлагает обождать до 5 декабря, т. е. до созыва Всероссийского с'езда. Поэтому, члены Совета единодушно пришли к выводу о невозможности немедленного ответа на вызов правитсльства, решив присоединиться к резолюции Исполнительного Комитета. Одновременно решено было обратить серьезное внимание на всероссийское об'единение роволюционных сил.

При выборе нового председателя Совета, собрание, понимавшее, что наступает решающий момент, соглашается на выбор председательского Бюро в составе 3 человек. При этом произошел любопытный инцидент, характеризующий рост идейной сплоченности Совета. Представители с.-р. возбудили вопрос, что в председатели не могут быть избраны официальные представители партий, повторяя при этом известные мотивы, что Совет, якобы, является организацией беспартийной, что официальные представители пользуются совещательным голосом и т. п. Отповедь эсеровскому выступлению со стороны одного из рабочих, встреченная единодушными аплодисментами, была лучшим доказательством того, что взаимоотношения между партийной социал-демократической организацией и Советом уже достаточно выявлены. Подавляющим большинством голосов в председательское бюро были избраны: Троцкий, Сверчков и Злыднев. Демонстративно выставленный эсерами Н. Д. Авксентьев получил незначительное число голосов.

Далее присутствовавший на собрании представитель Всероссийского Крестьянского Союза предложил Совету присоединиться к постановлению Союза о непризнании и отказе от уплаты долгов, сделанных самодержавием после 10 ноября (день, когда было принято постановление), и к постановлениям Московской группы Крестьянского Союза, приглашавшей не платить налогов, брать вклады из банков и сберегательных касс и не давать рекрутов. Совет присоединился к этим постановлениям, предложив Исполнительному Комитету, совместно с другими революционными организациями, выпустить манифест, об'единяющий и раз'ясняющий смысл этих решений.

Затем собрание постановляет, в случае усиления полицейских репрессий, передать функции Совета расширенному Исполнительному Комитету, пополнив его двумя представителями от районов и по одному представителю от профессиональных союзов. На этом же собрании выступили представители-солдат финляндских батальонов и Польской Социалистической Партии (P. P. S.), горячо приветствовавшие Совет. Потом представитель Всероссийского Крестьянского Союза выразил уверенность, что в решительный момент революционное крестьянство совместно с пролетариатом нога в ногу пойдет на общий штурм самодержавия. Дружеское рукопожатие представителя Крестьянского Союза и представителя Совета при несмолкаемых аплодисментах и кликах было знаменательной демонстрацией, символизирующей необходимость братского союза...

Не трудно заметить, что все это заседание прошло под чувством нависшей угрозы со стороны царизма. Предчувствия многих членов Совета об угрозе со стороны самодержавия вскоре, как известно, оправдались. Заседание Совета 27 ноября было последним. С этого дня деятельность Совета концентрируется в Исполнительном Комитете.

29 ноября Исполнительный Комитет, с большим вниманием выслушав письмо депутата, командированного для организации провинциальных Советов и согласования общереволюционных выступлений, перешел к вопросу о необходимости усиления печатной агитации. На этом заседании было выработано воззвание Совета к солдатам, отвечавшее на больные вопросы, с которыми солдаты часто обращались в Совет. Попутно встал вопрос о необходимости дать право Исполнительному Комитету выпускать листки от имени Совета. Это вынуждалось усилившейся к началу декабря широкой агитацией черносотенных организаций, выпускавших огромное количество листовок и воззваний.

Любопытно отношение Исполнительного Комитета к заявлению 15 рабочих инструментальной мастерской завода военно-врачебных заготовлений, просивших оказать помощь в организации кооперативной мастерской. Эта просьба была отклонена по тем принципиальным мотивам, что Совет не филантропическая, а боевая организация. Затем Исполнительный Комитет перешел к рассмотрению текста «Финансового Манифеста»,

окончательная же редакция его поручалась комиссии в составе президиума Совета, двух делегатов Исполнительного Комитета и представителей партийных организаций и Крестьянского Союза. На состоявшемся 1 декабря заседании Комиссии был окончательно выработан и принят знаменитый «Финансовый Манифест» ко всему населению России *).

Финансовый Манифест и его подлинное значение.

Тотчас же по принятии Финансового Манифеста в комиссии, он был передан в редакции Петербургских газет. 2 декабря манифест опубликовывается полностью в газетах: «Новая Жизнь», «Начало», «Сын Отечества», «Русь», «Наша Жизнь», «Свободное Слово», «Свободный Народ».

Манифест по существу не явился чем-то новым. Еще 23 ноября Исполнительный Комитет выпустил воззвание, появившееся во многих газетах, в котором он «признал необходимым, в виду наступающего государственного банкротства, чтобы рабочий класс и все бедные классы населения брали свои вклады из сберегательных касс и требовали всяких расплат, в том числе и получения заработной платы звонкой монетой».

2 декабря, по существу, говорилось тоже. Манифест об'единил предложения Совета 23 ноября и Крестьянского Союза 21 ноября. Но боевой тон манифеста и подписи революционных организаций создавали впечатление решительного революционного штурма. В действительности же за этой внушительной демонстрацией — организованной и вооруженной силы не было.

Совет, издавая «Финансовый Манифест», рассматривал его не как начало решительного наступления, а как одну из мер, подрывающую самодержавие. Он не рассчитывал, что будет стоять на грани вооруженной борьбы.

Между тем, вследствие контр-выступления самодержавия «Финансовый Манифест» об'ективно стал началом решительной схватки. Что «Финансовый Манифест» был для самодержавия лишь удачным поводом к решительному выступлению, видно хотя бы из того, что еще накануне 2 декабря самодержавие опубликовало знаменитый драконовский указ о стачках. Первая реши-

*) См. Приложение.

тельная схватка самодержавия с революцией, как известно, произошла 26 ноября, вылившись в арест Хрусталева. Самодержавие тогда впервые перешло в наступление. Но, увидев, что спровоцировать выступление не удалось, оно в конце ноября предпринимает новые шаги, рассылает телеграммы об арестах, издает 2 декабря указ о стачках, конфискует газеты. Издание манифеста явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения царизма. Правительство прекрасно учитывало, что Финансовый Манифест может послужить большой угрозой самодержавию, так как манифест бил по одному из наиболее слабых мест царизма и мог поколебать уверенность в незыблемости самодержавия среди значительного слоя мелкой буржуазии. Вот почему 2 декабря правительство конфисковывает и закрывает все газеты, напечатавшие Финансовый Манифест, рвет со всеми «иллюзиями» манифеста 17 октября и угрожает беспощадной расправой с забастовщиками. «Новое Время», почуяв решительный момент, теперь уже цинично заявляет, что «монархия есть один из способов и при известных условиях— наилучший—для представительства народной власти»...

Ликвидация Ленинградского Совета.

Наглость реакции возростала. 3 декабря в 4 часа дня был арестован Исполнительный Комитет Совета. Заседание происходило в вольно-экономическом обществе. Предстояло разрешить острый и жгучий основной вопрос—что делать?

Представитель Федеративного Совета от имени Центрального Комитета большевиков и Организационной Комиссии меньшевиков предложил в самом непродолжительном времени об'явить всеобщую забастовку, срочно договорившись со всеми организациями. Он мотивировал свое предложение тем, что каждый день выжидания только усиливает наглость реакции. Весьма возможно, — говорил он,—что в недалеком будущем реакция может сделать попытку ареста всего Совета. Момент для всеобщего выступления достаточно благоприятный, так как конфискация газет и каторжный закон о стачках вызовут взрыв негодования среди населения и послужат хорошей базой для всероссийского выступления пролетариата. Кроме того, крестьянские и солдатские волнения могут обеспечить успех выступлению.

Делегат железнодорожного Союза предложил, однако,

об‘явление забастовки согласовать с решением Всероссийского железнодорожного с‘езда, созванного на 6 декабря. Вопрос вызвали оживленные прения. В защиту немедленной стачки выступил представитель почтово-телеграфного Союза, указывавший что новые силы почтово-телеграфных работников вольются во всеобщую стачку. Однако не успел представитель почтово-телеграфного Союза закончить свое выступление, как Исполнительный Комитет получил сообщение, что арест Совета назначен на 3 декабря. Исполнительный Комитет решил все же продолжать заседание. Большинство отмечало что Совет не подпольная, а достаточно легальная организация и распустить заседание—значит признать его существование нелегальным и создать прецедент для разгона заседаний Совета.

Прения возобновились. Но Исполнительный Комитет вновь получил другое сообщение из бюро Исполнительного Комитета, что арест Совета неизбежен и что Измайловскому полку приказано быть на готове для помощи полиции. Все же, Исполнительный Комитет вторично решает собрания не распускать, постановив удалить только некоторых членов Исполнительного Комитета, наиболее знакомых с текущими делами, чтобы они, избежав ареста, могли сохранить преемственность работы Совета.

Уйти, однако, никому не удалось. Гарцующие казаки, пешая и конная полиция, городовые и пехота вскоре наполнили улицы, прилегающие к вольно-экономическому обществу, здание было окружено войсками. Вскоре послышался лязг оружия и звон шпор внутри помещения. Полицией, державшей ружья на перевес, доступ в помещение был закрыт. Все члены Исполнительного Комитета остались на местах, решив продолжать заседание и не оказывать сопротивления войскам. Только внизу, где собрались Депутаты Совета, были слышны негодующие возгласы. Председательствовавший тов. Троцкий потребовал у офицеров не мешать работе и закрыть дверь. Требование не было ими исполнено. Только когда слово взял член Исполнительного Комитета С. Л. Вайнштейн (Звездин) и громко заговорил, что «своим сегодняшним актом грубого насилия правительство подкрепило доводы в пользу всеобщей забастовки. Оно предрешило ее и исход нового решительного выступления пролетариата зависит от войск»—дверь была

поспешно закрыта. Кончить речь т. Звездину не пришлось, так как в комнату вместе с ротмистром вползли дюжины две городовых, разместившиеся за стульями членов Исп. Комитета. Председатель об‘явил о закрытии заседания. Делегаты стали быстро уничтожать бумаги, документы, портить оружие. Начался обыск и составление протоколов. Все отказались назвать свои имена и фамилии и, записанные по номерам и приметам, поступили под конвой полиции. Любопытное зрелище представлял этот первый список арестованных членов Совета, расшифровка которого отняла у полиции изрядное количество времени.

Так Ленинградский Совет, арестованный в ту решительную минуту, когда вырабатывал форму ответа на наглость реакции, еще раз убедился в необходимости вооруженной борьбы с самодержавием, получив в то же время предметный урок о значении инициативы в революционных боях!

Арестовывая Ленинградский Совет, самодержавие доказывало, что оно бесповоротно стало на путь решительной борьбы с революцией. Оно хотело раз навсегда покончить с Советом, который оно само называло «временным правительством». Неудивительно, что, при аресте Совета, один из предводительствовавших офицеров с радостью воскликнул: «наконец то удалось захватить это временное правительство!». До позднего вечера продолжались аресты депутатов. Чтобы арестовать возможно большее число членов Совета, жандармерия позволяла всем входить в помещение вольно-экономического общества, не выпуская оттуда никого.

Вскоре арестованные члены Исполнительного Комитета, под усиленным конвоем, в особо приготовленных каретах были доставлены в тюрьму. Правда, такой «почет» был оказан только членам Исполнительного Комитета. Для остальных же членов Совета карет «не хватило», и 230 депутатов Совета были отправлены пешком. Арестованных членов Совета, разбив на группы в 50—60 человек, вели изолированно, окружив тройным кольцом войск. Первое кольцо составляли плотно сомкнутые пехотинцы. Кольцо было настолько плотным, что ни выйти, ни войти к арестованным не представлялось возможным. Следующее кольцо состояло из конной жандармерии. Третье же кольцо образовывалось из патрулей

и пикетов, появлявшихся в «подозрительных» переулках на случай возможного нападения. «Шествие выглядело настолько внушительным,—писал корреспондент «Молвы»,—что я уверен был в том, что арестованных ведут на казнь». Арестованные члены Исполнительного Комитета были размещены в Петропавловской крепости, члены же Совета помещены в «Крестах».

Так разделывалось самодержавие с Советом!

Вот как об аресте Совета сообщал департамент полиции во всеподданнейшем донесении. «В городе СПБ 3 декабря в помещении вольно-экономического об-ва арестован Исполнительный Комитет С.Р.Д., заседавший в числе 37 человек под председательством Троцкого в Советской комнате, а также Совет Р. Д. в количестве 230 человек в общем зале заседаний. При обыске помещения, где заседал Исполнительный Комитет, обнаружены: печать «Совет Р. Д»., подлинные резолюции, черновые воззвания к солдатам и другие, кассовый отчет, адреса для корреспонденций и постановление того же Совета о закрытии 3 декабря некоторых газет, неоконченный протокол заседания 3 декабря об общей забастовке во всей Империи и о вооруженном восстании, тетрадь с оттиском печати Р.С.Д.Р.П. с адресами членов районных комитетов и разные другие заметки и рукописи. Кроме того найдено 9 револьверов целых и 18 изломанных, а также несколько финских ножей и самодельных кинжалов» *).

Арестовав Ленинградский Совет, самодержавие однако, еще, не ликвидировало революцию. Через несколько дней, как отзвук на арест Ленинградского Совета, грозные события пронеслись по промышленным местам России. Правда, они не были достаточно об'единены, не были сплочены единой руководящей организацией. Тем не менее, декабрьские события явились незабываемым уроком для пролетариата, доказав, что победа пролетариата возможна только через вооруженную борьбу с самодержавием, доказав правильность большевистского прогноза русской революции.

---

*) «Всеподд. Записки», Деп-т Полиции. 4 делопр. 2540, часть 2.

ГЛАВА VI.

Советы в восстании.

Декабрь.

К декабрю революция пробудила все слои населения, выведя их из пассивного состояния. В начале декабря существовали самые разнообразные профессиональные союзы, вплоть до союзов поваров, дворников, швейцаров, полотеров, официантов, прачек, модисток, домашней прислуги, шляпниц и т. п.,—не говоря уже о союзах, об'единявших индустриальный пролетариат. Движение коснулось даже... полиции и жандармерии. Появились новые фигуры—сознательных строевых казаков, городовых, околодочных, железнодорожной жандармерии. В газете «Новая Жизнь» стали печататься покаяния агентов охранного отделения, заявлявших о разрыве со своим позорным прошлым.

Зашевелилась и деревня. Ряд беспорядков проносится в Донской области, Царстве Польском, Литве, Латвии. О «бунтах» сообщают из уездов: Сызранского, Балашовского, Малоархангельского, Казанского, Старобельского и многих других.

Революционная бацилла проникла во флот и в армию. Вслед за сообщениями о матросских волнениях телеграф ежедневно сообщал о бунтах в воинских частях: в Киеве, Екатеринодаре, Елизаветполе, Курске, Ломже, Москве и. т. п. Волнение вначале захватывало запасных, и царское правительство под угрозой восстания распускало их по домам. Правда, волнения в воинских частях носили стихийный характер—твердое революционное руководство отсутствовало. Тем не менее, эти волнения были грозным симптомом для самодержавия, достаточно грозным для того, чтобы на вопли губернаторов и провинциальной администрации, жаловавшейся на крайнюю недостаточность войск, царское правительство

посылало строжайшие предписания из центра об усилении надзора за запасными, обезоружении их и роспуске по домам.

В декабре возникли многочисленные Советы Р. Д. в провинции. Они растут как грибы, не только в крупных промышленных местах России, но даже и в небольших рабочих поселках Донбасса, Урала и т. д.

В декабре царизм, прижатый со всех сторон, решается на последний бой, рискуя погибнуть или победить. Он с напряженным вниманием следит, как суживается и замыкается вокруг него цепь, понимая, что, если он упустит момент, его уничтожат совершенно.

Декабрь и был для самодержавия тем моментом, когда пассивность грозила ему гибелью. Вначале извиваясь и расшаркиваясь перед революцией, царизм стал затем с ужасом замечать, что революционный шквал готов смести все устои старого порядка. Царская бюрократия стала убеждаться, что сила революции с каждым новым прибоем растет и крепнет. Как в грозную бурю, место у руля занимают «морские волки», видевшие виды, точно так и в декабре у руля контрреволюции становятся Дубасовы, Дурново, Рененкампфы — прожженные волки самодержавия.

3 декабря арестовывается Ленинградский Совет Рабочих Депутатов. Шифрованные телеграммы о массовых арестах и расстрелах несутся по всем городам. Самодержавие сочло выгодным первым итти в бой: в то время, когда на заседаниях Исполнительного Комитета обсуждали, дать ли решительный бой немедленно или подождать, самодержавие арестом Совета нагло заявило, что решительный бой уже идет.

Ленинград в декабре. Арест Ленинградского Совета, как известно, имел всероссийское значение; он, с одной стороны, знаменовал решительное выступление реакции, с другой же, обезглавливал пролетариат Ленинграда в его вооруженной борьбе с самодержавием. Насколько к декабрю месяцу огромная роль Совета осозналась рабочей массой, видно из того что вслед за арестом Совета делаются попытки его реставрации. «Мы, собравшиеся рабочие фабрик и заводов Невского района,—говорит резолюция,—обсудив вопрос об аресте Совета Р. Д., и глубоко возмущенные новым актом самодержавного произвола, постановили: 1) немедленно избрать, взамен арестованных товарищей,

новых депутатов; 2) поручить С. Р. Д. совместно с партиями обсудить вопрос о протесте по поводу нового произвола царского правительства; 3) подчиняться всем постановлениям, вынесенным совместным решением С. Р. Д. и партиями» *).

Такое же настроение было и в других рабочих районах. Действительно, 5 декабря происходили выборы новых депутатов в Совет. Однако, как известно, полный пленум второго Ленинградского Совета созвать не удалось. Удар, нанесенный самодержавием, оказывался значительно сильнее. Не удалось целиком собрать даже Исполнительный Комитет.

На своем первом далеко не полном заседании, второй Исполнительный Комитет не взялся даже решать вопросы, потребовавшие немедленного ответа, ограничившись только избранием временного председателя и заслушанием сообщения представителя железнодорожного союза. Выбор же председательского бюро и разрешение вопроса об об'явлении всеобщей забастовки решено перенести на расширенное заседание Исполнительного Комитета. Но и впоследствии—взять движение в свои руки и руководить им—Исполнительному Комитету не удалось. Как замечает Перес—второй Исполнительный Комитет «преимущественно занимался будничными делами рабочей жизни—своего рода вермишелью. Иногда в нем происходили сцены, совершенно невозможные в первом геройском Совете» и дальше рассказывает такой эпизод: «Парвус, председательствуя на собрании, вносит проект обезоружения городовых на улицах:—«Спрятав такую большую спринцовку, невинно подойти и вдруг, сразу ему в нос одуряющей жидкостью. Рецепт я знаю. Он ошеломлен—в это время снимай с него оружие».

Вечный шут и остряк Алексинский (тогда большевик и представитель Пет. Ком-та.), со своей ехидной улыбочкой, «не возражает по существу», но считает необходимым рассказать о продавце вернейшего средства от клопов.

— Поймать клопа, взять на кисточку этой жидкости и пичкать его, пичкать его. А клоп чахнуть, чахнуть, а затем скончается» **).

Симптоматичный эпизод!..

*) «Сев. Голос» № 1 от 6 декабря.
**) Б. Перес. Воспоминания о 2-м Совете.

Правда, Исполнительный Комитет пытался поддержать московское восстание, об'являя забастовку и выпустив ряд воззваний совместно с партийными организациями социал-демократов, социалистов-революционеров и »Бунда«. В № 9 «Известий» им опубликовывается воззвание «ко всему народу», раз'ясняющее смысл декабрьской забастовки *).

«В четверг 8 декабря,—говорится в нем,—в 12 часов дня, во всех заводах, фабриках, мастерских, во всех торговых предприятиях, конторах, банках, лавках, складах, по всем путям сообщения самого Петербурга и соединяющим Петербург с остальной Россией, должна быть приостановлена работа.

Борьба начата, она будет стоить великих жертв, быть может, многих жизней, но чтобы то ни было, мы не сложим оружия».

Несмотря на слабость второго Исполнительного Комитета, забастовка началась дружно, но проходила слабее, чем в ноябре. Вначале, как в октябре и ноябре, преимущественно, забастовали крупные заводы, к ним присоединились наборщики, официанты, повара и даже некоторые интеллигентские союзы.

Желая расширить забастовочную волну и превратить забастовку во всеобщую, Исполнительный Комитет выпускает воззвание.

«Товарищи-рабочие. Вся страна поднялась на защиту свободы, попираемой самодержавием. Только в Петербурге еще не все фабрики и заводы стали.

Братья рабочие Петербурга! Неужели за нами дело станет? Над нами самодержавие надругалось больше, чем над всеми другими, арестовав наш Совет Депутатов. Против нас направлен был главный удар обнаглевшего правительства. За нас поднялась вся Россия. Так неужели мы отстанем? Надо подняться всем, как один человек. Работа должна быть приостановлена везде и всюду. Свобода в опасности. Самодержавие подымает опять свою зверскую голову и захватывает своей кровавой лапой все, что мы завоевали столь многими жертвами. Вперед, дружней, товарищи! В единении сила. Нас ждут, нас зовут к себе рабочие и крестьяне всей России.

---

*) См. приложение: Воззвание И. К. «Ко всему народу».

Слушайтесь голоса народного, слушайтесь голоса своей совести и не верьте мнимым слухам, которые распространяет правительство через своих провокаторов. За деньги, оплаченные кровью народной, предатели ложью и клеветой стараются смутить вас, чтобы облегчить таким образом правительственную расправу с вами и вашими братьями. Не верьте подлым шпионам правительства, проникшим в нашу среду.

Дружней, товарищи! Не сдадимся врагам, не предадим народа!

Бастуйте! Бросайте работу».

Мы привели его целиком, так как оно любопытно тем, что, в противовес Москве, где в декабре точно и ясно был формулирован лозунг вооруженного восстания, в воззваниях Ленинградского Исполнительного Комитета о нем говорилось робко. Как видим, попрежнему в своих воззваниях Исполнительный Комитет доказывает значение всеобщей забастовки. Но если всеобщая забастовка имела смысл в октябре, как первый удар по самодержавию, в ноябре — как борьба за армию, то в декабре забастовка могла иметь значение, как прелюдия восстания. Для декабря, в борьбе с самодержавием, забастовка, даже всеобщая и дружная, преследующая демонстративный характер, была слишком слабым оружием. Вос почему, дружно начатая вначале, она теряла всякий смысл, в глазах широких масс, как только становилась ясной невозможность перехода к вооруженной борьбе.

Говоря в причинах неудачи декабрьского восстания в Ленинграде, обыкновенно находят об'яснение в истощенности Ленинградского пролетариата. Октябрьские и ноябрьские забастовки, массовый локаут, безработица — все эти явления, бесспорно, не могли бесследно пройти для Ленинградского пролетариата. Но сводить неудачу декабрьского выступления в Ленинграде исключительно к истощенности пролетариата, значит недооценивать роль организации в движении. Иначе непонятна дружность декабрьской забастовки в первые дни. Отсутствие Совета, организационно охватывающего рабочие массы, превращало декабрьское выступление из организованного в стихийное, и в этом уже скрывались причины его неудачи. В декабре Ленинградский

пролетариат был лишен достойного руководства, не имел своего Совета и в этом одна из главных причин его поражения.

Правда, существовавший второй Исполнительный Комитет пытался руководить движением, но пути, которыми он шел, вели к неудаче декабрьского выступления. Второй Исполнительный Комитет был меньшевистским. Это не давало ему возможности оценить подлинный смысл декабрьского выступления, не могло поставить его во главу вооруженной борьбы, не делало его популярным в глазах рабочей массы, классовый инстинкт которой подсказывал неизбежность кровавой схватки с самодержавием.

В декабре лозунг всеобщей забастовки, подменявший призыв к решительной борьбе, был слишком запоздалым, неизбежно дезорганизовавшим движение. Декабрьская забастовка в Ленинграде, лишенная твердого руководства и боевого смысла, неизбежно должна была итти на убыль, и, действительно, в момент разгара Московского восстания Ленинградские рабочие приступали к работам. Воззвание же, выпущенное Центральным Комитетом Р. С. Д. Р. П. (б) и организационной Комиссией с призывом к поддержке Московского восстания, не могло уже исправить положение.

Хотя меньшевистский саботаж декабрьского восстания скромно скрывался за ширмой организационной слабости второго Совета, тем не менее, как видим, он являлся одной из причин неудачного декабрьского выступления. Еще нагляднее роль меньшевистского саботажа декабрьского вооруженного восстания проявляется в Одессе и Баку, где меньшевизм, расцвев пышным махровым цветком, имел решающее влияние на деятельность Одесского и Бакинского Советов в дни, когда решались судьбы революции и реакции.

Одесский Совет в декабре.

О боевом настроении Одесских рабочих определенно указывает и сам Исполнительный Комитет. «Исполнительный Комитет,—сообщается в официальном отчете, — чтобы не быть застигнутым врасплох, вместе с рабочими организациями, выпустил 9 декабря воззвание... Мы чувствовали уже, что не сегодня-завтра забастуем, но мы еще не знали наверно, и мы ни в листке, ни в речах дня не указывали. Мы продолжали наши ежедневные заседания.

9 декабря вечером мы уже почти все были уверены в необходимости начать борьбу. И мы постановили в течение ночи заготовить призыв к рабочим, чтобы они забастовали, и об'явление о всеобщей политической забастовке с 11 декабря, если к утреннему заседанию будет несомненно, что всеобщая забастовка уже началась, эти листки распространить» *).

Что может-быть циничнее преклонения перед хвостизмом даже в официальном отчете?

Эта боязнь неизбежности восстания и боевого настроения масс, готовых к решительному штурму, проходит через все документы Одесского Совета того периода. Взять хотя бы воззвание Исполнительного Комитета, выработанное заранее, но не распространяемое из-за боязни, что забастовка не примет всероссийского характера: «Товарищи, Россия зовет вас. Всеобщая забастовка началась, движение на железных дорогах прекращено. Фабрики и заводы закрылись. Волны забастовки докатились до нас. Мы должны примкнуть. Мы готовились к решительной схватке, и час наступил. Встретьте его открыто и мужественно! Товарищи! судьба России решается. Последний раз, быть может, сила самодержавного правительства столкнулась с силой рабочего класса. И, если мы будем стоять до конца — мы победим! Мы завоюем свободу! Правительство не сдастся легко. Оно будет бороться. Оно призовет на помощь черные сотни, оно постарается ответить погромами против евреев, рабочих и интеллигентов. Будьте готовы к провокации правительства! Вооружайтесь! Пусть правительство хулиганов и хулиганы правительства встретят дружный отпор. Товарищи, смело вперед! Вторая российская забастовка зовет вас. Мы идем ей навстречу.

Товарищи, бросайте работу, расходитесь мирно и ждите указаний. Совет Р. Д. гор. Одессы. Об'единен. К-т Р. С. Д. Р. П. Одесск. С. Д. К-т «Бунда». Одесский Комитет Партии С. Р. **).

Этот документ, приведенный здесь целиком и хотя не распространенный из-за меньшевистской боязни перед решительным выступлением интересен, как классический пример революционной фразеологии. Говорить о мужественной реши-

*) «Известия Сов. Р. Д.» гор. Одессы, № 1 от 13 декабря.
**) Дела деп. полиции 4 дел. 5 ч. 4 за 1905 г.

тельной схватке с реакцией, чуть-чуть отдать дань настроению о необходимости вооружения и предложить мирно разойтись — на это поистине надобна меньшевистская виртуозность, об'-ективно игравшая в пользу реакции.

Этойреволюционной фразой, как всегда, перед широкими массами прикрывалась буржуазная нагота меньшевизма.

Насколько настроение рабочих масс было революционнее его руководителей,—видно также из дружно начатой забастовки. Когда Исполнительный Комитет стал распространять по заводам припрятанные Советом листки о начале забастовки, то, по собственному его признанию, «рабочие встречали их радостно». Весть об об'явленной забастовке быстро разнеслась по городу, и в назначенный срок забастовка охватила всю Одессу. Забастовали все фабрики, заводы, мелкие мастерские, порт, железные дороги, конторские, банковские служащие и т. п. Первые дни забастовки проходили необыкновенно дружно.

Но декабрьская забастовка имела смысл только при условии своего перехода в вооруженное восстание, что осознавалось и самими широкими массами. Как сообщали «Известия», настроение рабочих рисуется в следующем виде: «готовность к забастовке во всех районах полная, рабочие будут бастовать и лишь по призыву Совета Р. Д. станут на работу. В некоторых слоях рабочей массы из-за бездействия настроение вялое» *).

Поднявшийся вопрос о переходе к вооруженному восстанию вызвал ожесточеннейшие прения в Совете. Меньшевики упорно твердили о ненужности восстания, о мирном характере забастовки, а для удержания боевого настроения рабочих масс рекомендовали устройство митингов.

«Второе течение — пишут «Известия»—рассуждает так: «мирная забастовка, демонстрация имеет смысл только два-три дня, после этого нужно итти либо в гору, либо вниз, стоять на одном месте более невозможно. Если будешь стараться занимать положение покоя, то, без сомнения, покатишься вниз. Следовательно, нужно—либо прекратить забастовку, либо итти дальше. Прекращать ее никто и не думает,—значит надо итти дальше».

*) «Известия С. Р. Д.» гор. Одессы № 3.

К доводам же сторонников превращения забастовки в вооруженное восстание меньшевики, численно господствовавшие в Совете, были глухи, и 13 декабря вопрос об об'явлении восстания отвергается. 14-го этот вопрос, под напором масс, ставится в еще более острой форме, «в донесениях— пишут «Известия»--все чаще слышится: «рабочие скучают, рабочие от скуки готовы приступить к работе». Об усиливающейся скуке говорят и последующие донесения. Но меньшевиствующая часть Совета, пользуясь своей численностью, вторично отклоняет вопрос о вооруженном восстании. Конечно, декабрьская забастовка, выливаясь в забастовку-демонстрацию, теряла всякий смысл. От бездействия настроение рабочих заметно падало, и 16го декабря Исполнительный Комитет вынужден был об'явить постановление об окончании забастовки с 18-го.

Ликвидация забастовки и неудача декабрьской борьбы были решающими и для Совета. Началось наступление реакции. 15 декабря Одесса была об'явлена на военном положении, и администрация расправлялась с революционно-настроенными рабочими и служащими. Исполнительный Комитет делает попытку удержаться, превращаясь в общепрофессиональную организацию, но это не удается. Лишенный боевого назначения, он неизбежно становился бессильной организацией, и в любое время мог быть разгромлен реакцией. Действительно, 2 января реакция арестовывает Исполнительный Комитет. Попытка его реставрации оканчивается арестом остальных членов Комитета.

Бакинский С. Р. Д. в декабре.

По аналогичному пути шел и Бакинский Совет. Первоначально возникший по инициативе меньшевиков, как профессиональная организация для защиты интересов рабочих, он в декабре неизбежно эволюционирует влево, и, по признанию самого заведующего полицией на Кавказе, генерала Ширинкина, становится фактическим «руководителем рабочей массы в Баку». Однако, несмотря на благоприятные условия борьбы, когда, под напором Бакинского пролетариата, власть выпадала из рук царской администрации, Совет тем не менее даже не попытался вооруженной рукой ликвидировать ее окончательно. В его воззваниях об об'явлении забастовки прямого лозунга вооруженного восстания нет. Отсутствие этого лозунга отнюдь не может быть об'яснимо недо-

оценкой Советом значения декабрьской забастовки, как решительной схватки с царизмом. Наоборот, издававшиеся «Известия Совета», вполне легальная и единственная газета в дни декабря, неоднократно пишут о наступлении решительной борьбы. К декабрю, по мнению газеты, «правительство поняло всю опасность своего положения. Оно убедилось в неизбежности решительной схватки и сделало все возможное, чтобы ускорить ее. И оно добилось своего. Пролетариат, видя наступление противника, был вынужден принять бой и об'явить ему генеральное сражение» *). О наступлении решительного момента схватки с самодержавием говорится и в постановлении Совета, об'являющем значение забастовки:

«Приняв во внимание — говорит оно — решение Совета Рабочих Депутатов в Петербурге, Москве, Ростове, депутатов от 29 железных дорог и других групп и организаций, об'явивших последний и решительный бой старому прогнившему совиному гнезду, именующему себя правительством, принимая далее во внимание, что пока хоть капля власти будет в руках этого «проклятия» нашей голодной обнищавшей родины — наше отечество будет в опасности — крестьянин будет оставаться без земли и его голодного будут засекать до смерти или просто расстреливать; фабрики и заводы все больше будут сокращать свое производство, и миллионы выброшенных на улицу, рабочих постигнет та же ужасная участь, одним быть расстрелянными, а другим умереть с голоду.

И, наконец, принимая во внимание, что вместо обещанных свобод — существующее правительство арестовывает лучших наших представителей, лучшие газеты, а здесь на месте мы видим, как держат в тюрьме неповинных 11 матросов, мы видим, как здесь на месте у всех на глазах смотритель тюрьмы зверски избивает заключенных, лишенных воли людей. Принимая все это во внимание, Совет Рабочих Депутатов гор. Баку постановил об'явить с 14 декабря всеобщую политическую забастовку, которая присоединяется к всероссийской пролетарской и крестьянской забастовке» **).

Как видим, сомневаться в оценке Бакинским Советом декабрьской забастовки, как решительной борьбы с самодер-

*) «Известия С. Р. Д.» гор. Баку № 3.
**) «Известия С. Р. Д.» гор. Баку № 1.

жавием, не приходится. Вопрос переносится в плоскость, как ликвидировать самодержавие—путем восстания или забастовкой.

В тех же «Известиях» мы находим ответ. «Великие задачи стоят перед рабочим классом в этой борьбе. Сбросить в конце концов разбойничье гнездо, засевшее в Петербурге и оттуда терзающее всю Россию, а сбросив его, продолжать свободную борьбу за свое полное счастье. Стойко, хладнокровно и сильно должны рабочие провести эту забастовку. Мы верим, что это будет именно так... А если так, то нынешняя забастовка ведет нас прямо—к победе».

В тот момент, когда в Ленинграде, Москве, Ростове—в широких рабочих массах рассеивались иллюзии о возможности путем мирной забастовки окончательно ликвидировать самодержавие, Бакинские меньшевики эти иллюзии упорно поддерживали в рабочих массах. Бакинский Совет, руководимый меньшевиками, не подготовил, не организовал и не пытался перевести декабрьскую забастовку в восстание, хотя в Баку в декабре почва была достаточно благоприятна. В своих донесениях бакинские власти сами признаются, что в декабре они были парализованы. Не из «прекрасных чувств» ген.-губернатору приходится давать разрешение на издание огромной легальной газеты «Известия Совета». Паралич власти с одной стороны, об'яснется революционным напором рабочей массы, а с другой, страхом перед революционно настроенной армией. Бакинский гарнизон выделялся своей революционностью, проведя 12 декабря внушительный воинский митинг и военную демонстрацию. Попытки властей опереться на армию кончались неудачно, и когда, например, власти попытались оцепить войсками вокзал, то войска, прибыв на вокзал и выяснив, что от них требовало начальство, отказались выполнять распоряжения. Но эта, благоприятная для восстания ситуация не была использована Советом. Не была использована не потому, что это было невозможно, а потому, что преобладающие в Совете меньшевики противились восстанию.

Любопытно, что когда в Баку получились известия о начале Московского восстания вызвавшие живой отклик среди бакинского пролетариата, то Совет, отдавая дань настроению тем не менее цинично заявлял, что победа в Баку не

игреет большой роли для всероссийской победы революции. Меньшевитская уловка и саботаж восстания вряд лп нуждаются в комментариях, и тем более, что сила и дружность Бакинской декабрьской забастовки поражают своей сплоченностью.

Забастовка об'явленная 13 декабря, на следующий день захватила все предприятия Баку.

Однако дружная Бакинская забастовка, поскольку она не переходила в вооруженное восстание, а приобретала демонстративный характер, неизбежно должна была пойти на убыль.

Она могла крепнуть, только имея перед собой определенную цель вооруженного восстания. Отсутствие же этой цели вносило разочарование в рабочие ряды, и, подобно тому, как было в Одессе, настроение среди бездействующих рабочих падало. Под влиянием падающего настроения и начавшейся ликвидации забастовки во всероссийском масштабе, Совету пришлось об'явить ее ликвидацию.

С окончанием забастовки Бакинский Совет, подобно Одесскому, пытается превратиться в общепрофессиональную организацию, но вскоре Депутаты Совета должны были убедиться, что крепость Совета кроется в силе революционного под'ема масс. Вросши корнями в декабрьскую забастовку, Бакинский Совет, с окончанием забастовки и наступлением реакции, терял свое назначение. Правда, Бакинский Совет оказал громадное воспитательное влияние на рабочие массы, но в 1905 году, под тяжестью меньшевизма, подняться на высшую ступень не смог.

К счастью, Одесский и Бакинский Советы являются не типичными для Советов 1905 года, а исключением. Остальные провинциальные Советы, если и не успели, благодаря наступавшей реакции, провести вооруженное восстание, тем не менее повсеместно делали попытки вооруженного отпора. Хотя в других местах и не было столь благоприятных условий для восстания, как в Одессе и Баку, однако, остальные провинциальные Советы оставили глубокий след в революционном движении масс и зарекомендовали себя в глазах царизма, «как второе правительство», как «боевая организация рабочих, подготовляющая вооруженное восстание» и т. п. Впереди их, застрельщиком декабрьского вооруженного

восстания идет Москва, принимая на себя, в связи с арестом Ленинградского Совета, общее всероссийское ру-ководство.

Московский С. Р. Д. в декабрьском восстании.

4 Декабря из Ленинграда в Москву приезжает представитель Центрального Комитета Р. С. Д. Р. П. (Любич), предлагающий Московскому Комитету взять на себя инициативу вооруженного восстания. Хотя для многих руководителей движения в Москве в связи с арестом Ленинградского Совета, и было ясно, что, реакция идет на решительный разгром революции, и, благодаря удару, нанесенному Ленинграду, Москва приобретает первенствующее значение, тем не менее предложение Ц. К. вызвало большие споры. Причины возражения крылись в том, что многие из членов Московского Комитета сомневались в своих силах и считали подготовительные меры к восстанию далеко незаконченными. Однако сознание решительного выступления реакции заставило принять директивы центра.

Кроме того, было собравшимся ясно, что если Совет и не встанет во главе восстания, то реакция неизбежно все же натолкнется на отпор широких масс, по боевому настроенных и инстинктивно готовящихся к вооруженному отпору. Отказаться, при таких условиях, от руководства восстанием значило предоставить рабочую массу царскому расстрелу. Решающим же моментом в назначении восстания, заставившим прекратить всякие сомнения, было заявление представителя Ц. К., что выступление Москвы будет поддержано Ленинградом и железнодорожным союзом. «На указания на необходимость согласованных действий Москвы и Петербурга—отмечает присутствовавший на заседании активный участник восстания В. Костицын — представитель Ц. К. тов. Любич отвечал, что Ц. К. примет все меры, чтобы восстание в Москве не оставалось изолированным, и что железнодорожный союз не допустит перевозки войск для подавления восстания. Это же было подтверждено и представителями железных дорог. В этой напряженной, нагретой атмосфере таял мой скептицизм, и, когда пришел момент решения, я поднял руку за восстание». Вопрос о восстании, таким образом, решили в положительном смысле, и М. К. постановил внести свои предложения на заседание Московского Совета 4 декабря.

Московский Совет 4 декабря, как известно, подтвердил решение Московского Комитета, высказавшись за об'явление всеобщей забастовки, которая должна перейти в вооруженное восстание. Для большей же авторитетности такого постановления было решено этот вопрос поставить на разрешение общемосковской конференции фабрик и заводов, назначенной на 5 декабря с тем, чтобы окончательное решение, в зависимости от решения конференции, принять на заседании Совета 6 декабря. По существу же, назначенная 5 декабря общегородская рабочая конференция являлась пустой формальностью, так как проходившие с огромным энтузиазмом массовые рабочие митинги повсеместно высказывались за необходимость вооруженного отпора. Конференция только суммировала эти настроения, постановив об'явить всеобщую забастовку 7 декабря. Руководство же забастовкой и наблюдение за ее проведением поручалось Совету.

С этой целью и было созвано пленарное заседание Московского Совета. 6-го декабря заседание М.С. Р. Д, с присутствием представителей конференции, железнодорожного союза и пролетариата Польши, было особенно многолюдным. Один вопрос—об'явление вооруженного восстания—приковывал внимание всех депутатов. Депутаты понимали, какую ответственность они берут на себя, решая этот вопрос. Как передавал корреспондент «Борьбы», это заседание «долго останется в памяти присутствовавших. Сознание важности стоящего на очереди вопроса — о всеобщей забастовке — придало особенный тон дебатам и заставило быть краткими в своих речах».

«Московский пролетариат—заявляет один из выступающих — с нетерпением ждет нашего решения, и мы должны принять его. Вся страна охвачена восстанием, и нам необходимо считаться с фактом». С огромным вниманием заслушивается выступление представителя железно-дорожной конференции. Он передает, что конференция внимательно следит за решением Совета и ожидает, когда по решению Совета можно будет по линиям отдать распоряжение о забастовке и переходе к вооруженному воестанию. При этом указывает, что конференция только в том случае согласна поддержать забастовку, если она непосредственно перейдет в вооруженное восстание.

Совет дал свой ответ. После выступления представителя польского пролетариата и нескольких ораторов Совет единодушно вынес лаконическое постановление: «Московский Совет Рабочих Депутатов об'являет всеобщую политическую забастовку в среду 7 декабря с 12 часов дня».

Заседание затем переходит к обсуждению вопросов, связанных с проведением забастовки. Представители Федеративного Комитета зачитывают воззвание «ко всем рабочим, солдатам и гражданам», разъясняющее смысл и значение происходящих событий. Совет утвердил воззвание, предложив широко распространить его среди населения *).

Разрешаются также и организационные вопросы. Понимая, что в дни забастовки и восстания Совет в целом не сумеет руководить движением, принимается предложение о передаче руководства Исполнительному Комитету, пополненному новыми членами и поручается Исполнительному К-ту согласовывать свои действия с партийными организациями. Депутатами Совета даже не мыслилась другая форма связи с партийной организацией. Как известно, Московский Совет находился под самым непосредственным руководством Федеративного Комитета, сливаясь с ним через Исп. К-т даже органически.

Собрание разрешало также вопрос, кто не должен бастовать, постановив, что в дни забастовки должен работать водопровод и булочные, расположенные на окраинах и не повышающие своей платы. Наоборот, на прекращение подачи электрического тока, выпуска газет и прекращение торговли предлагалось обратить серьезное внимание.

Любопытно решение Совета о винных лавках, с помощью которых самодержавие широко возводило в систему спаивание темных элементов, используя их в проведении погромов. Попутно с этим Совет напоминал, что воровство и грабеж будут преследоваться самым беспощадным образом.

В заключение было решено, что, с целью широкого оповещения рабочих о постановлении Совета, необходимо 7 де-

---

*) См. приложение «Воззвание Московского Совета ко всем рабочим, солдатам и гражданам о начале декабрьской забастовки».

кабря провести широкую агитационную кампанию, знакомящую рабочие массы с решением Совета, раз'ясняющую его смысл.

Но в тот же день, через несколько часов по окончании заседания Совета, Москва знала о надвигающихся событиях. Буржуазия с трепетом ждала грозы. Чувствуя свое бессилие и невозможность противодействовать событиям, она замалчивала постановление Совета. Вся буржуазная пресса, без оттенков направлений, отказалась поместить воззвание Совета о забастовке, ограничившись несколькими строчками, вроде таких: «нам сообщают, что Совет Рабочих Депутатов постановил начать забастовку». Целиком же воззвание Совета было опубликовано только в социал-демократической газете «Борьба».

Как ни старалась буржуазия преуменьшить значение декабрьской забастовки, сознательно замалчивая ее, тем не менее забастовка дружно началась, и утром 7 декабря многочисленные митинги широкой лавой разлились по Москве. Даже реакционнейшее «Новое Время» должно было признать, что, в противовес октябрьской забастовке, декабрьская «поднялась быстро», доказывая организованность пролетарских масс. Оно недоумевало только, как могла забастовка проходить настолько дружно при такой слабой информации, когда газеты отказались печатать воззвание Совета, а единственная, напечатавшая воззвание Совета, газета «Борьба» была конфискована. С горечью корреспондент «Нового Времени» передает, что с утра прекращалась деятельность трамваев, аптек, заводов, государственных учреждений; публика осаждала магазины, закупая провизию, и «биржа была в крайне угнетенном состоянии; необычайное волнение заметно было во всех банках и других кредитных учреждениях». Действительно, дружность забастовки была удивительна, поражая всех своим энтузиазмом и одновременностью начала. «Вчерашний день—писали «Известия М. С. Р. Д.» 8 декабря—будет великим днем в жизни Москвы... Никогда еще московский пролетариат не выступал с таким единством, такой грозной могучей армией. По постановлению Совета Р. Д. и революционных партий с 12 часов дня стали почти все значительные фабрики и заводы Москвы, стали сами, без снимания, без угроз, не из страха, а потому,

что сознал рабочий класс, почти весь целиком, что настало время решительной борьбы. Пусть еще разрастается стачка, пусть вслед за железными дорогами, газетами, заводами — остановятся магазины, банки, общественные учреждения, а там настанет развязка. Грудь с грудью сойдемся мы с нашими врагами, задавим их своей массой и победим».

Организованность выступления была настолько внушительна, что Дубасову 8 декабря, в два часа дня, пришлось Москву об'явить на положении чрезвычайной охраны, и не успело еще население ознакомиться с Дубасовским приказом, как на улицах появились конные и пешие патрули, получившие приказ быть наготове. Попутно великому князю Николаю Николаевичу посылается шифрованная телеграмма, просящая помощи. «Возникшее сегодня мятежное движение,— сообщается в ней,—выразившееся общею забастовкой всех железных дорог, кроме Николаевской, и начавшееся уже нападение на железнодорожные станции обнаружили совершенную недостаточность войск гарнизона. Для подавления движения убедительно прошу немедленной присылки бригады пехоты из Петербурга, без чего признаю положение очень серьезным» *).

Командующему же войсками московского округа, Малахову, недвусмысленно напоминалось о необходимости введения военной диктатуры и «необходимости действовать против мятежников оружием.

Хотя 7—8 декабря забастовка в Москве еще не перешла в вооруженное восстание, тем не менее даже такому зубру самодержавия, как Дубасову, наблюдавшему октябрьскую и ноябрьскую забастовки, было ясно, что движение не пойдет мирным путем. Его поражала совершенно неожиданная для него организованность и энтузиазм рабочих, с каким начиналась забастовка. Организованное же выступление было возможно, исключительно благодаря руководству Исполнительного Комитета Совета, собиравшегося ежедневно: Исполнительный Комитет зорко следил за проведением забастовки, стремясь придать ей всеобщий характер; руководил организацией митингов; разрешал неясности, возникавшие в процессе

*) Секретная канцелярия Дубасова, дело 154, т. 2 за 1905 г.

проведения забастовки. На своем заседании 7 декабря он вынес следующее постановление:

«1. 8 числа утром снять с работы фабрики, не присоединившиеся 7 числа ко всеобщей забастовке.

2. Каждое утро должны устраиваться заводские собрания, либо в особых помещениях, либо на самой фабрике, для выяснения положения дел.

3. Ежедневно должны собираться районные собрания М. С. Р. Д., на которых передаются к исполнению постановления И.К.М.С.Р.Д.

4. Ежедневно должны устраиваться общие митинги.

5. Известия М.С.Р.Д. должны выходить ежедневно.

6. Для охраны имущества сторожа на заводах и фабриках должны оставаться на своих постах, над ними устанавливается контроль из рабочих. М.С.Р.Д. организует на дальнейшие дни забастовки соответственные кадры для защиты имущества от воров и громил.

7. Вследствие заявления от хозяев чайных лавок, постановлено чайные лавки (без продажи крепких напитков) к открытию разрешить, при условии свободного устройства в них собраний.

8. Потребительские лавки, в коих рабочие артели забирают товары, к открытию разрешить, при условии отпуска рабочим в кредит.

9. Рабочие приостанавливают на время забастовки уплату денег за квартиры. Предварительно районные собрания М.С.Р.Д. вырабатывают общий план для более широкого осуществления данного постановления.

10. При остановке парового отопления на фабриках должно обращать внимание, чтобы не вносить нарушений в отопление всех жилищ и кухонь рабочих».

День 7 декабря преимущественно проходит в митингах, организуемых по отдельным предприятиям, закончившихся вечером грандиозным десятитысячным митингом в «Аквариуме». Вызванными воинскими частями сад был окружен, у кого находили оружие — арестовывали. Но довольно значительная часть участников митинга, тысяч до трех, однако, избежала полицейских объятий. Сломав забор, она спряталась

в здании б. Комиссаровского училища. Хотя воинскими прожекторами их обнаружили, но, повидимому, подойти вплотную к училищу и открыть военные действия руководившие осадой жандармерия и агенты охранного отделения по боялись. Наутро драгуны были уведены. День 7 декабря, закончившийся событиями у «Аквариума», в общем прошел спокойно.

Следующий день 8 декабря также проходит сравнительно мирно. Забастовка ширилась. Без насилия «снимали» работающих, преимущественно в мелких мастерских, канцелярских учреждениях или торговых предприятиях. «Снятые» примыкали к «снявшим», сливаясь в общем демонстративном потоке. В отличие от 7 декабря, по улицам с красными флагами и пением революционных песен шествуют многочисленные демонстрации. Они производят достаточно внушительное впечатление на полицию и черносотенцев. Революционная мощь крепнет. В своих заседаниях Исполнительный Комитет Совета, помимо технической подготовки восстания, открыто руководит забастовкой. Под непосредственным руководством партийной организации и фактически организационно сросшись с ней, он превращается в единственный орган революционной власти, и авторитет его быстро растет среди самых широких масс. В своем заседании 8 декабря Исполнительный Комитет разбирал вопросы о роли районных Советов, взаимоотношениях с войсками, забастовке канализации, газового завода и отдельных торговых предприятий. В заключение были вынесены следующие постановления:

«1. Продолжать увеличивать и укреплять районные Советы Р. Д. и стараться созывать их ежедневно, устраивать митинги по фабрикам и заводам и усиленно готовиться к вооруженному восстанию; по окончании митингов обходить с флагами и пением свои районы, закрывать фабрики, заводы, магазины и лавки, которые продолжают работать.

2. При появлении войск стараться вступать с солдатами в разговоры и действовать на них товарищеским словом; заготовлять флаги с обращением к солдатам. Открытого столкновения стараться пока избегать и давать вооруженный отпор только при особенно вызывающем поведении войск.

3. Ввиду того, что целый ряд магазинов, лавок (в частности молочных) спрашивают у Совета Р. Д. разрешения на право торговли, районные собрания депутатов должны опре-

делить, открытие каких из них является нужным. Согласно их постановлениям Исполнительный Комитет выдает разрешение, при условии продажи продуктов по обычным ценам и открытия кредита для бастующих рабочих.

4. Принимая во внимание заявления инженеров и рабочих депутатов газового завода, подтвержденные рабочим правлением городских служащих и корпорацией средних техников, что полная забастовка газового завода поведет к взрывам и порче газовой сети до лета 1906 года - допускать работу на этом заводе в минимальном размере, для чего оставить мастеров Бузурина и Богатова и одного техника по сети. Вместе с тем для приостановки уличного освещения предложить окончить работу по зажиганию газовых фонарей.

5) Разрешить работу по канализации» *).

9 декабря забастовка уже была полная. Настроение приподнятое. Среди обывателей, остро почувствовавших революционную власть, с утра шутят, что «его величество» Совет Рабочих Депутатов уравнял всех по хлебной части: все довольствуются черным хлебом». Влияние Совета велико и среди буржуазии. Почти повсеместно требования рабочих удовлетворяются. Любопытен, например, ответ дирекции мастерских центральной электрической станции на требования рабочих: Рабочие требовали: «1) за забастовку никого не увольнять, 2) за все время забастовки платить заработную плату в обычном размере, выдавая получку в однодневный срок и в 3) прекратить забастовку только по постановлению Совета Р. Д.». Ответ администрации был таков: «1) первое будет удовлетворено, 2) главный директор склонен согласиться, 3) об окончании забастовки и сама администрация думает, что она может быть кончена только по решению Совета Р. Д.».

Это решение чрезвычайно любопытно, как характеризующее рост неуверенности в силах самодержавия даже в среде высшей фабричной администрации.

Действительно, 9 декабря положение было напряженным.

Исполнительный Комитет, сознавая, что каждую минуту могли разыграться кровавые события, рекомендовал взамен

*) «Известия М.С.Р.Д.» № 3 от 9 декабря.

демонстрации устройство летучих митингов под наблюдением боевых дружин и советовал избегать всяких столкновений с войсками—полицию же и командный состав предлагалось расстреливать. Исполнительный Комитет в то же время ведет энергичную работу по подготовке восстания, заявляя 9 и 10 декабря в «Известиях М.С.Р.Д.», что постановления Исполнительного Комитета, в виду конспиративности, оглашению не подлежат. Из постановлений Исполнительного Комитета 10 декабря было опубликовано только воззвание о вытребовании вкладов и раз'яснение смысла постановления о необходимости работы банковских чиновников. На этой почве даже произошел курьез. В тот момент, когда Совет постановил производить банковые операции, администрация предлагала «наградные», чтобы служащие... забастовали. Самодержавие не на шутку испугалось финансового банкротства. Действительно, в декабре месяце в связи с ожиданием крупных событий, рост выдач значительно увеличился и быстро возрастал. По сведениям Совета из всего запасного фонда банка в $4^{1}/_{2}$ милл. рублей золотом в течение двух дней было из'ято до двух миллионов. Движение банковых операций может также служить барометром, показывающим рост панического настроения среди буржуазии и обывательщины.

9 декабря события настолько созрели, влияние Исполнит. Комитета в руководстве и проведении забастовки было настолько велико, что Дубасов, несмотря на незначительность войск, решается на отдельные вооруженные отпоры.

Утром завязывается перестрелка у Страстного монастыря. Днем по улицам появляются боевые дружины и войсковые части. Вечером происходит сражение между боевой дружиной, засевшей в доме б. Фидлера на Покровке, и войсками, окружившими здание. В ответ на предложение дружинникам сложить оружие, дружинники открыли огонь по войскам. После жестокой артиллерийской бомбардировки дружинникам пришлось сдаться.

9 декабря вечером забастовка перешла в открытое восстание, принявшее угрожающий характер. Ряд площадей и улиц спешно баррикадировались.

Описание и рассмотрение декабрьского восстания—славной страницы русской революции, имевшей не меньшее зна-

чение, чем Парижская Коммуна—не входит в наши задачи. Мы остановимся только на одном вопросе декабря—влиянии и роли Советов в восстании.

Мы уже видели, что вся подготовительная работа по организации и об'явлению забастовки ложилась на Общемосковский Совет Депутатов, находившийся в тесной идейной и организационной связи с социал-демократической организацией. Роль Московского Совета также была огромна и в первые дни забастовки, когда Московский Совет буквально становился второй властью. Начавшиеся боевые действия, разбившие город на несколько оторванных друг от друга районов, неизбежно должны были повлиять на функции общегородского Совета. Действительно, в дни восстания районные Советы оживляются, становятся самостоятельными органами власти в своих районах, действуют подчас без всякого руководства со стороны общегородского Совета. Такая изолированность и усиление роли районных Советов была далеко не случайной и вытекала из тактики партизанских боевых действий. Любопытно, что неизбежное усиление роли районных Советов Исполнительным Комитетом общегородского Совета предусматривалось и понималось еще до начала боевых действий. Как известно, 7 декабря Исполнительным Комитетом было вынесено постановление, что и «ежедневно должны собираться районные собрания М.С.Р.Д., на которых передаются постановления Исполнительного Комитета М.С.Р.Д.»; 8 декабря постановлено «продолжать увеличивать и укреплять районные Советы Р. Д. и стараться созывать их ежедневно» и т. д.

Действительно, с началом боевых действий роли районных Советов значительно усилилась. Происходили заседания Лефортовского, Замоскворецкого, Хамовнического и Красно-Пресненского районов. Повсеместно усиливаются новыми членами Районные Исполнительные Комиссии, которым поручается надзор за выполнением директив Исполнительного Комитета Московского Совета—наблюдение за осуществлением забастовки и руководство борьбой.

В дни вооруженной борьбы роль членов Совета была огромна, усиливаясь по мере активности борьбы. Это особенно наглядно проявлялось в Пресненском районе—центре

Московского восстания. Влияние депутатов Совета было велико уже с первых дней забастовки, делая их хозяевами положения в районе. В своих судебных показаниях Н. И. Прохоров, рассказывая о роли депутатов в восстании, отмечает, что депутатами, помимо об'явления забастовки и общего ею руководства, было проведено «соглашение с обществом потребителей и частными поставщиками артелей о кредите рабочим на время забастовки... Они предупредили также, чтобы правление поторопилось взять деньги из Государственного Банка, так как по постановлению в Аквариуме он так же, как и все банки и торговля, будут скоро закрыты» и т. п. Далее, Н. И. Прохоров передает, что «на просьбу заведывающего ситце-набивной фабрикой А. К. Шейнерта, прибывшего по моей просьбе в зал собрания, где находились тогда депутаты, дать возможность отбельному отделению доработать до 2 часов, во избежание напрасных убытков от порчи большого количества товара, находившегося в отбельных кубах, последовал к моему крайнему изумлению отказ; стало очевидно, что рабочие находятся под посторонним влиянием(?!) и беспрекословно исполняют чьи то приказания» *).

Прохоров отмечает также, что влияние рабочих депутатов в дни восстания усиливалось. Рассказывая о пред'явленных ему требованиях о предоставлении помещения, он открыто признает, что «отказать им в этом не представлялось возможным, так как мы все находились всецело в их, вооруженных людей, власти».

Не менее любопытна характеристика рабочих депутатов, данная самим царизмом. Как заявлял обвинительный акт по делу о вооруженном восстании на Прохоровской Мануфактуре: «составившийся на Прохоровской фабрике Комитет («бюро»- организация, состоявшая из членов Совета и руководителей дружин. П. Г.) стал распоряжаться всей фабричной жизнью, устранив совершенно фабричную администрацию; все недоразумения между отдельными рабочими стали разрешаться в бюро или через депутатов; места в спальнях распределялись между рабочими теми же депутатами» *). Далее, обвинитель-

*) Мос. Суд. Палата № 522, т. 2. из допроса Прохорова.
**) Судебн. Палата, № 522, т. 27, за 1906 г.

ный акт приводит ряд примеров, когда «бюро» руководило всей заводской жизнью, присваивая себе и карательные функции.

Прохоровское «бюро», однако, не ограничивалось только Прохоровской фабрикой. В том же обвинительном акте находим признание, что «означенные «Седой», «Медведь», «Мартынов», а также названные выше «Ильин», «Пчелка», «Павлова» и еще несколько интеллигентных лиц составили из себя комитет, который стал руководить действиями боевой дружины и управлять всем Пресненским районом, находившимся в руках мятежников. Этот комитет поместился в здании малой кухни, получившем вследствие этого название «бюро». Там же была помещена и боевая дружина, после чего у входа в кухню был поставлен караул, и никто, к составу дружины не принадлежавший, в это помещение не допускался... В этой же кухне находился склад оружия, и там же «Пчелка» и «Павлова» занимались изготовлением патронов. В состав комитета входили все 12 депутатов, которые передавали рабочим все распоряжения. Из числа депутатов некоторые имели специальные обязанности»...

Впоследствии судебные власти желали изобразить рабочих депутатов, как терроризировавших рабочую массу, заставлявших рабочих насильно принимать участие в боевых дружинах и т. п. Достаточно посмотреть из многотомного дела «Восстание на Прохоровской мануфактуре» на выбор несколько показаний свидетелей, чтобы увидеть, какой отпор получило самодержавие в своих попытках инсинуации. «Рабочие депутаты шли впереди демонстрации», «рабочие депутаты несли знамена», «рабочие депутаты первые строили баррикады»,— все эти отдельные выдержки из показаний лучше всего характеризуют, что депутатами были рабочие, наиболее передовые, сознательные, любимые всей рабочей массой. Менее всего им, конечно, могло быть приписано обвинение в терроризировании рабочей массы. Их авторитет, как передовых, революционно-настроенных и сознательных рабочих, и давал возможность руководства массой. Авторитет их поднимался еще выше, когда депутаты Совета должны были принимать активное участие в вооруженной борьбе с самодержавием, когда синонимами становились понятия «депутат» и «дружинник».

Вот почему авторитет депутатов Совета неизмеримо высоко стоял в Пресненском районе—сердце Московского восстания, вырастая на базе вооруженной решительной борьбы с самодержавием. Это особенно заметно в Москве, где роль в восстании отдельных районов далеко не одинакова. Как известно, восстание в Москве разбилось по районам, между которыми в восстании не было никакой связи и отсутствовало руководство общегородского Совета.

Конечно, в других районах, парализованных в дни восстания царским войском, авторитет Совета не был настолько велик, но тем не менее за Московским Советом следует признать огромные заслуги в деле организации и проведения декабрьской забастовки и восстания. Правда, в дни восстания не могло быть и речи о спокойных пленарных заседаниях Совета или Исполнительного Комитета. Как известно, 9 декабря был частично арестован Исполнительный Комитет. Кроме того, подобные заседания в атмосфере военных действий были технически неосуществимы. Власть неизбежно переходила в руки боевых дружин, работавших под руководством членов Совета. Этим отнюдь не умалялось достоинство Совета, а, как указывалось, наоборот, «дружинник» и «депутат» были синонимами, потому что во главе дружин стояли депутаты; Советы являлись опорным пунктом организации дружин. Через дружины, в дни боев, Совет неуклонно проводил свои задачи—борьбу за полную ликвидацию реакции. В Москве эта борьба заполнена сплошным героизмом, самопожертвованием, безграничной преданностью дружинников в борьбе с реакцией. Задача, возложенная на Москву, как застрельщика всероссийского восстания в декабре, была выполнена. Но исход Московских уличных боев решался не только в Москве, но и за ее пределами.

Общая картина всероссийского вооруженного восстания.

В декабре всероссийского вооруженного восстания не произошло. Процесс нарастания революционных сил и всероссийского вооружения революции к декабрю не успел завершиться, прорвавшись под напором усиливающейся реакции в отдельные вспышки. Эта вынужденность восстания чувствуется на каждом шагу. Назначенная всероссийской железнодорожной конференцией, декабрьская забастовка железных дорог не

отличалась таким единодушием, как в октябре. А между тем железнодорожная забастовка являлась существенной частью проведения восстания. И действительно, просматривая места вооруженного выступления совпадающего с железнодорожными забастовками, нетрудно было убедиться в верности такого положения. Москва, Ростов, Екатеринослав,—с одной стороны—пункты вооруженной борьбы, с другой—дружной железнодорожной забастовки.

Кроме того, не трудно будет уловить, что вооруженное восстание в этих пунктах совпадало с существованием Советов, стоявших в авангарде движения исключенным были только Одесский и Бакинский Советы, где, благодаря меньшевистскому руководству, вооруженное восстание было сорвано. В других же местах Советы, несмотря на сравнительно позднее возникновение, все же делали попытки вооруженной борьбы. Правда, в большинстве случаев самодержавие эти попытки ликвидировало в зародыше, руководить восстанием не пришлось, но намечаемые ими цели—подготовка вооруженной борьбы с самодержавием—сразу выделяли их из общего ряда организаций, известных рабочему классу до революции 1905 года.

Саратовский Совет. Уже, например, на первом своем заседании 8 декабря, Саратовский Совет решает взять на себя руководящую роль в восстании. Саратовский Совет существовал всего 10 дней, так как 17 декабря был арестован, но тем не менее в сравнительно короткий срок он сумел проделать громадную работу по подготовке декабрьской забастовки, усиленно готовясь к вооруженному восстанию. Им были выпущены воззвания с призывом к декабрьской забастовке, отпечатан «Финансовый Манифест», особым листком раз'яснялся смысл декабрьской забастовки. Провести восстание не удалось, так как реакция во время успела арестовать эту руководящую организацию.

Самарский Совет. Наступавшей реакцией во время была ликвидирована и попытка вооруженного восстания в Самаре. Возникший вскоре в противовес организованному с.-р. «Комитету Общественного Порядка», Самарский Совет вскор встал во главе движения. Как передает М. Логинов, «Самарский Совет Рабочих Депутатов имел связь по прямому проводу с Москвой и другими городами. Он занимался вербовкой красных боевых дружин и просветительной работой вообще.

В день взятия Народного Дома (где происходил многолюдный митинг, устроенный Советом и окруженный войсками. П. Г.) было поручено от Совета арестовать губернатора Засядку и об'явить единой властью—власть «Совета Рабочих Депутатов», а кроме того взять приступом тюрьму и освободить политических заключенных». *)

План захвата власти осуществить не удалось: в момент начала декабрьских событий Совет был арестован в Народном Доме, где происходил огромный митинг. Собравшиеся в Пушкинском Народном Доме были окружены жандармерией, Березинским полком, состоявшим преимущественно из мусульман и казаков. Насколько власти признавали положение угрожающим, видно из жестокой расправы с собравшимися. Руководивший арестом Совета полковник Баранов, пользуясь данными ему неограниченными полномочиями, несмотря на присутствие на митинге женщин и детей, дал несколько ружейных залпов. Собравшиеся были вынуждены сдаться. Тогда их пропускали сквозь строй, обыскивали, избивали, при этом, конечно, не забывая вытаскивать и присваивать ценные вещи. С этого же момента—9 декабря,—началось тяжелое наступление реакции. Самарский Совет, сравнительно молодой, не сумел в достаточной мере приготовить ей отпор.

Костромской Совет.

Удачнее декабрьская забастовка проводилась в Костроме. Об'явленная Советом, она 9 декабря дружно охватила все фабрики и заводы. В этот же день перепугавшийся губернатор Ватаци телеграфно сообщал департаменту полиции: «Командир Рославльского полка доложил мне, что с 12 декабря не может дать для содействия полиции ни одного солдата. При таких обстоятельствах я лишен всякой возможности принять какие-либо меры воздействия силой. Фабричные рабочие массы вооружены. Необходимы войска», а через два дня дополняет: «прошу прислать войск в Кострому, положение крайне опасное. Есть основание полагать, что последние Московские события повторятся в Костроме». Как видим, положение было достаточно серьезным. Костромской Совет готовился к вооруженному восстанию,

*) Журн. «Красная быль» изд. Самарск. Истпарта.

не выступив активно лишь преимущественно по соображениям своего стратегического пункта в незначительности сравнительной всероссийском восстании. Вопрос о восстании впоследствии пришлось отклонить в связи с выяснением общей неудачи всероссийского выступления.

Гораздо большее влияние на развитие декабрьской забастовки и вооруженного восстания имели события, разыгравшиеся под руководством Советов Р.Д. в Новороссийске, Николаеве, Екатеринославе, Ростове.

Екатеринославский Совет.

Утром 8-го декабря, собравшееся в Екатеринославе депутатское собрание рабочих и служащих Екатерининск. ж. д. большинством 51 против 3 высказывается за об'явление забастовки. Одновременно, единогласно вопрос о присоединении к забастовке решается и на происходившем заседании Совета Рабочих Депутатов гор. Екатеринослава. По состоявшемуся соглашению между двумя Советами—городским и железнодорожным,—выделился Общий Боевой Стачечный Комитет, куда входили представители Совета Рабочих Депутатов гор. Екатеринослава, Совета Раб. Деп. Екатер. ж. д., представители Об'единенного Комитета Р. С. Д. Р. П. и представитель от Стачечного Комитета почтово-телеграфных служащих.

Немедленно собравшийся Боевой Стачечный Комитет Советов Рабочих Депутатов об'явил о начале забастовки и постановлении Советов «закрыть с 8 декабря впредь до особого распоряжения все промышленные и торговые учреждения». Боевой Стачечный Комитет постановил закрыть все общественные и правительственные учреждения. Желая дать возможность гражданам получить свои вклады из Государственного Банка и сберегательных касс и обменять бумажные деньги на золото, Боевой Стачечный Комитет постановляет продолжать работу в Государственном Банке и сберегательных кассах, в виду чего об'являет населению:

«1) Закрытие Государственного Банка и Сберегательных Касс может исходить от правительства, но ни в коем случае не от Боевого Стачечного Комитета.

2) Закрытие правительством этих учреждений послужит лишним доказательством банкротства русского правительства» *).

*) Деп-т Полиции дело 105, ч. 6, за 1905 г.

Это постановление о начале декабрьской забастовки, опубликованное в выходившем «Бюллетене Боевого Стачечного Комитета», широко распространяется среди населения. Кроме того, отдельными плакатами, расклеенными 9 декабря по городу, все население оповещается, что «только распоряжения Боевого Стачечного Комитета являются обязательными для всех граждан, общественных учреждений, заводов, фабрик, торговых и промышленных заведений».

Дружно начатая забастовка усиливала мощь Боевого Стачечного Комитета Советов Р. Д. Положение властей ухудшалось еще и потому, что события коснулись и войск. Попытки усиления дисциплины оканчивались неудачей, вплоть до того, что войска Бердянского полка отказывались даже выйти на парад. Бездействие войск, брожение среди полиции ставило губернатора Нейдгардта в безвыходное положение, парализовало старую власть, предоставив руководство общественной жизнью Боевому Стачечному Комитету. Боевым Стачечным Комитетом с первых же дней забастовки управление станцией передается депутатам железнодорожных мастерских, организуются бесплатные столовые, бесплатная медицинская помощь, бесплатная выдача лекарств. Боевой Стачечный Комитет наблюдает также за проведением постановления общего заседания Совета от 11 декабря о разрешении невзноса квартирной платы, невзноса налогов, патентов, сборов и недоимок, указывая, что внесенные после об'явления платежи будут признаны недействительными. Издававшийся в массовом количестве «Бюллетень Боевого Стачечного Комитета» пестрит всевозможными постановлениями Совета, ярко обрисовывающими, как тесно Боевой Стачечный Комитет входил во все мелочи жизни, и насколько старая власть была парализована.

Господство Боевого Стачечного Комитета в течение всего периода забастовки, продолжавшейся до 18 декабря, т. е. до прибытия воинских частей для усмирения чувствуется на каждом шагу. Боевой Стачечный Комитет готовился дать вооруженный отпор войскам, но ряд отдельных боевых столкновений, на общем фоне падения декабрьской забастовочной волны, не сумел, конечно, удержать его господство, и 27 декабря правительственные телеграммы сообщали о «наступившем успокоении». События в Екатеринославе тем не менее остаются

ярким пятном на фоне декабря 1905 года. Любопытно, что Екатеринославский Совет был наиболее молодой организацией, возникшей в начале декабря. Еще накануне об'явления забастовки, мы находим два Совета Рабочих Депутатов—городской и железнодорожный, и даже, считая себя обиженной, мелкобуржуазная еврейская организация — Поалей-Цион — пыталась в этот же момент иметь свой Совет; тем не менее, несмотря на раздробленность сил, Екатеринославский Совет, выделивши общий Боевой Стачечный Комитет, неуклонно шел по пути решительной борьбы с самодержавием. Только с общим разгромом революции терялось и его руководящее значение.

Не менее любопытно также поведение Советов в остальных южных пролетарских местах: Николаеве, Новороссийске, Ростове.

Николаевский Совет.

На заседании Николаевского Совета Рабочих Депутатов 11 декабря принимается резолюция, призывающая Николаевский пролетариат выступить на решительную борьбу с самодержавием... «Забастовка — говорится в ней—докатилась до нас. Мы должны примкнуть. Мы готовились к решительной схватке с царским правительством, и час наступил. Встретим его открыто и мужественно. Товарищи! Судьба России решается. Последний раз, быть может, сила самодержавного правительства столкнулась с силой рабочего класса, и если мы будем стоять до конца, мы победим, мы завоюем свободу.

Правительство не сдается легко. Оно будет бороться. Оно призовет на помощь черные сотни, оно постарается ответить погромом против евреев, рабочих и интеллигентов. Будьте готовы к провокации правительства. Вооружайтесь. Пусть правительство хулиганов и хулиганы правительства встретят дружный отпор».

Подобно другим городам, Николаевский Совет в декабрьские дни становился руководящим революционным центром, готовясь к вооруженному выступлению. Подготовка вооруженного восстания поручалась Дальней Слободке, рабочему району, гнезду революции. Первые дни декабря проходят в лихорадочной подготовке рабочих к выступлению: заготовляли бомбы, охотничьи ружья, проволочные заграждения. Всего было вооружено до 500 человек, был назначен день высту-

пления, окончившийся, однако, неудачей. Неудача проистекала исключительно из-за предательства меньшевиков.

Еще задолго до 1905 года в Николаеве резко выделялись две самостоятельных фракции: большевиков и меньшевиков. Господство большевиков было безраздельно в рабочем районе— Дальней Слободке, наоборот — в городском районе преобладало меньшевистское настроение. В момент, назначенный для вооруженного выступления, слободские рабочие ждали городские дружины. Вот как описывает момент выступления Н. Чигрин: «Мы все ждали городских товарищей. Дважды радостно шевелились наши ряды навстречу приближавшимся отрядам с красными и черными знаменами; это были санитарные отряды. Наконец расквартировались и эти последние, а наших горожан все еще нет.

Оказалось, что в то же самое время они проводили в городских районах митинги на темы по... профдвижению» *).

Коментарии излишни!

Неудачи восстания имели огромное влияние на рабочие массы, среди которых уверенность в успешном исходе восстания падала еще благодаря усиливавшим реакцию воинским подкреплениям. Неудачи восстания лишали смысла продолжать забастовку, и 19 декабря Николаевский Совет уже был вынужден вынести постановление о ликвидации забастовки с 20 декабря. «Настоящая забастовка—говорит воззвание Совета—была спровоцирована, вызвана правительством, она была неизбежна, как ответ на все репрессии и провокаторские выходки этого правительства. Теперь революция делает временную передышку, и, щадя силы пролетариата, об'единенный Комитет социал-демократических организаций и Совет Рабочих Депутатов гор. Николаева призывает к работе до решительных действий, до следующего этапа революции. В виду этого отменяется предполагаемая демонстрация. Революция имеет свои законы, она, разрастаясь, меняет свои формы, свои этапы. Следующим этапом будет—всеобщая политическая забастовка с оружием в руках, и к этому пролетариат должен деятельно готовиться.

---

*) «Страницы борьбы». Май. 1923 г. Изд. Николаевск. Истпарта.

Да здравствует вооруженное восстание. Забастовка прекращается с 20 декабря.

Примечание. Постановление это не относится к железнодорожным рабочим, которые в своих решениях руководствуются решением своего железнодорожного забастовочного комитета.

Комитет об'единенных с.-д. организаций г. Николаева. Совет Рабочих Депутатов г. Николаева» *).

Попытка превратить неудачу декабрьского восстания в передышку перед дальнейшим выступлением, конечно, не имела успеха, а вскоре ликвидировался и Николаевский Совет.

Общее городское движение раскалывалось, и основной кадр вооруженных дружин, поместившихся на Дальней Слободке, решил открыто не выступать, а ограничиться охраной поселка. Правда, хотя в течение месяца поселок действительно был неприступен ни для войск, ни для полиции, и все попытки арестов оканчивались неудачей, так как в случае опасности раздавались гудки и набатный звон, но тем не менее движение шло на убыль. И, действительно, с ликвидацией общероссийского декабрьского выступления, дальнейшее сопротивление одного района, хотя и независимого в течение месяца, становилось бесцельным.

В декабре развернулись в Ростове и Новороссийске более крупные события, во многом предопределившие форму борьбы в 1917 году.

Новороссийский Совет.

Декабрьская забастовка для Новороссийска совпала с моментом полного господства Новороссийского Совета. «С первых чисел декабря — пишет Невский — Совет окончательно и решительно становится во главе движения и превращается в действительно революционный орган восставшего народа». С получением 7 декабря из Ростова телеграммы о начале всеобщей забастовки, Новороссийский Совет примкнул к всероссийскому движению. Забастовка проходила особенно дружно, захватив все предприятия, порт, почту и телеграф, служащих казенных и частных учреждений, учащихся гимназий и т. п.

---

*) Деп-т Полиции, дело 105, ч. 2, за 1905 год.

«8 декабря—говорится в постановлении судебного следователя—в городе Новороссийске началась всеобщая политическая забастовка. Бастовало все: пароходы, железная дорога, заводы, мастерские, извозчики, рабочие и магазины. Кто не подчинялся такому решению, того революционеры открыто принуждали силой. С этого момента Совет Рабочих Депутатов с выделенным им от себя Исполнительным Комитетом совершенно открыто захватывает в свою власть управление городом и округом и издает печатно свои предписания, распоряжения, об‘явления и воззвания, направленные против представителей законной власти и против самодержавия. Администрация с и. д. губернатора Березниковым во главе, имея в своем распоряжении свыше пятисот человек вооруженных солдат и казаков, устранила себя от управления, как бы предоставив город и округ в распоряжение Совета Рабочих Депутатов» *).

В действительности же «устранение от управления» губернатора Березникова вылилось в его бегство из Новороссийска и в городе установилась революционная власть. В выпущенном от Совета обращении к гражданам раз‘яснялись задачи нового правительства: «Рабочий класс г. Новороссийска выделил из своей среды Совет Рабочих Депутатов для руководства окончательной борьбой с самодержавием за полную народную свободу. В этих целях Совет Рабочих Депутатов ведет политическую забастовку и приступает к организации народного самоуправления, которое должно облегчить тягостное положение всего рабочего люда г. Новороссийска. Необходимо установить народный суд с выборными от всего города судьями. Необходима народная городская дума, избранная не одним богатым классом, а всем населением, чтобы удовлетворить нужды всего населения, а в особенности помочь массе рабочего люда, страдающего от общей безработицы и от политической забастовки, устройством обширных общественных работ. Необходимо немедленно начать сборы с имущей части населения для того, чтобы поддержать рабочих, выносящих на своих плечах всю тяжесть борьбы за общенародную свободу»... И

*) В. Невский. — «Новороссийская Республика». Пролет. Революция № 23.

действительно, в сравнительно небольшой срок господства Совета он неуклонно выполнял намеченную программу, напоминающую во многом деятельность Советов периода 1917 года.

11 декабря было приступлено к организации комиссии помощи безработным. Работавшая под руководством Совета Комиссия, получив от думы 3.000 рублей, кроме того приступила к изысканию средств путем обложения буржуазии. При взимании налога практиковался принцип прогрессивного обложения, и была установлена примерная сетка. Обложению подвергались лица, получавшие доход свыше 1000 рублей в год. С лиц, получавших от 1000—2000 рублей, взималось два с половиною процента, а с получавших свыше — 4%. Раскладка обложения под руководством членов Совета производилась приглашенными представителями от купцов и управляющим отделением Государственного банка. Взимание налога обыкновенно происходило по извещениям, посылаемым буржуазии. Благодаря популярности и силе Совета, буржуазии приходилось торопиться с взносами, и кроме того этой работе Советом уделялось большое внимание. Так, постановление Совета от 17 декабря предлагает «поручить члену Исполнительного Комитета С. Р. Д., входящему в состав Комиссии по сбору и распределению средств, настаивать на энергичном сборе прогрессивно-подоходного налога с имущих классов населения, согласно произведенной раскладке» («Известия», № 1). К сопротивлявшимся посылались дружинники.

Любопытно отношение Совета к судебным учреждениям. На том же заседании 17 декабря принимается постановление: «Ввиду потери населением всякого доверия к правительственным судебным учреждениям С. Р. Д. постановил поручить Исполнительному Комитету немедленно разработать основания для учреждения Народного Суда, представить проект Народного Суда на утверждение С. Р. Д.».

Когда в Новороссийск прибыла выездная сессия Екатеринодарского окружного суда, то ей было пред'явлено постановление Совета, запрещавшее вести судебное производство в дни забастовки, и царским юристам пришлось подчиниться. Совет не успел выработать положения о новом суде, но попытки коренной ломки судебных учреждений делались. В ноябре был организован народный суд над инженером Каштан-

ским. Однако чаще всего судебные разбирательства падали на Исполнительный Комитет, бывший в своем роде Революционным Трибуналом, разбиравшим гсевозможные дела, от просьбы получения заработной платы рабочим до семейных дел включительно. Любопытно, что в решении этих вопросов чувствуется определенный классовый интерес, зорко оберегавший и защищавший пролетарские массы.

Из других мероприятий Совета следует отметить защиту и обеспечение пролетариату свободы печати, собраний союзов. Советом издавались «Известия«, а кроме того он уделял огромное внимание печати социалистических организаций. Для печатания социалистических газет, воззваний, прокламацию из типографии Преображенской из'ята была и для этой цели даже бостонка. Уделяя огромнейшее вниманеи обеспечений пролетарской свободы печати, Совет в то же время зорко следил за изданиями черносотенной прессы. 18 декабря за черносотенное направление была закрыта газета «Черноморское побережье», а 21 декабря Исполнительным Комитетом было вынесено постановление для всех владельцев и управляющих типографий: «В виду настоящего революционного времени — говорится в нем — для предупреждения печатания провокационных об'явлений и черносотенных воззваний и статей, типографии обязуются печатать только заказы, разрешенные Исполнительным Комитетом С. Р. Д. Согласно постановления С. Р. Д. Исполнительный Комитет предлагает г.г. Управляющим доставлять на просмотр Исполнительного Комитета все поступившие в печать статьи, об'явления и воззвания».

Это постановление Исполнительного Комитета неуклонно проводилось в жизнь.

Постановления об обложении буржуазии, ликвидации суда, обеспечении свободы печати для пролетариата могли быть осуществлены и потому, что Совет ломал старый аппарат царской власти, всюду назначая своих представителей. Были смещены и заменены Советскими представителями Новороссийский губернатор, полицейместер, начальник гарнизона, начальник почты и телеграфа и т. п. Совет, таким образом, становился подлинным временным революционным правительством—полным хозяином «Новороссийской республики», зорко стоя на страже пролетарских интересов. Он пользовался небывалым авторитетом

власти в глазах населения. Конечно, главная причина лежала в его моральной силе, но Совет понимал, что для власти одной моральной силы недостаточно, и в своей деятельности он громадное внимание уделял и физической силе. Только благодаря физической силе, которой располагал Совет, и были возможны обыски и аресты черной сотни, наблюдение за осуществлением постановлений Совета, запрещавших вывоз продовольствия, концентрацию оружия, за осуществлением свободы пролетарской печати и т. п.

Достаточно просмотреть любое заседание Совета, его воззвания или постановления, чтобы увидеть, какое огромное внимание уделялось Советом вопросам организации боевых дружин и значению вооруженного восстания. В дни господства Совета Новороссийск имел вид революционного военного лагеря. «По улицам — замечает судебное постановление — ежедневно ходили дружинники и охранники с ружьями и револьверами и повсюду распоряжался Гречкин со своими помощниками». Всего дружинников было до 500 человек, и из них 300 были вооружены ружьями. При сравнительной незначительности войск это была внушительная цифра, заставившая губернатора Березникова бежать из города.

Уделяя огромное внимание необходимости вооруженной силы, Совет в то же время верно оценивал и роль армии. Понимая, с одной стороны, что «Новороссийская Республика» может быть раздавлена прибывшими воинскими частями, Совет сносится с Екатеринодаром и Ростовом о задержке посланных войск. Наряду с этим ведется усиленная успешная агитация среди местных воинских частей. «В период оживленной деятельности для устройства вооруженного восстания — признается судебное постановление — Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов города Новороссийска принял все меры к удалению из города Новороссийска находившихся там казаков, чтобы они не препятствовали ему в деле восстания».

Действительно, неуверенный в твердости с'агитированных казаков, Совет предпочел от них избавиться, предложив им поезд для отправки по домам. От'езд одной части урюпинцев имел огромное влияние и на отряды, охранявшие бежавшего Березникова, положение которого все ухудшалось. Наоборот, положение Совета укреплялось. Но вскоре «Новороссийской

Республике» был нанесен тяжелый удар. Удар произошел не из за ошибок Новороссийского Совета, даже, наоборот, деятельность Совета поражает верной пролетарской линией борьбы, удар наносился об'ективным ходом борьбы во Всероссийском масштабе.

25 декабря Новороссийская Республика ликвидировалась, и в город вступили царские войска. На поражение Новороссийского Совета оказала влияние неудача восстания в Москве, в Донецком бассейне, но окончательная ликвидация Новороссийской Республики произошла под непосредственным впечатлением декабрьских событий в Ростове. Как известно, Ростов благодаря своему стратегическому положению, имел колоссальное значение в развитии революционной борьбы на Северном Кавказе

Ростовский Совет. Подобно ряду других провинциальных Советов, Ростовский Совет неуклонно шел по пути подготовки вооруженного восстания, но события, однако, развивались значительно быстрее, чем Совет сумел провести подготовительные работы к решительной схватке с самодержавием. Уже к концу ноября депутаты сознавали приближение момента решительной схватки. Совет понимал, что реакция делает попытку разгрома революции, и вопрос, как должен ответить пролетариат на наступление реакции, был злободневным в первых числах декабря. «2 декабря — сообщал начальник Донского охранного отделения — вечером происходило заседание железнодорожных мастерских. В числе публики присутствовало несколько сот человек железнодорожных и городских рабочих. Главной программой дня явилась выработка мер для противодействия властям, в случае приступа их к арестам, вследствие будто бы данного приказа г. министра внутренних дел о немедленном задержании всех депутатов и руководителей рабочего и всего революционного движения» *).

Из того же подробного донесения мы узнаем, что «идет пропаганда необходимости поголовного вооружения, для чего призываются к содействию рабочие слесарных цехов, которым пред'явлено требование изготовлять металлические палки кистени». Попутно также Совет заботился, сообщается в том же донесении, чтобы пролетариат во время забастовки получал све-

*) Дело Деп-та Полиции, 4 делопр. 2207, за 1905 г.

жий хлеб и другие необходимые жизненные продукты, чего отнюдь не предоставлять буржуазному населению и администрации». Отмечалось также усиление широкой агитации среди казачьих и солдатских масс.

События, однако, развивались быстрее, чем предполагал Совет, и уже 5 декабря для выявления настроения Совет вынужден проводить повсеместные рабочие собрания по предприятиям и цехам. Повсеместно рабочие высказывались за необходимость отпора. Окончательно же вопрос был решен в связи с постановлением Московского Совета, к которому присоединился и Ростовский Совет, об'явив 7 декабря забастовку. Попытка администрации, по предписанию департамента полиции, в ночь с 9 на 10 декабря произвести аресты еще более обострила положение, и в ответ на правительственную наглость, Совет об'явил «мертвую забастовку». Предлагалось потушить свет, остановить всякое движение в городе, прекратить подачу воды и т. п. Арестованных членов Совета пришлось выпустить. «По телеграмме министра — сообщал жандармский ротмистр Заварзин — было задержано 10 человек и освобождены заместителем градоначальника, начальником порта под влиянием в дерзкой форме требований депутатов, угрожавших, в случае отказа, полным захватом власти. Освобождение угнетающе подействовало на массу, усилив планомерную работу революционеров. Бездействие терроризованной власти может вызвать открытое восстание» *). А в следующей телеграмме добавлялось, что в соединенном заседании (Комитета Р. С. Д. Р. П. и Совета П. Г.) разбирался вопрос об аресте следующих должностных лиц: градоначальника, полицеймейстера, ротмистра Карпова, начальника охранного отделения, командира казачьих сотен и начальника тюрьмы».

Как видим из донесений начальника Ростовского охранного отделения Заварзина, администрация чувствовала себя бессильной принять какие либо репрессивные меры к подавлению революции, была совершенно парализована, и ожидала своего собственного ареста.

Наступление решительного момента чувствовалось также многими дружинниками, требовавшими активного выступления.

*) Деп-т Полиции, 4 дел., № 4, ч. 5 за 1905 г.

Совет, однако, сигнала к решительному выступлению не дал, так как этот момент оттягивался Донским Комитетом Р. С. Д. Р. П. Такая нерешительность Совета отражалась и на настроение дружин. «Чтобы выйти из пассивного положения— вспоминает Крамаров — на одном из собраний десятников предлагалось выступить из Темерника в город, чтобы обезоружить и взять в плен Макеева, обезоружить казаков, настроение которых казалось подозрительным и вообще перейти от обороны к нападению. Это предложение, единственно разумное в то время, да и вообще всегда в глазах тех, кто рассчитывает на победу, имело очень много последователей в рядах дружинников тем более, что Ростов является важнейшим стратегическим пунктом для всего Кавказа... Это чувствовали дружинники и горели желанием вступить немедленно в бой, чтобы вырвать инициативу из рук врагов, но этому плану воспротивился Донской комитет Р. С. Д. Р. П., находившийся тогда в руках меньшевиков и предпочитавший держаться выжидательной тактики» *).

Но выжидательная тактика, как оказалось, была неуместна. Понимая, что с каждой минутой события могут принять грозный оборот, инициативу выступления взял на себя воинский начальник Макеев.

13 декабря, по его распоряжению, без всякого предупреждения, начался артиллерийский обстрел Темерника. Колебавшиеся казацкие части получили приказ к выступлению. В результате ожесточенной схватки и жестокого боя наступление на Темерник для реакции, однако, окончилось неудачей. Революция и реакция вступали в тяжелое единоборство, сопровождавшееся более недели орудийной пальбой. Ростов разбился на две части: в городе господствовала царская администрация, на Темернике дружинники. С каждым днем число дружинников увеличивалось, так как по призыву Совета стали прибывать на помощь боевые дружины с окрестных станций. «Дружинники — вспоминает Крамаров — как на подбор—рослые, крепкие парни в засаленных рабочих куртках явились на зов революции. Их было не очень много.

*) А. Крамаров. — Декабрьское восстание в Ростове на Дону.

Всего не более 150 человек (насколько помнится—25 человек из Кавказской, 96 из Тихорецкой и 10 из Таганрога), но ценность их увеличивалась тем обстоятельством, что почти все они прибыли с берданками, которые удалось достать, разбив один из вагонов с оружием».

Тем не менее с развитием боевых операций, положение Темерника, замыкавшегося в тесном кольце блокады, все более и более ухудшалось. Тесная блокада, с одной стороны, прекращала доступ подмоги, как вооруженной силы, так и военных припасов. Кроме того стали поступать тревожные вести—получились сведения о ликвидации восстания в Москве и других городах. Настроение восставших заметно падало и они начинали думать не о наступлении, а об обороне. Огромное внимание поэтому обращалось на организованное отступление. Несмотря на все трудности, этого удалось достигнуть. По решению Совета начальников десятков 20 декабря вечером начался организованный увод дружинников из Темерника в Нахичевань. 21 декабря восстание в Ростове было ликвидировано, и самодержавие приступило к кровавой мести.

Ликвидация Ростовского восстания, как известно, имела решающее влияние и на ликвидацию «Новороссийской Республики». Вскоре после ликвидации Ростовского восстания были посланы войска и на усмирение Новороссийска. План Новороссийского С. Р. Д. взрыва воинских эшелонов и вооруженного отпора осуществить не пришлось, т. к. войска обходным путем вступили в Новороссийск, и 25 декабря «Новороссийская Республика» покорялась генералом Пржевальским.

Почти одновременно с ликвидацией Ростовского восстания, царская артиллерия громила Пресню—очаг декабрьского вооруженного восстания.

Неудача всероссийского выступления и ликвидация Московского восстания.

Отсутствие организованной всероссийской поддержки было главной причиной, почему декабрьское выступление в Москве с каждым днем все более и более теряло свое значение. Это становилось еще более наглядным, когда выяснились неудачи выступления в Ленинграде, и самодержавие, воспользовавшись неудачей, сумело бросить в подмогу Дубасову гвардейские части, прибывшие в Москву 15 декабря; 16-го прибывали части из Варшавы.

Если создавшийся в Мытищах Совет Р. Д. сумел задерживать воинские подкрепления, направленные из Ярославля, то это не удалось революционным организациям Александровской и Николаевской дорог.

Под влиянием этих причин 15 декабря было созвано пленарное заседание Московского Совета, ставшее его последним заседанием. Собрание было не особенно многолюдно. Собралось неболее 80—85 человек, так как большинство не могло присутствовать из-за уличных боев. Обсуждалось предложение меньшевиков о ликвидации забастовки, выдвинутое ими еще 13 декабря. Любопытно, что определенно за прекращение забастовки из делегатов никто не выступал, а меньшевики молчали. Представители железнодорожников требовали продолжения забастовки, а выступавший представитель Московского Комитета Р.С.Д.Р.П. огласил резолюцию о продолжении забастовки и вооруженной борьбы. Под влиянием этих выступлений решено было забастовку продолжать. Исполнительный Комитет присоединился к решению партийного комитета.

Через некоторое время положение, однако, изменилось. Благодаря предложениям, полученным от ЦК Р.С.Д.Р.П., Московский Комитет Р.С.Д.Р.П., совместно с Исполнительным Комитетом, об'явил день ликвидации забастовки с 19 декабря. Исполнительным Комитетом уделялось огромное внимание организованной ликвидации восстания. И, действительно, следует отметить, что окончание забастовки и вооруженной борьбы, благодаря руководству И. К., в общем проходило довольно организованно. В районах сохранялись партийные организации, а боевые дружины в порядке отступали, сохраняя свои силы. Пьяные же гвардейские части приступали к жестокому «покорению» незащищенных мест. Если еще 11 декабря Дубасов телеграфно сообщал о переполнении московских тюрем, прося разрешения на перевозку арестованных в другие города, то теперь самодержавие дало полный простор белому террору.

Разгул белого террора.

Несмотря на тысячи невинных жертв, самодержавие мстило жестоко, упиваясь кровью, жаждая новых убийств. Что может быть циничней следующей телеграммы Медема министру внутренних дел Дурново. Указывая, что «мятеж кончается волею мятежников», он с огор-

чением скорбит, что «к истреблению последних упущен случай, благодаря нерешительным военным действиям последних трех дней. В моих руках затем останется один способ борьбы—аресты и высылки, что не предотвратит, конечно, повторения мятежа в ближайшем будущем» *).

Это отнюдь не случайные настроения. Массовый расстрел революционеров был официально признанной системой самодержавия, покровительствуемой Николаем кровавым и рьяно проводимой Дурново. Его практиковал Макеев в Ростове, генерал Скалон в Варшаве, Селиванов во Владивостоке, Меллер-Закомельский в Сибири. В умиление приходил Николай кровавый, собственноручно отметив следующее замечание Меллера-Закомельского, палача Сибири, признававшего, что «для пользы дела необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами в дипломатические переговоры. Разгром Читы послужил бы прекрасным уроком всем этим революционным обществам и на долго отнял бы у них охоту устраивать революции. Бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления» **). С этой же целью самодержавие собиралось совершенно уничтожить Прохоровскую Мануфактуру, но, как сознавался во всеподданнейших записках от 18 декабря заведующий полицией Рачковский, это не было проведено потому, что «усмирение мятежа в Москве идет вяло». Так жестоко, не зная пределов своей жестокости, расправлялось самодержавие с революцией...

Оценка декабрьского восстания и роли в них Советов Р. Д.

Несмотря на не удачу, декабрьское восстание имело огромнейшее значение в развитии русской революции и было отмечено т. Лениным, как «генеральная репетиция 1917 года».

Уже «Известия Московского Совета» в одном из своих номеров оценили восстание, писали, что «так вести себя может только передовой класс, борющийся за сознанные им нужды и интересы—класс, твердо верующий в успех своего дела». Если это выступление и было неудачным, то в значительной мере потому, что срок решительного боя был выбран

*) Дело Моск. Охр. Отд. № 870 за 1905 г.

**) Всепод. доклад Меллер-Закомельского. Д-т полиции 4 дел. 2555, т. 10 за 1906 г.

не пролетариатом, а самодержавием. Декабрьское выступление было вынуждено. Подобно тому, как в революции 1848 г. во Франции как уже указывалось Марксом, «буржуазия принудила парижский пролетариат к июньскому восстанию, и это уже было залогом его неудачи», точно так же и декабрьское восстание было вынужденным, спровоцированным, и в этом крылись причины его поражения. Достаточно посмотреть любую социал-демократическую газету конца ноября и начала декабря, чтобы увидеть, насколько это выступление явилось преждевременным. Даже в первых числах декабря в передовице московской социал-демократической газеты—«Борьбы»—неопределенно писалось, что решительный момент может наступить «через несколько месяцев, быть может, через несколько недель и даже, кто знает, может быть, и раньше». Вынужденность декабрьского выступления отмечалась и тов. Лениным, признававшим в полемике с Каутским, что «внешнее сходство декабрьского поражения рабочих в Москве с июньским (1848 г.) поражением рабочих в Париже несомненно. И там и здесь вооруженное восстание рабочих было «провоцировано» правительством в такой момент, когда рабочий класс был еще недостаточно организован. И там и здесь, несмотря на геройское сопротивление рабочих, реакция победила» *).

Эта преждевременность наступления отразилась, конечно, и на развитии Советов. Процессу неуклонного роста Советов, их повсеместного строительства и выкристаллизовывания, как организаций, готовящихся к вооруженному восстанию и борьбе за власть—декабрьским выступлением реакции наносился тяжелый удар. Хотя в декабре 1905 года Советы Р.Д. своих задач в целом и не выполнили, но, тем не менее, их значение в декабрьских боях было огромно, и заслуги их в революции были достаточно велики, чтобы сделать некоторые основные безошибочные выводы.

Прежде всего характерно, что, наряду с существовавшими другими революционными организациями, стачечными комитетами, профессиональными комитетами и т. п., Советы Р.Д. явля-

*) Ленин. Русская революция и задачи пролетариата. Март. 1906 г.

лись организациями, возникавшими на высшей ступени пролетарского движения, концентрируя вокруг себя широкие революционные массы не только пролетариата, но и других революционных слоев. Это давало им возможность неизменно превращаться в единственные руководящие революционные организации.

Далее, нетрудно подметить, что в декабре Советы Р.Д. являлись единственными революционными организациями, способными вступать в боевые схватки с самодержавием. Это прекрасно еще в декабре 1905 года учло самодержавие, предписывая местным жандармским и охранным отделениям беспощадно уничтожать Советы, устанавливая зоркий контроль над исполнением предписаний. Не случайны, конечно, характеристики Советов, данные самодержавием. Так, в приговоре военного суда в Новороссийске мы находим, что Совет—это общество, которое «поставило целью своей деятельности изменение в этой местности установленного основными законами образа правления и образование, путем вооруженного восстания войск и народа, демократической республики». Задачи Ленинградского Совета по обвинительному акту формулировались, как организации, конечная цель которой «насильственное посягательство на изменение установленного в России основными законами образа правления» и т. п.

Аналогичные характеристики были даны и другим Советам.

Действительно, участием в декабрьских боях Совет зарекомендовывал себя в глазах широких масс, как боевая организация для решительной борьбы с самодержавием и захвата власти. Насколько они были сильны, видно из признаний даже самой буржуазии, расценивающей их, как «второе правительство», «временное революционное правительство» и т. п.

Любопытно отметить роль меньшевиков в Советах в декабре. В тот момент, когда даже в глазах широких масс становилось неизбежным решительное столкновение, меньшевики, как это случилось в Баку или Одессе, саботировали восстание. В декабре меньшевизм показывал свое подлинное лицо, и достаточно посмотреть воспоминания участников декабрьских событий, рассказывающих, какое недовольство в рабочих массах вызывали меньшевистские поступки, чтобы оценить роль

меньшевиков. Это не было, конечно, их случайной ошибкой, а было логическим концом меньшевистского миросозерцания, признававшего неизбежным политическое господство буржуазии и, тем самым, становившегося левым крылом буржуазного либерализма. Успешный саботаж декабрьского выступления, в некоторых местах прошедший под руководством меньшевиков, однако не уронил заслуг Советов в декабрьском выступлении. Под влиянием большевистской части Советы верно шли по намеченному пути, внеся большой вклад не только в русскую, но и международную революцию.

Заключение.

Подводя итог деятельности Советов Р. Д. в 1905 году, несмотря на кратковременность их существования, тем не менее можно выделить некоторые основные моменты. Это возможно, конечно, потому, что Советы, питаясь соками революции, резко выделялись на общем фоне повседневной борьбы.

Первый основной вывод, невольно бросающийся в глаза,— это отличие Советов Р. Д. от предшествовавших форм рабочего движения и даже при беглом сравнении, нетрудно уловить отличие Советов Р. Д. от стачечных комитетов, касс взаимопомощи или профессиональных об'единений. Разница кроется в задачах, вставших перед Советами в процессе развития революции. Обострение гражданской войны в октябре—декабре 1905 года, в результате превращения пролетариата в руководящую революционную силу, с первых же дней поставило перед Советами задачи подготовки вооруженного восстания и завоевания власти.

Чем революционный напор становился сильнее, чем революционный размах становился шире—тем Советы, концентрируя в себе революционный напор, становились могущественнее и популярнее, превращаясь в подлинно-боевую организацию широких революционных масс. Их сила—сила революции; их слабость—ее слабость.

Уже в 1906 году т. Ленин жестоко критиковал меньшевиков, не понявших подлинной сути Советов Р. Д. Когда меньшевики, в качестве довода за необходимость активного участия в выборах в первую Государственную Думу, заявляли, что из выборщиков и уполномоченных можно будет создать нечто вроде Всероссийского Совета Р. Д., тов. Ленин разоблачал эти меньшевистские иллю-

зии, указывая, что такое предложение «бесполезно и даже вредно, ибо вызовет неправильное мечтательное настроение, будто падающие и разлагающиеся Советы можно оживить новыми выборами, а не новой подготовкой и расширением вооруженного восстания». *) «Если мы заменим эти Советы собраниями выборщиков или уполномоченных, это будет подставкой опоры словесной вместо опоры боевой, опоры квазипарламентской вместо опоры революционной. Это будет то же самое, как если бы мы заменили недостающую пушку нарисованной на картоне пушкой». **) А в 1915 году т. Ленин в письме к Шляпникову определенно писал, что «вне связи с восстанием сила Совета Рабочих Депутатов есть иллюзия».

Меньшевики проглядели подлинный смысл Советов Р. Д. Они совершенно не поняли что, нельзя в любое время создать Советы, появляющиеся только в результате активного выступления революции. Действительно, такой «нарисованной на картоне пушкой» оказывались Советы Р. Д., пытавшиеся возникнуть в 1906 году в Архангельске, Варшаве и других местах. Мы видели также, как изменялись функции Советов (Баку, Одесса) после декабрьского поражения пролетариата, когда лишенные опоры широких революционных масс и непосредственной подготовки вооруженной борьбы за ликвидацию самодержавия, они переставали быть Советами Р. Д., в подлинном смысле этого слова. Однако, меньшевики, как в 1905 году, так и позднее, не смогли уловить в Советах Р. Д. эти характерные для них черты и провести отличие между С. Р. Д. и другими организациями пролетариата. Помимо общего непонимания меньшевиками событий 1905 г., не позволявшего вскрыть подлинный смысл Советов, их роль в революции затушевывалась у меньшевиков еще и потому, что ими отдельные промахи Советов Р. Д., (вообще неизбежные в появлении новых организаций) не рассматривались на фоне общего развития Советов. На эту сторону дела т. Ленин обращал внимание и кадетов, писав в полемике с Бланком: «Вы ошибаетесь, ошибаетесь оттого, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая

*) Из ст. «Платформа большинства». Январь 1906 г.

**) Из ст. «Государственная Дума и с. д. тактика». Янв. 1906 г.

власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой и в борьбе против нее». Рассмотрение Советов Р. Д. в **их развитии** дало возможность тов. Ленину вскрыть подлинный смысл Советов Р. Д.

Не касаясь даже таких огромных факторов, как сплачивание вокруг Советов широких революционных масс и подготовка к вооруженному восстанию, т. Ленин находил в них и другие черты, выкристаллизовавшиеся постепенно в процессе борьбы. «Это были, наконец,—писал он—именно **органы власти** (курсив т. Ленина) несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, например, типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству... По своему социально-политическому характеру это была в зачатке диктатура революционных элементов народа» *).

Не нужно также забывать, что в своей оценке Советов Р. Д. т. Ленин преимущественно основывался на деятельности Ленинградского Совета Р. Д. Мы уже видели, что некоторые провинциальные Советы достигали высшей ступени развития и там, где революция вооруженной рукой сметала царскую администрацию (Новороссийске, Екатеринославе). Советы превращались в **единственные** органы революционной власти.

Опыт Советского строительства в 1905 году, понятно, не мог пройти мимо социал-демократии. Свою официальную оценку, как у большевиков, так и у меньшевиков, он нашел в резолюциях, предложенных IV Об'единительному С'езду РСДРП. Правда, резолюции эти С'ездом не были рассмотрены, но тем не менее они верно отражают настроение двух лагерей социал-демократии.

«Принимая во внимание—говорит резолюция, предложенная большевиками.

---

*) «Победа к. д. и задачи рабочей партии». Март 1906.

1) что Советы Рабочих Депутатов стихийно возникают на почве массовых политических стачек, как беспартийные организации широких народных масс;

2) что эти Советы неизбежно изменяются в ходе борьбы, как по своему составу, включая в себя наиболее революционные элементы мелкой буржуазии, так и по содержанию своей деятельности, превращаясь из чисто стачечных организаций в органы обще-революционной борьбы;

3) что поскольку эти Советы являются зачатками революционной власти, их сила и значение зависят всецело от силы и успеха восстания,

мы признаем и предлагаем С'езду признать:

1) что в беспартийных Советах Рабочих Депутатов Р.С.Д.Р.П. должна участвовать, образуя непременно более сильные группы членов партии внутри каждого Совета и направляя деятельность этих групп в строгой связи с общей деятельностью партии;

2) что создание таких организаций в целях расширения и углубления влияния социал-демократии на пролетариат и пролетариата на ход и исход демократической революции может быть, при известных условиях, задачей местных организаций нашей партии;

3) что к участию в беспартийных Советах Рабочих Депутатов должно привлекать возможно более широкие слои рабочих, а также представителей революционной демократии, особенно из крестьян, солдат и матросов;

4) что при расширении деятельности и сферы влияния Советов Рабочих Депутатов, необходимо указывать на то, что такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей (т.-е. не превращаясь во временное революционное правительство), неизбежно осуждены на падение: поэтому вооружение народа и укрепление военной организации пролетариата должно быть рассматриваемо, как одна из главных задач таких учреждений во всякий революционный момент».

А вот резолюция, предложенная меньшевиками: «Принимая во внимание,—пишут они,—что

1) пролетариат при всех своих революционных выступлениях нуждается в органах, которые, связывая воедино самые

широкие рабочие массы и опираясь на их доверие, руководили бы его действиями и в то же время давали возможность согласовать, в интересах революции, борьбу революционной и оппозиционной части народа;

2) руководя отдельными выступлениями широких пролетарских масс и содействуя росту их боевой готовности, тем расширяет основы для плодотворного воздействия на них социал-демократии и для дальнейшего успеха революции;

3) эти органы только тогда могут целесообразно выполнять свою задачу, когда они с самого начала об'единяют самые широкие пролетарские массы, сохраняют это единство во все продолжение своей деятельности, постоянно выдвигая на первый план общие цели борьбы, диктуемые всему пролетариату данным соотношением общественных сил и, наконец, принимают все меры к тому, чтобы не оставить пролетариат изолированным,

мы признаем и предлагаем С'езду признать, что социал-демократическая партия обязана не только поддерживать стихийно возникающие беспартийные пролетарские организации такого рода, как Советы Р. Д., но и содействовать созданию их в моменты революционного под'ема, помогая им в то же время в выполнении всех лежащих на таких организациях задач».

равнивая эти две резолюции *), не трудно уловить расхождения между ними, не лишенные принципиального характера. Как видим, большевики, оценивая огромную роль Советов, как организационную форму связи партии с революционным классом, без которой немыслима победа пролетарской революции, отмечали, что «вооружение народа и укрепление военной организации пролетариата должно быть рассматриваемо, как одна из главных задач таких учреждений во всякий революционный момент», потому что «такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей, (т.-е. не превращаясь во временное революционное правительство), неизбежно осуждены на падение».

Но в противовес ясной большевистской формулировке, рассматривающей Советы, как массовые революционные организации, ставящие своей задачей подготовку вооору-

*) Обе резолюции приведены полностью.

женного восстания, как зачатка революционной власти, меньшевики туманно выражают свои предложения, сознательно избегая ясной формулировки о подготовке вооруженного восстания, как основной задачи Советов.

Эти разногласия в оценке Советов между большевиками и меньшевиками, продолжавшиеся вплоть до 1917 года, были разрешены только Октябрьской революцией, доказавшей необходимость и роль массовых организаций. Но победа революции 1917 года во многом обязана урокам 1905 года, и большевики верно оценив Советы Р. Д., как новую форму революционного развития, тем самым подготовили успешное завершение пролетарской победы в Октябре 1917 г.

Вторым важным уроком революции 1905 года, подготовившим победу Октября Революции, безусловно следует считать установившиеся организационные взаимоотношения между социал-демократической партией и Советами ещев 1905 году.

Мы уже видели, что в той же резолюции, предложенной большевиками Об'единительному С'езду, подводился итог роли партии в Советах: «Мы признаем — пишут большевики—и предлагаем с'езду признать, что в беспартийных Советах Рабочих Депутатов РСДРП. должна участвовать, образуя непременно возможно более сильные группы в строгой связи с общей деятельностью партии». В противовес же большевикам, ясно поставившим задачу руководства и овладевания Советами Р. Д., меньшевистская резолюция говорит только о «поддержке» и «содействии» Советам. Эти две оценки роли партии в Советах также не носят случайного характера, явившись продуктом упорной борьбы между большевиками и меньшевиками за оформление политической физиономии Советов Р. Д. 1905 г.

Как уже известно, эта борьба носила особенно обостренный характер в Ленинградском Совете, угрожая одно время вылиться в тяжелый кризис. Большевики не могли равнодушно относиться к меньшевистским затеям—превратить Советы в органы «революционного самоуправления», «агитационные комитеты» или заменить партийные организации Советами. Даже в ноябре, когда события неуклонно развивались по пути вооруженной схватки с самодержавием, и перед Советами вставала актуальная задача вооружения широких про-

летарских масс, меньшевики предполагали ликвидировать социал-демократическую партию, заменив ее Советами Р. Д. Эта идея открыто проповедывалась на страницах меньшевистского органа «Начало». Ясно, что большевики, рассматривавшие Совет Р. Д., как форму организационной связи партии с классом, не могли допустить подобных меньшевистских экспериментов, и если меньшевистские измышления не получили реального осуществления, то исключительно благодаря отпору большевиков. Только под влиянием большевиков к концу ноября окончательно выявилась роль Советов, и устанавливалась верная организационная связь между Советами Р. Д. и партийной организацией.

Эта борьба между большевиками и меньшевиками, происходившая в Ленинградском Совете, имела всероссийское значение. Действительно, такой ожесточенной борьбы между большевиками и меньшевиками в провинциальных Советах мы не находим. Этому, правда, способствовали и об'ективные условия: во-первых, возникновение провинциальных Советов уже само собой выявляло потребность в такого рода организациях, и, во-вторых, обострение гражданской войны требовало от Советов максимального сплочения революционных сил. Борьба в провинциальных Советах преимущественно велась уже не в плоскости игнорирования Советов, их ликвидации или замены ими партийных организаций, а протекала в борьбе за Советы, как органы подготовки вооруженного восстания. Там, где большевистское влияние было господствующим, там Советы с первого же дня своего возникновения превращались в боевые революционные организации (Москва, Новороссийск, Тверь). Нередко в таких местах Советы Р. Д. не только находились под руководством партийной организации, но через свои руководящие органы—Исполнительные Комитеты и Исполнительные Комиссии—сливались с партией органически. Этот опыт взаимоотношений Советов и партии в 1905 году не прошел бесследно для революции 1917 года, подготовив ее победу.

Говоря о взаимоотношениях Советов Р. Д. и парторганизаций, попутно следует отметить, что возникновение Советов Р. Д. в 1905 году происходило исключительно под руководством и при активном участии социал-демократии.

Третьим основным моментом в деятельности Советов Р. Д. 1905 г. следует отметить, что в противовес предшествовавшим организациям пролетариата, распространявшим влияние, преимущественно, на своих членов, **Советы Р. Д.** свое влияние и руководство распространяли **и на другие общественные слои**. Этот момент в жизни Советов тем более требует быть выделенным, если мы примем во внимание их сравнительную малочисленность и кратковременность существования (как известно, провинциальные Советы быстро вырастают в крупных промышленных местах после ноябрьской забастовки в Ленинграде, получая массовое распространение в начале декабря, совершенно ликвидируются с наступлением реакции). Несмотря на непродолжительное своего существование Советы Р. Д. тем не менее становились **общереволюционными** организациями.

Мы уже видели, как постепенно к Ленинградскому Совету тянулись революционизирующиеся слои крестьянства, мелкой городской буржуазии, мелкого чиновничества. Аналогичная картина наблюдалась и в провинции. О росте влияния Советов Р. Д. и распространении форм пролетарской борьбы на другие революционизирующие слои говорит также совершенно не случайное возникновение Советов Матросских Депутатов в Севастополе, Советов Крестьянских Депутатов в Тверской губернии (не говоря уже о многочисленных Советах, появлявшихся вокруг таких южных революционных центров, как Ростов и Новороссийск), Советов Солдатских Депутатов в Москве и множества Советов Солдатских и Казачьих Депутатов в Восточной Сибири (Красноярск, Чита Иркутск) *).

Правда, в 1905 году руководство Советами всем революционным движением не было осуществлено, так как главная

*) К сожалению, из-за отсутствия достаточно подробного материала о революционных событиях в 1905 г. в Восточной Сибири, где брожение армии, преимущественно крестьянской, во многом напоминает 1917 г., мы вынуждены опустить эту интересную главу первой русской революции. Отметим только, что самодержавие было очень встревожено этим «солдатским мятежом» и послало целую карательную армию под начальством таких «усмирителей», как Меллер-Закомельский и Ренненкампф, с приказом подавить движение во что бы то ни стало.

причина, помимо отсутствия всеобщей организации пролетариата, крылась еще и в расхождении двух революционных струй—пролетарской и крестьянской, но тем не менее тенденция Советов Р. Д. к общереволюционному руководству в борьбе за осуществление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства выявляется довольно отчетливо. В этой борьбе Советы становились единственными, подлинно революционными организациями, способными довести революцию до конца, и недаром самодержавие давало Советам одновременно, но в разных местах (Москва, Ленинград, Новороссийск, Сибирь) одни и те же характеристики, что Советы—это «временные правительства» и т. п. Но превратиться Советам Р. Д. в 1905 году в единственное всероссийское революционное правительство не удалось.

Революции 1905 года в борьбе за осуществление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства пришлось занять более скромное место, как выражался т. Ленин,— быть генеральной репетицией. Однако, эта «генеральная репетиция», как известно, заняла видное место не только в русском революционном движении, но имела и международное значение, выявив новую форму организации революционного пролетариата—Советы Рабочих Депутатов. В этом смысле 1917 год явился завершением задач, поставленных перед пролетариатом еще в 1905 году, и только тяжелая полоса реакции задержала ее осуществление.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Прил. I к гл. «Ленинградский Совет в первые дни свобод».

Состав Ленинградского Совета Р. Д.

«Общее число депутатов Совета во второй половине ноября возросло до 562 чел.

В Совете было представлено 147 фабрик, 34 мастерских и 16 профессиональных союзов, (печатников, литографов, приказчиков, конторщиков, фармацевтов, мастеров и техников, часовщиков и ювелиров, портных-сапожников, рабочих по обработке дерева, рабочих осветительных предприятий, портовых рабочих, табачников, служащих экспедиц. газет, жел. дор. союза, почтово-телеграфного союза). Из общего числа депутатов на долю профсоюзов приходилось 549 депутатов, а на фабрики, заводы и мастерские—508 депутатов.

По полу: 6 женщин и 556 мужчин.

По участию в голосовании: 553 депутата с решающим и 9 совещ.

По производствам Совет распадался:

1. От рабочих, занятых обработкой металлов (в том числе в мелких)	351	чел.
2. От рабочих по обработке волокн. веществ	57	»
3. » » печати и бумажн. производства	32	»
4. » » дерева	23	»
5. » » резин. сапожн. кожевн.	15	»
6. » » табачн. производства	13	»
7. » » конфектн. фабрик	7	»
8. » » осветительн. предприятий	7	»
9. » » произв. по обраб. химич. прод.	9	»
10. » » произв. взрывч. веществ	11	»
11. » » стеклян. производства	8	»
12. » » изготовл. платья и белья	2	»
13. » » часового и ювелирн. произв.	2	»
14. » » служащ. и рабоч., обслуживающ. пути и средства сообщ.	11	»
15. От служащих в торговых заведениях (приказчики и эксплед. газет)	12	»
16. От конторщиков и аптек	7	»

(Хрусталев. «История Сов. Раб. Деп.» СПБ. стр. 147.)

Прил. 2 к гл. «Борьба за армию».

Прокламация Р. С. Д. Р. П. в Ноябрьскую стачку.

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

За дело, солдаты!

Солдаты! Рабочий люд Петербурга снова восстал как один человек на борьбу с неправдой, царящей на Руси! Помогите же рабочему люду, петербургские солдаты!

Товарищи-солдаты! Вы должны нам помочь, потому что ради вас поднялся петербургский рабочий! Он поднялся по призыву социал-демократической партии и Совета Депутатов от всех фабрик и заводов, чтобы спасти жизнь ваших товарищей, артиллеристов, пехотинцев и матросов гор. Кронштадта.

Царское правительство и господа командиры решили расстрелять несколько сот ваших кронштадтских братьев.

Расстрелом хотят они наказать славных кронштадтцев за их восстание.

А почему восстали кронштадтские матросы, почему они схватились за оружие и пошли против офицеров? Потому только, что командиры арестовали сорок самых честных солдат и матросов и повели их на казнь за правдивое слово о солдатских и матросских нуждах.

Собрание было у кронштадтского гарнизона. Порешили всем требовать от начальства: сократить срок службы, заставить командиров по человечески обращаться с нижними чинами, отменить отдачу чести начальникам, увеличить жалование солдатам, выдать им на руки харчевые деньги, позволить солдатам жить не в казармах, а дома.

Сверх того солдаты и матросы порешили требовать для всего русского народа: полной свободы собираться, составлять союзы и общества, говорить и печатать, что каждый думает, а также освобождения из тюрем, из каторги, из дисциплинарных батальонов и из Сибири всех, кто боролся за народные права.

Матросы и солдаты кронштадтские подняли свой голос за весь рабочий народ. И за это командиры арестовали сорок солдат и матросов и повели их к расстрелу. Когда же поднялся почти весь гарнизон и отбил своих товарищей, то против него выслали пулеметы и побили кронштадтцев, а затем, посадив их по тюрьмам, собралось царское правительство судить их, чтобы целыми сотнями приговорить к смертной казни.

И вот встали все петербургские рабочие и сказали: «не дадим убивать кронштадтцев — это наши братья».

Шестой день бастуют заводы и фабрики. На голод обрекли рабочие своих жен и детей, чтобы только добиться спасения жизни солдат и матросов. Долой смертную казнь! Отменить суд над кронштадтцами!. Освободить всех солдат и матросов, томящихся в тюрьмах за правое дело»!

Солдаты и матросы встали за народ, и народ встал за солдат и матросов.

У народа нет оружия, чтобы силой взять у правительства жизнь кронштадтских солдат и матросов. Поэтому народ решил своего добиться стачкой. Если хочет правительство, чтобы железные дороги работали, чтобы электричество светило, чтобы жизнь шла по обычному — пусть отдаст нам кронштадтских товарищей. Не то, говорят рабочие, будем голодать, пока сил хватит!

Вот как рабочий народ отстаивает своих братьев в мундирах!

Ну, а вы, товарищи-солдаты, какую помощь несете своим заключенным товарищам, которых собираются повести к расстрелу или сослать в сибирские рудники?

Не слыхать что-то, товарищи, о вашей помощи. Только железнодорожный батальон отказался заменить стачечников на чугунке, да матросы не стали работать на электрических станциях, а остальные петербургские войска не только не показали своего сочувствия рабочим, но еще по приказу тех же командиров и правительства стоят под ружьем у заводов и собираются стрелять в рабочих, когда прикажет пьяный офицер или какой-нибудь полицейский крючек.

Не захотели стать иудами-предателями петербургские рабочие и, презрев холод и голод, не боясь ни начальства, ни хозяев, ни ваших подневольных штыков и нагаек, пошли на выручку к вашим же братьям. Так неужто такими иудами окажетесь вы. товарищи-солдаты?

Не может, товарищи, этого быть! Если предадите кронштадтцев и здешних рабочих, то завтра сами же горько поплатитесь за это. Завтра же, разлакомившись солдатской кровью, станут царские палачи в каждом полку выбирать к расстрелу лучших солдат, тех, кто умеет стоять за общее дело.

Нельзя дать правительству бить солдат точно убойный скот! Нельзя и рабочих оставлять без поддержки, чтобы их холодом, голодом и насилием принудили отступиться от своего требования. Ведь требование это на вашу пользу, солдаты! Вы знаете это. Чего же вы молчите, товарищи-солдаты, когда решается участь ваших родных братьев?

Народ идет на помощь угнетенному солдату. Солдат! Спеши на помощь угнетенному народу. У рабочих нет оружия, и полицейское зверье может их задавить силой. И все-таки рабочие борются храбро, защищая жизнь солдат. У солдат же есть оружие и стыдно им молчать в своем собственном деле.

Кто хочет, чтобы его братьев расстреляли в Кронштадте, чтобы начальники по прежнему дробили солдатам зубы и отравляли их гнилой пищей, чтобы правительство держало в тюрьмах лучших людей—тот подчиняйся приказу командиров и мерзни под ружьем, словно убийца, подкарауливающий свою жертву—честного труженика, чтобы убить его, когда раздастся «пли»!. И того человека народ проклянет, как иуду.

Кто же хочет видеть свободными своих братьев и весь народ русский—не побоится ни командиров, ни правительства и смело выполнит свой долг, примкнет к рабочему народу.

Берите же, солдаты, сейчас-же оружие и прямо из казарм без офицеров, в полном порядке, идите к заводам и фабрикам, где собираются бастующие рабочие.

Идите к рабочим и, соединясь, обсудите, как выручить наших братьев и покончить с насилием и неправдой.

Спешите к рабочим, солдаты! Вас встретят товарищи, страдающие не из-за своей пользы, а из за вас. Спешите к рабочим и братски протяните им руки. Бегите сейчас-же к рабочим и смело поддержите их требования.

Долой смертную казнь и военное положение!

Освобождение всех заключенных солдат в Кронштадте, Севастополе и других городах!

Свобода всему русскому народу!

Немедленно прочесть во всех ротах, батальонах, батареях и экипажах!

Начальству не показывать!

Организационная Комиссия Р. С. Д. Р. П.

Типография СПБ. Группы. Ноябрь 1905».

(Из дела «Совет Р. Д.» Департ. Полиции, 7 делоп. 6409, 1905 г. Эта прокламация отобрана в числе 894 экз. у Никольской).

Прил. 3 к гл. «Борьба за армию».

Резолюция Московского Совета о волнениях в Севастополе и на Дальнем Востоке.

Обсудив движение в войсках, выразившееся в таких грозных формах, как Севастопольское и подобные ему восстания, а также волнение в Манчжурской армии, Московский Совет Р. Д. принял следующую резолюцию:

«Московский Совет Р. Д. шлет горячий привет всем братьям-воинам, поднявшим вместе с пролетариатом знамя борьбы за общую свободу. Кровь солдат смешалась с кровью рабочих и отныне неразрывно связывает их. Народ никогда не забудет дорогих имен славных Севастопольцев и других братьев-воинов, восставших против самодержавного гнета. Честь и слава живым героям, вечная память павшим! Уже недалек тот день, когда пролетариат, революционное крестьянство и лучшая часть армии соединенными силами опрокинут ненавистное царское правительство. Пытаясь отдалить этот неизбежный конец, правительство не брезгает никакими средствами. Оно морит голодом на Дальнем Востоке полумиллионную армию, боясь ее возвращения в Россию. Выражая свое презрение трусливому царскому правительству, М. С. Р. Д. обращает внимание всего народа и всей армии на это гнусное преступление наших палачей. Спасти наших несчастных детей и братьев, изнывающих в далекой Манчжурии, может лишь ускоренное падение царского правительства. Поэтому М. С. Р. Д. призывает московский пролетариат с удвоенной энергией организоваться и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооруженным восстанием и кончиться полным освобождением всего угнетенного народа».

(Газ. «Борьба» № 2 от 29/XI 1905 г.).

Прил. 4 к гл. «Советы и мелкобуржуазные слои».

Манифест Первого Всероссийского почтово-телеграфного с'езда.

«В настоящее время почтово-телеграфная забастовка охватила всю Россию. Совершенно излишне доказывать, сколь серьезными последствиями угрожает она государственной и общественной жизни страны. Перед лицом всего русского трудящегося народа Первый Всероссийский почтово-телеграфный с'езд заявляет, что всякую ответственность за все эти последствия он возлагает на русское правительство, в лице министра внутренних дел г. Дурново. Случилось и на этот раз то самое, что неизбежно должно было случиться при господстве современного самодержавного бюрократического режима, и что случалось неоднократно в других областях. Мы, работники почтово-телеграфного дела, бастуем не потому, что это нам приятно или выгодно, а потому, что не можем поступить иначе и не можем дальше выносить того, что выше наших сил. Мы доведены до крайних степеней изнурения нашей почти беспрерывной и напряженной работой. Мы принуждены продавать все свои силы за грошевое жалование, находясь весь наш век на положении безответственных рабов, которые обязаны беспрекословно исполнять всякое приказание всесильного и бесконтрольного начальства, вплоть до постыдного перехватывания чужих писем и других явных нарушений закона. Мы обязаны молча взирать на то, как главное управление почт и телеграфов всевластно и без нашего согласия распоряжается миллионами наших трудовых денег

(эмеритальная касса), мы уже много лет тщетно добиваемся возврата нам нескольких миллионов процентов, успевших вырасти до настоящего времени на эти наши деньги. Неся на себе тяжелую непосильную работу, часто связанную с опасностью для нашей жизни, мы принуждены со страхом ожидать наступления старости, которая почти для всех нас сопряжена с нищетой. Мы живем, не видя никаких просветов ни в настоящем, ни в будущем и постоянно встречая всякие препятствия со стороны начальства в наших стремлениях к улучшению не только нашего существования, но и самого дела.

Бывает же предел всякого терпения! Мы терпели, мы просили, мы ходатайствовали, мы доказывали, но все наши голоса глохли где-то в министерских канцеляриях; со своей стороны—наше начальство сделало все, чтобы наглядно доказать нам, что все избранные нами способы при ныне существующих политических условиях совершенно не могут привести к намеченной нами цели. Только тогда, после долгих размышлений и колебаний, мы, как и весь рабочий народ, вынуждены были прибегнуть к забастовке. Мы, как и другие, не могли не присоединиться к общенародным политическим требованиям, отчасти нашедшим свое отражение в манифесте 17 октября. Мы, как и другие, на своем собственном горьком опыте очень быстро убедились, что толкования манифеста находятся в руках того же министра внутренних дел, бывшего сотрудника Плеве, и что собственной властью и произволом этого министра манифест для нас вовсе отменен. Таким образом, мы, работники почтово-телеграфного дела, произволом министра лишены права быть русскими гражданами. Мы лишены теперь министром права соединяться в союз; заседания нашего с'езда ежедневно пытается разогнать полиция, а наших представителей увольняют без прошения по службе. Кто же истинный виновник почтово-телеграфной забастовки, от которой в настоящее время страдает вся страна! Неужели в ней виноваты те самые работники, которые всю ее тяжесть несут прежде всего на своих же плечах? Пусть нас обвиняет правительство, нас оправдает трудящийся народ! Мы смело выставляем на нашем знамени те самые экономические и политические требования, которые уже выставлены на его знаменах. И мы верим, что они будут выполнены, потому что эти требования не только наши, но всего трудящегося народа.

Организационное бюро Первого Всероссийского делегатского с'езда почтово-телеграфных работников».

(Газ. «Новая Жизнь» за 19/XI 1905 г.)

Прил. 5 к гл. «Возникновение провинциальных Советов».

«Проэкт устава Рабочих Депутатов г. Костромы».

«§ 1. Совет имеет целью организовать местный пролетариат для успешной борьбы за улучшение его экономического и правового положения.

§ 2. Совет Рабочих Депутатов состоит из выборных рабочих фабрик и заводов, мастерских, профессиональных союзов, по одному депутату и кандидату, приблизительно, от 50 человек.

Примечание 1. Фабрики, заводы, мастерские, имеющие от 50—100 выборщиков, получают право выбора двух депутатов.

Примечание 2. Право выбора в Совет имеют все рабочие без различия пола, возраста, религии и национальности.

§ 3. Собрания Советов Рабочих Депутатов бывают или общие или по отделам (секциям) фабричному и городскому, а также по отдельным фабрикам и заводам (подсекциям).

§ 4. Очередные собрания Совета Рабочих Депутатов назначаются или самим Советом или собираются Исполнительной Комиссией. Чрезвычайные собрания созываются или по инициативе Исполнительной Комиссии или по требованию не менее одной десятой членов Совета Рабочих Депутатов.

§ 5. Очередные собрания Совета Рабочих Депутатов происходят не реже одного раза в неделю.

§ 6. На собраниях Совета Рабочих Депутатов и его отделений все вопросы решаются простым большинством голосов.

§ 7. Кандидаты депутатов пользуются правом только совещательного голоса.

§ 8. Председатель и помощник Совета Рабочих Депутатов и его отделений избираются общим собранием из своей среды. Секретари могут быть избраны и не из состава Совета с правом совещательного голоса.

§ 9. Исполнительная Комиссия. Совет Рабочих Депутатов для исполнения своих решений избирает Исполнительную Комиссию из представителей и кандидатов по возможности крупнейших отдельных фабрик и городской секции. В Исполнительную Комиссию входят с решающим голосом два представителя от местного комитета Р. С. Д. Р. П.; они же входят в состав Совета Рабочих Депутатов, как полноправные члены.

§ 10. На обязанности Исполнительной Комиссии лежит и организация выборов как новых депутатов от рабочих, желающих присоединиться к Совету Рабочих Депутатов, так и по предположению Совета перeизбрание старых депутатов вместо выбывших или недобросовестно исполняющих свои обязанности.

Примечание. На обязанности Исполнительной Комиссии лежит издание и редакция «Известий Совета Рабочих Депутатов».

§ 11. Исполнительная Комиссия дает переодические отчеты в своей деятельности Совету Рабочих Депутатов.

§ 12. При фабричном отделе Совета Рабочих Депутатов учреждается особая Кассовая Комиссия и касса в целях поддержки рабочих во время стачек, а также для помощи пострадавшим в борьбе за рабочее дело.

Примечание. Порядок деятельности и организация Кассовой Комиссии определяется особым уставом.

§ 13. При Совете Рабочих Депутатов, для его нужд (Издание Известий С. Р. Д. и прочие организационные расходы) имеется его собственная касса, пополняемая из касс организаций, входящих в Совет Рабочих Депутатов и из других поступлений.

Примечание. Размер отчислений в собственную кассу Совета определяется собранием Совета Рабочих Депутатов».

(«Извстия Совеате Рабочих Депутатов гор. Костромы» № 4, 22-го ноября 1905 г.)

Прил. 6 к гл. «Два правительства».

«Финансовый манифест».

«Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученные и изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов

строило железные дороги, флот, крепости, запасалось оружием. Иссякли иностранные источники, — исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает беспрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за-границу. Уплывает в заграничные банки и капитал «чисто русский». Богачи продают свое имущество и спасаются за-границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Школ нет. Дороги запущены. Несмотря на это, не хватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране подымаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, массы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхитило сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и запросам торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, причем те и другие показывает меньше действительных, грабя по произволу, высчитывает избыток, вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение может только после свержения самодержавия Учредительное Собрание. Оно займется строгим расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представительству предстоит только задача по возможности скорей провести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются сотни тысяч граждан, и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один — свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но и в частности, для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказаться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья —

уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей – полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

Центральный Комитет и Организационная Комиссия Р.С.Д.Р.П.

Центральный Комитет Партии социалистов-революционеров.

Центральный Комитет Польской Социалистической Партии».

Прил. 7 к гл. «Два правительства».

Движение вкладов Государственной Сберегательной Кассы за декабрь 1902—1905 г. (в тыс. рубл.)

	В Ленинграде		В провинции		Итого	
	За декабрь 1902-4 гг.	За декабрь 1905 г.	За декабрь 1902-4 гг.	За декабрь 1905 г.	За декабрь 1902-4 гг.	За декабрь 1905 г.
Поступило	1.840	1.540	31.900	32.002	33.740	33.542
Выдано	1.539	5.605	27.986	117.031	29.525	122.636

Таблица может служить ярким доказательством настроений вкладчиков (т. е. преимущественно крупной и мелкой буржуазии) в декабре месяце 1905 года. Изданием «Финансового Манифеста» Совет углублял этот назревающий для самодержавия финансовый кризис. Нередко принято рассматривать вытребование вкладов, как результат «Фин. Манифеста», но подобная оценка основана на поверхностном взгляде. Ближайшее рассмотрение доказывает, что не менее успешно вытребовывались вклады и в провинции, где вкладчики подчас и не были знакомы с «Финансовым Манифестом», но в серьезности положения повседневно убеждались, наблюдая усиление активности, укрепление пролетариата и начало брожения армии и крестьянства.

Прил. 8 к гл. «Советы в восстании»

«Воззвание Московского Совета Р.Д. ко всем рабочим, солдатам и гражданам о начале декабрьской забастовки».

«Товарищи рабочие, солдаты и граждане! С 17 октября, когда рабочий класс силой вырвал у царского правительства обещание разных свобод и «действительной неприкосновенности личности», насилия со стороны правительства не только не прекращаются, но усиливаются, и попрежнему рекой льется человеческая кровь.

Свободные собрания, где можно слышать свободное слово, разгоняются оружием. Профессиональные и политические союзы жестоко преследуются. Свободные газеты закрываются уже сразу десятками. За стачки грозят тюрьмой.

А над «действительной неприкосновенностью личности» русского гражданина учиняют такие издевательства и насилия, от которых кровь стынет в жилах.

Снова тюрьмы наполняются борцами за свободу.

Об'являются на военном положении целые области и губернии.

Без пощады убиваются и расстреливаются голодные крестьяне.

Матросов и солдат, не желающих быть братоубийцами и примкнувших к народу, гноят в тюрьмах, топят и убивают.

Если-бы собрать всю кровь и слезы, пролитые по вине правительства лишь с октября, оно утонуло бы в них, товарищи!

Но с особой ненавистью царское правительство обрушивается на рабочий класс.

Заключив союз с капиталистами, оно выбрасывает на улицу сотни тысяч рабочих, обрекая их на нищету, болезни и голодную смерть.

Оно десятками и сотнями сажает в тюрьмы депутатов и вождей рабочих.

Оно грозит принять против представителей социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров какие-то, «совершенно исключительные», меры.

Оно снова организует свои черные сотни и грозит новыми массовыми убийствами и погромами.

Революционный пролетариат не может долее терпеть издевательств и преступлений царского правительства и об'являет ему решительную и беспощадную войну!

Товарищи—рабочие! Мы, избранные вами депутаты, Московский Комитет и группа Р.С.Д.Р.П. и комитет партии социалистов-революционеров об'являем всеобщую политическую забастовку и призываем вас в среду 7 декабря в 12 часов дня бросить и остановить на всех фабриках и заводах, во всех городских и правительственных предприятиях работу.

Да здравствует беспощадная борьба с преступным царским правительством.

Товарищи—солдаты! Вы наши кровные братья, дети единой нашей матери многострадальной России. Вы уже сознали и подтвердили это участием в общей борьбе. Ныне, когда пролетариат об'являет ненавистному царскому врагу, царскому правительству, решительную войну, действуйте и вы решительно и смело.

Отказывайтесь повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестуйте; выбирайте из своей среды надежных руководителей и с оружием в руках присоединяйтесь к восставшему народу! Вместе с рабочим классом добивайтесь распущения постоянной армии и всенародного вооружения, добивайтесь отмены военных судов и военного положения.

Да здравствует союз революционного пролетариата и революционной армии!

Да здравствует борьба за общую свободу!

И вы, все граждане, искренне желающие широкой свободы, помогайте восставшим рабочим и солдатам, чем только можете: и личным участием и своими средствами. Пролетариат и армия борются за свободу и счастье всей России, всего народа. На карту поставлено все будущее России: жизнь или смерть, свобода или рабство.

Соединенными силами мы свергнем, наконец, преступное царское правительство, созовем Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и утвердим Демократическую Республику, которая одна может обеспечить нам широкую свободу и действительную неприкосновенность личности.

Смело же в бой, товарищи—рабочие, солдаты и граждане!

Долой преступное царское правительство!

Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание!

Да здравствует всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует Демократическая Республика!

Московский Совет Рабочих Депутатов.

Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Московская Группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Московский Комитет Партии социалистов-революционеров.

Комитет Окружной Организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»!

«Известия Московского Совета Рабочих Депутатов № 1, от 7 декабря 1905 года».

Прил. 9 к гл. «Советы в восстании».

«Воззвание Исп. Комитета Ленинградскго Совета об об‘явлении декабрьской забастовки».

Ко всему народу. Граждане!

«Правительство снова обмануло народ. Оно обещало передать государственную власть в руки народного представительства. Но со времени 17 октября прошло более полутора месяца, а правительство продолжает по произволу и безотчетно командовать страной. С первых же дней прекращения октябрьской забастовки, побежденное, но все еще не сверженное самодержавие, собирает силы и ведет их открыто против народа. Оно организовало разбойничьи шайки и при помощи их устроило резню и грабеж мирных жителей. Правительство, об‘являя по произволу огромные области нашей страны на военном положении, одним росчерком пера уничтожает все гарантии политической свободы и ставит на их место пулеметы.

Заодно со всем народом также и армия, которая есть плоть и кровь от крови народной, выставила свои требования освобождения от правительственного гнета и хищничества и присоединилась к общим требованиям страны. В ответ на это правительство создало внутреннюю войну в армии и повело полки против полков.

Манифестом 17 октября было заявлено, что никакие новые законы не будут изданы без согласия народных представителей. Но под именем временных правил издаются новые законы старым самодержавным порядком.

Нет закона. Нет свободы. По прежнему страной правит царский произвол.

Именными царскими указами и административными распоряжениями правительство отменяет и урезывает завоеванные нами политические права. Правительство конфискует и закрывает газеты. Оно разгоняет собрания. Оно запрещает Союзы. Оно издало закон, который назначает наказания за стачки. Оно отнимает все права у служащих железных дорог, почт и телеграфов. Оно производит аресты политических деятелей по всей стране.

Правительство арестует представителей народа, которым народ поручил защиту своих интересов. Оно арестовало бюро крестьянского с'езда, арестовало бюро союза почтово-телеграфных служащих, захватило председателя С. Р. Д. Хрусталева и, наконец, арестовало 3 декабря все собрание Совета Депутатов петербургских рабочих — двести пятьдесят человек, выбранных более чем двумя стами тысяч рабочих. Братья рабочие, неужели не защитим мы выбранных нами людей. Они только исполняли наши поручения. За наше дело их взяли. Не на кого им надеяться, как только на нас. Неужели оставим мы их в когтях зверского правительства. Забранные товарищи сделали свое дело, исполнили свой долг. Теперь дело за нами. Неужели предадим мы их. Не бывать тому. Один за всех и все за одного! Будем бороться до последней капли крови и лучше ляжем все костьми, но не оставим в тюрьме ни одного из забранных товарищей! Граждане! Неужели вы подчинитесь произволу царского правительства. Никогда не будет конца подчинениям. Правительство наглеет все больше и больше, по мере того, как оно не находит сопротивления. Путь его ведет к восстановлению самодержавия.

Рабочие, Крестьяне, все, кому дорога свобода. Неужели вы допустите, чтобы отняли у вас ваши политические права. Надо защитить ваши основные политические права. Надо защитить завоеванную свободу. Надо наконец, добиться ее полного обеспечения, надо положить конец государственной анархии, создаваемой правительством. Совет Депутатов петербургских рабочих решил поэтому и об'являет по всему Петербургу и окрестностям всеобщую политическую забастовку.

В четверг 8 декабря в 12 часов дня, во всех заводах, фабриках, мастерских, во всех торговых предприятиях, конторах, банках, лавках, складах, по всем путям сообщения самого Петербурга и соединяющим Петербург с остальной Россией должна быть приостановлена работа.

Борьба начата, она будет стоить великих жертв, быть может, многих жизней, но что бы ни было, мы не сложим оружие, пока не будет обеспечено следующее:

Учредительное Собрание на основании всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права.

Уничтожение всех временных правил. Уничтожение военного и осадного положения, чрезвычайной и усиленной охраны. Уничтожение всех других чрезвычайных мер. Отмена военных судов и смертной казни. Полная гарантия неприкосновенности личности, свободы слова, печати, сходок, союзов, стачек и распространение этих прав также и на армию и флот, прекращение политических процессов, включая сюда также процессы по печати.

Немедленная отмена всех исключительных законов против отдельных наций и вероисповеданий.

Освобождение всех политических заключенных.

Выполнение особых требований, поставленных армией, флотом, железнодорожными служащими и служащими почт и телеграфов.

Переход земли к народу.

Признание восьми-часового рабочего дня основным политическим правом народа, наряду с свободой слова, совести и другими основными политическими правами.

Граждане, свобода или рабство. Россия, управляемая народом, или Россия, расхищаемая шайкой грабителей. Так стоит вопрос. Подымайтесь все—рабочие, крестьяне, интеллигенция, подымайтесь, борцы за народную свободу и народное счастье. Присоединяйтесь к нам—остановим производство, остановим торговую жизнь, остановим сообщение, по всей стране и соединенными усилиями уничтожим остатки самодержавия. Лучше умереть в борьбе, чем жить в рабстве.

Солдаты и матросы, вы—часть народа, но вас ведут против народа. Все ваши требования также и наши, но вас ведут против нас. И вы в крови народной утопите свою собственную свободу. Не слушайтесь команды, слушайтесь голоса народного. Присоединяйтесь к нам. Восстаньте заодно с нами. Нет силы, которая могла бы пойти против армии об'единившейся с народом.

Совет Депут. Петербургских Рабочих.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Партия Социалистов-Революционеров.

Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России. (Бунд)».

(«Известия С. Р. Д». № 9).

Прил. 10 к главе: «Советы в восстании».

«Воззвание Центр. Комитета и Организационной Комиссии Р. С. Д. Р. П. о поддержке Московского восстания».

Социал-демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Поддержите Московское восстание!

Товарищи! Пятый день происходит вооруженное восстание в Москве. Наши московские братья ответили на наш призыв к всеобщей забастовке и сейчас же от забастовки перешли к вооруженному восстанию. На первые натиски полиции и казаков подавить стачку грубой силой московские рабочие ответили постройкою баррикад, покрывших сетью весь город. Правительство не могло справиться с рабочими обычными средствами и пустило в ход артиллерию. Картечь и гранаты осыпали московские баррикады, разрушали здания города. Царское правительство разрушает свою собственную «первопрестольную» столицу, уничтожает второй город своей империи. Через все готово пройти царское правительство, чтобы уничтожить, раздавить народное движение.

Но революция непобедима. 5 дней артиллерийского огня не уничтожили баррикад, не обессилили московского пролетариата. На место разрушенных воздвигаются новые баррикады. На место павших в бою встают тысячи новых борцов. Московский пролетариат сделал то, чего еще не удалось сделать народу ни в одном конце России. В прямом бою с правительственными войсками он проявил такое упорство, какое царские войска не могли проявить в борьбе с японцами. Борьба продолжается в Москве, она разгорается все более ярким пламенем. Войска колеблются, часть пехоты начальство должно было запереть в казармах, чтобы она не перешла к народу. Еще несколько дней защиты, и в Москве народ будет победителем.

Но что бы это было достигнуто, Москве нужна общая поддержка всей России. И прежде всего нужно, чтобы из Петербурга правительство могло двинуть в Москву новые войска. Нельзя допустить, чтобы правительство почувствовало себя победителем в Петербурге. Еслиб рабочий класс допустил это, он принес бы громадный вред всему народному делу, он бы предал Москву, московский пролетариат. Но петербургский пролетариат не может пойти на такое предательство Он должен продолжать борьбу до конца. Он должен сделать все возможное, чтобы сделать петербургскую забастовку всеобщей. Петербургский пролетариат должен снять конку, прекратить торговлю в магазинах и аптеках, приостановить почту и железнодорожное сообщение.

Чтобы это сделать, надо выйти на улицы. Довольно сидеть по домам, улица должна принадлежать рабочим.

Идите все на улицы—останавливать конки, закрывать магазины. Не бойтесь полицейских башибузуков, давайте им вооруженный отпор.

Товарищи! Все силы свои приложите, чтобы не давать правительству справиться с Московским восстанием. Не изменяйте своим братьям.

В единении сила!

Организационная Комиссия.
Центральный Комитет.

(Д-т полиции 4 дел. № 9, ч. I за 1906 г.)

Прил. 11 к главе «Советы в восстании».

«Советы восставшим рабочим.

Товарищи! Началась уличная борьба восставших рабочих с войсками и полицией. В этой борьбе может много погибнуть ваших братьев, борцов за свободу, если вы не будете держаться некоторых правил. Боевая организация при Московском Комитете Российской Социал-Дем. Рабочей Партии спешит указать вам эти правила и просит вас строго следовать им:

1. Главное правило—не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами, человека в три-четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается одной сотней расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется этими маленькими, неуловимыми отрядами.

2. Кроме того, товарищи, не занимайте укрепленных мест Войско их всегда сумеет взять или просто разрушить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти. Если такое место и возьмут, то никого там не найдут, а потеряют много. Всех же их взять нельзя, потому что для этого каждый дом нужно заселить казаками.

3. Поэтому, товарищи, если вас кто будет звать итти куда большой толпой и занять укрепленное место, считайте того глупцом или провокатором. Если это глупец—не слушайте, если провокатор—убивайте. Всегда и всем говорите, что нам выгоднее действовать одиночками, двойками, тройками, что полиции выгодно расстреливать нас оптом, тысячами.

4. Избегайте также ходить теперь на большие митинги. Мы увидим их скоро в свободном государстве, а сейчас нужно воевать и только воевать. Правительство это прекрасно понимает и нашими митингами пользуется для того, чтобы избегать и обезоруживать нас.

5. Собирайтесь лучше небольшими кучками для боевых совещаний, каждый в своем участке, и при первом появлении войск рассыпайтесь по дворам. Из дворов стреляйте, бросайте камнями в казаков, потом перелезайте на соседний двор и уходите.

6. Строго отличайте ваших сознательных врагов от врагов бессознательных, случайных. Первых уничтожайте, вторых щадите. Пехоты по возможности не трогайте. Солдаты — дети народа и по своей воле против народа не пойдут. Их натравливают офицеры и высшее начальство. Против этих офицеров и начальства вы и направьте свои силы. Каждый офицер, ведущий солдат на избиение рабочих, об'является врагом народа и ставится вне закона. Его безусловно убивайте.

7. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли или семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах. Там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу—конные или пешие, вооруженные или безоружные — смотрите на них, как на злейших врагов, и уничтожайте без пощады.

8. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте.

9. В борьбе с полицией поступайте так: всех высших чинов, до пристава включительно, при всяком удобном случае убивайте. Околодочных обезоруживайте и арестовывайте; тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городовых только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а вам.

10. Дворникам запрещайте запирать ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а второй—убейте. Заставляйте дворников служить опять таки нам, а не полиции. Тогда каждый двор будет нашим убежищем и засадой.

Вот главные правила, товарищи. В следующих листках боевая организация дает вам еще несколько советов о том, как защищаться, как нападать, как строить баррикады. Теперь же скажем несколько слов совсем о другом.

Помните, товарищи, что мы хотим не только разрушить старый строй, но и создать новый, в котором каждый гражданин будет свободен от всяческих насилий. Поэтому сейчас-же берите на себя защиту всех граждан, охраняйте их, делайте ненужной ту полицию, которая под видом охранительницы общественной тишины и спокойствия насильничает над беднотой, сажает нас в тюрьмы, устраивает черносотенные погромы.

Наша ближайшая задача передать город в руки народа. Мы начнем с окраин, будем захватывать одну часть за другой. В захваченной части мы сейчас же установим свое выборное управление, введем свои порядки, восьмичасовой рабочий день, подоходный налог и т. д. Мы докажем, что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильней, жизнь, свобода, права каждого будут ограждены более, чем теперь.

Поэтому, воюя и разрушая, вы помните о своей будущей роли и учитесь быть управителями.

Боевая организация при Моск. Ком. Р. С. Д. Р. П.

Распространяйте этот листок всюду, расклеивайте на улицах, раздавайте прохожим».

(«Известия Моск. Сов. Раб. Деп.» № 5 от 12 декабря 1905 г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Ленинградский гублит № 4914. Тираж 10.000.—20 л.

2-я тип. 1-й Артшколы, им. „Красного Октября" пр. Майорова, 53.

